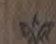

М. С. КОГАН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ШАХМАТ В СССР

·ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ·

М. С. КОГАН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ШАХМАТ В СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“
Москва 1938 Ленинград

ОТ АВТОРА

Книга предназначается для советского шахматиста, выросшего в условиях небывалого расцвета шахматного искусства в СССР.

К XX годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции Советская страна пришла с огромными достижениями на всех фронтах социалистического строительства.

Наша родина стала классической страной шахмат: миллионы шахматистов, многочисленные турниры, мощные шахматные организации. Нет ни одного уголка в многонациональном Советском Союзе, где бы не имелись шахматные кружки и квалифицированные шахматисты.

Когда читаешь о прошлом русских шахмат, то еще реальнее начинаешь ощущать гордость за нашу советскую шахматную действительность. Знать историю шахмат в нашей стране — это значит понять и оценить размах и организованность советского шахматного движения.

★

По первоначальному замыслу эта книга должна была бы явиться результатом переработки и дополнения моей старой работы „История шахматной игры в России“ (Л. 1927). Однако, по существу „Очерки по истории шахмат в СССР“ написаны заново. Мною не только использованы новые фактические материалы, но изменена и структура книги.

Для этой работы мною были обследованы также архивные источники, однако мне не удалось полностью использовать весь собранный фактический материал — книга и так разрослась. По этой причине в „Очерки“ не включены „Шахматы и печать“ (только вскользь упоминается о развитии шахматной печати) и „Развитие задачной и этюдной композиции“, Не касался я также вопроса шахмат в жизни ученых в виду скудости материала (только гениальный химик Менделеев мог бы быть представлен с достаточной полнотой).

Необходимо отметить, что мне не удалось собрать достаточного количества материала по истории шахмат в союзных республиках, хотя мною были использованы все доступные мне русские и иностранные источники.

Я далек от мысли считать настоящую работу свободной от ошибок и неточностей. Указания даже на самые мелкие дефекты будут приняты с большой признательностью. *

Пользуюсь случаем поблагодарить товарищей, оказавших мне помощь своими советами и указаниями.

Декабрь 1937 г.

М. С. Коган

---

* Все замечания автор просит присылать по адресу: Ленинград, Пр. 25 Октября 28. Издательство „Физкультура и Спорт“.

Часть первая

Глава первая

ПРОНИКНОВЕНИЕ ШАХМАТ В ДРЕВНЮЮ РУСЬ

Вопрос о путях проникновения в древнюю Русь шахматной игры уже давно привлекал внимание исследователей, однако в полном своем объеме он остается неразрешенным и до настоящего времени.

Несмотря на противоречивость суждений, большинство историков склоняется все же к единодушному решению, что в древнюю Русь шахматы попали с Востока. Идущая в разрез с этим общепринятым взглядом гипотеза И. Чарина[1], предполагающая проникновение шахмат через посредство тевтонских рыцарей, является бездоказательной и не подкреплена никакими историческими источниками. Уже Д. И. Саргин отметил, что в этой гипотезе „излагаются совершенно невероятные предположения“[2]. В равной мере не заслуживает внимания голословное утверждение некоего корреспондента английского журнала „British Chess Magazine“, якобы русских познакомили с шахматами иезуиты (подписана эта подозрительная заметка псевдонимом Ursus major)[3].

Источники, на которые приходится опираться в разбираемом нами вопросе, слишком отрывочны и туманны, чтобы на основании их можно было с достаточной достоверностью установить исходный момент в истории русского шахматного искусства. Все же, однако, можно установить с достаточной достоверностью некоторые основные вехи истории шахмат в древней Руси, если рассматривать интересующий нас вопрос в связи с историей культурных и торговых сношений русских с соседними народами, а также в свете лингвистических данных.

Русская шахматная терминология ясно указывает на проникновение к нам шахмат с Востока. Напомним, что шахматы, занесенные арабами в Европу, подверглись постепенно существенным изменениям. Эти изменения коснулись не только правил игры, но и названий фигур. И только у нас почти все фигуры сохранили восточные наименования.

Само название игры—*шахматы*—представляет собою иранское или ирано-арабское словосочетание; аналогичного термина мы не встречаем ни в одном другом европейском языке, кроме русского. Слово „*шах*“— иранского происхождения. Уже в древней русской письменности встречается указание на „шаховую землю“ (т. е. иранское государство). Предостерегающий возглас „шах“ следует рассматривать как первоначальное название главнейшей фигуры. Слово „мат“ происходит от иранского прилагательного mat, обозначающего „беспомощный“, „безнадежный“, „пораженный“,—производное от прилагательного mand, manad, manid[4]. Однако некоторые историки производят „мат“ от арабского mat—„он умер“. Таким образом иранский и арабский термины совпали здесь по значению. В древне-русской письменности, как мы ниже увидим, слово „шахматы“ появляется уже в одной рукописи XIII века. В XIV веке иногда встречается также слово „шахи“, повидимому малоупотребительное. Весьма ценно относящееся к концу XVII века свидетельство Томаса Гайда, профессора-ориенталиста Оксфордского университета: „Русские, или московиты, когда называют эту игру, ставят на конце слова мат (matti), так что вся игра зовется шахматы (shachmatti). Это наименование заимствовано от того выражения, каким обычно заканчивается эта игра“[5]. Еще до Гайда слово shachmatti мы встречаем у другого иностранца—Я. Рейтенфельса (1680 г.)[6]. Таким образом совершенно очевидно, что русские шахматы,—в отличие от английских chess, французских échecs, немецких Schachzabel (Верхняя Германия) или Schaakspiel (Нижняя Германия), итальянских scacchi, испанских ajedrez,—в своем названии яснее всего сохранили указание на проникновение шахмат к нашим предкам с Востока[7].

Наименования фигур еще более укрепляют нас в правильности этого предположения. Нынешнее название важнейшей фигуры *король*—позднейшего происхождения. Впервые это наименование ввел в свой учеб-

ник (1824 г.) известный русский шахматист А. Д. Петров. Возможно, что первоначально эта фигура, как и в Иране, называлась на Руси „шах“. Наименование „царь“, существовавшее до „короля“, зафиксировано цитированным выше Гайдом (наряду с „королем“ и „императором“), а также официальным русским письменным памятником XVII века. (В 70-х годах прошлого столетия русским шахматистом И. С. Шумовым была сделана неудачная попытка вернуть этой фигуре название „царь“.) И. Т. Савенков высказывает предположение, — впрочем, решительно отвергаемое Саргиным, — что в феодальный период, очевидно, существовало название „князь“, которое уже впоследствии было заменено „царем“.

Ферзь — по-ирански farzin — слово производное от прилагательного farzana („ученый“, „мудрый“). На арабской почве это слово изменено в firzan, firz. Некоторыми историками без достаточного обоснования предполагалось, что ферзь — производное от иранского ferzän (главнокомандующий). По всей вероятности, это слово сохранилось по созвучию с древне-русским названием одежды — ферязь [8]. В письменных памятниках термин „ферзь“ мы встречаем в XVII веке. В „Описании китайской шахматной игры“ А. К. Леонтьева (1775 г.) также упоминается „ферсь“.

Наименование *ладья* представляет целиком самобытную принадлежность русской шахматной терминологии. Ладья — типично древне-русское слово. Можно было бы ожидать, что, на ряду с другими восточными названиями фигур, русские унаследуют и восточную колесницу. Однако, замена боевой колесницы ладьей вполне естественна, так как древняя Русь не знала колесницы, а ладья являлась преимущественным способом передвижения славянских дружин во время походов. Ладья как боевая единица соответствовала, таким образом, колеснице восточных народов. Сохранившиеся до наших дней древнейшие изображения фигур, относящиеся к XVII и XVIII вв., свидетельствуют о том, что шахматной ладье действительно придавалась форма лодки. Гайд в своей работе также указывает на термин lodya. Леонтьев пишет даже прямо — лодка [9].

Слон — происходит от арабского названия al fil, утратившего свое первоначальное значение в западно-европейских шахматах. Эта фигура сохранила свое наимено-

вание только у нас. В наборах шахматных фигур XVII в. воспроизводится слон, иногда с проводником.

Конь, как и *пешка*, — также древне-русские наименования. По Далю, пешка происходит от глагола пихать.

Подытоживая, мы не можем не согласиться с тем, что русская шахматная терминология действительно с полной определенностью указывает на заимствование русскими шахматной игры с Востока.

Попытаемся теперь установить тот путь, по которому шахматы могли проникнуть к русским славянам, а также выяснить приблизительную дату этого заимствования.

О времени и конкретных путях заимствования нами шахмат с Востока высказываются различные предположения, в основном сводящиеся к двум гипотезам: гипотеза о непосредственном заимствовании шахмат под влиянием ирано-арабской культуры и гипотеза о проникновении шахмат через монголов. Мы рассмотрим также и вероятность византийского (греческого) влияния, как одного из возможных источников ознакомления русских славян с шахматной игрой.

Наиболее раннюю дату (V—VI вв.) выдвинул Д. И. Саргин [10], настаивавший *на появлении в Руси шахмат еще до завоевания Ирана арабами*. Однако, эту гипотезу трудно обосновать с достаточной аргументацией. Саргин стремится во что бы то ни стало доказать, что культура русских славян стояла не ниже, а даже выше культуры соседних народов, причем исходит из ошибочного утверждения, якобы распространенность шахмат является сама по себе свидетельством достаточно высокого уровня культуры данного народа [11]. Главнейшими аргументами его теории являются иранская шахматная терминология и утверждение о влиянии иранской культуры на культуру восточных славян [12]. Это влияние свидетельствуется многими предметами, найденными в южно-русских курганах. Наиболее оживленные связи славян с Востоком совпадают по времени с эпохой перехода шахмат из Индии в Иран и с распространением шахматной игры между арабами. „Вот путь, — говорит Саргин, — которым могли проникнуть к нам шахматы". Однако, впоследствии постепенно стало заметно арабское влияние. Существование игры стало также поддерживаться торговыми сношениями с Византией, где шахматы были, по мнению Саргина, известны тоже до арабского завоевания [13].

По его мнению, русское слово „шеренга“ есть видоизменение санскритской чатуранги, что также указывает на проникновение к нам шахмат от иранцев. Саргин предполагает, что древнейший славянский перевод шахмат — „шегами“ — есть ошибка переписчика и что в первоначальном тексте стояло „шеренгами“. Однако, арабское влияние не прошло бесследно, и термин „шеренга“ был заменен словом „шахматы“. Наименование „шеренга“, по мнению Саргина, не удержалось вследствие эволюции игры. Когда ферзь сделался дальнобойным и тем самым облегчилась возможность доводить партию до мата, могло создаться слово „шахматы“. Другая причина, указывает Саргин, заключалась в оживленных сношениях с Византией: встречая и практикуя игру на юге, приходилось создавать понятный и знакомый всем термин.

Скупость известий о взаимоотношениях иранцев и славян заставляет нас с большой осторожностью отнестись к гипотезе Саргина. Морфология слова „шеренга“ также требует дополнительных филологических изысканий. По крайней мере, лингвисты, к которым обращался Саргин, не дали ему положительного ответа.

Впоследствии Саргин уже не настаивал на том, что „шега“ есть искаженное „шеренга“. Зато он указал на встречающийся в „Слове о полку Игореве“ термин „шереширы“, который обычно переводят „самострелы“, опять-таки выдвинув версию, что здесь мы имеем дело с искажением переписчиком слова „шеренга“[14]. Нам кажется, однако, что и это предположение Саргина мало обосновано.

Очень близко к гипотезе Саргина примыкает теория И. Т. Савенкова[15]. По его мнению, шахматная игра могла начать продвижение из Ирана на север в V — VI вв. каспийско-волжским торговым путем и *в VIII — IX вв. могла проникнуть к русским славянам*. Действительно, нахождение арабских монет VIII — XI вв. при раскопках служит неопровержимым доказательством торговых сношений русских славян и арабов[16]. Доказательством этих сношений служат также известия арабских географов X века (Ибн-Фодлан, Масуди и др.), которые много странствовали в нынешней юго-восточной части СССР. Они оставили нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей. Однако, ни в одном из опубликованных описаний арабских географов мы не встретили известия о шахматной игре у русских славян. Нам

кажется, что арабы, при их любви к шахматам, отметили бы, на ряду с нравами и обычаями славян, также умение играть в шахматы. Вполне вероятно предположить, что русские славяне имели возможность познакомиться с шахматами либо в хозарской столице на Волге — Итиль, где русские купцы имели свои жилища и вступали в непосредственные сношения с арабами, либо в Багдаде, куда нередко доходили караваны руссов[17]. Однако, уже в 944—5 г. руссами были разграблены каспийские города, а в 960 г. Святослав разрушил города Итиль и Буртас и нанес решительный удар восточной торговле.

Свои догадки Савенков подкрепляет весьма образной зарисовкой предполагаемой им картины заимствования руссами шахматной игры от арабов. „Любознательный купец, — пишет он, — присматриваясь ко всем товарам и разыскивая товары „на свою землю", не мог не заметить шахмат, разнообразной формы, от звериного индийского стиля до простых символических фигур, не противоречивших религиозным воззрениям арабов. На улицах и около лавок он не мог не заметить и игроков в шахматы. Пред расчерченными на клетки платками, с расставленными на них звериными и человеческими фигурами, в глубоком размышлении, сидели типично восточные люди, „игры дивя творя". Не без суеверных помыслов прислушивался русский купец к возгласу, часто повторявшемуся, „шах" и к возгласу, который раздавался единажды, в каждой партии, — только в конце, — „шах-мат", и запечатлел в названии игры свое непосредственное восприятие. Заинтересовавшемуся игрою сметливому купцу нетрудно было усвоить ее правила и перенести ее на свою далекую родину"[18]. Однако, эта публицистическая выразительность изложения отнюдь не является сама по себе доказательством правильности излагаемой гипотезы.

Если даже принять с известными оговорками изложенные теории об ирано-арабском источнике заимствования, то в этом случае пришлось бы констатировать чисто случайный характер проникновения шахмат к нашим предкам от иранцев или арабов, так как культурные и торговые связи последних с русскими носили кратковременный характер.

Уже в 1842 г. русский шахматист и теоретик К. А. Яниш высказал предположение, что *русские заимствовали*

шахматы от татар, которые сами научились от иранцев[19]. Автор этих строк в своих прежних работах[20] также считал возможным присоединиться к этой гипотезе, в пользу которой говорит ряд существенных соображений. Татары первоначально были единственным народом, с которым русские на протяжении сотен лет находились в непосредственном соприкосновении. После нашествия Батыя установилось на долгое время хотя и подневольное, но довольно тесное общение русских князей с Золотой Ордой. Именно здесь русские могли познакомиться с шахматной игрой. Нельзя игнорировать тот факт, что, несмотря на ненавистный характер монголо-татарского ига, татарская культура в целом оказывала влияние на быт и нравы русских.

Правда, русская шахматная терминология в основном сохранила следы ирано-арабского происхождения, и ни одна из фигур не имеет монгольского наименования. На наш взгляд, однако, это нисколько не противоречит гипотезе о том, что шахматная игра могла перейти к русским славянам через татар. Дело в том, что монгольская терминология XIII века нам неизвестна, и мы сильно сомневаемся, чтобы шахматные фигуры носили в то время у татар самобытные монгольские названия. Ведь даже в Западной Европе арабские названия сохранялись в течение весьма долгого времени, прежде чем были вытеснены современными национальными. Равным образом и татары свободно могли передать русским ирано-арабскую терминологию, т. е. ту, которую они первоначально сами заимствовали.

Более того, можно почти с уверенностью сказать, что по крайней мере до XV века монголы сохраняли ирано-арабскую терминологию. Это утверждение основывается на тех шахматных сведениях, которые мы черпаем из биографии монгольского хана Тимура (1336—1405). Его биограф Арабшах рассказывает, что Тимур — большой любитель шахмат — в память одержанной победы дал своему сыну имя Шахрух, а вновь построенный город назвал Шахрухия. Точно также шахматные фигуры у монголов во времена Тимура носили еще ирано-арабские наименования[21].

Не лишено значения и следующее свидетельство писателя 40-х годов Терещенко: „Эта игра известна с самых древних времен, и должно думать, что она перешла к нам от татар, кои без сомнения переняли ее от

восточных жителей, ибо она есть собственно восточная игра. При исследовании мною Сарая, я находил шахматные шашки из пальмового дерева"[22].

„Татарская" теория встречала возражения среди шахматных историков главным образом в силу того довода, что между завоевателями—татарами и покоренными—русскими установились чисто официальные отношения. Однако, официальные и даже враждебные взаимоотношения отнюдь не исключают возможности заимствования. Весьма показателен в этом отношении факт проникновения шахмат в Западную Европу через арабов, хотя известно, что арабы, завоевавшие Пиренейский полуостров, находились во враждебных отношениях с местным населением. Это не помешало, однако, распространению арабской культуры, а вместе с тем и шахмат, по всему полуострову.

Одним из главных противников „татарской" теории выступил С. А. Сорокин[23]. Со своей стороны он выдвинул предположение о заимствовании шахмат из Византии через посредство болгар и сербов, которые часто стали наезжать в древнюю Русь после принятия русскими христианства в 988 г. В подтверждение своей гипотезы Сорокин указывает на то, что и сами русские вели оживленные торговые сношения с Византией. Кроме того, первые свидетельства о шахматной игре встречаются в церковной поучительной литературе, исходящей из Византии[24]. Однако, целый ряд доводов приводит нас к убеждению в том, что предположение Сорокина, как не подкрепленное никакими данными, еще менее правдоподобно, чем более или менее научно-обоснованные гипотезы Саргина и Савенкова. Во-первых, хотя русско-византийская торговля в начале X в. и достигала значительных размеров, но доступ в город воинственным русским купцам был весьма ограничен; русские по прибытии поселялись в специально отведенном для них предместье и в самый город могли входить только группами не более как по 50 человек в сопровождении византийского чиновника. Все эти ограничения были направлены к тому, чтобы русская купеческая колония не могла сделаться постоянной. Во-вторых, у нас нет доказательств популярности шахмат среди византийских греков[25]. Не позже 1100 года шахматы были уже осуждены восточной церковью. В-третьих, наконец, сербы и болгары, являвшиеся

в Киевской Руси первыми носителями новой культуры, не могли быть посредниками в деле распространения шахмат среди русского населения в виду отрицательного отношения христианской церкви к шахматной игре. Под игры, запрещенные согласно 50-му правилу VI вселенского собора, впоследствии, как мы ниже увидим, были подведены и шахматы.

Рассмотрев главнейшие теории об источнике заимствования русскими шахматной игры[26], мы постараемся теперь выяснить другой существенный момент в истории русских шахмат, а именно вопрос о *времени* проникновения шахмат в древнюю Русь.

Первое сведение о шахматах на Руси мы встречаем в историческом памятнике второй половины XIII в., в так называемой Кормчей книге (сборнике церковного права), где шахматы включены в перечень запрещенных игр. Возражение, что упоминание в Кормчей книге о ша́хматах не является непреложным свидетельством знакомства русских с этой игрой, а может лишь служить доказательством существования шахмат в Византии (так как Кормчая переведена с греческого), — по нашему мнению, не имеет достаточных оснований. Уже одно то обстоятельство, что русский переводчик Кормчей употребил слово „шахматы", в то время как по-гречески название шахмат — zatrikion, указывает на знакомство русских в этот период с шахматной игрой.

Вместе с тем в поучении новгородского архиепископа Ильи, относящемся к 1166 г., мы встречаемся с запрещением игры только в „лики", т. е. кости: „И еще друзии лики играют и всего того святии апостоли и святии отци возбраняють"[27]. Нет никакого сомнения в том, что архиепископ Илья упомянул бы и о шахматах, если бы они были уже к тому времени известны на Руси. Как представитель высшего духовенства, он должен был с особым рвением следить в не так давно принявшей христианство стране за церковными правилами, диктуемыми из Византии.

Таким образом, можно повидимому считать, что *шахматная игра делается знакомой русским в промежуток времени с конца XII в. до второй половины XIII в., т. е. как раз в тот период времени, когда произошло монголо-татарское нашествие.* До татар русские только случайно могли познакомиться с шахматами.

Глава вторая

БОРЬБА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА ПРОТИВ ШАХМАТ В XIII — XVII ВВ.

Шахматы, занесенные на русскую почву, скоро постигла судьба европейских шахмат: они стали запрещенной игрой. Инициатива в этом направлении принадлежала Византии, где уже в 1100 г. шахматы подверглись преследованию церковной власти. История запрещения шахмат в России такова.

50-е правило VI вселенского собора (680 г.) запрещало как мирянам, так и духовенству всякую игру. Это правило, вместе с другими актами церковного права, после принятия русскими христианства было переведено на славянский язык и встречается в сборнике, известном под названием: „Первоначальный славяно-русский номоканон". Сборник этот был переведен, вероятно, при Ярославе I (978—1054). В славянском переводе 50-е правило гласило: „Ни единому же от всех, или от клирик, или от простец, *сигами лекъм играти* отселе аще ли кто явиться таковое деяеше клирик будеть. Аще ли простец, да отлучен будет", т. е. под страхом отлучения от церкви запрещалась игра в кости (леки)[28]. В тесной связи с 50-м правилом VI вселенского собора находятся 42-е и 43-е апостольские правила, также внесенные в сборники церковного права, известные под названием кормчих. В древнейшем переводе первого сборника церковного права „Синагога" Иоанна Схоластика эти правила читаются следующим образом: „Епископ ли, поп ли, диакон ли *силами играя*, ли упиваяся, ли да останется того, ли да извержется. Поддъяци и анагности, ли певцы, тоже творяще, ли да остануться того, ли да отлучаться, такоже и людие". В других списках вместо

„сигами“ (приведенное выше „силами“ — повидимому, описка) — „в зернех упражняяся“, или „игри упражняяся“, или „игрец“ [29]. И, наконец, в переводе, приписываемом митрополиту Киприану, мы читаем: „Епископ, или поп, или диакон *шегами играя* или упиваяся, или да останется, или да отвержется“ — и т. д. [30].

Распространение шахмат в Европе в связи с установившимся взглядом на них как на азартную игру побудило ввести соответствующие толкования в апостольские правила. Приближенный византийского императора Алексея Комнена, — сначала начальник его телохранителей, а впоследствии монах — Зонара (кон. XI в. — сер. XII в.) внес параграф о запрещении шахмат. В 1262 г. сербским архиепископом Саввой был послан киевскому митрополиту Кириллу II переведенный с греческого языка список сербской кормчей книги, где уже имелось толкование Зонары о шахматах, а именно: „Епископом и клириком всем утешение всех и добродетели быти подобает и первообразное и раздражение благодеянию; понеже и от сих есть неким уклонятися от доброго, или *шахмати или зернию играть* или упиватися, повелевает правило престати, или отлучатися таковым, или убо епископом и презвитером и диаконом и поддиаконом же и чтецем и певцем; и аще не престанут, извержатися; не убо и мирским человекам *шахмати* и пианстве упражняющеся, отлучатися“ [31].

Приведенное нами запрещение шахматной игры сыграло большую роль в истории русского шахматного искусства. Отныне и до середины XVII века русская церковь, а впоследствии и государство, ведет жестокую борьбу за искоренение шахмат.

С принятием русскими христианства от Византии такой же взгляд на шахматы установился и на Руси, что нашло отражение и в памятниках церковно-поучительной литературы. Не делая изъятия для шахмат, русское духовенство ставило их на одну доску с различного рода запретными „светскими“ удовольствиями, как игра в кости (леки, зернь), песни, „бесовские скакания“ и пьянство. Ведь игра в шахматы, как мы ниже прочтем в одном памятнике, — от „беззаконных халдей“, т. е. язычников, а русская церковь имела особые основания относиться с нетерпимостью ко всему, носящему на себе налет язычества. Борьба с языческими пережитками, цепко державшимися среди русского населения,

была в разгаре в то время, когда западная церковь уже давно укрепила свое монопольное положение. Огнем и мечом борясь со своими конкурентами, — „волхвами“ и „кудесниками“, — русское духовенство идеологически обосновало свою агрессивную политику учением о том, что все языческое носит на себе „печать диавола“. Недаром в одной рукописи XVI в. — так называемой „Легенде об игроке“ („Иже кто не помышляеше грех быти во играх шахматных и прочих костарных [костяных] играх) — рассказывается о том, как некий воин, все свое время отдававший шахматам и другим играм, попался в „сети диавола“ [32].

Ряд памятников древне-русской письменности подтверждает широкое распространение шахматной игры, предлагая всяческими мерами бороться с ними и устанавливая своего рода „уложение о наказаниях“. В извлечении из климентовской кормчей, известном под названием „Свиток законьный“ (1282 г.) указывается: „Лекы и шахматы имети, да ся останеши“ [33]. В сборнике XVI в. „Пчела“, содержащем в себе статьи религиозно-нравственного содержания, с укоризной отмечается: „тавлеи и шахи у многих от вас обретаеми суть, книг же ни у когоже, разве у малых, но и те таци же яко не емлюще, сгнувше бо и кладу в ларе“ [34]. В так называемом Паисиевском сборнике (XIV—XV вв.) определяется даже наказание за игру в шахматы: „Аще кто от клирик или калугер [монах], или епископ, или прозвитер, или диакон играеть шахматы или леки, да изверженться сана. Аще дьяк или простецъ да приимуть епитемью 2 лета, 10 хлебе и 10 воде... а поклона на день 200, понеже игра та от беззаконных халдей, жрець бо идольскии тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сатанино“ [35]. Наконец в рукописи XVII в. новгородского Софийского собора, озаглавленной: „Вопрошение апостольское господа о муках и о гресе, и о покоянии, и обретении милости господня,“ — игра в шахматы воспрещается под страхом отлучения от церкви: „Отрицаемже епископом и попом и черньцем и всякому чину богобоязливя леков и шахматов играти. Недостоит же того творити. Се творяще извергнутся, а простии отлучатся“ [36].

Как можно видеть из приведенных нами памятников древне-русской письменности, шахматы были распространены не только среди мирян, но и среди духовенства.

Последнее в особенности подвергалось суровым наказаниям за игру в шахматы.

В первой трети XVI в. против шахмат с резкой нетерпимостью выступает в своих проповедях московский митрополит Даниил (1522—1539), обрушивающийся в особенности на священников-шахматистов. „Ныне же суть неции от священных, — поучает он — яже суть сии пресвитеры и диаконы и иподиакони, и четцы, и певцы, глумяся, играют в гусли, в домры, в смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлесьми... и тако себе и иным великий вред бываюше“ [37].

В „Домострое“ протопопа Сильвестра, написанном около 1580 г., — памятнике, отражающем картину общественной жизни XVI века, — в главе 24-й „О неправедном житии“ автор предостерегает хозяина дома и его членов семьи и слуг от соблазна игры в шахматы: „да такоже бесчинствуют, кто зернью и шахматы и всякими играми бесовскими тешатся“. За ослушание он грозит, что все провинившиеся „прямо все вкупе будут во аде, а зде прокляти“ [38].

И в других памятниках древне-русской письменности, имеющих наставительно-бытовой характер, в числе прочих „душеспасаемых“ от мирского соблазна предписаний находится очень часто и следующее: „шахматы имети да вся остани“ [39].

В конце концов оппозиция церкви против шахмат стала настолько сильной, что оказала влияние также и на государственную власть, в 1550 г. ставшую на путь законодательного запрета шахматной игры. Согласно 92 главе „Стоглава“ („О игрищах елинского бесования“) эта игра была отнесена к категории религиозных преступлений. При той важности, которую придавал законодатель преступлениям подобного рода, они должны были вызывать против себя строгие меры предупреждения и преследования. Стоглав ссылается на известное уже нам 50-е правило Трулльского VI вселенского собора.

Запрещение шахмат Стоглавом сыграло, на наш взгляд, большую роль. Дело в том что пользоваться церковно-поучительной литературой было очень трудно вследствие ее малой распространенности и в силу трудности, при отсутствии книгопечатания, переписывания объемистых сборников. Теперь же в распоряжение местных властей поступил сборник, в котором кратко было изложено все то, что считалось в то время важным

и необходимым. Таким образом, с середины XVI века борьба против шахмат могла вестись энергичнее и успешнее.

Весьма характерно, что через сто лет, в следующем законодательном памятнике, Соборном уложении 1649 г., ни слова не говорится о запрещении играть в шахматы и упоминается только об игре в карты; тем не менее, запрет с шахмат, повидимому, снят не был. В декабре 1649 г. верхотурский воевода Рафа Всеволожский посылает указ приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину о недопущении „непристойных игрищ", к которым были отнесены и шахматы [40]. В этом указе все еще слышатся знакомые уже нам мотивы „бесовского действа".

Налицо как будто бы противоречие. С одной стороны, в январе 1649 г. утверждается Уложение, в котором шахматы не попали под запрет; с другой стороны — в конце того же года рассылается указ о запрещении игры в шахматы. Здесь надо учесть два существенных момента. Во-первых, этот указ, очевидно, был послан по инициативе местной власти, которая еще не получила напечатанного экземпляра Уложения (оно было разослано областным наместникам и воеводам только в 1650 г.). Во-вторых, население сибирских городов и уездов состояло в основном из народов, не так давно еще обращенных в православие, в отношении которых, по мысли сибирского воеводы, необходимы крайние запретительные меры для поднятия „нравственности" населения и искоренения остатков язычества.

Однако, с течением времени борьба русской церкви и государства с язычеством утратила свою остроту, и взгляд на шахматы как на игру от „беззаконных халдей" естественно должен был измениться. И действительно, если еще в XVII в. в церковно-поучительной литературе продолжали по старой традиции указывать на шахматы как на „наследие диавола" и сопоставлять их с обжорством и пьянством, то на ряду с этим в среде самого духовенства начали раздаваться отдельные голоса в защиту шахмат. Так, в 20-х годах того же XVII века иеромонах Памва Берында в составленном им словаре (1627 г.) пояснил, что шахматы следует толковать как „хитрость" [41]; под „хитростью" же в то время разумели умственную изощренность человека.

Борьба церкви и государства против шахмат была

акончена. А спустя сто лет даже поступает донос на одного митрополита, обвиняющегося в том, что он вместо исполнения церковной службы играл в шахматы „ненасытно“. Приведем в извлечении этот любопытный бытовой документ.

В 1731 г. казанский митрополит Сильвестр Холмский донес на митрополита Феодосия Яновского, что тот, „будучи в Москве, оставя церковные службы и монашеское преданное правило, уставил у себя самлеи [ассамблеи] с музыкою и тешился в карты, шахматы и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо всенощного пения себя вменял и других к тому понуждал... Да он же, Францышка, на московском подворье велел послушнику своему Торасу с колокольни старинные колокола продать, чтобы не мешали ему во всю ночь в шахматы играть“ [42].

Глава третья

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА И СООБЩЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О ШАХМАТАХ В РОССИИ

Первоначально шахматы получили распространение среди русского населения в форме шатренджа. В то время как в Западной Европе средневековый шатрендж, начиная с XIII века, подвергался некоторым изменениям, и главнейшие шахматные правила эволюционировали вплоть до XVI века, в древней Руси, очевидно, сохранились формы арабского шатренджа. Так было приблизительно до XVI века, и только в более поздний период, после того как московское государство завязывает дипломатические и торговые сношения с Западом, очевидно, постепенно начинают прививаться на русской почве европейские правила шахматной игры, хотя монгольские правила, как будет показано ниже, частично сохранялись у нас еще даже до середины XIX века.

В 1489 г. в Западную Европу отправляется русское посольство во главе с Юрием Траханиотом. В следующем году русскими послами, ездившими к папе, были привезены из Италии и других стран иностранные специалисты. В значительном количестве в Москву переселяются итальянцы в качестве чеканщиков монет, литейщиков пушек и архитекторов. Между тем, как известно, в Италии в это время уже наблюдается подъем шахматной жизни. Хотя русские и с недоверием относились к иноземцам, однако нет основания отрицать возможность общения москвичей с прочно обосновавшимися на московской почве чужестранцами за шахматной доской.

В русской шахматной литературе есть даже определенное указание — правда, не встречающее с нашей стороны полного доверия, — на лицо, которое ввело

якобы в русскую шахматную игру европейские правила [43]. Это — Максим Грек, ученый монах из Афонского монастыря, приглашенный в 1515 г. в Москву в качестве переводчика религиозной литературы. Максим Грек в юности пополнял свое образование в Италии, где сблизился с видными деятелями эпохи Возрождения.

Однако, можно почти с уверенностью утверждать, что эволюция шахматных правил в России была не только продуктом влияния Запада и в частности Польши [44]. Некоторые новые правила у нас появились вполне самостоятельно, вне зависимости от всяких влияний извне. Это относится в первую очередь к ферзю, который у русских получил также право ходить как конь. Такое правило сохранялось до конца XVIII века, как видно из следующих данных. В „Словаре Академии Российской", издававшемся в 1789—94 гг., мы читаем: „В шашечной большой игре [45] шашка по царе первенствующая, имеющая право ходить всеми образами других шашек, и в сем случае называется *ферзь всяческая*". О таком ходе ферзем упоминает также англичанин Кокс, наблюдавший игру в шахматы в России в 70-х годах XVIII века. Подтверждение находим и у Даля [46]: „Если, по уговору, ферзь ходит всеми ходами, т. е. и конем, то зовется *ферзь всяческая*". Отзвуки этого правила хода ферзем мы находим еще в начале XIX века. Бутримов в своем руководстве (1821 г.) указывает, что „таковой ход законодателями игры шахматной ферзи запрещен и *может зависеть от условий*". Саргин высказывает предположение, что это свойство ферзя возникло из правил шатренджа, в котором пешка, проведенная в ферзи, делала с 8-й линии скачок [47]. Мэррей же утверждает, что только с 1770 года (очевидно, имея в виду указания Кокса) приблизительно до 1820 года в России наблюдалась значительная неуверенность в отношении того, как должен ходить ферзь. Такая неопределенность, по мнению Мэррея, всегда указывает на недавнее изменение хода. Мы склонны скорее присоединиться к догадке Саргина. Весьма любопытно, что об этом своеобразном ходе ферзем, принятом у русских, было известно на Западе [48]. Однако, Запад такого хода ферзем никогда не употреблял.

Кроме необычного хода ферзем, еще в середине XIX века (а вне шахматных клубов и в XX веке) суще-

ствовало правило начинать партию движением сразу двух пешек как за белых, так и за черных. В уставе петербургского шахматного клуба 1854 года это правило допускается с согласия обоих противников (§ 4). В дальнейшем мы увидим, что это же правило сохранилось и у монгольских народов. Поэтому можно присоединиться к предположению Мэррея, который видит в этом пережиток монгольского влияния [49]. Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что составители упомянутого выше устава сочли необходимым регламентировать такие пункты как рокировка (§ 24), взятие на проходе (§ 27), превращение пешек (§ 28) и пат (§ 30). Эта регламентация с очевидностью указывает на наличие различных отклонений в шахматных правилах в широком обиходе того времени. Любопытно, что тот же устав требует объявления шаха при нападении на ферзя противника (§ 17).

Поскольку посещавшие Московию иностранцы были связаны большей частью с царским двором, боярами и другими привилегированными слоями населения, можно с уверенностью сказать, что влияние западно-европейских правил шахматной игры коснулось именно этих слоев. Едва ли можно установить с хронологической достоверностью время исчезновения шатренджа. Как мы увидим ниже, еще в конце XVII и начале XVIII веков во всяком случае городское население, независимо от своего социального состава, еще играло в шахматы или шатрендж с русскими видоизменениями этой игры. Но именно с этого времени начинается постепенное вытеснение шатренджа шашечной игрой. Европеизированные шахматы становятся привилегией аристократической верхушки, приобретая репутацию „царственной" игры.

Увлечение шахматами не могло пройти незамеченным для глаз наблюдательных иностранцев, посещавших Московское государство.

Уже в 1589 году иностранцы могли прочесть следующее известие о Московии (изложенное в стихотворной форме): „Очень распространена игра в шахматы, чуть ли не каждый сумеет дать вам шах и добавить мат; их искусство проистекает из большой практики". Автор этих строк — Турбервиль (Turbervill), приезжавший в Москву по торговым делам вместе с английским послом Рандольфом в 1568 году [50]

Несмотря на стихотворную форму и проистекающую отсюда возможность поэтического преувеличения, у нас нет оснований подвергать сомнению широкое распространение шахмат в Московском государстве и высокое искусство русских в этой игре. Во-первых, гарантией этому служит общая доброкачественность записок Турбервиля. Московской компании английских купцов, образовавшейся к этому времени в Лондоне, мы обязаны множеством записок, дающих сведения о Московском государстве XVI века. Эти записки напечатаны

СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО
Картина П. П. Гнедича

в первом томе „Сборника Гаклюйта“ (Hacluyt's Collection of the early voyages etc) и по достоверности относятся к лучшим иностранным сочинениям о Московском государстве [51]. Кроме того, сообщения Турбервиля, как будет ниже указано, полностью подтверждаются другими показаниями иностранцев.

Джером Горсей приехал в Москву в 1572 году и пробыл в России почти беспрерывно 18 лет, сначала в качестве агента лондонской торговой компании, а затем посла английской королевы Елизаветы. Он получил доступ к московскому двору Ивана IV и вел знакомство с наиболее влиятельными боярами. Горсей в своих „За-

писках“ приводит сообщения о распространенности шахматной игры при русском дворе и даже связывает с игрою в шахматы последние минуты жизни Ивана Грозного. Незадолго до смерти московский царь, по словам Горсея, приказал своему любимцу Родиону Биркину принести шахматный столик и стал сам расставлять фигуры, при чем „одного шахматного короля ему никак не удавалось поставить на место, тогда как другие шахматы были уже все расставлены“. Приближенные царя окружили шахматный столик, и вдруг царь упал навзничь [52]. В тех же „Записках“ мы читаем: „Борис Федорович призвал меня однажды вечером к себе; я застал его за шахматами с одним из родственников государя, князем Иваном Глинским“ [53].

Это свидетельство Горсея очень любопытно. При Иване IV, *играющем* в шахматы, законодательным путем накладывается *запрет* на шахматы (см. выше, стр. 17). Приближенные царя также открыто играли в шахматы. Вполне можно присоединиться к замечанию Мэррея, что „выполнение закона должно было бы показаться простым преследованием“ [54].

„Царственная“ игра — термин, который уже становится известным в это время в Западной Европе, — была дозволена только для царей и их приближенных.

Хронологически близко к показаниям Горсея относящееся к 1581 году сообщение Павла Одерборна, который утверждает, что „русские, или московиты, с большим искусством играют в шахматы, для чего пара королей, белый и черный, противопоставленные для соревнования между собою, сражаются друг с другом двухцветными армиями; в этой игре они, действительно, настолько искусны, что я не знаю, есть ли какой-нибудь другой народ, который мог бы с ними сравниться“ [55].

Перед нами второе свидетельство иностранца, подтверждающее в весьма категорическом тоне превосходство русских в шахматной игре. Многое удивляло иностранцев в Московском государстве, их поражали дикие нравы и обычаи „московитов“, но они всегда отмечали здесь исключительное распространение шахмат и высокое искусство русских шахматистов.

Дополнением к приведенным свидетельствам иностранцев служат показания Олеария (1599—1671), трижды побывавшего в Москве и оставившего об этом подробные воспоминания. Во время своего пребывания в Ира-

не (по дороге из Москвы) он следующим образом высказывается о качестве игры иранских и русских шахматистов: „В харчевнях (чай-хатай-хане) они (персы) пьют теплый заморский напиток (чай). При этом они играют в нард (Brettspiel) или в шахматы. В этой игре они еще более искусны, чем русские, которые тоже умелые игроки. Персы говорят, что игра эта изобретена их народом, как это показывает название „шах", что значит „король"; они именуют игру шатренджем" [56].

Можно сослаться еще на другие показания иностранцев, дополняющие предыдущие. Так, курляндский посол Александр Таубе писал в 1675 году из Москвы: „Карт здесь не знают, шахматы известны издавна и пользуются большой любовью" [57]. К этому же приблизительно времени относится и свидетельство Я. Рейтенфельса, побывавшего в Москве в 1670—76 гг. Рейтенфельс утверждал, что за игрою в „разбойника или шахматы (ludicris latrunculorum seu schachiae proeliis), которая некогда была в большом употреблении не только у персов и других азиатских народов, но и у исландцев и шведов, в настоящее время проводят почти все время и старики и дети на всех улицах и площадях Москвы" [58]. О таком массовом распространении шахмат не высказывался еще ни один из иностранных наблюдателей. Мы склонны думать, что Рейтенфельс видел другую игру, которую мог принять за шахматы.

Рейтенфельс также указывает, что в число забав царских детей входят и шахматы: „В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно и очень искусно, развивая ею свой ум до удивительной степени" [59].

Заслуживает внимания также показание Бернгарда Леопольда Таннера, находившегося в свите польского посла в Москве в 1678 г. Таннер утверждает, что „русские купцы увлекаются шахматной игрой" [60].

Таким образом, из краткого обзора сообщений иностранцев о Московском государстве в XVI—XVII веках можно судить, что шахматы пользовались любовью и получили широкое распространение в различных слоях русского населения. Как бы ни относиться критически ко всем этим сообщениям, подчас невольно наводящим на мысль о возможном преувеличении, невозможно, однако, отрицать массовое распространение

шахмат, единодушно подчеркиваемое всеми наблюдателями.

Прежде чем перейти к сообщениям иностранцев о шахматах в России в XVIII веке, следует остановиться на одном весьма существенном вопросе. В показаниях иностранцев о русских шахматистах, хотя и указывается на высокое искусство русских в сравнении с западными шахматистами, однако нигде не упоминается о результатах шахматных соревнований (а таковые, очевидно, были). Вот почему следует обратить особое внимание на сообщение французской хроники XVII в., в которой рассказывается о московском посольстве, прибывшем к Людовику XIV в 1685 г. в составе двух бояр со свитою в 50 человек: „Эти русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие игроки перед ними школьники“ [61].

Другой вопрос, который остается невыясненным окончательно, касается правил игры. Ясно только, что твердо установленных общих правил еще не было и противникам приходилось договариваться.

Свидетельство иностранцев о шахматах в России в XVIII веке открываются сообщениями Фридриха Христиана Вебера, впервые приехавшего в Петербург в 1714 году в качестве брауншвейг-люнебургского резидента и пробывшего в этой должности почти безвыездно до конца 1719 года. День ото дня он записывал происшествия и свои впечатления и по возвращении в Германию издал свои записки.

Шахматная игра в начале XVIII в. широко практиковалась на ассамблеях, о чем и рассказывает Вебер: „На этих ассамблеях одна комната предназначена для танцев, другая для всякого рода карточной игры и особенно для шахматной (в которой отличаются самые простые русские)“ [62].

Более подробные и интересные материалы о шахматах в России находим мы в „Дневнике“ Ф. Берхгольца, голштинского дворянина, состоявшего в свите голштинского герцога Карла-Фридриха и долгое время жившего в Петербурге и Москве. Сам Берхгольц, повидимому, не принадлежал к числу поклонников шахматной игры. По крайней мере, он писал следующее о впечатлениях от ассамблеи у адмирала Ф. М. Апраксина: „Что касается меня, я нашел это общество без дам неприятным; мужчины только разговаривают, играют в шахматы, курят табак и

пьют“ [63]. Как и Вебер он отмечает, что в шахматы „русские играют бесподобно“ [64]. Берхгольц описывает также ассамблею у юстиц-президента сенатора А. Матвеева: „В комнате, где танцуют, должны быть приготовлены: стол с трубками, табаком и деревянными лучинками (которые употребляются здесь вместо бумажек для закуривания трубок) и еще несколько столов для игры в шахматы и шашки; но карты на ассамблеях не терпятся и не подаются“ [65]. Наконец, голштинский наблюдатель упоминает о празднике в честь жены Меншикова, в доме которого он увидел Петра I, играющего в шахматы, „в которые, говорят, играет превосходно, как и бóльшая часть русских вельмож“ [66]. О Петре как шахматисте нам еще придется говорить, здесь же мы отметим только свидетельство иностранца Альбена Боди, видевшего Петра во время его лечения в Спа в 1717 году. Боди утверждает, что Петр „не предавался любимейшему из времяпрепровождений наших вод — карточной игре. В свободное время он играл только в шахматы“ [67].

Наконец, одним из последних сообщений иностранцев о шахматах в России XVIII века, заслуживающим нашего внимания, являются воспоминания английского путешественника и историка Уильяма Кокса, путешествовавшего по России в 1772 г.

„Шахматы настолько распространены в России, что во время нашего пребывания в Москве мне почти не приходилось бывать в обществе, где бы гости не были заняты этим развлечением. И даже проходя по улицам, я часто наблюдал торговцев и простых людей за этой игрой перед дверьми их лавок и домов. Русские слывут большими искусниками в шахматах. Ферзь у них, помимо других движений, ходит еще как конь, что, по мнению Филидора, губит игру, но несомненно делает ее более сложной и трудной, а следовательно и более интересной“ [68].

Записки Кокса весьма любопытны. Трудно заподозреть Кокса в том, что он принял шашки за шахматы, так как цитированный нами выше отрывок из его воспоминаний указывает на известную шахматную культуру английского путешественника. Все же необходимо отметить, что его сообщение о широком распространении шахмат в 70-х годах XVIII века среди „простых людей“ идет в разрез с другими источниками. В одном старинном описании Петербурга мы читаем: „Домашние увеселения

простого народа состоят в игре в шашки"[69]. Саргин считает, что Кокс видел игру в шашки[70]. Однако, не исключена возможность, что шахматы действительно имели еще большое распространение среди широких слоев городского населения. Не вызывают никаких сомнений наблюдения Кокса над игрой в шахматы в среде высшей знати; в частности, упоминая о могущественном екатерининском фаворите Потемкине, Кокс отмечает, что в доме последнего „гости по желанию могли заняться какой угодно игрой, так как в приемной стояло множество столов с шахматами, триктраком и т. п."[71].

Таким образом, сообщения иностранцев с поразительным единодушием говорят о широком распространении шахмат в России в XVI—XVIII веках, а также с изумлением отмечают высокое качество игры русских шахматистов.

Глава четвертая

ШАХМАТЫ В РУССКОМ БЫТУ

В „Описи платья и всякой казны времени царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского“ мы встречаем указания на многочисленные и разнообразные наборы шахмат в царской казне: „Трои шахматы; шахматы хрустальные; шахматы ентарные; 2 шахматы, один рыбей зуб, а другие костяные; тавлеи, в них втирки ентарные; 2 доски шахматные; шахматы каменные, донца серебрены, золочены“ [72]. Эта запись, очевидно, не была известна историкам Амелунгу и Линде. Иначе бы они не отнеслись так скептически к сообщениям о шахматах в Московском государстве в XVI и XVII вв.

Приведенные выше данные о шахматном инвентаре московских царей не случайны. Царская казна из года в год пополнялась шахматами различного качества. При Алексее Михайловиче за выделкой и покупкой шахмат наблюдал целый штат так называемых „шахматников“, нередко иностранных мастеров, состоявших на службе в Оружейной палате. Обычно на Пасху царю подносились самые разнообразные наборы шахмат. Так, в „Росписи ружью и мастеровым людем, которое делано в Оружейной Полате в нынешнем 171 году“ (1663 г.) мы читаем: „7 шахматы рыбьи кости, делали русские мастера и поляки, 2 доски шахматные, каймы разные золоченые“. В 1675 г. было изготовлено для царя Алексея Михайловича „6 шахматы слоновые кости, и в том числе 2 шахматы болшие, 2 меньшие, 2 доски шахматные, писаны золотом и серебром и розными красками, и в том числе одне с боем, писали иконописцы Тимофей Резанцов, Никифор Бовыкин, Филип Павлов, Петр Афонасьев, Иван Масюков“ [73].

На изготовление шахмат по требованию отпускался соответствующий материал. Так, в записи, относящейся к 1616 году, значится: „генваря I в Верх в мастерскую палату отпущено на *шахматные доски* (подчеркнуто в подлиннике) аршин сукна настрафилю червчатово, цена 18 алт., взял знаменщик Ивашь Некрасов“ [74].

Иногда шахматы приобретались и на рынке. Например, в записи от 1661 года мы читаем: „Июня в 18-й день

ЦАРЬ, ИГРАЮЩИЙ В ШАХМАТЫ
Картина В. Шварца

по указу великого государя и по приказу околничего и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово карле Ивану Федотову шахмоты слоновые полского дела купленые да доски шахмотные, а те шахмоты и доски купил гребенщик Евдоким Шешенин“ [75].

Наконец, шахматы специально заказывались в Холмогорах, жители которых славились искусством их выделки. В 1669 году Алексей Михайлович дал заказ на 10 комплектов, который был целиком выполнен Дени-

сом Зубковым, Иваном Катерининым и Кириллом Саламатовым. Наиболее искусными мастерами были братья Семен и Евдоким Шешенины, в особенности последний, умевший прекрасно резать по кости и дереву. Оба брата были неволею взяты в придворные мастера и с 1656 года находились в ведомстве Оружейного приказа. Евдоким Шешенин был таким знатоком своего дела, что после его смерти 30 мая 1667 года ему долго не могли найти преемника, тем более, что у него не было учеников [76].

Шахматные наборы, выделываемые в таком большом количестве, не лежали без движения в царской казне, а иногда требовались в хоромы для игры, что подтверждается перепиской по этому поводу дворецких и дьяков. Вот любопытный отрывок из документа 1679 года: „Федор Петровичь! Указал великий государь... взять из Оружейной Полаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро сегож числа; изволил великий государь сам приказать... Пожалуй, государь Федор Петровичь, не поплошись, зде[сь] спрашивают в мгновении ока. Ивашка Чаплыгин челом бьет, 188 г. сент. 13“ [77].

Другой документ убеждает нас в том, что и женская половина царского дворца не была чужда шахматам. Относится он к 1686 году. „Дмитрий Самсоновичь! Пришли в поход государыни царицы... доски шахматные, которые остались в хоромех, а будет в хоромех не отыщешь, из мастерские. Приказ о том о всем боярыни Парасковьи Алексеевны. Писавый Тараска Невежин челом бьет“ [78].

У Рейтенфельса мы уже читали, что в систему воспитания царских детей входило и обучение шахматной игре. Действительно, те же материалы хозяйственного быта царского дворца XVII века отчасти подтверждают наблюдения Рейтенфельса. Правда, в раннем детстве шахматы давались детям просто как игрушка, на что указывает, например, следующая запись (2 октября 1660 г.): в хоромы шестилетнего царевича Алексея Алексеевича „взнесено 12 коней белых и черных, выбранных из разных шахмат полского дела“ [79]. В июне 1661 г. ему же Евдокимом Шешениным покупаются „четверы шахматы и 4 доски шахматные“ [80]. Однако, подрастая, царские дети уже научились играть.

В январе 1666 года двенадцатилетнему Алексею покупают в Овощном ряду деревянные шахматы за 10 коп.,

очевидно, уже для игры. В этом же месяце ему покупают еще „трои шахматы костяные“; токарь Оружейной палаты доделывает Алексею потерянные им шахматные фигуры из „рыбьей кости“. Таких официальных записей можно привести очень много[81]. Все они свидетельствуют о том, что запрещение шахмат церковью и государством во всяком случае не касалось царского двора. Даже строго придерживавшийся всех обрядов и требований религии царь Алексей Михайлович после чтения церковных книг или церковно-исторических сказаний и житий садился за шахматную доску[82].

Бояре, по наблюдениям иностранцев, также любили шахматную игру. И поэтому нет ничего удивительного в том, что в описи хором князя В. В. Голицына мы читаем: „Доски шахматные, костяные в суконном мешке, и шахматы, ц. 4 р.“ [83]. Голицын, один из крупнейших деятелей при царе Федоре и правительнице Софье, выделялся из среды бояр своей образованностью и тяготением к западно-европейской культуре. Поэтому весьма вероятно, что, часто встречаясь с иностранцами, он иногда играл в шахматы и с ними.

К сожалению, исторические материалы весьма скудны для того, чтобы обрисовать положение шахмат в домашнем быту широких масс населения. По вполне понятным причинам памятники Московского государства в основном отражали быт и нравы господствующих классов. Но по отдельным документам можно судить и о распространенности шахмат в других классах населения, как об этом говорят и приведенные выше показания иностранцев.

Московское правительство, запрещая шахматы, относило их, наряду с „зернью“ (костями) и картами, к азартным играм. Очевидно, доля правды в этом была. Ссылка на то, что шахматы — „от беззаконных халдей“, для XVII века была неубедительна, тем более, что для народа не была секретом приверженность к шахматной игре при царском дворе и среди бояр. Но если трудно было бороться с шахматным азартом, то при стесненном финансовом положении Московского государства при Михаиле Федоровиче из пристрастия к шахматам можно было извлечь доход. Забыв все ссылки на постановления вселенских соборов, шахматы преспокойно отдаются на откуп. Так, например, в Мангазее (Сибирь) воевода в 1630 г. отдал на откуп „баню, и зернь, и картеную, и

шахматную, и всякую закладную игру, и кислый квас и сусло"; откупщикам велено было платить за предоставленную им монополию 181 руб. 50 коп. в год. Это известие не единично: в Слободском (Нижегородский край) в 1639 году, вместе с зернью и картами, равным образом были отданы на откуп и шахматы; но в виду того, что здесь доход с так называемых „закладных игр" был весьма ничтожен (6 руб. 27 алтын 3 деньги в год), то по челобитью населения этот своеобразный „налог" в следующем году был уничтожен[84].

Откупщики, конечно, пытались использовать шахматы, наряду с другими „закладными" играми, в качестве приманки для посетителей „царевых кабаков". Им было выгодно культивировать и поощрять азарт, так как этим привлекались в кабаки игроки и большое число любопытных. В кабаках за определенную плату можно было получать комплекты шахмат; иногда сами откупщики принимали участие в игре и обыгрывали своих подвыпивших посетителей.

Откупщик, кроме взимания налога, „разбирал, вероятно, частые драки и ссоры игроков, постановлял решения и имел право принуждать виновного к уплате проигрыша и штрафа. За свой суд судья получал с истца и с ответчика вознаграждение, смотря по установившимся обычаям"[85]. А что поводов к различного рода недоразумениям, при нравах XVII века, могло быть много, даже и при игре не на деньги („на любовь") подтверждается следующим весьма характерным бытовым документом, который нам удалось извлечь из архива[86]. Приведем его полностью.

„195 [1687] года июня в 21 день бил челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княгине Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя России самодержцем, а в Китае городе на съезжем дворе стольнику Василью Аврамовичю Лопухину да дьяку Калине Патрекееву словесно овошного ряду торговой человек Мещанской слободы тяглец Кондратей Степанов, а в словесном своем челобитье сказал: сего де числа пришли де к ево Кондратьевой лавке в овочной ряд торговые люди серебреного ряду два человека. А как их звать, того он не знает только в лицо укажет; и учели ево Кондратья те люди бить и увечить неведома за что и товар у товарыща

ево у Анкиндина Анфимова став масла деревянного пролили, а что де было того масла весом и про то де скажет он Анкиндин, а то де масло пролили как ево Кондратья били и увечели неведомо за что и он де Кондратей учел тем людем говорить, за что де вы то масло пролили у Анкиндина и те люди учели ево Кондратья бить и увечить неведомо за что, а при ком де ево Кондратья били и увечили и масло пролили и в том де он Кондратей шлетца на овочной ряд и на погрепщиков и на прянишников и на саечников на всех рядовин того ж ряду на торговых людей; и великие государи пажаловали б ево Кондратья, велели тех людей сыскать на съезжей двор и про тот бой и увечья и про пролитое масло допросить.

И против сего челобитья ково истец в лицо указал, на Съезжем дворе допрашивал.

А в допросе сказался Огородной слободы тяглец Иваном завут Григорьев; сего де числа шел де он Иван овочным рядом с товарыщем своим с Овдеем Ивановым и стаяли де они у лавки у Макаровой, а чей сын и коей слободы того он не упомнит и подле ево Макаровой лавки сидит товарыщ ево Кондратей, а чей сын и коей слободы того он не знает, и тот де Кондратей призвал их к своей лавки играть шахматы за любовь и после де игры учел он Кондратей ево Ивана и товарыща ево Авдея бить и бранить и с ево Ивана збил шапку и с той шапки пропал платок, а в том платку завязаны были запонцы залаты с алмазы, а те запонцы были стольника Александра Иванова сына Зузина, а что де ево Ивана и товарыща ево Авдея он Кондратей поклепал напрасно будто он Иван с товарыщем своим ево Кондратья били, а он Иван с товарыщем своим ево Кондратья не бивали и масло деревянного у товарыща ево у Анкиндина Анфимова в лавки не проливывали и тем де ево он Кондратей поклепал напрасно, а в том де он шлется на овочной ряд и кто. имены торговых людей и кои люди мимо шли в то время и тем людем принесет роспись.

А другой человек сказался Садовой слободы тяглец Авдеем завут Иванов; сего де числа с товарыщем своим с Ываном Григорьевым в овочном ряду был и у Макаровой лавки стоял и товарыщ де ево Макаров, которой сидит подле ево Макаровой лавки Кондратей учел с товарыщем ево с Ываном Григорьевым в лавки ево

за любов в шахматы играть; играв шахматы он Кондратей учел товарыща ево Ивана бить неведомо за что, а он де Авдей с товарыщем своим с Ываном ево Кондратья не бивали и тем де Кондратей поклепал их напрасно; да он же де Кондратей збил шапку а в шапки плат, а в плату де были завязаны запанцы залатые с алмазы, а те де запанцы были стольника Александра Иванова сына Зузина.

И того ж числа челобитчик Мещанские слободы Кандратей Степанов и ответчики Огородные слободы Иван Григорьев, да Садовые слободы Авдей Иванов поговоря меж себя полюбовно помирились и друг на друга им ни в котором приказе не бить челом и не искать".

В дальнейшем, при царе Алексее Михайловиче, на откуп отдаются только зернь и карты, упоминания о шахматах мы в официальных документах уже не встретили. С новой попыткой использовать шахматы как источник дохода для государства мы встречаемся в царствование Петра I. Один из его ближайших сотрудников Б. И. Куракин отмечает: „Того года [1704—1705] отданы на откуп карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякие игры денежные, что не явя тех инструментов и не заплатя пошлину, не играли, а заплатя пошлину — вольно играть. На откупу первый год дано 10.000 рублей"[87]. Попутно этот документ говорит за то, что шахматы в то время действительно служили целям азарта.

Иногда этот азарт мог привести к самым неожиданным последствиям, доказательством чему служит приводимый ниже факт, интересный и поучительный в бытовом отношении. В январе 1686 года Сибирский приказ докладывал царям Петру и Иоанну Алексеевичам по поводу полученной им „отписки" от красноярского воеводы Григория Шишкова, в которой последний излагал следующее „государево дело", т. е. дело об оскорблении царя. Служилый человек Тимошка Елфимов донес на служилого человека Марчка Хомякова, что тот, играя в шахматы с Андрюшкою Волынщиком и взяв с доски фигуру, сказал: „То-де я чаял ферзь, ано-де царь!" — и выругал царя непечатной бранью. Это произошло в присутствии трех свидетелей. Хомякова, по приказу енисейского воеводы, боярина князя Константина Осиповича Щербатова, пытали, и он с „пытки винился", что выругал царя без умысла. „И Марчко расспрашиван, а в распросе заперся, а служилые люди,

которые тут были, сказали, что то слышали". Неосторожный шахматист был подвергнут заключению до получения распоряжения из Москвы, которое гласило: „государи указали того Марчку свободить и о том из Сибирского приказу в Красноярской к воеводе послать грамоту" [88].

В целях борьбы с усиливавшимся азартом, а попутно и в финансовых целях, Петром I в декабре 1717 г. был издан указ о запрещении всяких игр на деньги. На виновных налагался штраф в тройном размере с суммы, выложенной на ставку. Однако игра на деньги не прекращалась. Увлечение карточной игрой при дворе задавало тон и разжигало страсти. Уменье играть в карты входило в круг требований нового придворного этикета. В 1733 году при Анне Ивановне вспомнили о петровском указе и подтвердили необходимость его строгого выполнения: „Ныне нам известно, — говорится в новом указе, — что не токмо та богомерзкая игра не пресеклась, но многие компаниями и в партикулярных домах, как в карты, так и в кости и в другие игры проигрывают деньги и пожитки, людей и деревни свои, от чего не только в крайнее убожество и разорение приходят, но и в самый тяжкий грех впадают и души свои в крайнюю гибель приводят". Пойманных в первый раз предлагалось штрафовать в тройном размере, как по указу 1717 года, а при повторении, кроме штрафа, „офицеров и прочих знатных людей сажать в тюрьму на месяц, а подлых бить батоги нещадно". В третий раз штраф увеличивался вдвое, а в дальнейшем „жесточае" [89]. Предусмотренная законодателем возможность неоднократного нарушения указа показывает, что бороться с азартом было очень трудно.

Мы должны констатировать, что в широких массах населения в течение XVIII века шахматы постепенно теряют свою популярность: у крестьян более популярной становится другая игра — гусек, которая предпочитается шахматам[90]; у горожан, в особенности у мелких торговцев, большую популярность приобретают шашки.

Культивирование шахмат в первой четверти XVIII века связано с именем Петра. Еще в детском возрасте он интересовался шахматной игрой, любовь к которой не утратил до самой смерти. Архивные материалы сохранили весьма любопытную в бытовом отношении пере-

писку бояр по поводу неоднократных требований Петра, связанных с его шахматным инвентарем [91]. Приведем эти документы, которые в шахматной историографии появляются впервые.

(1684 г.) Петр государь Васильевич [Шереметев]. В[еликий] г[осударь] ц[арь] и в[еликий] к[нязь] Петр Алексеевич в[сея] в[еликия] и м[алыя] и б[елыя] р[уси] с[амодержец] указал к себе в[еликому] г[осударю] прислать в поход из Оружейные Палаты шахмат да доски, не замотчав [немедленно]. Алешка Урусов челом бью.

(1684 г.) Сентября в 12 день по указу В[елико]го ц[аря] и в[еликого] к[нязя] Петра Алексеевича в[сея] в[еликия] и м[алыя] и б[елыя] р[уси] с[амодержца] и по письму, велено прислать из Оружейные Палаты к нему в[еликому] г[осударю] в поход, в село Здиженское, шахматы да доски, да пороху 5 фунтов, дроби свинцовой 3 фунта, свинцу 5 ф.; а в Оружейной Палате, в казне в[еликого] г[осударя] досок шахматных и шахматов в запасе нет. И того же числа, по тому его в[еликого] г[осударя] указу, куплено... овощного ряду у торгового человека у Федора Константинова шахматы слоновые кости, да доски шахматные, писаны по золоту репьи розными красками, ценою по договору 26 ал. 4 д., — обоего рубль 4 деньги; и те шахматы и доски шахматные послано из Оружейные Палаты к в[еликому] г[осударю] в поход, в село Воздвиженское, с самоначальным с Яковым Деминым.

(1684 г.) Октября 17-го, овощного ряду торговому человеку Федьке Григорьеву за шахматы резные слоновые с личинами, по местам золочены, 2 р. с полтиною, — покупал подъячий Роман Смирной.

(1685 г.) Ноября 28 боярин и оружейничей Петр Васильевич большой Шереметев приказал купить в хоромы к в. г. ц. и в. к. Петру Алексеевичу в. в. и м. и б. р. с. шахматные доски, писаные золотом, да шахматы слоновой или рыбьи кости, доброго мастерства.

И того ж числа по тому в. г. указу, куплены в Оружейную Палату доски шахматные, писаны по золоту и по серебру баканом и ярью веницейскими, репьи на другой стороне по золоту ж и по серебру; тавлейная игра, шахматы рыбьи кости — овощного ряду у торгового человека у Аврама Остафьева; а по договору довелось ему дать денег по цене за доски 26 ал., 4 деньги, за шахматы 20 ал., всего рубль 13 ал. 2 д.

И те доски и шахматы в хоромы к великому государю подал боярин и оружейный Петр Васильевич Шереметев сего же ноября 28 числа.

(1686 г.) В прошлом в 193 и в нынешнем во 194 годех, выдано в Оружейную Палату из хором в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича в. в. и м. и б. р. с., для починки... две тавлеи, шахматы... две доски шахматы... А по осмотру и по скаске костяного и ентарного дела мастера, иноземца Ивана Гана, надобно на починку тех дел, на покупку ентарю, мастики, кости слоновой, денег 89 рублев, 16 ал. 4 деньги [починки требовали также шкатулки, зеркала, чернильницы и т. д.]. А сделаны же дела будут совсем в отделке от сего февраля 23 числа впредь в год.

(1692 г.) Ноября 7-го, по указу в-го г. ц. и в. к. Петра Алексеевича в. в. и м. и б. р. с., окольничей Иван Юрьевич Леонтьев приказал к нему великому государю в поход, в село Преображенское, взять в ряду, по торговой цене, шахматы рыбьи и отвезть в поход, не замотчав. И ноября в 7 день взяты в овощном ряду, у торгового человека у Кузьмы Лукъянова, целая игра шахмат рыбьи кости, а по договору доведется дать ему денег 26 ал. 4 д. А шахматы к нему великому государю в хоромы подал окольничей Иван Юрьевич Леонтьев сего же ноября 7-го числа.

Шахматы составляли одно из любимейших развлечений Петра. В повседневных записях его жизни (в так называемом „Юрнале“) имеется много записей об его шахматных досугах. Приведем некоторые из них. Записи 1714 года: „играл с биткой-попом на сконпавсе“ (17 августа), „играл в шахматы с биткой-попом“ (18 августа), „играл в шахматы“ (13 октября), „был весь день дома и играл в шахматы с биткой Степаном Вытащи (14 октября). Любопытна запись от 16 ноября: „кушал в токарне, и был в ней, зачал точить шахматы“. Такого рода лаконичные записи, более или менее однообразного характера, относятся к 1715, 1716 и 1720 гг., причем большей частью в такой форме: „играл в шахматы с биткой-попом“. Иногда мы читаем: „играл в шахматы с биткой весь день“ (21 ноября 1716 г.), „играл в шахматы до ночи (19 марта 1720 г.), „играл в шахматы весь вечер“ (29 октября 1720 г.).

Из чтения даже этих кратких записей можно видеть, с каким увлечением Петр играл в шахматы. Если по

нездоровью или в силу ненастной погоды он оставался у себя дома, то шахматы являлись его обычным времяпрепровождением. По „Юрналу“ легко проследить, что Петр, если он находился в отъезде, брал с собой шахматы и своего неразлучного попа-битку. Этот шахматный партнер Петра, невольно привлекающий наше внимание своим оригинальным прозвищем, заслуживает того, чтобы на его личности мы остановились более подробно[92].

В записи от 14 октября 1714 года сказано: „был весь день дома и играл в шахматы с бит ой Степаном Вытащи“. Естественно предположить, что здесь речь идет об одном лице. Однако издатель „Юрнала“ был введен в заблуждение отсутствием в подлинных записях всякой пунктуации (что вообще свойственно письму петровских времен). В действительности перед нами два различных лица: поп Битка и Степан Вытащи.

Поп Битка, придворный священник Петра, — по официальным документам Иван Хрисанфович[93], — был в близких отношениях к Петру. Он принимал самое активное участие в так называемом „сумасброднейшем, всешутейшем и всепьянейшем соборе“[94]. Битка, в особенности с 1714 года, почти не разлучался с Петром. Он сопровождал его в военных походах. В 1717 году Битка отправился с Петром в заграничное путешествие, причем французы оставили нам любопытные сведения Прикомандированный к русским гостям француз Либуа пишет своему двору, что Битка был в тягость французам. Обжорством и невоздержанностью в спиртных напитках Битка настолько поразил французов, что о нем стали писать в газетах. В одной из газет (Gazette de la Régence) появилось сообщение, что русский священник, состоящий при царе, выпивает за обедом не менее 12—15 бутылок шампанского. Однако, верный собутыльник царя продолжал и за границей оставаться его неизменным шахматным партнером.

Петр принимал близкое участие в судьбе своего постоянного спутника. Он снабжал его платьем, деньгами и почти не разлучался с ним. Такое отношение Петра к Битке вызывало весьма почтительное отношение к нему и со стороны приближенных царя. До самой смерти Битки Петр не расставался со своим приятелем, и лаконическая запись „Юрнала“ от 23 июня 1720 года отмечает, что русский царь был на погребении попа Битки.

Другой шахматный партнер Петра — упоминаемый в „Юрнале“ Степан Медведь-Вытащи — встречается не раз в мемуарах современников-иностранцев. По „Дневнику“ Берхгольца, Степан Вытащи был палачом и сам пытал „государевых“ преступников. Это свидетельство Берхгольца подтверждается отметкой в „Книге расходной тайной канцелярии“ 1718 г., где записывались выдачи из сумм, конфискованных у лиц, причастных к казненному сыну Петра, царевичу Алексею. Из этой записи видно, что Степан Вытащи получил 10 рублей, которые он издержал на содержание колодников. Но обязанность эта была временной. Степан Вытащи как „служитель дома“ Петра определенной должности не занимал, а был, что называется, человеком „на все руки“. В молодости он служил в Преображенском полку. Близость Степана Вытащи к Петру подтверждается также близким его участием в карнавальных шествиях, о чем упоминают иностранцы, как, например, саксонский дипломат Ле-Форт, описавший карнавал 1722 года. Он отмечает, что в карнавале участвовал „шут его величества Виташий“. Наконец, мы видим Степана Вытащи в компании „всешутейшего собора“, в котором он выполнял роль патриаршего слуги-посошника. „Вытащи“ было прозвищем Степана, полученным в этом шутовском „соборе“.

Петр искренне огорчился, когда узнал, что в Олонце его друг и шахматный партнер упал с лестницы и сломал себе три ребра. Петр даже присутствовал при его операции, однако бесхитростная медицинская наука того времени не помогла Степану, и через несколько дней он умер.

Одним из страстных шахматистов начала XVIII века был также близкий друг Петра князь Александр Данилович Меншиков. На ассамблеях или на дому его часто могли застать за шахматной доской. Шахматы были его почти каждодневным развлечением. В „поденных записках“ от 1727 года неуклонно сообщается: „его светлость изволит забавляться в карты и шахматы“ (30 августа); „в 5-м [часу] вышед в предспальню изволил забавляться в шахматы“ (31 августа); „во втором часу откушав, забавлялся в шахматы“ (1 сентября). Даже незадолго до ареста, когда он мог уже предчувствовать свое падение, мы читаем: „по слушании дел, долго забавлялся в шахматы.., и с четверть часа побыв у е. и. в. в больших верхних палатах, изволил идтить в свои покои

и забавлялся в шахматы, у его светлости были генерал крикс-комиссар Чернышев, ген.-лейт. Ал. Волков, ген.-майор Нарышкин, гофмаршал Шепелев, сталмейстер Кошелев“ [95].

Пример Петра, уделявшего большое внимание шахматам, заставлял и его ближайших сотрудников как можно шире культивировать шахматную игру в своих домах и на ассамблеях [96].

Однако, глубоко пустить корни в русское придворное общество шахматы в то время не успели. Популярность шахматной игры объяснялась в конце концов только отношением к ней Петра. И уже вскоре после его смерти, при Екатерине I, на балах на первый план выступают карты, которые постепенно стали вытеснять шахматы. В царствование Анны Ивановны в шахматы на придворных балах вообще уже больше не играют. Впрочем, как бы некоторой данью былому почету явилось устройство при Анне Ивановне в Зимнем дворце особой шахматной комнаты, украшенной резьбой и позолотой [97] (хотя у нас нет никаких сведений об игре в шахматы именно в этой комнате).

При Елизавете Петровне большим любителем шахмат был ее фаворит граф Кирилл Григорьевич Разумовский. В записках современников нередко вспоминается о материальной помощи, которую он оказывал своему шахматному партнеру — малоимущему офицеру [98].

В мемуарной литературе XVIII века в особенности много говорилось о шахматных досугах екатерининского фаворита Потемкина — „великолепного князя Тавриды“, главного вдохновителя крепостного режима. Известный самодур, он вносил это качество и в шахматную игру. По его приказанию был выписан купец из Тулы, по слухам отлично игравший в шахматы. Потемкин заставлял своего подневольного партнера сопровождать его во время военных походов [99]. К Потемкину был приглашен также известный балтийский шахматист Карл Фридрих Амелунг, приехавший в Москву и Петербург по коммерческим делам. По его рассказам, шахматная игра очень увлекала Потемкина. Страдая бессоницей, он нередко посылал разыскивать по городу шахматистов, которых, несмотря на протесты, приводили к нему. За игрой он не замечал присутствия сановников, пришедших к нему по государственным делам [100]. Даже иностранцы, побывавшие в Петербурге, отмечали, что в доме Потемкина

„гости по желанию могли заняться какой угодно игрой, так как в приемной стояло множество столов с шахматами, триктраком“[101]. Шахматной слабостью Потемкина пользовались многие, чтобы попасть к нему в дом и быть на глазах у „светлейшего“.

Имея в виду шахматные увлечения Потемкина, Державин в оде „Росс в Измаиле“ могему польстить, написав:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукой народы покоряет.

Из других деятелей екатерининского царствования, увлекавшихся шахматной игрой, заслуживает упоминания президент Академии художеств И. И. Бецкой, получивший большую известность в деле развития общеобразовательных учреждений в России. В письме к графу А. Г. Бобринскому (30 октября 1772 года) он пишет: „В присланной шахматной ко мне игры, сделанной из илецкой соли, я за ваше намерение благодарю, но тот, которому вы велели оную передать, видно, никогда не езжал в дорогах, потому что не имел ловкости уложить, а я оную получил истертую в кусочки“[102].

В XVIII веке шахматы не были чужды и женскому обществу. Широко образованная художница Н. В. Головина рассказывает в своих „Воспоминаниях“ о том, что она „проводила большую часть вечера за шахматами“[103].

С именем Екатерины II, страстно любившей, как известно, разыгрывать из себя ценительницу и покровительницу наук и искусств, связаны первые сведения о четверной шахматной игре, получившей в XVIII веке большое распространение в России.

На распространение в России этой разновидности шахматной игры указывает даже иностранец Кокс: „Русские также играют в шахматы вчетвером — два против двух. Игра происходит на доске большего размера, чем обыкновенная, с большим количеством клеток и фигур. Мне сообщили, что игра труднее обычной, но зато требует большей согласованности“[104]. Известный русский шахматист А. Д. Петров слыхал от своего деда, что Екатерина II любила эту игру[105]. Действительно, в неопубликованных записках екатерининского пажа А. А. Башилова говорится, что „государыня, нагулявшись, всегда садилась играть в шахматы вчетвером“[106].

О распространении шахмат при царском дворе можно судить также по распоряжению Екатерины II, чтобы

в комнатах Покровского дворца в селе Покровском (под Москвой), куда русская императрица часто наезжала веселиться со всеми своими придворными, „иметь белиар со всеми принадлежностями, карты, шахматы, кости, ломберные столики и другие ко увеселению потребности, так, как в Царском селе“ [107]. Для этой цели были закуплены три комплекта костяных шахмат (резные, гладкие моржовые и гладкие мамонтовые).

В воспитании сына Екатерины Павла шахматы занимали не последнее место. Специально для него были куплены у жителя г. Архангельска Дудина шахматы резной работы за сто рублей; в детском возрасте Павел эти шахматы „устанавливал на столе с особыми своими воображениями и диспозициями“. Однако, подрастая, он часто играл в шахматы со своим воспитателем Семеном Порошиным и сверстником А. Б. Куракиным, причем любил вносить в шахматную игру элемент азарта. Так, в записках его воспитателя читаем: „Перед обедом Т. И. Остервальд и К. Ф. Круз играли партию в шахматы. Великий князь изволил поставить рубль за Остервальда“ [108]. „Интерес“ к шахматам в таком виде Павел сохранил и в более зрелом возрасте, когда находился в заграничном путешествии: в Париже он был в знаменитом Café de la Régence и тоже „ставил“ за кого-либо из играющих в шахматы [109]; в Вене ему показывали обошедший всю Европу таинственный автомат Кемпелена [110], и, вероятно, по его приглашению, владелец автомата побывал в русской столице. Этот приезд Кемпелена несомненно должен был сыграть большую роль в оживлении шахматной игры. Появление „кемпеленова автомата“, жульнический секрет которого не был еще открыт, произвело большое впечатление и на лиц, не игравших в шахматы. Екатерина II собиралась даже купить его, однако, Кемпелен сумел ловко отклонить это предложение [111].

С Павлом путешествовал по Европе его гофмейстер, немецкий поэт и генерал русской службы Ф. М. Клингер. При дворе Екатерины II он и племянник Марии Федоровны (жены Павла) принц Евгений Вюртембергский весьма часто играли в шахматы [102].

Павловская Россия, во главе со своим „августейшим“ полицмейстером, оставила слабый след в истории русских шахмат. Едва ли достойно упоминания свидетельство одного современника о том, как по приказу Павла

на другой же день после смерти его матери толпа полицейских разукрашивала в шахматные цвета заборы, двери и окна домов, фонари и столбы на улицах[113]. Однако, несомненно, что в его семье играли в шахматы, о чем упоминается в придворном журнале. Шахматы были любимым занятием в детстве его сыновей—Николая (в будущем царя) и Михаила, причем в шахматах, судя по журнальным записям, отражалась противоположность характеров двух братьев: „старший брат все только нападал и действовал наскоком, младший хитрил и озадачивал его неожиданными, остроумными ходами“[114].

Бросая общий взгляд на развитие шахматной игры в России в XVIII веке, мы убеждаемся, как далеко опередила нас в то время шахматная Европа. Правда, иностранцы еще восхваляют русских шахматистов, но и они уже отмечают, что в массах предпочитают шашки. Смешение правил и оторванность от европейской шахматной культуры несомненно привели к падению шахматного искусства в России. Шахматная игра целиком носила на себе отпечаток кустарной самобытности. Богатой шахматной литературе, ряду блестящих представителей шахматной мысли (Лопес, Сальвио, Греко, Филидор) русское шахматное искусство не могло противопоставить ничего положительного.

Как мы видели, шахматы в XVIII веке сосредотачиваются главным образом среди знати и высшего чиновничества. Едва ли эта среда могла выдвинуть шахматный талант. И действительно, русское дворянство до первой четверти XIX века не дало ни одного выдающегося шахматиста. В зачаточном состоянии находилась и шахматная литература. Из „любопытства“ секретарь пекинского посольства А. К. Леонтьев издал в 1775 году „Описание китайской шахматной игры“. В 1791 году вышел перевод (отдельным изданием) статьи Франклина о морали в шахматах,—книжки, не имеющей практического значения. Этими двумя случайными изданиями исчерпывался весь „книжный фонд“ русских шахмат, а в русской периодической печати XVIII века не появилось ни одной даже малозначительной статьи, посвященной шахматному искусству.

С таким скудным багажом вступило русское шахматное искусство в XIX век.

Глава пятая

ШАХМАТЫ В РУССКОМ ЭПОСЕ

Шахматы нашли свое отражение также и в устном творчестве русского народа. И нужно сказать, что эти художественные памятники народной старины свидетельствуют о распространенности шахмат, пожалуй с еще большей убедительностью, чем приведенные нами свидетельства иностранцев и скупые на высказывания о народном быте официальные исторические документы.

Прежде всего обратимся к былинному эпосу. Начнем с излюбленных героев русских былин — Ильи Муромца и Добрыни Никитича, не без удовлетворения отметив, что русский народ не обделил этих своих любимцев и шахматным дарованием.

В цикле былин об Илье имеется былина: „Илья и Калин-царь." Из нее мы узнаем, что шахматная игра является любимым развлечением русских богатырей (а такой былинный образ является, очевидно, не чем иным, как отражением высокой оценки шахматной игры в народном сознании). „Племянник" князя Владимира Ермак Тимофеевич встречается с русскими богатырями и видит:

Сидят молодцы во белом шатре,
В белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы
Во тыи велеи золоченые.[115]

По сюжету примыкает к этой былине другая, под названием „Илья, Ермак и Калин-царь", в которой Ермак обращается к богатырям:

— Ай же вы, могучие богатыри!
— Едите вы, пьете, утешаетесь,

— Играете во шашки во шахматы,
— Остался князь Владимир кручиноват,
— Кручиноват князь, печаловат.[116]

В былине „Добрыня и Василий Казимиров“ оба героя отправляются от имени князя Владимира в „земли Сорочинские“ уплатить „дани-выходы“ королю Бутеяну Бутеяновичу. Король обращается к богатырям со следующими словами:

— Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
— Богатыри вы святорусские!
— Кто из вас горазд играть в шашки-шахматы,
— Во славны во велеи во немецкие? —
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
— Ай же, король Бутеян Бутеянович!
— Я не знал твоей утехи королевские,
— И не знал твоей ухватки богатырские, —
— А у нас все игроки дома оставлены;
— Столько мы надеемся на спаса и пресвятую богородицу
— Во третьих, на младого Добрынюшку Микитинца.
Приносили к ним доску шашечну.
Молодой Добрынюшка садился за золот стол,
Стал играть с королем в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкие.
Со стоя он великие горячности
На той дощечке на шашечной
Просмотрел ступень шашечный, —
Король обыграл Добрынюшка Микитинца первый раз,
И говорит Добрынюшка Микитинец:
— Ай же, братьица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
— Не бывать-то нам на святой Руси,
— Не видать-то нам свету белого:
— Проиграл я свои головушки молодецкие
— Во славные во шашки во шахматы
— И во эты во велеи во немецкие.
Сыграл Добрынюшка-то другой раз,
Другой-то раз короля пообыграл,
Сыграли оны и третий раз,
Третий раз он короля пообыграл.[117]

Этот отрывок из былины очень любопытен. В нем совершенно ясно указывается на „немецкий“ характер шахмат. Несомненно, что шахматные мотивы в такой редакции могли быть привнесены в начале или середине XVIII века, когда уже сильно сказывалось западно-европейское влияние на русскую шахматную игру.

В былине о Ставре Годиновиче рассказывается, как Ставр, боярин и гусляр, похваляется на пиру своей женой. Князь Владимир велел заточить Ставра, а жену его привезти к себе. Узнав об этом, жена Ставра приезжает под видом посла Золотой Орды и требует дани.

Происходит испытание пола мнимого посла, и одним из этих испытаний являются шахматы. Князь Владимир —

Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями;
Первую заступь заступовали
И ту посол поиграл [т. е. выиграл],
Другую заступь заступовали
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали:
Шах да и мат, да и под доску.

В других былинах жена Ставра появляется под видом жениха, сватающегося к дочери князя Владимира.

Спроговорит Владимир стольне-киевской:
— Ай же дородний добрый молодец:
— Не угодно-ль поиграть в шашки в шахматы заморские?
А спроговорит дородний добрый молодец:
— У нас он эвтом делом не сведано,
— Игроки у меня с дому не взяты.
— Пожалуй, поиграем в шашки в шахматы заморские. —
Обыграла царя со царицею,
Всех игроков придворных.
Говорит Владимир стольне-киевской:
— Ай ты дородний добрый молодец!
— Больше у меня некому с тобой играть
— В шашки шахматы заморские.
А спроговорил дородний добрый молодец:
— Никто в Расеи не мог меня обыграть,
— Один-то меня и обыгрывал Ставер Годинович.
— Когда я бывал во Чернигове,
— Один-то он меня обыгрывал.

В другой былине о Ставре, записанной Н. Ончуковым, рассказывается:

Говорит на то-де солнышко Владимер-князь:
— Я накину на тебя службу тяжолую:
— С моима с игроками поиграть сперва,
— Как во ти ещэ во пешецьки, во шахматы:,
— Как обыграшь ты моих-ле игроков ище,
— Я отдам тогда тибе Ставра, отдам безденежно.—
Говорит на то Василей-от Иванович [жена Ставра]:
— Я бы знал-ле ваши замыслы княженецкие,
— Я бы брал с собой людей ноньце уцёных,
— Как маленько с измалёшка я, Васька, игрывал.
Принесли ноньци-де пешецьки точёные,
Принесли-де ка'дошоцьку да позолочену,
Ой как стали они играть в пешки-ле шахматы,
Говорят они игроки нонь княженецкие:
— Ты ходи-же нонь юдалой доброй молодец,
— Ищэ ты-ле Василей сын Ивановиць.
— Как которой накликат, тот наперёд ступат. —
А как идут нонь игроки нонь княженецкие,

Как ступили они во пешецьки, во шахматы,
Как ступил ноньце Василей сын Ивановиць,
А другой-де раз ступил, да им ходу не дал,
А во третий раз ступил, дак им с доски сгонил[118].

Этот былинный рассказ о шахматной игре весьма любопытен. Наше внимание привлекает следующая строка: „Как которой накликат, тот наперёд ступат“,— не дается ли в этих словах былины отображение шахматного правила, какой из сторон начинать партию? К сожалению, оба приведенных нами отрывка былин сильно модернизированы. Шахматы именуются игрой „заморской“, „ученой“, и в то же время „царь с царицей“ и все „придворные игроки“ оказываются битыми „добрым молодцом“.

Богатырь Михайло Потык, подобно большинству русских богатырей, также рисуется в былинах воином киевского князя Владимира. На его обязанности лежит взимание дани. О шахматном искусстве Михайла Потыка рассказывается в различных вариантах во многих былинах. Для историка шахмат большой интерес представляет тот отрывок из былины, в котором герой приезжает послом к бухарскому царю. На вопрос последнего „чем у вас на Руси забавляются?“ Потык отвечает:

— У нас на Руси забавляются,
— Играют во шашки во шахманки.

Затем они играют в шахматы, и Михайло Потык, проиграв дважды, выигрывает третью, решающую партию.

В другой былине Михайло Потык сам предлагает царю Вахрамею Вахрамеевичу сыграть в шахматы. На вопрос царя, зачем он к нему приехал, Михайло Потык отвечает:

— Зашол-то я сюда заезжал к тебе,
— А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
— А я слыхал — скажут ты оховоч играть
— Да в доски-ты шахматны,
— А в дóроги тавлеи золоченыи,
— А я-то ведь еще уж также бы.
— Поиграем-ко во доски мы шахматны,
— В дóроги тавлеи золоченыи.

Далее, как обычно, во всех былинах устанавливается ставка („сорок телег золотой казны“ за сорок лет службы).

— Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
Охвоч играть во доски-ты шахматны
А в дороги тавлеи золоченыи,
Всякого-то ведь он да поиграл.
Как тут-то себе да ведь думает:
А наб мне молодца да повыиграть.

В дальнейшем следует описание игры, из которой Михайло Потык трижды выходит победителем.

Шахматный мотив с различными вариантами встречается и в других былинах о Михайле Потыке. Он играет с польским королем.

И садил играть его во шахматы:
— Если я тебя поиграю, голова с плеч долой,
— Если ты меня поиграешь, так в вине тебя бог простит.
Михайло Потык сын Иванович
Раз ступает — не доступывает,
Во вторых ступает — переступывает,
А во третьих королю и мата дал, —
Выиграл Михайла свою голову.

Далее ставкой игры является польское королевство и, наконец, — голова короля. В решительной борьбе победителем опять выходит Михайло Потык.

Интересно отметить, что русский эпос именно Михайлу Потыка наделяет качествами знаменитого и непобедимого шахматиста. В одной из былин о нем говорится, что Илья, Добрыня и Потык отправляются на сбор дани из разных государств. В то время как первые двое без приключений получают дань, Михайло Потык вынужден для этого играть с шведским королем в шахматы.

В другой былине Потык отправляется к турецкому королю, чтобы отомстить за поражение, которое тот нанес в шахматном состязании князю Владимиру. Герой былины не только отыграл все проигранное Владимиром, но и выиграл дочь турецкого короля[119].

Былины о Садко, богатом „новгородском госте“, весьма наглядно рисуют бытование шахмат в торговой среде. Здесь мы находим упоминание о драгоценной шахматной доске с золотыми фигурами, которую герой берет с собою на дно озера Ильменя.

Морской царь обращается к Садко:

— Ют ты здравствуёшь, Садко купец богатыя!
— Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
— Да во те-же, во пешки, нынь во шахматы[120].

Другой былинный богатырь — молодой Чурило Пленкович, своим богатством затмивший князя Владимира играет в шахматы с Катериной Микуличной.

— Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть с ним во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
— Младое Чурило ты, сын Пленкович!
— Я тебя поиграю, тебя бог простит;
— А ты меня поиграешь, тебе сто рублей.
Первый раз Чурило ей мат давал,
Взял с Катерины денег сто рублей;
Другой раз играл, ей другой де мат давал,
Взял с Катерины денег двести рублей;
Третий раз играл, ей де третий мат давал,
Взял с Катерины денег триста рублей.

Почти во всех многочисленных былинах, записанных о „Смерти Чурилы", встречается с различными вариантами приведенный нами шахматный мотив [121].

Шахматные мотивы нашли свое отражение и в русских народных песнях. В них действующими лицами, играющими в шахматы, обычно выступают „добрый молодец" и „красна девица", причем верх всегда берет „девица". В песне о „Молодце и худой жене" „доброго молодца", возвратившегося после долгого отсутствия, не узнает жена. Он напоминает ей:

— Играли часто во шахматы турецкие,
— Я с тебя часто езды брал.

Здесь русское народное творчество указывает, очевидно, на проникновение к нам шахмат с Востока.

Впрочем, в другом варианте этой же песни поется:

— Да играли мы с тобою в шашки в шахматы
— Да во славны во велеи во немецкие [122].

Большой интерес представляет песня, напечатанная уже в песеннике 1780 года.

Играет девица с добрым молодцем
В большую игру во тавлейную,
Во те ли во тавлеи, во шахматы.
Играл молодец о трех кораблях,
А девица играла о буйной голове.
Уж как девица молодца обыграла [123].

Характерно встречающееся здесь упоминание о „большой тавлейной игре": этот термин был в употреблении в городских слоях населения до конца XVIII века.

В другой записи той же песни мы читаем:

Во игры-то играть была она горазная,
Во игры играть, да мелки шахматы [124].

О женском превосходстве в шахматах говорится и в другой песне, в которой, среди „восемьсот удалых молодцев“, сидит

Меж ими-то красна девица;
Она гораздна была играть в шахматы;
Обыграла удалого добра молодца... [125]

В других песнях поется, как „добрый молодец“ с „красной девицей“ „играют во игры серебряные“.

Таким образом, из краткого обзора русского народного эпоса и старинных народных песен (нами приведены далеко не все былины и песни, в которых ярко выступают шахматные мотивы) мы получаем прекрасную иллюстрацию широкого распространения шахматной игры среди русского населения в XVI—XVII веках. Упоминания о шахматах носят не случайный характер и иногда сопровождаются интересными подробностями, важными для нас в отношении древнерусской шахматной терминологии. Вместе с тем, необходимо отметить, что во всех былинах, где упоминаются „казацкие сыны“, или в былинах, записанных в казацких станицах, говорится только о шашках, „шашильцах“, тавлеях [126].

Характерным продуктом народного творчества, наряду с былинами и песнями, являются пословицы. В них также отразился прошлый быт русского народа. До нас дошли некоторые пословицы, сложенные еще в древней Руси; они встречаются в летописях и других памятниках (в частности, в притчах). В различных старинных рукописях между статьями церковно-поучительного характера часто помещались собрания пословиц. Первые сборники русских пословиц появляются в рукописных списках в XVII веке. Наиболее известный из них носит название „Повести или пословицы всенароднейшые по алфавиту“, причем в „предисловии до читателя“ неизвестный составитель утверждает, что собранные им пословицы составлены „издревле, мню яко лет за сто или больше“ [127]. В отличие от других рукописных сборников, наполнявшихся обыкновенно изречениями из религиозных книг, в этом сборнике, как говорит сам составитель, „мирстии жители простою речию говорят“. Вот почему

указанный нами выше рукописный сборник пословиц приобретает для нас важное значение. В нем мы находим четыре шахматных пословицы:

Шашки — в кузов.
Шахнул ему — с поля долой.
Шахнуть да махнуть — ан и вся игра.
Шахматы играть — своих оберегать [128].

Все эти пословицы носят наставительно-практический характер.

Трудно указать время возникновения любопытной пословицы, указывающей на конечный итог игры:

Шаханья много — да мат один [129].

Но, очевидно, и она довольно древнего происхождения.

Две пословицы употребляют шахматный термин в качестве сравнения:

Дожили до мату, что ни вина ни табаку.
Дожили до мàту: ни хлеба про голод, ни дров про хату [130].

Наконец, не лишена интереса пословица:

Слон добро к слову, а ладья к перевозу.

Саргин полагает, что она создалась в тот период, когда в России стали известны европейские правила игры; „перевоз“, по его мнению, есть русский термин рокировки, который не удержался, так что смысл пословицы таков: „слон хорош для шахов, а ладья для рокировки“ [131].

Глава шестая

ОБЩИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ШАХМАТ В XIX И XX ВВ.

Общественное движение в России в начале XIX века сыграло известную роль и в развитии шахматной игры.

Возвратившись из заграничного похода после наполеоновских войн, возбужденная событиями, участниками и свидетелями которых она была, передовая офицерская молодежь, недовольная царившим на родине порядком, образовывала кружки, в которых велись беседы о политическом положении России. Наряду с обсуждением вопросов о конституции, об угнетенном состоянии крепостных крестьян, о жестоком обращении с солдатами и т. п., лица, посещавшие такие собрания, отдавали свои досуги и шахматной игре. Декабрист И. Д. Якушкин рассказывает о времяпрепровождении офицеров Семеновского полка, пользовавшихся репутацией культурнейших людей своего времени. В Семеновском полку, по словам Якушкина, в 1815—16 г. офицерами была организована артель, и после обеда обычно одни играли в шахматы, другие читали иностранные газеты.[132] Именно среди декабристов шахматы пользовались особенно большой популярностью (см. ниже главу „Шахматы в жизни русских революционеров").

Проникновение шахмат в среду лиц, связанных между собой интересами политическими, общественными и особенно литературными, знаменует новый период в истории распространения шахматной игры в России. Замкнутая в XVIII веке преимущественно в узком придворном кругу, игра в шахматы в начале XIX века проникает уже к нарождающейся интеллигенции. Круг интересующихся шахматами начинает постепенно расширяться.

В 1822 году один предприимчивый иностранец поместил в газете объявление следующего содержания: „Некто, приехавший из Стокгольма, желает давать в шахматы уроки, которые служат для военных полезным занятием, для ученых приятным препровождением времени, а всякого молодого образованного человека изощряют размышление и ум. Жительство он имеет у Кукушкина моста по Екатерининскому каналу, в доме аптекаря Трута, под № 181, у господина Гольдшмидта“ [133].

Конечно, это объявление не могло бы появиться при полном равнодушии русского общества к шахматам, точно так же, как мы напрасно стали бы искать такого рода объявлений в предшествующем столетии, когда шахматы являлись привилегией немногочисленной прослойки и, следовательно, не могли рассчитывать на широкое распространение.

При том интересе к шахматам, который стал проявляться (в особенности в Петербурге) в первой трети XIX века, естественно было ожидать, что явится потребность и в шахматной литературе. Однако, в действительности число изданных шахматных книг было совершенно ничтожно. Такое явление мы склонны объяснить в значительной степени тем, что русским шахматистам была известна европейская шахматная литература. У Петрова, Яниша и у других шахматистов были прекрасные шахматные библиотеки [134].

Первым шахматным учебником на русском языке является компиляция, составленная на основании популярного немецкого руководства Иоганна Коха „Codex der Schachspielkunst“ (Магдебург, 1813—1814) [135]. Автором компиляции был Иван Бутримов (1782—1851), издавший свою работу в 1821 году под названием: „О шахматной игре“. До издания книги Бутримова в 1791 году была издана в переводе с французского упомянутая выше статья Вениамина Франклина „A moral of chess“ под названием „Правила для шашечной игры“ (12 страниц) [136]. Заслуживает также внимания сокращенный перевод немецкой книги профессора Г. Галле „Magie oder die Zauber-Kräfte der Natur“ (12 частей), вышедший в 1799—1804 гг. под названием „Открытые тайны древних магиков“ и т. д. (9 частей), так как переводчик Василий Левшин поместил шесть задач, заимствованных им из руководства итальянского шахматиста Алессандро Сальвио („Trattato

del l'inventione et arte liberale de gioco di scacchi", 1694 г.). Этих задач в немецком оригинале мы не находим. Таким образом, ясно, что В. Левшиным преследовалась определенная цель — ознакомить русского читателя с шахматной игрой[137].

Интерес к шахматам в начале XIX века безусловно возрастал, однако еще долгое время шахматам приходилось бороться за право на существование. Ведь недаром „иностранцу из Стокгольма" приходилось доказывать в газетном объявлении пользу от шахмат для „военных, ученых и молодых образованных людей". Бутримов также, очевидно, опасался, что его руководство может пройти незамеченным или вызвать недоумение, если не насмешки. Вот почему в предисловии он писал:

„После того, как являются у нас новые издания об играх в карты и фанты и проч., можно надеяться, что описание шахматной игры, как бы оно несовершенно ни было, будучи еще почти первое на отечественном языке, найдет читателей, желающих узнать о предмете, изъяснение которого на иностранных языках доведено до совершенства классических сочинений Филидором, Кохом и другими авторами.

„Не распространяясь на похвалах сей игре, превознесенной многими прозою и стихами, я ограничусь только указанием, во-первых, на то, что она есть одна из тех немногих игр, в которых счастье ни мало не участвует, но все зависит от рассуждения и предусмотрительности, а потому играть в нее и без денег очень занимательно; и, во-вторых, что шахматы издавна составляют любимую забаву славнейших людей: военных, видящих в сей игре науку войны, и мудрцеов, находящих ее достойною ума своего. В сем занятии сверх приятного провождения времени есть и польза, подобная, может быть, происходящей от изучения математики, со стороны получаемой привычки к рассуждению.

„Сие да может послужит оправданием, что некоторые из свободных часов употреблены мною на издание, а читателем на прочтение сей книжки".

Мы привели эту длинную цитату, чтобы яснее иллюстрировать взгляд на шахматы, господствовавший в русском обществе в начале XIX века. Еще более сквозит неуверенность в том, как публика отнесется к шахматной игре, в небольшой брошюрке, изданной в 1828 году

в Москве и посвященной основным правилам шахматной игры (впрочем, „правила“ излагаются таким способом, что едва ли читатель усвоит их). Анонимный автор „Правил шахматной игры и московского бостона без ремизов“ смиренно „просит извинения у строгих ученых судей наших, что занимает читающую публику такими безделками“[138]. Итак, в лучшем случае шахматы имеют право на существование наряду с картами. Именно в XIX веке особенно чувствуется конкуренция шахматной и карточной игр. Впрочем, иногда они мирно уживаются, служа общей цели — азарту. Шахматы как источник азарта были характерным явлением вплоть до самой Великой Октябрьской Социалистической Революции. Установившаяся традиция игры на ставку впитывалась в плоть и кровь ряда поколений русских шахматистов. По этому поводу один наблюдательный иностранец, знакомый с петербургскими шахматными кругами 50-х годов, замечал, что у нас твердо установился обычай играть на ставку[139].

Однако, в целом шахматы в дореволюционной России большей частью вытеснялись картами. Недаром в 50-х годах в небольшой заметке, появившейся в одной из петербургских газет по поводу открытия шахматного клуба, говорилось: „Если бы составилось общество любителей карточной игры, то собрание надлежало бы созвать в степях новороссийских, потому что невозможно было бы соорудить здание для всех любителей карт; для шахматного же клуба помещение найдется“. С этой заметкой перекликается передовая статья гениального русского шахматиста М. И. Чигорина, с горечью отмечавшего, что „шахматная игра, как не подходящая под уровень вкуса и только-что высказанных потребностей (Чигорин выше писал об увлечении русского общества карточной игрой. — *М. К.*), не имеет возможности занять в настоящее время то преобладающее положение среди других игр, на которое она имеет полное право, как наиболее умная и глубокомысленная игра“[140].

Пренебрежительное отношение к шахматам сохранялось довольно продолжительное время. В этом отношении весьма любопытно мнение известного публициста, видного представителя царской бюрократии Н. И. Бахтина. На вопрос, обращенный к нему автором воспоминаний Д. Н. Свербеевым, играет ли он в шахматы, Бах-

тин ответил: „Видишь ли, мой любезнейший, двадцатилетним юношей я старательно изучал шахматную игру и добивался сделаться ее знатоком, а когда убедился на опыте, что часто люди весьма посредственных способностей по долгом в этой игре упражнении делаются ее знаменитостями, то бросил совсем шахматную доску. Игра сама по себе скучна, а превосходство в ней моего самолюбия не удовлетворяет“ [141]. Эта забавная реплика последовала, между прочим, в присутствии известного русского шахматиста А. Д. Петрова.

Несомненно Бахтин отражал взгляды довольно значительного круга людей. В нашем распоряжении имеется черновой набросок предисловия Петрова к подготовлявшемуся им новому изданию его учебника, в котором, между прочим, читаем: „Приятель мой, Николай Иванович Греч, укорял меня, что шахматною игрою я убиваю много времени у молодых людей, которое можно употребить на лучшее“.

Однако, нужно оговориться, что в литературной среде, в которой особенно культивировались шахматы в первой половине XIX века, существовал иной взгляд на шахматы. Выразителем этого взгляда был А. С. Пушкин, считавший, что шахматы являются необходимой принадлежностью каждого культурного дома. Все же эти голоса были одиноки.

В литературных кругах интерес к шахматам привлекали помещаемые в журналах заметки, рассказы и повести на шахматные темы [142].

В 1856 году газета „Санктпетербургские Ведомости“ под редакцией К. Яниша открыла было специальный шахматный отдел, (о чем даже сообщалось в иностранной прессе [143]), однако, просуществовал он всего полгода. „Живописная Русская Библиотека“, издаваемая К. Полевым, обещала в 1858 году при содействии петербургского шахматного клуба сообщать задачи, партии и даже печатать статьи, посвященные теории шахмат, но дело ограничилось помещением трех задач, двух партий Морфи и небольших заметок.

Наиболее значительное явление русской шахматной печати первой половины прошлого века представляет перевод французского учебника Лабурдонне, вышедший в 1839 г. под названием „Новейшее начертание о шахматной игре“. При своем появлении перевод встретил многочисленные отзывы, напечатанные в русских журналах [144].

Все эти слабые попытки популяризации шахматной игры не могли дать большого эффекта, вследствие того, что, по условиям того времени, шахматы культивировались в сравнительно небольшом кругу. Недаром первый русский шахматный журнал „Шахматный Листок“ (1859 г.) совершенно категорически заявлял в передовой, что „журнал, исключительно посвященный шахматам, едва ли может существовать в настоящее время в России“ [145].

Достаточно сказать, что такое уже обычное явление на Западе, как игра не глядя на доску, вызывало в широких кругах не только удивление, но и недоверие. В одном из литературных альманахов в начале 40-х годов можно прочесть следующее сообщение под заголовком „Идеал шахматных игроков“: „Знаменитый парижский игрок в шахматы, г. Лабурдонне, весьма недавно представил блистательное доказательство своего умения, выиграв у одного известного члена Лондонского шахматного клуба, вдруг [одновременно] две партии; а что всего удивительнее — выиграл их, *оборотясь лицом к стене,* между тем как проигравший англичанин *смотрел в оба* на обе партии. Если это не пуфф журналистов, то г. Лабурдонне не игрок, а чудо“ (курсив подлинника) [146].

Однако, такое же „чудо“ через несколько лет появилось и в Москве. В одной из московских газет, под широковещательным заголовком „Замечательный шахматный игрок в Москве“, появилась заметка, которую приведем целиком, как документ, любопытный для характеристики взглядов того времени на шахматы:

„Третьего дня мы были свидетелями замечательного шахматного боя. Рассказы об искусстве и соображении знаменитого Лабурдонне казались нам невероятными; видим теперь, что чудеса, которые мы о нем читали, дело сбыточное. Отставной подпоручик Ив. Степ. Томашевский играл при нас в шахматы с одним из лучших московских шахматных игроков и играл, не глядя на шахматную доску. Более часа продолжалась игра, и г. Томашевский в продолжение этого времени нимало не подался. Он ходил скорее своего противника и в случаях затруднительных, как бы читая монолог, рассказывал нам вслух положения игры и где опасность, потом говорил, куда ставить его шашку. Неожиданный случай прервал игру, и тогда мы просили г. Томашевского

сказать положение белых и черных шашек; он сделал это безошибочно. В продолжение этого часа изумление наше все возрастало; скажем более: мы боялись за г. Томашевского и не понимали, как может выносить его голова такое напряжение памяти и воображения. Нужно прибавить, что свидетели игры не слишком стеснялись выражать громко свое удивление, и г. Томашевский не только на это не сетовал, но принимал и сам участие в разговоре. Гг. охотники до шахматной игры! Хотите ли, чтоб вам дали урок смирения? Пригласите г. Томашевского, живущего в Красном Селе, на Тычке, в своем доме, он готов к вам приехать и играть с вами, но проиграть вам не может" [147].

Вполне естественно, что в силу слабого развития шахматной игры в России в 40-х годах, при замкнутости и ограниченности круга шахматных любителей, едва ли широкой публике было известно, что такие же „чудеса" неоднократно проделывали и А. Д. Петров и П. Л. Шиллинг, а также другие русские шахматисты.

О непопулярности шахматного искусства в начале второй половины XIX века свидетельствуют направленные против шахматной игры и против журнала „Русское Слово" (при котором выходил в качестве бесплатного приложения „Шахматный Листок") статьи, помещенные в 60-х годах на страницах сатирического журнала „Искра". Каким образом, — писала „Искра", — общественно-литературный журнал, который говорит о себе, „что к интересам народа направлена его основная мысль, что он разделяет и будет разделять его (народа) радости, смеяться его смехом и горячо сочувствовать его горю", каким образом такой журнал может публично объявлять себя органом распространения тупоумия в народе и печатать на своих страницах такую позорную галиматью?" „Искра" прямо заявляла, что „Шахматный Листок" является „органом обскурантизма, оказывающим вредное влияние на общественное развитие страны" [148].

„Искра" не разобралась в культурном значении шахмат. Она выступала, конечно, в первую очередь против шахмат, как забавы сытых людей, стоявших в стороне от общественных интересов той эпохи. Однако заблуждение популярного сатирического журнала заключалось в том, что он шахматы ставил на одну доску с картами.

Нападки „Искры" попали в цель. Г. А. Кушелев-Безбородко, шахматный меценат и издатель журнала „Рус-

ское Слово“, решил „уступить“, и 8 марта 1862 года он обратился в цензурный комитет с просьбой разрешить ему открыть подписку на „Шахматный Листок“ независимо от „Русского Слова“, на что 26 марта последовало разрешение министерства народного просвещения [149].

Из краткого обзора развития шахмат в России в первой половине XIX века мы можем сделать весьма печальные выводы. Правда, в это время среди русских выдвинулось несколько шахматистов, которые могли уже до некоторой степени конкурировать с западноевропейскими, как, например, Петров, Яниш, Шумов и Урусов. Однако, в основном шахматная жизнь в России развивалась очень медленными темпами. Основная причина, как мы уже отмечали, заключалась в том, что шахматное искусство развивалось среди узкого круга людей. Царское правительство даже в позднейшую эпоху с опаской давало разрешения на открытие шахматных кружков, регламентируя устав таким образом, чтобы воспрепятствовать доступу „нежелательных элементов“.

Естественно, что русское шахматное искусство при непосредственном соприкосновении с западно-европейским шахматным движением безусловно прогрессировало. Подъему шахматной культуры весьма способствовали выступления русских шахматистов в международных турнирах, в особенности М. И. Чигорин.

Однако, даже в чигоринскую эпоху русское шахматное движение всецело зависело от отдельных лиц — меценатов — и, лишаясь поддержки последних, неукоснительно шло на убыль. Особенно это ощущалось в 50—60-х годах, когда роль шахматного мецената выполнял граф Кушелев-Безбородко [150]. Достаточно показательным фактом может служить ироническая сентенция ближайшего сотрудника Кушелева-Безбородко, редактора журнала „Шахматный Листок“ Михайлова: „...периодическое охлаждение петербургских жителей к шахматам по мере возвышения температуры, происходит не от любви к природе и идиллическим дачным наслаждениям, а просто-напросто от того, что вкус к благородной игре еще не довольно развит у нас, число ее адептов слишком незначительно. Впрочем, дело не в причине, а в самом факте: Петербург, мало играющий в шахматы зимою, летом вовсе их покидает“ [151]. Деятельность Кушелева-Безбородко, как и последующих меценатов, вроде Ю. Самарина, П. Сабурова [152], Д. Иловай-

ского, М. Жеребцова и др., скорее давала отрицательные результаты, ставя устройство того или иного состязания в полную зависимость от случайного каприза людей, для которых отнюдь не было дорого русское шахматное движение как таковое. Деятельность меценатов основывалась, главным образом, на чисто спортивных соображениях, тем самым культивируя специфически спортсменский дух среди самих шахматистов. Жертвой меценатства пал и гениальный Чигорин, покровители которого немедленно отвернулись от него при первых же спортивных неудачах, не захотев рисковать напрасно своими деньгами. Еще недавно материально и морально поддерживавшие русского чемпиона, они нашли возможность устроить в Москве в 1896 году матч-реванш Стейница с Ласкером, но даже не сделали попытки организовать матч Ласкера с Чигориным. „Чемпионам“ в буржуазной среде прощается все, кроме поражений. Нельзя также не отметить, что Чигорин только в возрасте 31 года впервые стал играть в международных турнирах. Очевидно до тех пор меценаты не были уверены в успешности выступлений русского чемпиона и не давали денег на поездку за границу.

В каких тисках находился в условиях „меценатства“ Чигорин можно судить по следующей, например, заметке, помещенной в одной из петербургских газет: „Быть-может, человечество полюбопытствует узнать, каким образом он [Чигорин] ухитряется играть в Гаванне [речь идет о матче Чигорина со Стейницем в 1892 г.] на несколько тысяч рублей. Разгадка — проста. Чигорин, выражаясь рыночным жаргоном, играет не от себя, а от хозяев. Предприимчивые люди устраивают „складчину“, дают ему деньги и говорят: „— На, играй. Выиграешь, — половина выигрыша твоя, проиграешь, ну бог с тобой — не разоримся“ [153].

Действительно, газетная заметка не преувеличивала. Для иллюстрации приведем выдержку из официального документа — циркуляра Петербургского общества любителей шахматной игры к русским шахматистам по поводу предполагавшегося матча Стейниц — Чигорин в 1889 году:

„Так как ни сам Михаил Иванович, ни С.-Петербургское Общество Любителей шахматной игры не имеет достаточно средств, необходимых как для покрытия расходов, сопряженных с поездкой в Америку, так и

для требуемого пари, то ваш покорный слуга, уполномоченный Обществом организовать осуществление матча, обращается ко всем русским шахматистам, которые, как известно, относятся не индиферентно к национальной гордости, помочь в этом деле, во-1-х, личным участием в подписке — *на пари* и, во-2-х, приглашением к участию других любителей.

„Условие подписки заключается в том, что если Михаил Иванович выиграет матч со Стейницем, то подписные деньги не только возвращаются полностью, но еще и *с барышом*, который определится за вычетом из выигранной ставки расходов по поездке, пропорционально подписанной сумме; если же Михаил Иванович проиграет, то, само собой разумеется, деньги пропадают“.

От капризов меценатов зависело многое. Благодаря богатству и знатности, они могли по своему произволу делать ту или иную погоду на шахматном горизонте. В особенности „прославился“ в этом отношении проживавший обычно в Киеве князь Дадиан-Мингрельский. Шахматные журналы подобострастно печатали его партии, подлинность которых возбуждала сомнения, и всячески старались убедить общественное мнение в „блестящем таланте“ титулованного покровителя шахмат. Для вящего своего прославления он издал „Окончания партий князя Дадиана-Мингрельского“. Шахматная пресса, однако, ни словом не обмолвилась о новом „вкладе“ в русскую шахматную литературу, так как слишком была очевидна искусственность этих „окончаний“. Только один Чигорин рискнул отозваться критически на страницах печати о шахматных талантах „светлейшего“. В результате, Чигорину пришлось весьма ощутимо испытать на себе низкую мстительность этого „мецената“: Чигорин не был допущен в международный турнир в Монте-Карло (1903 г.), так как князь Дадиан-Мингрельский, являвшийся „почетным президентом“ турнира, „считал себя оскорбленным заметками, помещенными г. Чигориным в русских изданиях“ [154].

Благополучие шахматной прессы тоже зависело от меценатов. Издателем первого русского журнала „Шахматный Листок“ был, как нам уже известно, Кушелев-Безбородко, который давал деньги на это издание в течение 5 лет. Нельзя также не отметить, что в течение почти трех с половиной лет „Шахматный Листок“ печатался в качестве приложения к журналу „Русское

Слово“ и в отдельную продажу не поступал. С июня 1862 года шахматный журнал стал самостоятельным органом, число его подписчиков, конечно, было минимальным и не окупало даже половины расходов. „Шахматный Листок“ просуществовал еще только полтора года, так как Кушелев-Безбородко не захотел больше давать денег на убыточное издание. Чигорин, выступив на шахматно-литературной арене, сначала пытался издавать шахматный журнал без поддержки меценатов. Однако, начав издавать его в 1876 году и с колоссальным трудом дотянув издание до 1880 года, он в конце концов вынужден был принять в соиздатели „дерптского гражданина Роберта Голике“, владельца известной типографии [155]. Равным образом, пока богач Иловайский соглашался оплачивать редакторский труд Э. С. Шифферса, „Шахматный Журнал“, издаваемый Макаровым, редактировался вполне прилично; через два года выдача субсидий прекратилась, и журнал захирел. Таких примеров можно привести очень много. Но и сказанного достаточно, чтобы прийти к заключению о невозможности широкого шахматного движения в условиях царской России.

И в дальнейшем общая картина не изменилась. Несмотря на то, что шахматная жизнь в России в начале XX в. время от времени оживлялась крупными турнирами, имевшими даже международное значение, все же нельзя не признать, что они носили *случайный* характер и зависели в значительной степени от отдельных лиц, жертвовавших крупные суммы на организацию того или иного состязания. Поэтому не только международные, но и всероссийские турниры проводились с большими перерывами. Они вызывали к себе интерес только во время самих турниров и не оставляли глубокого следа в шахматном движении.

Глава седьмая

ШАХМАТЫ У НАРОДОВ СССР

Вопрос об эволюции шахматной игры у народов СССР еще ждет своего окончательного разрешения, так как имеющиеся к настоящему времени в литературе соответствующие фактические материалы совершенно недостаточны и носят весьма случайный характер. Беглые упоминания в записках путешественников, иногда краткое описание игры, — это почти все, что мы имеем о шахматной игре у народов СССР, если не считать единственной исследовательской работы И. Т. Савенкова „К вопросу об эволюции шахматной игры".

Постараемся систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении данные и выяснить, насколько это возможно, вопрос о путях проникновения шахмат к различным народам СССР. Наше обозрение начнем с народов советского Севера.

Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении сведения о шахматной игре у северных народностей, мы прежде всего замечаем, что шахматы получили распространение за небольшими исключениями среди народов маньчжурской группы (ненцы, эвенки), турецкой (якуты, татары) и монгольской (буряты, калмыки). Народы финно-угорской группы и большинство народов палеоазиатской группы шахмат до самого последнего времени не знали. Такая этнография шахмат весьма характерна и дает нам возможность предположительно установить исторические пути заимствования шахматной игры народами Севера. Однако, прежде всего познакомимся с теми фактическими данными, которые зарегистрированы литературой.

В 1895 году хранитель музея Петербургского университета В. В. Передольский был командирован с научной целью на север, к народам тундры. Он отметил, что

ненцы (самоеды), эвенки (тунгусы), якуты и др. с большим увлечением играют в шахматы. Фигуры вырезываются из кости; все они схожи между собой и напоминают современную ладью, различаясь только по отличительным знакам, которые надрезаны на каждой из фигур: у слонов — крестообразные, у коней — полукруглые, у ладей — маленькие кружки. Только король окрашен (в красный цвет). Пешки по своему размеру немногим меньше фигур. Игра обычно длилась очень долго, кончаясь иногда на следующий день и собирая много зрителей, которые безмолвно наблюдали за течением партии. Но если один из противников делал красивый ход, в особенности связанный с жертвой фигуры, зрители начинали проявлять свой восторг возгласами и пляской, причем некоторые даже плакали от волнения. Игра велась на крупную ставку, подчас приводя к разорению азартного неудачника. Ставкой служили олени, потом собаки; затем проигрывались запасы одежды и, наконец, все остальное имущество. У эвенков игра называется ефень. Передольский утверждает, что шахматы занесены к северным народам китайцами [156]. Это предположение, неоднократно встречающееся и в других источниках, необходимо, однако, с полной категоричностью отвергнуть. Китайская шахматная игра и монгольская настолько различны между собой, что голословность этого утверждения достаточно очевидна.

В палеоазиатской группе нам известны шахматы у одулов (юкагиров). У остальных народов обнаружены только разновидности шашек [157]. Наиболее ценные сведения об игре в шахматы народов палеоазиатской группы сообщает нам английский путешественник, капитан Кохрэн. „Я приготовился выехать в Нижнеколымск, горячо отблагодарив своего гостеприимного хозяина-юкагира за все его заботы. Время в его доме я проводил очень приятно. Он был очень хороший шахматист и страстно любил игру. Его способ игры еще раз подтвердил мое наблюдение, что в разных уголках света правила движения фигур остаются почти одинаковыми. Я играл с якутами, тунгусами и юкагирами; но чукчи смеялись надо мной, находя, что я напрасно трачу время на такую детскую забаву. По этому поводу я могу отметить как обстоятельство, относящееся к шахматам и неоднократно удивлявшее меня, что, если какой-либо народ признает шахматы и играет в них, то это всегда—

народ азиатский. Ни чукчи, ни коряки не имеют о них понятия, но все камчадалы и другие азиаты хорошо знакомы с этой игрой" [158].

Здесь очень важно отметить указание Кохрэна, что монгольские шахматы по своим правилам почти не отличались от европейских.

О шахматах среди эвенков упоминает и Г. Гартвиг: „Если же кто является другом шахматной игры, то тунгусы и тут к его услугам, ибо они (особенно в Колымском округе) со страстью предаются этой лучшей и благороднейшей игре. Тунгусы не рокируют, и ферзь у них не делает скачков коня, вероятно потому, что они считают эксцентрические боковые прыжки несовместимыми с достоинством королевы" (!?—*М. К.*) [159].

Для уяснения вопроса о заимствовании шахматной игры у перечисленных выше народов рассмотрим их прошлое и нынешнее территориальное размещение.

Ненцы живут в настоящее время в Ненецком национальном округе, на островах Колгуеве, Вайгаче и Новой Земле, административно входящих в состав Северного края, в Ямальском национальном округе, а также в северных районах Остяко-Вогульского национального округа Омской области и в левобережной части Таймырского национального округа Красноярского края. Однако, первоначальная родина их была южнее, в области Саянского нагорья, где, вероятно, они и познакомились с шахматами.

Эвенки в настоящее время живут в Эвенкийском национальном округе Восточно-Сибирского края, в Бурято-Монгольской АССР, в Амурской области, а также в Сахалинской области ДВК. Следовательно, эвенки рассеяны по громадной территории Восточной Сибири, между рекой Енисеем и Охотским морем с запада на восток, между прибрежьем Ледовитого океана и советско-маньчжурской границей с севера на юг. В начале XVII века с ними вошли в соприкосновение русские казаки, продвигавшиеся по реке Енисею. Эвенки оказывали упорное сопротивление, но были сломлены превосходящей вооруженной силой завоевателей. Остается открытым вопрос, является ли знакомство эвенков с шахматами продуктом их общения с русскими или с соседними туземными народами (бурятами, якутами) или же шахматная игра унаследована ими с незапамятных вре-

мен от их предков, вытесненных некогда из более южных районов Азии.

Одулы в настоящее время живут на границе ДВК и Якутии, в бассейне реки Колымы. Ранее они занимали обширные пространства на северо-востоке Азии, однако колонизаторская политика русского царизма привела к почти полному истреблению этого народа. Шахматы здесь могли получить распространение скорее всего через якутов.

Туземные обитатели Камчатского полуострова пришли в соприкосновение с русскими с конца XVII века. Было бы, однако, весьма рискованно приписывать их знакомство с шахматной игрой влиянию русских. Чрезвычайная отдаленность Камчатского полуострова естественно препятствовала завязыванию сколько-нибудь прочных связей с туземным населением со стороны суши. Характерно, что для общения с внешним миром жители Камчатки усвоили ломаный английский язык, знакомый им, очевидно, через американских моряков, а также благодаря связям с близкой отсюда Аляской. Что же касается принятых здесь шахмат, фигурки которых туземцы с большим мастерством вырезают из клыков моржа, то следует отметить характерную трансформацию, которой подвергались на Камчатке все персонажи шахматной игры под очевидным влиянием местной производственно-бытовой практики: морж, песец, полярная лисица, олень, белый медведь и тюлень выполняют соответственно роль нашего короля, ферзя, слонов, коней, ладей и пешек.

На территории нынешней Якутской АССР якуты появились в XII—XIII вв., за исключением небольшой части, переселившейся из Монголии позже, в XVI веке. Шахматы, очевидно, могли быть заимствованы ими из Тибета, при посредстве ламаизма, проникшего сюда из Монголии и быстро распространившегося среди якутского населения.

Татары, относящиеся, как и якуты, к турецкой группе народов, стали известны в Европе со времен Чингисхана, объединившего под своей властью разрозненные племена тюрко-монголов, исповедывавших коран, и покорившего всю Среднюю Азию. В 1223 году один из отрядов Чингис-хана проник на Кавказ, утвердился там железом и кровью и положил начало татаро-монгольской оседлости на Кавказе. Вскоре покорены были также

русские племена, и на Волге возник центр громадного татарского царства — Золотая Орда. В конце XIV века из Золотой Орды выделилось казанское царство, в конце XIV и начале XV вв. — крымское ханство; на смену павшей Золотой Орде возникло астраханское царство. Новое независимое ханство было также образовано в XVI веке сибирскими татарами, обитавшими в бассейнах рек Оби и Иртыша.

В течение двух столетий татары владели огромной территорией и несомненно сыграли большую роль в деле распространения шахматной культуры. Сами татары заимствовали шахматы, как будет видно ниже, в Средней Азии.

Рассмотрим имеющиеся у нас известия о татарских шахматах.

В 1775 году шотландец Джордж Богль, посланный с поручением в Тибет, в письме от 20 марта сообщает: „Среди татар, проделывающих трехмесячный путь в своих паломничествах к ламе, я встретил чрезвычайно искусных шахматистов. Игра ведется точно так же, как у нас, с тем лишь исключением, что право двойного хода предоставляется только первой пешке, двинутой игроком. Рокировка неизвестна; и если король остается один, партия считается ничьей. Обычно они начинают ферзевой пешкой. Они совершенно не представляют себе нашего угрюмо-безмолвного способа игры. Когда сибиряк садится за шахматы, его тотчас окружают трое или четверо его земляков, которые совещаются между собой и дают ему советы перед каждым ходом. Мне ничего не оставалось, как привлечь на свою сторону столько же татар и, таким образом, обратить против них их же оружие“ [160].

Здесь речь идет, очевидно, о сибирских татарах. Вот еще одно сообщение об их игре в шахматы у себя на родине, в Сибири. Прусский почт-директор Вагнер, взятый в плен русскими войсками в Пруссии во время Семилетней войны и сосланный в Сибирь за тайные сношения с прусским правительством, рассказывает, что во время остановки около Тобольска он жил в доме татарина и играл с ним и с братом его жены в шахматы. Вагнер отмечает: „Я не мог никогда думать, что найду эту игру у татар и еще больше, что встречу среди них сильных шахматистов“ [161].

Любопытное упоминание о правилах шахматной игры у татар, живущих в Монголии, сообщается в книге пу-

тешественников-иезуитов Хюка и Габе. „Татары и тибетцы тоже знакомы с шахматами; и, как это ни странно, доска у них точно такая же, как у нас. Их фигуры, хотя и иной формы, имеют то же значение, что и наши, и ходят таким же образом. И все правила игры в точности соответствуют нашим. Но, что еще более удивительно, эти люди восклицают „чик“, когда нападают на какую-нибудь фигуру, и „мат“, когда партия приходит к концу. Этими выражениями, не тибетскими и не монгольскими, тем не менее пользуются все, хотя никто не может объяснить их происхождение и прямое значение... Среди татар мы видели первоклассных шахматистов; они играют быстро и, как нам казалось, меньше занимаются изучением игры, чем европейцы, но, несмотря на это, их ходы правильны“ [162].

Наиболее полно представлены материалы о распространении шахмат среди народов монгольской группы. Декабристы, сосланные на каторгу и на поселение в Сибирь, в своих воспоминаниях рассказывают о шахматной встрече с бурятами, которые были их проводниками во время отправки из Читы в Петровский завод (около Верхнеудинска). Во время остановок большая толпа бурят окружала столик, за которым играли в шахматы декабристы. Увидя, что буряты обнаруживают большой интерес к шахматам, декабристы предложили им сыграть и были весьма удивлены поражением лучших своих шахматистов [163]. По свидетельству декабристов, буряты играют быстро, но в то же время расчетливо [164]. К сожалению, декабристы, отметив прекрасную игру бурят (у которых только декабрист Н. В. Басаргин сумел выиграть одну партию), ничего не упоминают о бурятской шахматной терминологии. Как эти последние сами объясняли декабристам, шахматы знакомы им с детства и, по их словам, перешли к ним из Китая.

Таким образом, мы опять встречаемся с версией о китайском происхождении монгольских шахмат. Зарождение и распространение этой версии нетрудно себе представить, если учесть общее громадное влияние китайской культуры на культуру окружающих народов. Если бы не коренное различие китайских шахмат и шахмат европейского типа, ведущих свою родословную от индийской чатуранги через ирано-арабский шатрендж, то версия эта была бы вполне правдоподобна. Однако,

резко отличный и целиком самобытный характер китайской игры, условно именуемой в литературе „китайскими шахматами", заставляет нас искать более реальный источник проникновения шахмат к бурятам. Такой источник мы склонны усматривать опять-таки в Тибете.

За исключением небольшой части бурятского народа, вышедшей в XVI веке из Монголии, буряты издавна занимали территорию нынешней Бурятской АССР, по обеим сторонам Байкала. Древнейшим их национальным верованием было шаманство, но в конце XVII и в начале XVIII вв. к бурятам проникла новая религия—буддизм, в тибетской форме ламаизма. Именно в лице монгольских и тибетских лам следует, по нашему мнению, видеть первоначальных носителей шахматной культуры среди бурят, как и среди других монгольских народов[165].

В известной работе Линде[166] приводятся термины, применяемые у ачинских бурят. Название игры — шатара, король — хан, ферзь — берзе (богатырь), ладья — терген (телега), слон — зан (слон), по другим указаниям — темен (верблюд), конь — мёрин (конь), пешка — кёбун (мальчик). Очень любопытно превращение иранского ферзя в бурятского богатыря — берзе. Очевидно, народная этимология бурят по созвучию изменила непонятного им ферзя в берзе, тем самым по новому осмыслив чуждое слово. Таким образом, шахматные названия бурят весьма рельефно отразили их кочевой образ жизни.

К народам СССР монгольской семьи, умеющим играть в шахматы, относятся также калмыки (джунгары). Калмыки — западная ветвь монголов, часть которых в XVII веке перекочевала из Центральной Азии в низовье Волги. Остальные селения калмыков расположились в пределах Дона (донские калмыки). С шахматами калмыки познакомились у себя на родине и привезли их на новые места. Известия путешественников свидетельствуют о большом распространении шахматной игры среди калмыков; указывается также на относительную силу игры. В цитированном уже нами письме шотландца Джорджа Богля (1775 г.), сообщается: „Некоторые тибетцы также знакомы с шахматами, которым научились у калмыков, но они, мне кажется, сильно уступают своим учителям". В других письмах он пишет: „Прибытие большой партии калмыков всегда давало мне

массу партнеров. Их способ игры отличается от нашего только тем, что лишь одна пешка с каждой стороны при выступке может двинуться через две клетки; им неизвестны рокировка и пат; они считают партию ничьей, если на доске остается одинокий король, без пешки или фигуры“ [167].

Познакомимся с другим сообщением о шахматах у калмыков. Оно принадлежит путешественнику П. Палласу и также относится к 70-м годам XVIII века: „Зимою шахматы и карты составляют обычное времяпрепровождение мужчин, вынужденных в это время оставаться праздными. Некоторые из них в шахматах весьма искусны, особенно лица духовного звания; эта же восточная по происхождению игра процветает и у монголов. Они точно следуют наиболее обычным правилам, если не считать того, что в начале партии они выступают сразу тремя шашками. Когда мы говорим „шах“, они говорят „шат“ или „ш'т“, а игру называют шатерэ. Мат они объявляют так же, как и мы“ [168].

О шахматах среди волжских калмыков упоминает В. Небольсин [169]. Он сообщает, что „лучшею забавою и самой любимой игрой для калмыков считается шахматная игра“, и приводит шахматную терминологию, которая целиком аналогична бурятской, а именно: название игры — шатыр, король — хан, ферзь — берсын (богатырь), ладья — тергин (телега), слон — темен (верблюд), пешка — кюбюн (мальчик). Слово мат не изменено, вместо шаха говорится чит-ша (только королю), пат считается ничьей (джит).

У донских калмыков терминология та же. Расстановка фигур — европейская, но король белых ставится против ферзя черных; пешка не имеет двойного хода, только одна по желанию может выступить на два поля. Рокировки не существует; вместо нее король делает прыжок, но только в том случае, если он не двигался и ему не было объявлено шаха. Фигуры различаются только величиной. По утверждению А. Антонова, шахматы были очень распространены среди калмыков в конце прошлого века, но уровень их шахматного мастерства он расценивал невысоко. Тот же автор указывает, ссылаясь на свои расспросы среди калмыков, что шахматы попали к этим последним от татар [170].

Весьма интересны встречающиеся в литературе данные о шахматной игре среди тувинцев, — родственного бу-

рятам народа дружественной нам Танна-Тувинской Народной Республики. Не вдаваясь здесь в их разбор, поскольку это вывело бы нас за рамки нашей темы [171], отметим лишь большую распространенность шахмат среди тувинцев, а также близкое родство тувинских шахмат с шахматами других монгольских народов и уцелевшее здесь до последнего времени наличие явных пережитков шатренджа (ход ферзем по диагонали на одно поле). Эта же характерная особенность, как нам известно, наблюдается и в национальных шахматах у монголов Монгольской Народной Республики.

Таковы те материалы, которые иллюстрируют развитие шахмат у народов севера и юго-востока СССР. При всей их бедности мы все же можем сделать некоторые выводы о путях развития шахмат среди этих народов. Относительное единообразие правил игры мы не можем объяснить иначе, как эволюцией под влиянием соприкосновения с другими народами, уже знакомыми с шахматной игрой. Не могло пройти бесследным для этой эволюции и начавшееся с XVII века общение сибирских народов с русскими, хотя это общение и было навязано им принудительно и насильственно. Весьма характерно в этом отношении приведенное нами выше сообщение Гартвига, что у эвенков ферзь не имеет хода коня. Наличие такой оговорки показывает, что, очевидно, у некоторых народов он наблюдал скачкообразный ход ферзя, существовавший, как мы уже указывали, и среди русских.

Однако, Савенков держится того взгляда (по нашему мнению, неправильного), якобы „новейшую форму шахматной игры в Азии правильнее рассматривать как конечную эволюционную форму, начавшуюся слагаться, а может-быть в главнейших признаках и сложившуюся в Азии самостоятельно“ [172]. Это утверждение он основывает на идеалистическом тезисе, якобы „творцом этнографического явления“ служит „единство психофизической природы и законов мышления у всех людей и во все времена“ [173]. Между тем, история шахматной культуры убедительно показывает, что европейские шахматы в конце концов повсеместно вытесняли старые шатренджевые формы. И у нас нет оснований делать отсюда исключения для шахмат сибирских народов. Что же касается первоисточника шахмат, усвоенных народами Сибири, то таковым мы склонны считать именно

ирано-арабский шатрендж. Об этом убедительно говорят хотя бы приведенные нами выше монгольские названия игры — шатара, шатыр.

Так как путь от ирано-арабских шахмат к монголам шел через Среднюю Азию, то вполне понятен особый интерес с нашей стороны к вопросу о шахматной культуре народов, населяющих эту страну. К сожалению, наши сведения здесь также весьма отрывочны.

Представляет интерес для истории шахмат изданная Государственным Эрмитажем работа И. Орбели и К. Тревера „Шатранг“ [174], в которой имеется весьма ценное сообщение о древних шахматных фигурах, помогающее уяснению вопроса о происхождении шахмат в Средней Азии. В Ленинградском Эрмитаже хранятся шахматные наборы и отдельные фигуры, относящиеся к различным эпохам и странам. Одна из них, найденная на городище древнего Самарканда Афрасиабе, представляет собой вырезанную из слоновой кости фигуру всадника на мощном коне. Ее происхождение исследователи относят к VIII—IX вв. Впрочем, принадлежность ее к шахматным фигурам подвергается сомнению. Другая шахматная фигура, также из слоновой кости, найдена в пределах древней Ферганы. „Она представляет большую хищную птицу, сидящую как бы на утесе и держащую в когтях какую-то водяную птицу с длинной шеей“. Эта шахматная фигура — мифическая птица рух, заменившая в иранских шахматах индийскую колесницу (нашу ладью). Таким образом, устанавливается влияние иранской шахматной культуры на шахматы народов Средней Азии.

Конкретные свидетельства о шахматной игре в Средней Азии имеются в русской литературе только о позднейшем, близком нашему времени, периоде. Наиболее раннее известие относится к 60-м годам прошлого века. Известный русский художник В. В. Верещагин в своих путевых очерках указывает: „В Ходженте, перед лавкой, каждый вечер после работы собираются жители потолковать о том о другом, подышать свежим воздухом и поиграть в игру, похожую на наши шахматы; на земле чертят небольшой палочкой род шахматной доски и передвигают по некоторым правилам маленькие серые и простые камешки. Я играл в нее иногда и, разумеется, постоянно проигрывал к величайшему удовольствию публики“ [175].

В конце 70-х годов А. П. Черневский указывал на страницах чигоринского „Шахматного Листка“, что в Бухаре практикуются две разновидности шахматной игры. Одну из них называют „игрой королевы“, или персидской игрой: в ней фигурирует дальнобойный ферзь и рокировка, отличающаяся от европейских правил (в 3 хода). Другую называют собственно „бухарской игрой“: в ней ферзь после первого обязательного выхода на клетку d3 обращался в слабейшую фигуру. Слоны ходили только через клетку по диагонали, причем могли перепрыгивать через фигуру (т. е. точно так же, как в ирано-арабских шахматах)[176].

Узбекская шахматная терминология почти полностью сохранила первоначальные наименования шатренджа. Шахматы по-узбекски сатран, король — шах, ферзь — фарзин, ладья — рух, слон — филь, конь — от, пешка — пияда, предостерегающий возглас (шах) — кшить, мат — мот.

Мы располагаем также сведениями о любви к шахматам туркменов и их искусной игре. „После музыки и пения туркмены всего более любят шахматную игру, — отмечает русский наблюдатель в начале 70-х гг. — Шахматница их состоит просто из куска полотна, вроде носового платка, на котором разрисованы клетки; расстилая это полотно, его несколько смачивают; шашки же их грубо выделаны из дерева. Они до того пристрастны к этой игре, что имеют ее при себе даже во время набегов“[177].

Англичанин Лансдолл также указывает, что туркмены в свободное время „лежат у своих шатров, играя в шахматы, в чем они весьма искусны“[178].

Очень давно проникли шахматы также в древнейшую страну Закавказья — в Армению. Армянское название игры — сатрандж — указывает на ее происхождение опять-таки от шатренджа. Летом 1933 года Эрмитажем был приобретен у курдов набор шахматных фигур, в котором ладья имела форму птицы. Курды называют эту фигуру рах и объясняют это название тем, что фигура ставится на краю (по-курдски рах — край). Здесь несомненно мы встречаемся опять-таки с иранской птицей рух, потому что образ ее отсутствует в курдском эпосе. Все остальные фигуры курдских шахмат имеют одинаковую форму и различаются только величиной[179] (что вообще свойственно мусульманским шахматам).

К сожалению, почти ничего неизвестно о прошлом шахмат в Грузии. Между тем, еще в 40-х годах прошлого века известный русский шахматист Яниш указывал, что среди грузин есть много первоклассных шахматистов. Правила игры соблюдались европейские, но рокировка не была известна [180]. Кроме того, можно предполагать, что в Грузии одно время ферзь обладал также ходом коня [181]; возможно, здесь сказалось влияние русских шахмат, которые в начале прошлого века зачастую допускали еще это усиление ферзя.

Глава восьмая

ШАХМАТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕПОСТНОЙ ЭПОХИ

Переходя к истории *шахматных организаций* в дореволюционной России, мы должны оговориться, что применяем здесь этот термин не в собственном его узком значении, а имея в виду вообще историю русской *шахматной общественности*. Нас интересуют не только шахматные организации, как таковые, но и все те формы организованного шахматного общения, в рамках которых развивалось русское шахматное искусство.

Первые следы такого общения мы встречаем на знаменитых ассамблеях петровской эпохи, указ о введении которых относится к 1719 году. Об этих ассамблеях мы говорили уже выше (см. стр. 26), причем указывали, что после смерти Петра шахматы быстро теряют свою популярность.

История шахматной жизни в XVIII веке после Петра связана с открытием общественных клубов, если не считать возможности более или менее постоянной шахматной игры у какого-либо знатного лица, пристрастившегося к шахматам. Напомним хотя бы о Потемкине, о котором один иностранец писал, что в его доме „гости по желанию могли заняться какой угодно игрой, так как в приемной стояло множество столов с шахматами, трик-траком“ [182]. Известный балтийский шахматист Ф. Амелунг также рассказывает о приглашении его деда Потемкиным в октябре 1790 года для игры в шахматы [183].

В 70-х годах XVIII века был открыт в Петербурге ряд клубов: аристократический Английский на Мойке, купеческий Немецкий (в Демидовом переулке) у Синего моста, Мещанский около Адмиралтейства и Дворян-

ский на Фонтанке; в Москве также при Екатерине II были открыты на Тверской Английский клуб и дворянское „Российское благородное собрание“. В этих клубах, или, как они тогда на английский манер назывались, „клобах“, среди других развлечений были и шахматы. „Соучастники (т. е. члены клуба) могут приходить ежедневно и читать ведомости, играть в карты, шашки, шахматы или биллиард“ [184]. Это известие конца XVIII века может быть отнесено ко всем существовавшим тогда клубам. Действительно, вот что мы читаем о московском Английском клубе в одних записках от 23 января 1806 года: „Клуб выписывает все газеты и журналы, русские и иностранные, а для чтения есть особая комната, в которой не позволяется мешать читающим; не хочешь читать, играй в карты, в биллиард, в шахматы“ [185]. Членами петербургского Английского клуба впоследствии состояли Пушкин, Жуковский, Карамзин, Крылов, Сперанский. Пушкин состоял также членом московского Английского клуба; здесь очень часто бывал и П. Я. Чаадаев.

Но наибольшей популярностью шахматы пользовались в Немецком клубе, который и впоследствии играл некоторую роль в истории петербургской шахматной жизни.

Однако, сугубо кастовый характер указанных клубов, а также азарт, царивший в их стенах, являлись явно отрицательным фактором в развитии шахматного искусства. Поэтому среди отдельных шахматистов, серьезно относившихся к шахматам, возникла идея создания особого места для постоянных встреч. Для организации специального шахматного кружка время еще не подоспело, и выход был найден в устройстве так называемых „шахматных вечеров“. Последние были очень популярны в первой половине XIX в.

Впервые регулярные „шахматные вечера“ открыл у себя на квартире в Петербурге в 90-х годах XVIII века советник консистории И. Буссе; просуществовали они до 1811 года. Собирались у него преимущественно немцы.

В первой четверти XIX века число домов, где устраивались „шахматные вечера“, увеличивается. Здесь в первую очередь следует отметить Д. О. Баранова (1773—1834), в доме которого начал свою шахматную карьеру А. Д. Петров. Баранову был, между прочим,

посвящен первый русский шахматный учебник И. Бутримова. В его доме бывали поэты, драматурги, писатели. Отметим писателя А. Д. Копьева, которому не была чужда и шахматная теория. Полковник путей сообщения Ганри, посещавший „шахматные вечера“ Баранова, в бытность свою в Париже играл с знаменитым Дешапелем, получая от него только пешку и два хода.

Довольно часто собирались шахматисты и у Н. П. Брусилова (1782—1849), сенатского чиновника, писателя и публициста. У Брусилова была для того времени приличная шахматная библиотека.

По условиям общественной жизни России того времени имеющиеся в литературе указания на развитие шахмат в Петербурге связаны зачастую с именами лиц, непосредственно являвшихся опорой самодержавной монархии. Это была, большей частью, титулованная знать, которая, однако, охотно допускала в свой дом известных писателей и художников и вообще разного рода „знаменитостей“.

Аристократический дом графа Ю. П. Литты (1763—1839), собирал обычно титулованных шахматистов. В числе других здесь бывал барон П. Л. Шиллинг де-Капштадт, известный изобретатель электромагнитного телеграфа. П. Л. Шиллинг пользовался довольно большой известностью в петербургских шахматных кругах, о чем упоминается даже в литературе. Особенно большое впечатление производила на окружающих его игра не глядя на доску, воспринимавшаяся тогда как какое-то „чудо“. По отзывам мемуарной литературы, „шахматист он был замечательный. Играя с знаменитым ученым Ампером, он с завязанными глазами в несколько ходов [?] выиграл партию“ [186]. В другом источнике встречаем: „... Барон Шиллинг играет в шахматы две партии вдруг [одновременно] не глядя на шахматную доску, и обоих противников в один и тот же момент побеждает“ [187]. Граф Литта приглашал к себе и Петрова, которого он заставлял играть вслепую с Шиллингом.

Играли очень часто в доме В. Ф. Самарина, у которого нередко бывал князь И. Ф. Паскевич, впоследствии варшавский наместник и непосредственный начальник А. Д. Петрова по службе.

В петербургском литературном и художественном салоне графа Виельгорского на Михайловской площади

обычно собирались шахматисты-писатели. Именно в доме Виельгорского суждено было сыграть свою последнюю партию в шахматы Пушкину. В этом доме, между прочим, однажды на званом вечере была поставлена живая картина, в которой камер-юнкер Валуев изображал ангела с огненным мечом и стоял за стулом девушки, игравшей в шахматы с чортом.

Но наиболее организованно проводились „шахматные вечера“ в доме судебного деятеля В. В. Погодина. Здесь собирались шахматисты, многие из которых, по утверждению Петрова, были „примечательной силы“: Н. И. Бахтин, известный юрист П. И. Дегай (умер в 1849 г.) и в особенности А. А. Карнеев. В доме Погодина собирались регулярно два раза в неделю, по средам и пятницам; была заведена книга, куда записывались результаты игры, и был даже выработан устав по образцу Лондонского шахматного клуба. Петров в черновых набросках предисловия к новому изданию своей книги называет „шахматные вечера“ у Погодина „шахматным клобом“.

По закрытии этого „клоба“ (вероятно, вследствие отъезда Погодина из Петербурга) шахматисты собирались один раз в неделю, по четвергам, у Петрова в Большой Коломне (у Египетского цепного моста), до самого отъезда его в Варшаву в 1840 году.

В 1844 году на Васильевском острове, на частной квартире, был открыт небольшой шахматный кружок для английской колонии; впоследствии (в 70-х гг.) в этот кружок получили доступ и не-англичане. Между прочим, в 1874 году был принят в члены этого шахматного кружка Шифферс, который легко выиграл матч у бессменного чемпиона проживавших в Петербурге англичан Фильда, создавшего себе ореол непобедимости среди своих соотечественников.

В петербургских шахматных кругах в середине прошлого века особенно большую известность приобрели „шахматные вечера“ у графа Г. А. Кушелева-Безбородко на Гагаринской набережной, в доме его отца. В доме Кушелева и на его даче в Полюстрове нередко устраивались турниры. Однако, обстановка, окружавшая здесь шахматистов, едва ли могла способствовать установлению серьезного отношения к шахматам, так как в дом этого гостеприимного мецената приходили не столько для игры в шахматы, сколько для щедрых ужи-

нов с обильными возлияниями [188]. Естественно, что в царившей здесь атмосфере шахматы занимали довольно убогое место. Однако эти „вечера“ впоследствии, в 1852 году, дали толчок к организации шахматного клуба. Но, несмотря на его открытие, собрания в частных домах продолжались попрежнему (у Д. С. Урусова, Н. И. Козлянинова и других). Шахматная общественность была еще в зачаточном состоянии.

В русских периодических изданиях конца 30-х годов часто упоминается об „Обществе любителей шахматов“. Очевидно, здесь имеются в виду отмеченные выше „шахматные вечера“ у В. В. Погодина, организованные, повидимому, в 1821 году, по типу шахматного клуба, с уставом, при деятельном участии А. Д. Петрова. В воспоминаниях последнего говорится только о „клобе“ у Погодина, но, вместе с тем, совершенно не отмечается роль известного русского шахматиста-математика К. А. Яниша, который принимал деятельное участие в петербургской шахматной жизни с конца 30-х годов [189]. Во всяком случае, с отъездом Петрова „Общество любителей шахматов“ распалось.

Мысль о постоянном шахматном клубе возникла, как нами указано, на „вечерах“ у Кушелева-Безбородко. Архивные материалы позволяют нам довольно подробно осветить внешнюю историю этого шахматного клуба, деятельность которого весьма характерна [190].

10 июля 1852 года петербургский генерал-губернатор Шульгин препровождает товарищу министра внутренних дел надлежащее „отношение“, в котором сообщает: „...Генерал-адъютант барон Мейендорф, генерал-лейтенант Клюпфель, тайный советник граф Кушелев-Безбородко (отец мецената — *М. К.*) и надворный советник Яниш в поданной мне просьбе ходатайствовали о дозволении им учредить в С.-Петербурге, по примеру других европейских столиц, собрание любителей шахматной игры, с целью распространить вкус к этой игре в здешней столице и доставить любителям оной средства к основательному изучению ее, посредством состязания с искусными игроками.

„Препровождая при сем на усмотрение вашего превосходительства помянутыми лицами проект правил означенного собрания, долгом считаю сообщить вам, милостивый государь, что к удовлетворению ходатайства учредителей собрания для шахматной игры я,

согласно с заключением обер-полицмейстера, с своей стороны не встречаю препятствия, и составленный ими проект устава нахожу соответственным цели сего учреждения".

В дальнейшем совет министра внутренних дел, как гласит протокольная запись, „по рассмотрении сего проэкта, не находя в нем ничего противного общественному порядку, полагает утвердить оный, согласно с заключением департамента полиции исполнительной, с тем только, чтобы из § 9, где говорится об избрании секретаря *ученой переписки* (подчеркнуто в подлиннике.— *М. К.*) исключены были сии слова, так как они оказываются совершенно лишними, и в других чисто ученых обществах, напр., в императорском Русском географическом обществе, переписку ведет секретарь, которому не присвоено название ученого".

На основании этого решения министерство внутренних дел 27 августа 1852 года сообщило Шульгину, что проект устава следует считать утвержденным, однако, необходимо, чтобы в злополучном § 9 „было пояснено, что для общества выписываемые шахматные сочинения и журналы допускаются, *лишь одобренные цензурой*" (подчеркнуто в подлиннике. —*М. К.*) Вместе с тем, „конфиденциально" сообщалось: „поручить здешней полиции иметь секретное наблюдение за точным исполнением членами общества правил оного, а также за недопущением в нем никаких беспорядков, особенно же запрещенных каких-либо игр, неодобренных цензурою сочинений и неуместных суждений на счет религии и правительства".

Впрочем, полиции беспокоиться было нечего. Состав членов этого клуба подобрался такой, что с избытком гарантировал царскому правительству благонадежность клубной деятельности. За упомянутыми выше лицами, ходатайствовавшими об открытии клуба, следует „серия" генералов: Анненков, Корф, Розен. Далее идут: князь Долгорукий, барон Фредерикс, члены Государственного совета Бахтин и Муравьев и т. д. Фельдмаршал князь Паскевич и знаменитый шахматный мастер Петров были избраны почетными членами.

Открытие первого русского шахматного клуба было отмечено и за границей. Английский шахматный журнал „The Chess Player's Chronicle", захлебываясь от восторга, воспроизвел на своих страницах в анонимной корре-

спонденции из Петербурга фамилии „первых чинов империи“, которых насчитывалось до 100 человек. Автор этой корреспонденции, констатируя, что в императорской России невозможно вообще получить разрешение на открытие какого-либо общества, с удовлетворением отмечал „милость“ императора к „царственной“игре“ [191].

Однако, несмотря на „монаршую милость“, первое время не удавалось подыскать подходящее помещение для нового клуба, и члены его продолжали собираться у Кушелева, обыкновенно по пятницам. В связи с этим в одной из петербургских газет появилось следующее, довольно характерное, ироническое сообщение: „Если бы составилось Общество любителей карточной игры, то собрание надлежало бы созвать в степях новороссийских, потому что невозможно было бы соорудить здание для всех любителей карт, для шахматного же клуба помещение найдется“.

Шахматный клуб был открыт фактически лишь 27 марта 1853 года в доме Кушелева, откуда он перекочевал, повидимому, в гостиницу Демут на Мойке 14, пока не было подыскано помещение на Конюшенной. Старшинами клуба были избраны первоначально граф А. Кушелев-Безбородко, барон Мейендорф и генерал-лейтенант Клюпфель: этот подбор говорит сам за себя достаточно красноречиво. Секретарем клуба был избран Яниш; он же составил временный устав. Весьма показательно, что в „Петербургских Ведомостях“ клуб назывался „Обществом любителей шахматной и военной игры“; очевидно, „военная игра“ предназначалась для развлечения членов клуба из среды военной знати.

Благодаря связям Кушелева-Безбородко с литературным миром шахматный клуб посещали Тургенев, Лев Толстой, Полонский, Панаев и другие писатели. Можно предположить даже, что этот клуб был одновременно своего рода общественно-литературным и аристократическим военным клубом, в котором нередко проводились мероприятия, имеющие мало общего с шахматной игрой. Именно в шахматном клубе был устроен патриотический банкет в связи с Крымской кампанией. Петербургская пресса, обычно обходившая молчанием деятельность шахматного клуба, с удовлетворением отметила чествование в нем военного инженера Э. И. Тотлебена, прославившегося при обороне Севастополя [192]. По поводу этого чествования мы находим

упоминание в дневнике Я. П. Полонского, датированное 3 декабря 1855 года: „Я набросал адрес Тотлебену, которому в шахматном клубе 5 декабря, в понедельник, дают обед, и отвез его вечером к Тургеневу“ [193]. Известным шахматистом И. С. Шумовым была составлена задача, расположение фигур которой изображало букву „Т“. Такого рода банкеты проводились не один раз. Весьма характерна лаконичная запись в дневнике поэта Л. А. Мея: „Обед в память Синопской битвы в шахматном клубе. Записался членом. Играл с Шумовым: 4 игры без туры, одна без королевы. Проиграл 4 руб. серебром“ [194].

Таким образом, шахматная игра здесь не была все же на втором плане. Вероятно, присутствие таких известных шахматистов, как Яниш и Шумов, способствовало некоторому оживлению шахматной деятельности клуба. Собирались обычно два раза в неделю. Но параллельно, как мы уже указывали, шахматисты продолжали собираться в частных домах на „шахматные вечера“, особенно во время случайных приездов иногородних или иностранных шахматистов, как, например, С. Урусова (из Москвы), Элиасона (из Бреславля) и т. д. Попутно следует отметить одно обстоятельство, заслуживающее внимания: мы имеем в виду установившийся уже обычай играть на ставку.

Нельзя при этом не указать, что обычная посещаемость шахматного клуба была, очевидно, весьма незначительной в особенности во время войны 1854—1855 годов. Шахматы не привлекали большого количества посетителей; „военная игра“ тоже, повидимому, была не слишком лакомой приманкой для гвардейского офицерства. Поэтому уже в июне 1854 года правление клуба обратилось в соответствующие инстанции с просьбой о разрешении „употреблять биллиард и домино“. За разрешением дело, конечно, не стало.

На четвертом году жизни клуба был составлен „Новый устав шахматной игры, принятый в 1857 году Обществом любителей сей игры в С.-Петербурге, взамен изданного им в 1854 году временного шахматного устава“ (издан в 1858 году). Проект устава первоначально был напечатан в журнале „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft“ (июнь и июль 1856 г.), а затем Общество уполномочило комиссию, в которую вошли: Яниш, Шумов, Д. С. Урусов и В. М. Михайлов, соста-

вить устав и окончательно утвердить его. В новый устав были внесены существенные поправки, приближающие его к итальянским правилам: так, например, не разрешалась рокировка, если этим ходом делается шах королю противника, и отменялось взятие пешки на проходе. Применение итальянских правил явилось результатом предшествовавшей переписки Яниша с известным итальянским шахматистом Дюбуа. Предлагая всем странам принять итальянские правила, Дюбуа, между прочим, писал: „Существует многочисленная и интеллигентная отрасль великой шахматной семьи (мы говорим о России), которая весьма сочувственно отнеслась к посланному нами предложению пойти на взаимные уступки. Мы можем сказать, что эта школа, насчитывающая таких первоклассных игроков и теоретиков, как Петров, Яниш, оба князя Урусовы, Шумов, Михайлов и другие, согласна с предложениями итальянцев ввести правило „passar bataglia“ (при котором пешка лишалась права брать „en passant“) и не преминет принять и свободную рокировку (при которой можно было рокировать в длинную сторону так же, как и в короткую)“ [195].

Забегая вперед, отметим, однако, что русскими шахматистами новые правила не всегда применялись, и в петербургском турнире 1878—79 г., который руководствовался уставом 1857 г., последний был изменен в тех пунктах, которые излагали итальянские правила игры.

Отчасти в связи с частыми поездками Яниша и Кушелева-Безбородко, главных руководителей клуба, за границу, клуб так и не развернул сколько-нибудь систематической деятельности. Старшины клуба (к тому времени генерал-лейтенант Броневский и В. Сабуров) пытались всяческими мерами поддержать функционирование клуба, по существу уже переставшего существовать как шахматный. В тяжелом положении находились и материальные дела. С благословения общего собрания, 31 марта 1858 года старшины обратились к петербургскому военному генерал-губернатору с просьбой рассмотреть проект устава в измененном виде. Намеченные „изменения“ заключались в „дозволении употреблять в Обществе незапрещенные правительством карточные игры“, а также в предоставлении Обществу, для увеличения своих средств, взимать с играющих за все игры, кроме шахматной, военной и трик-трака, известную плату по назначению старшин клуба“.

И генерал-губернатор и департамент полиции, передавая материал в министерство внутренних дел для утверждения, сообщили, что „возражений не имеют". Однако, в министерстве вопрос об изменении устава неожиданно был решен в отрицательном смысле. Совет министра, как это ни забавно, взял на себя неблагодарную задачу отстоять чистоту шахматного искусства перед „Обществом любителей шахматной игры". Именно так приходится понимать следующее постановление, вынесенное 13 мая 1858 года: „Имея в виду, что помянутое Общество, как уже самое название его показывает, учреждено с особенною целью, для сохранения которой, в первоначальном уставе оного, положительно выражено воспрещение всех родов карточных и вообще всяких, кроме шахмат и сродных с ними игр, — и что изменение, предполагаемое ныне Обществом в уставе своем, сравнило бы его с прочими существующими в столице обыкновенными клубами, в которых принята в числе других и игра в шахматы, Совет министра полагал бы отклонить настоящее ходатайство старшин Общества об изменении устава, как несогласное с специальной целью Общества, предоставив им, впрочем, в случае надобности и достаточного числа желающих, ходатайствовать об учреждении нового клуба, но уже не специально-шахматного"[196].

Не получив искомой финансовой отдушины, клуб в 1858—59 годах влачил жалкое существование, а в конце 1860 года и совсем закрылся [197].

Но в то же время в широких слоях общества, особенно, повидимому, в рядах довольно многочисленной уже мелкобуржуазной „разночинной" интеллигенции, интерес к шахматам несомненно возрастал. Об этом можно судить хотя бы по такому замечанию, которое нам встретилось в комплекте „С.-Петербургских Ведомостей" за 1857 год (№ 29), в фельетоне, носящем неожиданный заголовок: „Гамбит" Эванса и „Травиата" Верди. Указав, что парижане в своем увлечении шахматами даже идя в театр берут с собой шахматную доску, автор фельетона пишет далее: „Эта мода, мы надеемся, не перейдет к нам, хотя и у нас страсть к шахматной игре распространяется в обществе с замечательной быстротой" [198].

До 60-х годов, подобно Петербургу, шахматная жизнь Москвы была сосредоточена, главным образом, в част-

ных домах (главным образом у князя С. В. Голицына и купца В. К. Шапошникова), но здесь раньше, чем в Петербурге центрами шахматного общения стали также рестораны и кофейни.

Одной из наиболее популярных, особенно в литературной и театральной среде, была кофейня Печкина, с которой связана любопытная страница из истории шахматного искусства в Москве. Кофейня эта, помещавшаяся в центре города, близ Театральной площади, была основана купцом И. А. Бажановым, однако, она сохранила имя Печкина, содержателя популярного в то время „Московского трактира"; с трактиром кофейня соединялась особым ходом, чтобы удобнее было подавать обеды. „Вероятно, многие из москвичей,— читаем мы в одном из романов Писемского [199],— помнят еще кофейню Печкина, которая находилась рядом с московским трактиром того же содержателя и которая в своих четырех-пяти комнатах сосредоточивала тогдашние умственные и художественные известности, и без лести можно было сказать, что вряд ли это было не самое умное и острословное место в Москве".

Это литературное свидетельство подтверждается рядом других воспоминаний. По отзыву современников, кофейня Печкина была центром московской науки, литературы и искусства. Артисты Щепкин, Мочалов, Садовский, Ленский, зоолог Рулье, астроном Перевощиков, а также Грановский, Белинский, Герцен, Бакунин, Кетчер и другие выдающиеся представители литературной общественности — были частыми посетителями этой кофейни.

Наиболее полно освещена жизнь кофейни Печкина в специальной статье ее завсегдатая А. Д. Галахова [200]. В воспоминаниях Галахова для нас ценно сравнение кофейни Печкина с парижской кофейней Прокопа. Кофейня Прокопа, как известно, в течение XVIII века была центром литературной и шахматной жизни Парижа; здесь можно было встретить за шахматной доской Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Дидро, Филидора.

Итак, кофейне Печкина суждено было первой в Москве открыть свои гостеприимные двери для московских шахматистов. „В небольшой комнате,— вспоминает А. Фет [201] о своих студенческих годах,— стоял стол с шахматами, за которыми можно было в известные часы встретить профессора Дм. Матв. Перевощи-

кова в состязании с персианином или армянином, носившим название Кирюши. Как теперь помню кудрявую черную с едва заметной проседью голову этого восточного человека, сидящего в суконном черном архалуке с разрезными рукавами у шахматного стола, против Перевощикова. Вероятно, Кирюша был сильный шахматный игрок".

В 50-е годы кофейня Печкина еще продолжала существовать, но „золотой век" ее уже миновал.

„Шахматные вечера" были наиболее распространенной формой организации шахматистов не только в Петербурге и Москве, но и в провинции. Здесь идея шахматных клубов возникла, естественно, еще позднее. К сожалению, материалы, характеризующие шахматную жизнь России в эту эпоху, очень скудны. Нам удалось собрать лишь единичные факты, из которых заслуживает внимания, прежде всего, сообщение о шахматной деятельности в 40—50-х годах в Нижнем-Новгороде известного писателя В. И. Даля, составителя „Толкового словаря". „Много было толков, — вспоминает П. Д. Боборыкин, — и про шахматные партии вчетвером, которые у него разыгрывались по известным дням" [202]. Немного позже в Нижнем Новгороде открылся шахматный кружок, который насчитывал 16 шахматистов.

В 50-е годы обращает на себя внимание шахматная деятельность в Николаеве астронома К. Х. Кнорре, считавшегося в годы своего студенчества сильным шахматистом среди студентов Дерпта (1816—1821). Он, его два сына (в особенности Виктор, участвовавший впоследствии в национальных немецких турнирах, а также в международном турнире в Висбадене 1880 г.), а также бывший студент дерптского университета Н. Шпейер и Ф. А. Мазинг составляли ядро шахматной общественности Николаева. К. Х. Кнорре считался хорошим теоретиком и проблемистом и печатал свои задачи в иностранных журналах.

В Саратове поволжский колонист Ф. И. Штейних учредил в своем доме в 1840 году „Немецкий танцовальный клуб". По уставу в клубе допускались танцы, чтение газет и других изданий, игра в карты и шахматы.

Разрешение на открытие танцовального клуба было дано местным губернатором. Однако министерство внутренних дел предложило закрыть клуб под тем предлогом, что название клуба не соответствует его деятельности. Министерство негодовало, что „сверх карточной

игры дозволяется шах и мат и прочие шашечные игры“ [203]. Впоследствии танцовальный клуб был преобразован в Саратовское благородное собрание. В 1861 году в том же Саратове организуется уже шахматный кружок во главе с В. Стеллихом.

В Орле шахматная жизнь связана с именем А. Гутсейта, получившего медицинское образование в Дерпте, где его частым партнером был Кизерицкий. По приезде в Орел Гутсейт играл по переписке с виднейшими русскими шахматистами.

Совершенно особое положение занимает шахматный клуб в Севастополе. Во время Крымской войны (1853—1856 гг.) здесь оказалось много шахматистов из числа петербургских и московских офицеров. Один из сильнейших бреславльских шахматистов Элиасон, по профессии врач, познакомился в Перекопе с московским шахматистом князем С. В. Голицыным, приглашавшим его приехать в Севастополь, где Элиасон мог бы встретиться с известным русским мастером С. С. Урусовым. В Севастополе среди осажденных было большое увлечение шахматной игрой, которую не прекращали и во время боя [204].

Несмотря на скудость специально шахматных организаций в описываемую эпоху, шахматы к этому времени завоевали себе права гражданства в различных дворянско-чиновничьих клубах.

Нами были просмотрены свыше 50 проектов уставов различных провинциальных клубов и общественных собраний, организованных в середине прошлого века, и в большинстве случаев мы нашли в этих проектах пункт о разрешении играть в шахматы. Иногда это разрешение выражено в довольно курьезной форме, подобно цитированному нами выше официальному отношению министерства внутренних дел саратовскому губернатору. Так, например, в проекте правил Пермского благородного собрания (1853 г.) был введен специальный раздел „О шахматной игре“, который изложен буквально в следующих словах: „Сверх биллиардной и карточной игр, как выше сказано, дозволяется шах и мат и прочие шашечные игры, не принадлежащие к азартным играм. За шашечные игры никакого платежа не взимается“ [205].

Надо, однако, оговориться, что сказанное нами относится в основном к более крупным губернским городам. В уставах уездных организаций того времени упоминание о шахматной игре, как правило, еще отсутствует.

Глава девятая

ШАХМАТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ РОССИИ

После закрытия кушелевского клуба в 1860 году петербургские шахматисты продолжали собираться на частных квартирах, в ресторанах и кофейнях. Предприимчивые владельцы ресторанов и кафе учли возрастающий интерес к шахматам и к услугам посетителя предоставляли не только биллиард, но и шахматную доску с комплектом фигур.

Наконец, в январе 1862 года был опять открыт шахматный клуб под названием Общества любителей шахматной игры — в доме Елисеева у Полицейского моста. Этот новый клуб заслуживает особого внимания в виду своей причастности к борьбе против русского самодержавия. Историей его организации усиленно интересовалось пресловутое III отделение, о чем можно судить по сохранившемуся в архивных делах агентурному донесению, помеченному 12 января 1862 года: „Подозревая в учрежденном ныне вновь шахматном клубе какую-нибудь тайную цель, так как члены, записавшиеся до сих пор, принадлежат исключительно к сословию литераторов и ученых, приложено было старание узнать, на каком основании образовался этот клуб. Говорят, что здешние литераторы обращались с просьбой о дозволении им учредить литературный клуб, но что им в этом было отказано. Тогда кто-то вспомнил, что существовавший здесь, в гостинице Демут, шахматный клуб закрыт, и этим обстоятельством воспользовались литераторы, чтобы под названием шахматного клуба открыть их собственный клуб. К открытию вновь шахматного клуба не встретилось препятствий, и воспрещение, ка-

савшееся собраний литераторов, обойдено. Говорят, что их подписалось уже до 200 человек по 30 р. с. [серебром] и что у них будут обеды по 50 к. с персоны в те дни, когда подобные же обеды назначаются в Благородном собрании, эконом коего согласился быть распорядителем оных. В шахматном клубе не водится карт, а только шахматы, шашки и домино, но эти игры, говорят, один предлог" [206].

Из воспоминаний современников можно установить, что созданием этого шахматного клуба действительно имелось в виду облегчить взаимное общение литераторов, которые лишены были возможности открыть свой собственный клуб. „Зимой 1862 года, — вспоминает один из посетителей клуба,—открылся в Петербурге шахматный клуб, и весной я часто в нем бывал, хотя и не состоял членом, но это было удобное место для некоторых свиданий. Кто был его официальным инициатором, не знаю, но несомненно, что под флагом шахмат была сделана попытка устроить литературный клуб" [207]. Инициатива открытия клуба принадлежала, по всей вероятности, П. Л. Лаврову, у которого на дому происходили организационные собрания с участием Н. Г. Чернышевского [208]. Вопрос об открытии клуба обсуждался также у братьев Курочкиных, в то время — сотрудников „Искры" [209].

Исполняя заказ своих хозяев, агентура старалась вовсю. Секретный агент, захлебываясь, доносил петербургскому обер-полицмейстеру Анненкову: „Мысль об учреждении шахматного клуба принадлежала Герцену, от которого покойный Добролюбов получил ее во время своего путешествия за границу, и по приезде его эта мысль была осуществлена графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко. На вечерах этого клуба собирались люди всех оттенков революционной партии. Пропаганда революции велась всеми возможными способами... Главные члены шахматного клуба были члены крайней партии: Благосветлов, Чернышевский, Писарев, Попов, Мордовцев, Гиероглифов, партия В. Курочкина, Всеволод Костомаров, Николай Курочкин, Елисеев, Гербель, Виктор Михайлов, Антонович, Ипполит Панаев, графы Ростовцевы, князь Сибирский, граф Кушелев, Серно-Соловьевич и другие многие... Прокламации и издание „Великорусс" вышли из среды шахматного клуба" [210].

Герцен назвал этот донос „нелепейшим". Действительно, сведения, представленные услужливым агентом,

настолько абсурдны, что не выдерживают никакой критики: даже в титулованных членах шахматного клуба агентура обер-полицмейстера видит „крайних" революционеров.

Клуб в доме Елисеева был несомненно самым доподлинным шахматным клубом. Но вполне естественно, что, сплотив вокруг себя передовые силы писательской и научной общественности, он тем самым стал одновременно собирательным центром передовой политической мысли [211]. В этом нас убеждает сопоставление донесений агентов III отделения с показаниями современников.

Агентурные донесения отмечают, что на открытие собралось до 100 человек, „почти исключительно литераторы, ибо по прочтении наскоро имен, записавшихся у швейцара в книге, встретились следующие: граф Кушелев-Безбородко, Вернадский, Лавров, Краевский, Панаев, Некрасов, оба Курочкина, Степанов, Толбин, Крестовский, Писарев, Писемский, Благосветлов, Чернышевский, Апухтин, Рычков и Утин... Сделано распоряжение, чтобы один из наших агентов В. записался в шахматный клуб членом" [212].

Старшинами клуба были избраны П. Л. Лавров, профессор И. В. Вернадский и Г. А. Кушелев-Безбородко. Однако, по отзывам современников и агентурным сведениям, фактически делами клуба вершили Чернышевский, Благосветлов и Елисеев [213].

О шахматной деятельности клуба нам почти ничего не известно. Редактор „Шахматного Листка" В. М. Михайлов, сам член этого клуба, посвятил ему ровно несколько строк — о том, что клуб насчитывает около двухсот членов и что старшинами избраны Кушелев-Безбородко, Лавров и Вернадский [214]. (О закрытии клуба журнал вообще умолчал). Правда, в газетах промелькнуло сообщение, что „во вторник 27 марта" начнутся в клубе турниры. Однако, подосланный III отделением агент, проникший в число членов шахматного клуба, ссылаясь на свой разговор с Лавровым, заверяет напуганное начальство, якобы „под предлогом турниров будут собрания для обсуждения современных вопросов" [215].

Какие же политические вопросы обсуждались в шахматном клубе? Основные сведения об этом мы можем почерпнуть, к сожалению, только в том же мутном источнике агентурных донесений. 15 января в шахматном клубе обсуждался предложенный А. В. Головниным вопрос

о цензуре, 9 февраля были прения о значении публичных лекций профессоров университета, 19 марта состоялось собрание о мерах к достижению свободы прессы. Интересовались также вопросом о конституции, причем якобы, был составлен адрес для поднесения Александру II с требованием конституции, добровольное дарование которой „спасет Россию от тяжелых смут и волнений“ [216]. Н. Г. Помяловский, по словам его биографа Н. А. Благовещенского, „проповедывал в шахматном клубе идею общинного литературного труда, и в голове его возникало множество проектов по этому поводу“ [217].

Шахматный клуб, однако, не долго был объединяющим центром литературных кругов. Не могла не сказаться разнородность интересов и воззрений различных представленных в нем групп. По свидетельству современников, „литературный мир был тогда невелик, к тому же распадался на обособленные кружки, мало сходившиеся между собой, потому в шахматном клубе вечно царила пустота“ [218]. В других воспоминаниях указывается на то, что, вместо объединения инакомыслящих, шахматный клуб „способствовал только тому, что все это гораздо сильнее обострилось“ [219]. В агентурных донесениях также находим вынужденное признание: „Клуб этот дышит на ладан, в нем бывают по вечерам два-три человека. При подобных условиях ему нельзя продлить существование“. [220] Действительно, была создана комиссия в составе Лаврова, Чернышевского, Елисеева, Спасовича, Н. Курочкина и Утина с целью изыскания средств, так как дозволенные в клубе шахматы, шашки и биллиард не окупали всех расходов. Решено было добиваться разрешения на игру в карты, домино и лото. Ходатайство было возложено по вполне понятным мотивам на Кушелева-Безбородко: ведь клуб был официально зарегистрирован как шахматный, и кандидатура Кушелева-Безбородко была наиболее приемлемой. Решено было ждать его возвращения из-за границы.

Однако, в результате агентурных сводок нервы царской администрации не выдержали. В связи с общими реакционными мероприятиями правительства (выразившимися в закрытии воскресных и бесплатных школ, а также либеральных газет), 8 июня 1862 года появляется „объявление С.-Петербургского военного генерал-губернатора“, сообщающее о закрытии шахматного клуба и содержащее в себе глубокомысленную мотивировку причин

такой крайней репрессивной меры: „С.-Петербургский военный генерал-губернатор, считая в настоящее время своею обязанностью принимать все меры к прекращению встревоженного состояния умов и к предупреждению между населением столицы не имеющих никакого основания толков о современных событиях, признал необходимым закрыть, впредь до усмотрения, шахматный клуб, в котором происходят и из которого распространяются те неосновательные суждения“ [221]. „Встревоженное состояние умов“ и „толки“, о которых мы здесь читаем, относились, очевидно, к массовым пожарам, принявшим зловещий характер в Петербурге в знойное лето 1862 года и волновавшим население столицы.

Так кончил свое существование шахматный клуб, просуществовавший всего лишь неполных 5 месяцев.

Реакционные мракобесы, конечно, приветствовали закрытие клуба. Они изо всех сил старались облить грязью его деятельность. Достаточно ярким выразителем этих настроений была московская газета „Наше Время“, издававшаяся под редакцией Н. Ф. Павлова, в прошлом „либерала“ (в 1851—55 гг. он даже пробыл в ссылке в Вятке за найденные у него „вольнодумные бумаги“). В корреспонденции, напечатанной в этой газете по поводу причин пожаров в Петербурге, между прочим указывается: „Здесь на днях прервалось на время существование одного невинного заведения, соперничавшего с харчевней Еремеева; оно падало за недостатком средств, но находились люди, желавшие секретно поддержать его благоденствие, в тех же целях, с которыми некогда в Спарте водили пьяного илота, дабы видом безобразного зрелища удержать граждан от порока“ [222]. Один из членов шахматного клуба безуспешно пытался опровергнуть этот пасквиль, с целью чего была написана надлежащая статья, выдержанная, в расчете на цензуру, в самом „благонамеренном“ тоне. В этой статье выражалась уверенность, что строгое расследование убедит всех в самом скором времени в отсутствии каких-либо антиправительственных намерений у членов клуба, а закрытие последнего приписывалось „единственно распространению самых неосновательных слухов, средоточием которых ни в каком случае не был клуб“. Однако, царская цензура не дала разрешения на напечатание статьи, дошедшей до нас только в цензурном оттиске, и самое имя ее автора остается неизвестным [223].

Политическая подоплека закрытия шахматного клуба, не вызывавшая ни у кого сомнений, обратила на себя внимание даже за границей. О закрытии шахматного клуба писал французский шахматный журнал: „Матч между Колишем и Шумовым был затем организован стараниями графа Кушелева, русским любителем шахмат, знакомого нашим читателям, который, со времени закрытия шахматного клуба распоряжением правительства по политическим причинам, собирал у себя избранное общество русских шахматистов“ [224]. Соответствующее упоминание мы нашли также в изданной в Париже в 1864 году книжке Жана Гэ: „Шахматный клуб в С.-Петербурге был закрыт генерал-губернатором 15 июня 1862 года по политическим причинам“ [225].

После закрытия клуба царское правительство с опаской относилось и к его членам и к идее организации нового шахматного клуба. Недаром в „Справке о полковнике Лаврове от 6 января 1866 года“, послужившей основанием для его ареста, мы читаем, наряду с другими, следующее инкриминируемое ему обвинение: „Будучи членом закрытого впоследствии Шах-клуба, Лавров в апреле же 1862 года, в числе 15 человек, подписал адрес государю императору о необходимости даровать России конституцию“ [226].

Шахматисты опять стали собираться у Кушелева-Безбородко и других любителей.

Новый шахматный клуб был разрешен только в 1869 году. В связи с его открытием сохранились любопытные архивные материалы, на основании которых можно судить, что царская администрация не забыла „крамольного“ клуба в доме Елисеева.

11 марта 1869 года инициативная группа петербургских шахматистов обратилась к министру внутренних дел Тимашеву с прошением разрешить учреждение Общества любителей шахматной игры. Весьма характерно, что среди 13 лиц, подписавших прошение, не было ни одного, кто так или иначе был связан с закрытым шахматным клубом. Не было даже Кушелева-Безбородко, который обычно являлся ходатаем по различным шахматным вопросам. Не подписал прошения также, очевидно, по дипломатическим причинам и Шумов, шахматист безусловно „благонамеренный“, но связанный с кружком Кушелева-Безбородко. На сцену выступили новые организаторы, менее знакомые петербургским шах-

матистам, но зато не бывшие на подозрении у правительства. Подача прошения и ходатайство по делу учреждения клуба были поручены Ф. Э. Бранту. Из числа известных шахматистов, являвшихся инициаторами открытия нового клуба, можно назвать М. С. Бескровного и, пожалуй, О. И. Старынкевича.

Бюрократическая машина завертелась. 30 марта в канцелярию петербургского обер-полицмейстера из министерства внутренних дел было направлено следующее отношение: „Департамент полиции исполнительной просит канцелярию Спб. обер-полицмейстера доставить в департамент производившееся в Управлении бывш. Спб. Военного Генерал-Губернатора дело о закрытии клуба любителей шахматной игры, которое по миновании надобности будет немедленно возвращено“ [227].

Однако—увы! — „дело“ обнаружено не было. В полицейском архиве удалось обнаружить только дело „о дозволении Спб. купцу Кайзеру открыть в его гостинице шахматную игру“. Объясняется этот казус, повидимому, тем, что дела петербургского генерал-губернаторства после его ликвидации были сданы в различные учреждения.

Очевидно, у Бранта была заручка в министерстве внутренних дел, так как после получения департаментом полиции извещения от обер-полицмейстера, что „другого дела по сему предмету по документам сказанной канцелярии не значится“, последовала резолюция: „ускорить разрешение вопроса о шахматном клубе“. И действительно, 14 мая министр внутренних дел, прилагая все „добытые справки департамента полиции“, просит главного начальника III отделения „почтить отзывом“: не встречается ли с его стороны препятствий „к удовлетворению вышеозначенного ходатайства любителей шахматной игры“. На это 21 мая был получен ответ, что „со стороны III отделения собственной е. и. в. канцелярии не встречается препятствий к удовлетворению изъясненного ходатайства, с тем однако ж, чтобы за означенным обществом имелось должное наблюдение“. На полях этого отношения — пометка карандашом: „Г. М-р приказал: о наблюдении за клубом сообщить секретно обер-полицмейстеру“. 10 июня специальным отношением министр внутренних дел известил обер-полицмейстера: „Препровождая при сем утвержденный

мною устав О-ва любителей шахматной игры, покорнейше прошу ваше превосходительство передать таковой по принадлежности учредителям Общества, поименованным в прилагаемом при сем прошении,—затем по открытии сего Общества не оставить иметь за таковым должное наблюдение и выслать в министерство печатный экземпляр прилагаемого устава“ [228].

Наконец, в ноябре 1869 года клуб был открыт [229]. Президентом „клубного комитета“ был избран И. С. Шумов, секретарем — Ф. Э. Брант.

Первоначально клуб занимал отдельное помещение на Офицерской улице, 14, кв. 21. По предложению Шумова великому князю Константину Николаевичу было присвоено звание „покровителя Общества“, однако „высочайшее покровительство“ не пошло на пользу шахматистам: уже в октябре следующего года клуб вынужден был прекратить самостоятельное существование из-за недостатка средств и соединиться с Немецким собранием в Демидовом переулке, в просторечьи — „Шустер-клубом“. Последний предоставил шахматистам большую комнату, которая торжественно именовалась „шахматным клубом“. „Шустер-клуб“, занимавший великолепное помещение, объединял преимущественно крупных иностранных коммерсантов. В уставе этого клуба была статья о развлечении членов клуба шахматной игрой, чем и воспользовались петербургские шахматисты. Впоследствии был выработан устав „соединенного немецкого собрания и собрания любителей шахматной игры“ [230].

Новым шахматным клубом было устроено несколько турниров, которые обычно заканчивались победой Шумова. Из других шахматистов, принимавших участие в шахматной жизни клуба, следует отметить Шифферса, Бескровного, Старынкевича, Пономарева, Козлянинова, Грачевского, Б. Нольде. Нередкими его посетителями были также С. Урусов и Яниш. В 1874 году клуб стал посещать Чигорин.

Однако, деятельность шахматного кружка в „Шустер-клубе“ была непродолжительной. Стареющему Шумову энергично пытался помочь С. З. Алапин, которому было поручено руководство шахматной игрой и специально подобранной шахматной библиотечкой. Но посетителей было мало, и шахматная комната обычно пустовала.

В несколько большем масштабе в это время шахматная игра практиковалась в другом клубе — Английском (на Фонтанке). Там изредка игрались серьезные партии. Здесь бывали Алапин, Шифферс, Бескровный и другие.

Однако, чинная клубная обстановка мало привлекала петербургских шахматистов. Гораздо охотнее они посещали ресторан „Доминик", помещавшийся по Невскому проспекту в доме № 24.

„Доминик" был открыт в 1841 году швейцарским купцом Домиником Яковлевичем Риц-а-Порта и предназначался, как это было выражено „высочайшим мнением", „для публики высшего класса". Название „Доминик", в виду его популярности, оставалось за этим рестораном до Октябрьской революции, хотя с 1908 года он принадлежал уже акционерной компании, не имевшей ничего общего с покойным основателем ресторана, давшим ему свое имя [231].

В 70-х годах „Доминик" становится центром шахматной жизни Петербурга. Там за 20 копеек в час можно было получить шахматную доску и фигуры. Как правило, игра велась исключительно на деньги. К услугам новичка всегда имелись шахматисты-профессионалы, набившие руку в легкой игре и готовые облегчить на несколько рублей кошелек партнера. Свежий человек зачастую навсегда уходил из „Доминика" с отвращением после первого же посещения. В то же время были завсегдатаи, подчас уже старики, которые систематически ходили туда, как на службу: „выслуживают пенсию у Доминика", — говорили про них. Можно только удивляться, что на этой отравленной почве порой пробивались и вырастали подлинные шахматные таланты. Центральной фигурой в ресторане „Доминик" был в это время Э. С. Шифферс. Его столик всегда был окружен густой толпой народа, смотревшей с удовольствием, как Шифферс добивает свою очередную жертву. Стандартной ставкой служили 25 копеек, на жаргоне „доминиканцев" — „франк" [232]. Впрочем, иногда ставки доходили до 3-5 рублей.

Чигорин, также начавший свою шахматную карьеру у „Доминика", следующим образом отзывался о шахматной игре в этом ресторане: „В клубе играть весьма удобно в большой просторной комнате, но какими крепкими нервами, какой крепкой головой должен обладать шахматист, играющий у Доминика. Если расположению духа, небольшому нездоровью знаменитые игроки при-

писывают иногда причину своего поражения, то что сказали бы они, или лучше, как играли бы они в душной, дымной атмосфере, среди шума игроков других профессий (домино, биллиард)“ [233].

Шахматная игра в ресторанах Доминика, Мильбрета [234], — как и позднее, в XX веке, в кафе Рейтера и других им подобных московских и провинциальных ресторанах и кафе, — приняла совершенно уродливые формы. Выработался так называемый „кафейный стиль“, „кафейный жаргон“, не имеющий ничего общего с подлинным шахматным искусством [235].

Однако, через „чистилище“ „Доминика“ проходили, как правило, все незаурядные шахматисты той эпохи.

Когда в 1877 году „Доминик“ закрылся на ремонт, шахматисты, главным образом, группировавшиеся вокруг Чигорина, облюбовали себе новое место — ресторан Прадера (угол Вознесенского проспекта и Адмиралтейской площади). Соответствующую картинку из жизни шахматного Петербурга весьма живописно зарисовал на страницах „Всемирной Иллюстрации“ [236] шахматист Шумов:

„Шахматный приют, много лет существовавший в кафе-ресторане Доминика, недавно закрылся. Шахматисты, собиравшиеся там, наконец покинули любимый уголок, избрав себе другое поле для сражений; они завоевали целую комнату в кафе-ресторане Прадера, благодаря тому, что владетель его сам большой любитель шахматной игры. После доминиковского угла целая комната показалась увлекающимся шахматистам ни более, ни менее как целым миром. Зато в прежнем уголке было гораздо оживленнее: иногда до сражавшихся в шахматы там долетали биллиардные шары, а беспрерывная стукотня от них и от костей домино казалась беглым огнем дерущихся батальонов, и весь этот шум часто покрывался победными кликами, очень похожими на „ура“; вечно растилавшийся густой дым мешал сразу рассмотреть не только шашки, но и людей, — надо было прежде отмахнуть его платком; если не пахло порохом, то — гораздо хуже... Вообще, казалось, будто происходит настоящее сражение. Теперь в новом помещении происходит битва в тишине, свойственной одним шахматам; уже заходят туда любители, которые не могли пробыть у Доминика и пяти минут, и те, которые к нему совсем не заглядывали. Все обещает, что это

хорошо устроенное помещение, находящееся у самого Александровского сада, на углу Вознесенского проспекта, сделается любимым местом шахматистов и театром блистательных побед наших молодых Филидоров".

Безуспешной оказалась предпринятая группой шахматистов (во главе с Шумовым, „поссорившимся" к этому времени с Чигориным) попытка проникнуть в стены петербургского „Благородного собрания". Об этом рассказывает нам тот же Шумов[237].

„На бывшей 11 декабря [1878 года] в Благородном собрании баллотировке вопрос о праве любителей шахматной игры, в числе 50 лиц, посещать собрание на условиях 15 р. в год и только в те дни, когда не бывает танцовальных вечеров, был забаллотирован большинством 85 против 58... Соединенное присутствие старшин и членов комитета охотно соглашалось, но при баллотировке никто из них не возразил оратору, прямо обвинявшему правление в представлении общему собранию „такого глупого проекта" и советовавшему „заняться более полезными делами". Этот же оратор сравнил шахматистов с могильными крестами".

Вскоре из постоянного кадра шахматистов сформировался коллектив, который приступил к организации самостоятельного нового шахматного клуба. История последнего тесно связана с именем Чигорина, который к этому времени приобрел уже большую популярность среди петербургских шахматистов.

Еще в декабре 1876 года по его инициативе был организован частный кружок.

Первая попытка Чигорина организовать „Общество любителей шахматной игры" окончилась неудачей. Устав его был утвержден лишь в ноябре 1879 года, а в январе 1880 года открылся клуб этого общества (в отдельном помещении на Екатерининском канале 27, а затем на Б. Итальянской 8, кв. 4). Председателем последнего был избран О. И. Корбут, но главную роль играл секретарь в лице Чигорина. Продержавшись с трудом всего два года, в 1882 году „Общество любителей шахматной игры" вынуждено было прекратить свою деятельность из-за недостатка средств. Однако Чигорин не расстался с мыслью об объединении петербургских шахматистов и, с помощью меценатов, в октябре 1884 года вновь создал шахматный кружок.

Кружок этот первоначально поместился на углу Морской и Гороховой (дом № 13, кв. 17), но вскоре переехал в новое помещение на углу Морской и Невского (дом № 16, кв. 12), заняв две большие комнаты. Осенью же 1886 года, после временного переселения в два номера гостиницы „Англетер“, кружок добился утверждения устава „С.-Петербургского Общества любителей шахматной игры“ и занял самостоятельную просторную квартиру на Мойке (дом № 38), около Невского. Председателом Общества был единогласно избран Чигорин, товарищем председателя — А. Н. Дубравин.

В новой квартире Общество расположилось очень удобно. Оно занимало просторное помещение с отдельной комнатой для библиотеки. Членский взнос был установлен в 12 рублей в год; гости платили по 2 рубля в месяц. Главный контингент членов составляли служащие казенных и частных учреждений. Здесь проводился ряд турниров с распределением по категориям, устраивались матчи, сеансы одновременной игры, консультационные партии. Большой интерес вызвал в Обществе телеграфный матч из двух партий с Лондоном (1886—1887 гг.).

Чигорин уделял большое внимание Обществу, которое часто называли „чигоринским кружком“. Открывшись при 33 членах, Общество к январю 1885 года достигло численности в 60 человек. С каждым годом число желающих попасть в „чигоринский кружок“ увеличивалось. Но с расширением Общества отчетливее стали обнаруживаться скрытые разногласия, которые к началу 1890 года выявились уже довольно отчетливо. „Общество любителей шахматной игры“ постепенно все больше и больше подпадало под влияние реакционных националистических элементов, возглавляемых братьями Сувориными. Почтенные издатели „Нового Времени“ всячески старались вовлечь и шахматную общественность в русло „охранительной“ политики самодержавия. Правые элементы среди шахматистов группировались вокруг Чигорина, используя его в своей грязной игре как „национального героя“. Прогрессивные элементы Общества поддерживали Алапина, который также входил в состав правления клуба. Личная взаимная неприязнь двух этих русских шахматистов служила орудием явно политической борьбы: крайние националисты перешли в наступление против сторонников и представителей буржуаз-

ного либерализма. Под этим углом зрения вопрос о расколе и закрытии шахматного клуба рассматривался и в прессе, как в общей, так и в шахматной (в том числе и заграничной).

Уже на перевыборах Правления в 1890 году Чигорин был избран председателем большинством только трех голосов. С каждым месяцем атмосфера все больше наэлектризовывалась, и в конце-концов, после одного бурного заседания, в зале клуба вывешивается объявление: „Правление постановляет: за невозможностью обсуждать и решать дела в общем собрании объявить Общество закрытым, устав отменить и имущество продать, о чем заявить столичному градоначальнику". Как вскоре выяснилось, вопрос о судьбе Общества был уже заранее решен соратниками Чигорина, причем предполагалось образовать новое Шахматное общество, закупив по сходной цене весь инвентарь старого[238].

Новое Общество имело в виду прочно застраховать себя от „нежелательных элементов", надлежащим образом составив для этой цели свой устав. 28 января 1891 года этот устав нового „С.-Петербургского Шахматного Общества" был зарегистрирован в министерстве внутренних дел. По уставу в члены Общества не допускались: 1) лица, не достигшие совершеннолетия (кроме имеющих классные чины); 2) учащиеся в средних и низших учебных заведениях; 3) юнкера и нижние чины, состоящие на действительной военной службе; 4) лица нехристианского вероисповедания. Последний пункт достаточно характеризовал физиономию нового Общества, которое открылось 24 февраля 1891 года в том же помещении. На общем собрании (9 марта) президентом общества был избран П. А. Сабуров (бывший посол в Берлине), вице-президентом Чигорин. В роли казначея в правление вошел также М. А. Суворин.

Реакционная пресса не скрывала своего удовлетворения по случаю „реорганизации" шахматного кружка. „Новое Время", расточая похвалы Чигорину, приветствовало в его лице не гениального шахматиста, а „редактора шахматного отдела нашей газеты, изгнавшего евреев из петербургского шахматного собрания"[239]. Один из наиболее правых элементов Общества А. К. Макаров в издаваемом им „Шахматном Журнале" всячески поносил „врагов" нового Общества. Он обрушивался „громовыми статьями" против своего конкурента—

журнала „Шахматное Обозрение“, который, дескать, „обнаруживает принадлежность к лагерю недовольных новым шахматным клубом в Петербурге, т. е. к противникам Чигорина, причем скорбит об исключении из клуба евреев“ [240]. „Шахматное Обозрение“ действительно выступило против „моментальной перемены шахматной декорации на Петербургской Мойке“ (где помещалось Шахматное общество). Однако, надо полагать, что это выступление было продиктовано скорее личными антипатиями издателя журнала Д. И. Саргина к Чигорину, хотя Саргин и уверял, что он „выступил резко против М. Чигорина именно в его походе против С. З. Алапина и Стейница, как евреев, находя что *в шахматах* все равны“ [241]. Известно, что сам Саргин по своим убеждениям недалеко ушел от Макарова.

Ряд других газет и журналов высказывался в том духе, что „шахматная игра должна быть выше политики“, и выражали надежду, что „мера эта не имеет принципиального значения“.

Заграничная шахматная пресса также реагировала по-своему на реакционную политику Шахматного общества.

Иностранные журналы „Stratégie“ и „Deutsche Schachzeitung“ писали, что в нем „собираются аристократы“. Стейниц во время встречи с Чигориным заинтересовался докатившимися до него сведениями об ограничительных мерах в отношении доступа евреев в шахматный клуб и привел свой разговор с русским чемпионом в газете „New York Tribune“ (6 декабря 1891 г.). „Отвечая на мой вопрос по этому предмету, М. И. Чигорин просил меня исправить неверное сообщение, которое появилось в газетах на разных языках и произвело некоторую сенсацию как в шахматных кругах, так и вне их. Дело идет о том, что Петербургский шахматный клуб будто бы последовал примеру правительства в гонении евреев и ограничил допущение их в клуб весьма небольшим процентом. М. И. Чигорин говорит, что, без сомнения, в Петербургском шахматном клубе произошел раскол, но что он никоим образом не находится в связи с вышеуказанным антисемитским движением... Шахматисты всего света, без сомнения, будут счастливы узнать, что нет, повидимому, основания заклеймить таким известием Шахматное общество, так много способствовавшее развитию нашей благородной и космополитической игры“ [242].

Это свидетельство Стейница показывает, что сам Чигорин, видимо, тяготясь навязанной ему ролью, явно стремился рассеять создавшееся за границей неблагоприятное впечатление о Петербургском шахматном обществе. Что же касается „изгнанных“ из клуба шахматистов, то они не теряли даром времени и вскоре также оформили свое самостоятельное существование. Помещение им было предоставлено в „Собрании экономистов“ (Фонтанка 32), куда в феврале 1891 года шахматисты получили доступ в качестве „членов-соревнователей“. Сюда потянулись все лучшие петербургские силы: Алапин, Шифферс, Шишкин и другие. Деятельность этого шахматного кружка первоначально была весьма оживленной. Был организован ряд турниров, главным образом гандикапных. В 1893 году кружок переехал в новое помещение (Владимирский проспект, дом № 19). Однако, на новом месте он просуществовал всего лишь два года и в 1895 году закрылся, после смерти главного организатора А. А. Михельсона.

С.-Петербургское шахматное общество просуществовало семь с половиной лет. В октябре 1892 года оно переехало в новое помещение при Сельскохозяйственном клубе. Чигорин в качестве директора-распорядителя (вице-призидентом на его место был избран князь Кантакузин, который впоследствии стал президентом) старался внести оживление в шахматную жизнь клуба. Однако, слабый в квалификационном отношении состав членов клуба едва ли представлял благоприятную почву. Наиболее важными мероприятиями, проведенными Шахматным обществом, были матч Чигорин — Тарраш в 1893 году и первый международный турнир в России в 1896-97 году. (Следует отметить также короткий визит Мизеса.) Однако, вскоре после турнира Шахматное общество стало заметно хиреть. Общие собрания не созывались, финансовой стороной никто не интересовался, и в августе 1898 года Общество было официально ликвидировано.

Год спустя (в сентябре 1899 года) Чигорин организовал шахматный кружок у себя на дому (сначала на Невском, затем на Николаевской ул., вблизи Кузнечного пер.). Шахматисты допускались сюда по особым приглашениям. Из сильнейших посетителей отметим Лебедева, Левина, Зыбина и Зейбота. Но существовал этот кружок недолго.

После закрытия шахматного кружка при „Собрании экономистов“ бывшие его члены большей частью собирались у „Доминика“, который, даже во время существования в Петербурге двух шахматных клубов, всегда играл видную роль в петербургском шахматном движении. У „Доминика“ же был поднят вопрос об организации нового шахматного кружка. Желающих оказалось много. Был спроектирован устав „Общества поощрения шахматной игры“ и подобран титулованный председатель — чиновник министерства путей сообщения князь М. П. Бебутов, с помощью которого удалось устроиться в железнодорожном клубе (на Б. Итальянской ул.). В мае 1896 года устав был зарегистрирован, и с осени кружок оформился окончательно; среди его дежурных старшин мы встречаем Алапина, Шифферса, Юревича, Гельбака, Чебышева-Дмитриева. Однако, деятельность этого нового шахматного кружка была также непродолжительной и мало примечательной. За два года его существования было проведено несколько турниров, а в январе 1897 года проведены гастроли чемпиона мира Ласкера. Как в „Собрании экономистов“, так и в железнодорожном клубе слабая жизнеспособность шахматного кружка была связана с пагубным влиянием карточной игры.

Снова на первый план выступает „Доминик“. За организацию нового шахматного клуба взялся некто П. П. Винклер, который сумел обеспечить шахматистам помещение в скромной квартире, занятой учебным заведением на Крюковом канале. В 1901 году с помощью богатого коммерсанта Винклер устроил шахматистов в более просторном помещении на Загородном. Шахматный кружок оформился под названием „Общества любителей шахматной игры“. Клуб стал пользоваться большой популярностью, и помещение не могло вместить всех желающих. Тогда Винклер подыскал небольшой особнячок на Кабинетской ул. (№ 18), деревянный одноэтажный домик. Пожалуй, за все время существования в Петербурге шахматных кружков никогда не наблюдалось такого оживления. Винклеру удалось пригласить на гастроли ряд иностранных мастеров (Яновского, Марко, Барделебена и Шеве) и привлечь даже самого Чигорина, который принял участие в ряде консультационных партий. Однако, в конце 1903 года обнаружилось, что шахмат-

ный кружок является несостоятельным должником, и пришлось поневоле свернуть его деятельность.

Председателем Общества был одно время М. В. Люце, затем несколько дней реакционер Макаров, который к этому времени успел поссориться с Чигориным, обозлившись на него за критику, которую тот обрушивал по адресу журнала, возглавлявшегося Макаровым. Были потом и другие председатели. Фактически же делами Общества руководил Винклер.

В 1901 году, еще при существовании „Общества любителей", группа близких к Чигорину шахматистов вошла в соглашение с „Собранием врачей" (Фонтанка 48), и шахматисты получили туда доступ на правах гостей. Этот шахматный кружок, председателем которого был М. А. Шабельский, хотя продолжал существовать и после закрытия „Общества любителей", однако, деятельность его была довольно скромной. Кружок предполагал играть матч с парижским клубом „Cercle Philidor", но переговоры, которые велись в течение года, не дали положительного результата.

Новая шахматная организация в Петербурге связана с именем Б. З. Коленко (директора 10-й гимназии). При его содействии возникло „С.-Петербургское Шахматное Собрание". Первоначально оно помещалось на квартире у шахматиста Крогиуса, в 1903 году пользовалось залом 10-й гимназии, а затем нашло себе приют в помещении „Собрания педагогов" (Невский 44). Наконец, с 1906 года Шахматному собранию удалось устроиться в прекрасном помещении клуба служащих в кредитных учреждениях, так называемом Финансовом клубе (Невский 55), вместе с которым в 1912 году шахматисты переехали в новое помещение на Литейный пр. 10. В списке почетных членов Собрания были в числе других Чигорин и Сабуров. Правление состояло преимущественно из молодых шахматистов, вышедших из шахматного кружка при Александровском лицее, однако, в интересах привлечения квалифицированных шахматных сил, в уставе не подчеркивался привилегированный характер Собрания.

Шахматное Собрание развило довольно энергичную деятельность. Помимо многочисленных категорных турниров и матчей, сеансов и консультационных партий, новым клубом был организован IV Всероссийский турнир 1905—6 гг., устроены два международных турнира

(в 1909 и 1914 гг.) и проведены всероссийские соревнования, подготовительные к международному турниру 1914 года. Наконец, Петербургским шахматным собранием была проведена в жизнь организация всероссийского шахматного союза. О том, с какими муками он рождался, и как затем „отцвел, не успевши расцвесть", мы расскажем ниже, дав предварительно краткий очерк жизни шахматных организаций в Москве и провинции в описываемую эпоху.

Первый шахматный кружок в Москве образовался лишь в 1865 году. Возник он благодаря гостеприимству открывшегося в это время „Артистического кружка" [243], предоставившего в распоряжение шахматистов отдельную комнату. Первоначально шахматный кружок не имел прочной организации, и только в 1877 году оформился надлежащим образом. Во главе кружка стали А. В. Соловцов, избранный президентом, и А. Ф. Бовыкин — секретарь. Видную роль в жизни кружка играли также его активные члены Е. А. Шмидт, А. Ф. Гельвиг, А. Моод, А. В. Дроздов и Н. Ф. Даннеберг. В стенах „Артистического кружка", где шахматисты собирались обычно два раза в неделю, было устроено несколько турниров. Здесь же в 1881 году Гельвиг провел сеанс одновременной игры с шестью партнерами не глядя на доску (с результатом +2—2=2). В 1882 году им же была предпринята попытка издавать печатный шахматный орган — „Шахматный Журнал" (вышло всего 4 номера) [244]. Тем же Гельвигом впервые в России был организован турнир по переписке, в который записалось 12 человек. В 1883 году „Артистический кружок", превратившийся к этому времени в игорный дом, закрылся, а шахматисты еще за год до закрытия перекочевали в Дворянское собрание. Деятельность московских шахматистов в новом помещении характеризуется следующим сообщением: „Московское Общество попрежнему идет тишайшими шажками по своей дорожке... Членов мало, посетителей от 8 до 16 в вечер (по понедельникам и четвергам)" [245].

Новый подъем шахматной жизни в Москве начался в 90-х годах, после переезда организованных шахматистов в „Собрание врачей", состоявшегося в 1890 году. Шахматным кружком руководили в это время А. С. Прозоров, проф. П. Г. Виноградов, О. Я. Ягелло и К. К. Вер-

ман. В Москве вторично стал выходить шахматный журнал — „Шахматное Обозрение“ [246]. В 1896—97 году здесь был организован матч-реванш Ласкер—Стейниц. Пребывание в Москве чемпиона и экс-чемпиона значительно повысило интерес к шахматам, и шахматный кружок при „Собрании врачей“ развил широкую деятельность. Этим кружком были устроены первые два всероссийских турнира, проводились квалификационные турниры и матчи, чемпионаты на первенство города и другие шахматные мероприятия. Кроме Ласкера и Стейница, в Москве гостили Яновский, Мизес и Марко. Был специально приглашен на гастроли американский гросмейстер Пильсбери, который провел в Москве 10 дней в конце ноября — начале декабря 1902 года.

В 1902 году помещение „Собрания врачей“ уже не могло вместить всех желающих, и шахматный кружок опять переселился в Дворянское собрание, где он просуществовал только один год. Соседство шахматистов не понравилось почтенным заправилам Дворянского клуба, и в 1903 году шахматисты перекочевали в помещение Охотничьего клуба. К этому времени шахматная жизнь в Москве несколько утихает, и шахматная гегемония опять переходит к Петербургу. У московских шахматистов снова очень остро встал вопрос с помещением. В 1907 году они нашли приют в стенах Литературно-художественного кружка, но здесь, однако, им было неудобно, и шахматисты стали собираться на частных квартирах (у В. И. Ненарокова и В. В. Гудима). Наконец, в ноябре 1908 года они переселились в помещение Политехнического кружка, а через год—в „Собрание служащих в кредитных учреждениях“. В сентябре 1912 года была сделана попытка нанять собственное помещение (Сивцов Вражек 11), но уже летом 1913 года пришлось его ликвидировать из-за недостатка средств. Осенью 1913 года московские шахматисты снова нашли приют в помещении Охотничьего клуба.

В провинции, если не считать дворянско-чиновничьих и купеческих „общественных“ клубов, где шахматы существовали с грехом пополам на правах „бедного родственника“, шахматная жизнь чувствовалась лишь временами в отдельных городах. Провинциальные шахматные кружки насчитывались буквально единицами и обычно были недолговечны [247].

В Харькове с 1878 по 1881 год местными шахматистами были проведены партии по переписке с иногородними кружками (даже с шахматным кружком в Безансоне — Франция), устраивались турниры. В конце 1881 года был официально утвержден устав „Общества любителей шахматной игры", особо деятельное участие в котором принимали Гальперин, Беклемишев, Шабельский [248] и Коченовский.

В Казани еще в начале 70-х годов, благодаря энергии М. П. Поленова, был организован шахматный кружок, и несколько раз устраивались турниры.

Петербургский приятель Чигорина П. И. Хомутов, переведенный на службу в Ташкент, принял в 80-х годах участие в создании здесь шахматного кружка. Хомутовым даже была составлена специальная памятка шахматиста — „Памятная книжка за 1882—1884 гг."

Постепенно возникали шахматные кружки с официально утвержденными уставами и в других городах — в Новгороде, Киеве, Воронеже и т. д. Однако, повторяем, в большинстве случаев эти кружки были весьма недолговечны.

Даже такие крупные события в жизни провинции, как гастрольные поездки известных русских шахматистов, например, Чигорина или Шифферса, или визиты иностранных мастеров, вызывали только временное оживление.

Иногда, благодаря отдельным энергичным организаторам и с неизбежной помощью богатых меценатов, удавалось устраивать отдельные турниры, выходившие за рамки местных (Киев — III Всероссийский, 1903 г., Вильна — 1909 и 1912 гг., Саратов — 1912 г.), но эти турниры не могли сыграть полностью даже той скромной роли в истории русского шахматного искусства, которую они вообще могли сыграть в условиях дореволюционной действительности, поскольку не было объединяющей шахматной организации, которая руководила бы шахматной жизнью в масштабе всей страны.

Киевское шахматное собрание предполагало даже устроить в Москве или в Киеве международный турнир. Однако энтузиазма после организации III Всероссийского турнира у киевских меценатов хватило не надолго.

Идею об организации Всероссийского шахматного союза с ежегодными конгрессами и турнирами в разных городах России впервые высказал Чигорин на страни-

цах редактировавшегося им журнала „Шахматный Вестник“, еще в 1885 году. Он уже предполагал разослать печатный циркуляр, о чем было даже сообщено в журнале. На запросы читателей „Шахматного Вестника“ Чигорин уверенно заявлял, что он твердо убежден в возможности организации шахматного союза. Однако дело организации шахматного союза так и не получило движения, „по независящим обстоятельствам“, — как указывал Чигорин, — так как до утверждения устава он лишен был возможности открыто действовать в пользу осуществления своей цели.

Архивные материалы вскрывают историю запрещения шахматного союза. На основании доклада цензора Свадковского, которому была поручена предварительная цензура „Шахматного Вестника“, 22 августа 1886 года цензурным комитетом было послано петербургскому градоначальнику отношение следующего содержания: „Редакция журнала „Шахматный Вестник“, пропагандируя идею об образовании „Шахматного союза“, желает печатать циркуляр, в коем заявляет, что уже она приступает к организации союза, почему просит оказать содействие 1) в привлечении любителей в члены союза и 2) в сборе, впоследствии, членских взносов.

„Цензурному комитету неизвестно, утвержден ли устав означенного союза, — о проекте которого говорилось в январской книжке журнала, — и удобно ли появление подобного циркуляра, ранее чем будет разрешено правительством учреждение означенного союза.

„Поэтому и имея в виду, что настоящий циркуляр, не заключая в себе ничего литературного, подлежит скорее разрешению полицейского начальства, чем общей цензуры, Комитет, препровождая корректурный оттиск, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить свое заключение о возможности напечатания оного“ [249].

Теперь, конечно, ясно, почему циркуляр не был разослан. Идея организации шахматного союза оказалась похороненной в канцелярии петербургского градоначальника. Проект устава шахматного союза, который Чигорин представил на утверждение градоначальника в начале 1887 года, конечно, не был утвержден. Чигорин больше не решался хлопотать, увидев бесполезность своих попыток.

Вопрос этот и в дальнейшем неоднократно ставился на страницах шахматной печати Петербурга и Москвы, но практически не получал никакого движения.

Лишь 20 лет спустя, в 1907 году, Петербургским шахматным собранием был составлен проект устава союза, напечатанный в Лодзи во время V Всероссийского турнира. В феврале 1909 года, во время международного турнира в Петербурге, состоялось организационное собрание союза, избравшее совет и бюро союза; проект устава был еще раз пересмотрен и исправлен Петербургским шахматным собранием, однако, далее напечатания этого проекта дело не пошло [250].

И только в 1913 году новому временному центральному бюро союза удалось сдвинуть вопрос с мертвой точки. Главное затруднение заключалось в регистрации устава союза, зависевшей от „Петербургского городского по делам об обществах присутствия". При внесении туда устава учредителям весьма недвусмысленно дано было понять, что в регистрации его будет отказано, если учредители не переработают устава в желательном для „присутствия" смысле. Конкретно предлагалось исключить из § 2 упоминание о „поддержке выдающихся игроков" — на том основании, что это является видом взаимопомощи; весьма характерна для царской администрации и придирка в §§ 37 и 38 о вступлении в союз по одному общему заявлению: такой способ вступления в союз приравнивался к действиям „скопом". Категорически воспрещалось быть членами союза учащимся.

В конце концов, с большим трудом и после долгих хлопот, удалось добиться регистрации устава в министерстве внутренних дел. При этом министерство потребовало переименовать „союз" в „общество" и внести некоторые изменения в проект устава. В результате всей этой волокиты учредительное собрание Всероссийского шахматного общества, намеченное на январь 1914 года и приуроченное к десятилетнему юбилею Петербургского шахматного собрания, пришлось отложить на апрель 1914 года, когда и был заслушан и утвержден устав Общества. К моменту своего оформления Общество насчитывало 65 индивидуальных членов и около 800 коллективных, образовавших 22 провинциальных отделения.

Само собой разумеется, что решающую роль в народившемся Всероссийском шахматном обществе играли

представители крупной буржуазии и чиновной знати. Достаточно указать на такие фигуры в составе правления и совета Общества, как сын сенатора Сабурова П. П. Сабуров (председатель правления), князь Демидов Сан-Донато или известный миллионер Бостанжогло. Буржуазно-демократический элемент, представленный в выборных органах общества в меньшинстве, предназначался, главным образом, для „черной работы“. Официальным знаменем этой дворянско-буржуазной организации был, конечно, „аполитизм“ шахматной деятельности, означавший на деле превращение шахмат в забаву сытых и узаконявший монополию реакционеров в Всероссийском шахматном обществе.

Согласно уставу, деятельность Всероссийского шахматного общества должна была выражаться: 1) в устройстве всероссийских и международных турниров, 2) в пропаганде шахмат в провинции и 3) в издательской работе. Практически в конце июня 1914 года были выпущены „Известия Всероссийского шахматного общества“, в которых объявлялся конкурс задач для членов Общества, а также турнир по переписке. Разразившаяся вслед за тем империалистическая война прервала деятельность Общества на первых же его шагах.

Ряд русских шахматных деятелей, командированных летом 1914 года за границу для участия в турнирах Германского шахматного общества, был интернирован в Германии. Средства в кассу не поступали, и уже второй номер „Известий“ Общества вынужден был приютиться на страницах журнала „Шахматный Вестник“, на чем выпуск „Известий“ и прекратился. Главная деятельность Общества за время войны выразилась в хлопотах по освобождению русских шахматистов из германского плена и по оказанию им возможной помощи.

Глава десятая

ШАХМАТНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Первым шахматным соревнованием, выходящим за пределы соревнований, устраивавшихся в частных домах, на так называемых „шахматных вечерах", был матч по переписке, организованный в апреле 1837 года по инициативе трех петербургских шахматистов (во всяком случае, это было первое соревнование, зарегистрированное периодической прессой).

В одной из петербургских газет того времени мы находим заметку под заголовком: „Шахматная игра по Санктпетербургской городской почте". В этой заметке сообщалось, что „трое из здешних любителей шахматной игры возымели мысль о занимательном предприятии: они предложили одному из первых игроков в Европе, нашему соотечественнику [251] партию по С.-Петербургской городской почте" [252]. Партия, начатая 27 апреля 1837 года, окончилась поражением консультантов [253].

В декабре того же года Яниш, от имени Петербургского общества любителей шахматной игры, через посредство французского журнала „Palamède" предложил парижскому шахматному клубу сыграть матч по переписке из двух партий. Однако, пока длились переговоры, обстоятельства изменились, и Яниш в письме в тот же журнал известил, что некоторые из петербургских шахматистов покинули столицу, а другие обременены служебными обязанностями, и поэтому предлагал организовать индивидуальный матч по переписке между Петровым и сильнейшим в то время шахматистом мира Лабурдонне. Но Париж не согласился на новое предложение Яниша, так как главный интерес такого матча, по мысли

парижан, заключался именно в коллективном обсуждении ходов [254]. Не встретило отклика также и другое одновременное предложение Яниша — об организации соревнования на лучшее составление и решение задачи или этюда.

Матч по переписке из двух партий удалось организовать, однако, в следующем году между Петербургом и Дерптом. Со стороны Петербурга игрой руководил тот же неутомимый Яниш, со стороны Дерпта — получивший впоследствии европейскую известность Лионель Кизерицкий [255]. Матч этот, освещавшийся довольно подробно в петербургских газетах, был выигран в мае 1839 года Янишем, добившимся победы белыми (в гамбите слона) и сделавшим ничью черными (в ферзевом гамбите) [256].

Лишь в 1853 году был сыгран впервые в России матч за доской, официально зарегистрированный шахматной литературой, — между Петровым, по служебным делам находившимся в это время в Петербурге, и С. С. Урусовым, специально приехавшим из Москвы, чтобы сразиться с знаменитым шахматным мастером. Матч закончился с результатом: +2=2 в пользу Петрова.

Шахматные турниры в России, в первую очередь в Петербурге, стали устраиваться, повидимому, с 20-х годов у В. В. Погодина. Однако, первые результаты, зарегистрированные периодической печатью, относятся только к 1853 году. В Петербургском обществе любителей шахматной игры в сентябре 1853 года был организован турнир, закончившийся победой московского гостя С. С. Урусова, второе место занял И. С. Шумов.

В 1854 году был сыгран матч между Д. С. Урусовым и Шумовым, закончившийся победой первого с результатом +7—4. В том же году Шумов выиграл матч у Яниша: +5—3=4. Матч из 21 партии между С. С. Урусовым и Шумовым закончился победой Урусова с перевесом на две партии.

В 1859 году ряд турниров был проведен на „шахматных вечерах“ у Кушелева-Безбородко. Эти турниры не были официальными соревнованиями и носили домашний характер, заканчиваясь обычно в один или несколько вечеров. Один из таких турниров, организованный в январе 1859 года, привлек значительное количество участников — 24 человека; он был проведен по олимпийской системе. Победителем оказался И. С. Шумов, на второе место вышел В. В. Пеликан, на третье — Д. С. Стерн [257].

Вскоре по окончании этого турнира был проведен другой, однако, с меньшим количеством участников и с более слабым составом. Первое место в нем занял В. М. Михайлов, второе—К. О. Розенбергер, третье—Г. Н. Радзевский [258].

В небольшом турнире этого же года первый приз достался Д. С. Стерну, второй — Э. И. Форшу.

В 1859 году состоялся ряд матчей между русскими шахматистами. Приехавший из Москвы С. С. Урусов выиграл у Шумова (со счетом +7—3=3).

В октябре 1859 года Урусов приехал в Варшаву специально для матча с Петровым. Большинство партий было играно шотландским гамбитом, в котором Урусов считался знатоком, а Петров хотел на практике испытать различные способы защиты. Матч этот не имел, однако, теоретического или спортивного значения, так как в день игралось по нескольку партий, а в некоторых партиях ходы брались назад. Сохранились только сведения, что Петров значительно переиграл своего противника (предположительный счет +13—7=1).

Из Варшавы Урусов проездом в Москву сыграл в Петербурге два матча; он опять выиграл у Шумова (+6—2=1) и у В. Михайлова (+4=2).

В 1860 году Петербург посетил прибалтийский шахматист Ф. Амелунг. Он играл с Шумовым (—1=1) и Розенбергером (+2—2).

В октябре 1861 года на „шахматном вечере" у А. И. Максимова состоялся турнир, в котором первое место занял хозяин дома, второе — В. И. Калашников, третье — Н. А. Михайлов [259].

Через несколько дней в небольшом турнире у Кушелева-Безбородко на первое место вышел И. С. Шумов, на второе — Г. Г. Циммерман [260].

В апреле 1862 года приехал в Петербург, первым из иностранных мастеров (если не считать наезжавшего в 50—60-х годах в Россию бреславльского шахматиста Элиасона), известный венгерский шахматист И. Колиш, сопровождавший Кушелева-Безбородко в качестве его секретаря. Он сыграл небольшой матч с Шумовым, окончившийся с результатом +6—2 в пользу Колиша. Приехавшему из Москвы специально для матча Урусову удалось сыграть только четыре партии с общим ничейным результатом: +2—2.

В этом же году в Петербурге дважды побывал по служебным делам Петров. Он сыграл шесть легких партий с Шумовым, — каждая партия длилась не более часа или двух, а иногда и три четверти часа. Итоговый счет этих партий был +4—2 в пользу Петрова.

В 1866 году в Москву приехал, — видимо, по торговым делам, — немецкий шахматист П. Гиршфельдь. Урусов у него выиграл небольшой матч с результатом +2—1=2; другой московский шахматист А. В. Дроздов также выиграл с результатом +2—1.

В том же году Дроздов выиграл матч у приехавшего из Лейпцига (Германия) на постоянное жительство в Москву Шмидта (+6—5=2).

В 1868 году в Москве состоялся турнир: I — Шмидт, II — С. Урусов, III — Дроздов. Зимой 1868/69 года Шмидт выиграл матч у Дроздова (+5—0; матч остался незаконченным).

В феврале 1869 года в Петербург и Москву приезжал Ф. Амелунг и сыграл ряд партий с русскими шахматистами. В Москве он выиграл одну партию у Урусова, с Дроздовым он сыграл +1—1, с Шмидтом +1—2. Турнир сильнейших петербургских шахматистов закончился победой Шумова, II — Козлянинов.

Благодаря инициативе Винавера в Варшаве был проведен турнир в составе 19 участников. Первое место занял Винавер, второе — Клечинский, третье — Рожанский.

В 1870 году в Петербург приехал сильный балтийский шахматист Г. Ф. Клеменц, с успехом сыгравший с местными шахматистами: М. Бескровным, М. Старынкевичем и П. Пономаревым. С Шумовым обе партии окончились вничью.

В 70-х годах на шахматной арене в Петербурге появляется ряд молодых талантливых шахматистов, которые способствуют некоторому оживлению шахматной жизни, — Э. С. Шифферс, А. А. Ашарин, М. И. Чигорин и другие.

В 1874 году состоялся матч Шифферса с чемпионом петербургского Английского шахматного кружка Фильдом, окончившийся победой Шифферса (+4=1). Приехавший из Петербурга Шумов сыграл в Останкине (под Москвой) с Шмидтом (+1—1) и Дроздовым (+1—1).

В этом же году в Петербурге состоялся гандикап-турнир, в котором впервые принял участие молодой

Чигорин. Первый приз взял Шумов, второй — Шифферс, третий—Чигорин.

Зимой 1875 года в Петербург приехал варшавский мастер С. А. Винавер, прекрасно зарекомендовавший себя в международных турнирах. Его приезд ожидался в Петербурге еще в 1870 году, причем по сообщению шахматной прессы он собирался переехать на постоянное жительство из Варшавы в Петербург (о Винавере см. стр. 202). Он выиграл матч у Шумова (+5—2) и принял участие в небольшом турнире с участием сильнейших петербургских шахматистов: Шифферса, Шумова, Чигорина и Ашарина (по две партии). Винавер занял первое место, за ним — Шифферс.

В 1876 году Ашарин вышел победителем небольшого турнира с участием Шумова, Шифферса и Чигорина.

В 1877 году Шифферс выиграл матч у прибалтийского шахматиста Амелунга (+6—2=4), Ашарин проиграл матч Амелунгу с результатом +3—4=2.

В начале 1878 года состоялся матч между двумя сильнейшими петербургскими шахматистами Шифферсом и Чигориным. Шумов к этому времени уже отходит от практической игры, тем самым молчаливо признавая превосходство этих молодых шахматистов. Победа осталась за Чигориным, выигравшим матч с результатом +7—3=0. В этом же году другой матч между ними закончился с результатом +7—6=1 в пользу Шифферса. В Москве сильнейшей шахматист города А. В. Соловцов выиграл небольшой матч у Даннеберга.

В декабре 1878 года в Петербурге, благодаря инициативе и энергии Чигорина, был организован турнир, выходивший из рамок местного значения. Для устройства турнира был образован комитет в составе А. И. Максимова, В. П. Тимофеева, Н. И. Петровского и М. И. Чигорина (последний исполнял обязанности секретаря). 5 декабря комитетом было разослано приглашение всем сильнейшим русским шахматистам. От Петербурга в турнире приняли участие Алапин, Ашарин, Лизель, Нерлинг, Петровский, Шифферс и Чигорин; от Москвы—Соловцов и Шмидт (последний вышел из турнира после четырех проигрышей, недовольный контролем времени—20 ходов в час). Не смогли участвовать давшие было согласие Винавер (Варшава) и Хардин (Самара) [261]. Турнир, происходивший в ресторане Мильбрета, начался 25 декабря и закончился 3 января 1879 года (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Петербург 1878—1879 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Итог
1. Чигорин	×	1	0	½	1	1	1	1	1	6½
2. Алапин	0	×	1	1	1	½	1	1	1	6½
3. Соловцов	1	0	×	0	1	½	1	1	1	5½
4. Шифферс	½	0	1	×	1	+	0	1	+	5½
5. Петровский	0	0	0	0	×	0	1	1	1	3
6. Ашарин	0	½	½	—	1	×	—	½	—	2½
7. Лизель	0	0	0	1	0	—	×	1	—	2
8. Нерлинг	0	0	0	0	0	½	0	×	—	½
9. Шмидт	0	0	0	—	0	—	—	—	×	0

Алапин и Чигорин, набравшие одинаковое количество очков, сыграли между собою решительную партию, которую выиграл Чигорин, занявший таким образом первое место. Соловцов и Шифферс также сыграли для выяснения третьего и четвертого места две партии, но обе закончились в ничью.

В этом турнире было принято любопытное правило о просрочке времени: партия, выигранная шахматистом, просрочившим время, считалась за ничью, а сведенная в ничью — за проигрыш.

Вскоре после петербургского турнира был организован турнир в Москве, в два круга. В нем приняли участие местные шахматисты Ф. Н. Бовыкин, Боткин, А. Ф. Гельвиг, Дурново, Н. Дюбюк, Б. И. Линденберг, А. Моод, А. В. Соловцов, В. В. Уржумцев, Е. А. Шмидт и О Я. Ягелло [262]. Турнир происходил в помещении Артистического кружка и был проведен благодаря энергии секретаря московского кружка А. Ф. Бовыкина. Первое и второе место разделили Соловцов и Шмидт (+17$^1/_2$ из 20), причем в решительном матче каждый выиграл по одной партии. Третьим был Гельвиг.

В этом же году Чигорин выиграл матчи у Шифферса (+7—4=2) и Шмидта (+6—0=2) [263]. Матч Шифферс — Шмидт закончился с результатом +4—3=2 в пользу Шифферса. Начатый в 1879 году матч Алапин—Шифферс не был закончен и был прерван с результатом +4—2=1 в пользу последнего.

В 1880 году в Москве был проведен большой турнир, в котором участвовали 18 человек. Первое место занял

Соловцов, второе — Гельвиг, третье — В. Л. Мурашов, четвертое — Моод. Сильный московский шахматист Е. А. Шмидт участия в нем не принимал.

В Петербурге Чигорин выиграл четвертый матч у Шифферса (со счетом +7—1=3), а также у Алапина (+7—3).

Большой гандикап-турнир в Петербургском обществе любителей шахматной игры закончился победой Шифферса, второй—Чигорин. Представлял также интерес петербургский турнир в два круга, в котором, к сожалению, были сыграны не все партии, начатый в декабре 1880 года и законченный в январе 1881 года. В нем участвовали Алапин, Бескровный, Клеменц, Максимов, Мясников, Уржумцев, Чигорин и Шифферс. Первые два места разделили Чигорин и Алапин, набравшие по 11½ очков, третье занял Клеменц. Решительный матч за первое место выиграл Чигорин (+2—1).

В 1881 году в Самаре Хардин выиграл матч у московского шахматиста Фалька (+5—2).

В 1882 году в Москве был организован турнир, в котором первые два места разделили Дурново и Шмидт, на третьем — Гельвиг, в другом турнире этого же года (19 участников) победителем был Шмидт. В следующем году в Москве был организован турнир из 14 участников (по 2 партии). На первое место опять вышел Шмидт, на второе — Дурново.

В дальнейшем число соревнований возрастает, происходит ряд турниров, как в столицах, так и в провинции (в Харькове, Казани и других городах), но мы не будем на всех их останавливаться, ставя перед собой задачу отметить лишь те соревнования, которые собирали лучшие шахматные силы своего времени. Мы не будем также останавливаться на многочисленных междугородных матчах по переписке: Петербург — Москва, Петербург—Харьков, Петербург—Красноярск, Москва—Рига, Москва—Харьков и т. д.

Крупнейшим событием шахматной жизни России в 80-х годах следует считать матч по телеграфу Петербург—Лондон. Так как от Петербурга фактически играл один Чигорин, то за подробностями об этом интересном соревновании, состоявшемся в 1886—1887 гг., и закончившемся с результатом +1—0=1 в пользу Петербурга, мы отсылаем к главе о Чигорине. Там же мы помещаем

данные о матчах Чигорина со Стейницем и его матче с Таррашем (1893 г., +9—9=4), вызвавших в свое время необычайный интерес не только в России, но и за границей. Из других событий в 80-х годах следует отметить турнир в Варшаве в 1883 году (I — Поплавский, II—Жабинский), а также приезд Чигорина в начале 1884 года в Харьков. В местном турнире Чигорин легко вышел победителем. В том же году в Варшаве состоялся большой турнир, в котором 1 место занял Жабинский, 2 — Поплавский.

Матч Шифферс—Митропольский[264] в 1890 году закончился победой первого (+5—3=4).

В марте 1894 года начался матч по телеграфу Петербург—Париж. Со стороны Петербурга в комитет входили: М. И. Чигорин, Г. Ф. Клеменц, П. В. Отто и П. А. Сабуров. Естественно, что решающую роль играл Чигорин. Партию, игранную дебютом ферзевых пешек, Петербург проиграл на 29-м ходу из-за промаха Чигорина, — редкий случай с последним в партиях по переписке или по телеграфу. Вторая партия (гамбит Эванса) была выиграна Петербургом, ровно через год на 60-м ходу вопреки предсказаниям французской прессы, высказывавшей убеждение, что и эта партия будет выиграна Парижем.

В июле 1894 года на средства помещика-мецената М. Жеребцова был организован матч Э. С. Шифферс — Б. А. Янкович [265], окончившийся с результатом +9—6=2 в пользу Шифферса. Начался этот матч в имении Жеребцова Каменке, в области Войска Донского, а закончился в Ростове-на-Дону.

В октябре того же года на средства московского мецената М. Бостанжогло был приглашен на гастроли немецкий мастер Ж. Мизес. Его пребывание в Москве и Петербурге прошло очень бледно и не вызвало особого оживления в шахматной жизни столицы. С Соловцовым в Москве он сыграл две серьезных партии, из которых одну проиграл, а вторая осталась незаконченной.

В апреле 1895 года в Ростове был сыгран второй матч Шифферс—Янкович, окончившийся опять победой Шифферса с результатом +7—2. Матч был организован на средства Жеребцова, ставившего за Янковича, и князя Демидова Сан-Донато, ставившего за Шифферса.

В мае 1895 года оба этих мецената дали средства на организацию матча в Самаре между Шифферсом и Хардиным. Матч был выигран Шифферсом с результатом +6—1=2 (матч игрался до 7 выигранных партий и был сдан Хардиным).

В 1895 году произошел пятый по счету матч Чигорин — Шифферс, выигранный Чигориным с перевесом в 4 очка (+7—3=3).

Международный турнир в Гэстинге 1895 года, победителями которого оказались Пильсбери, Чигорин, Ласкер, Стейниц и Тарраш, выдвинул вопрос об организации матч-турнира, который мог бы определить чемпиона мира. Действительно, несмотря на недавний выигрыш Ласкером матча у Стейница, вопрос о фактическом чемпионе мира стоял открытым: шахматное общественное мнение не пожелало признать Ласкера победителем мирового первенства; в русской шахматной прессе, например, определяли создавшуюся ситуацию, как „шахматную республику". То обстоятельство, что в Гэстингском турнире Ласкер занял только третье место, еще более подтверждало создавшееся мнение о неубедительности победы Ласкера над стариком Стейницем. Вместе с Ласкером, оспаривать мировое первенство могли и другие выдающиеся шахматисты. К ним мог быть причислен Пильсбери, победитель сильнейшего по составу турнира. Не возникало никаких сомнений и в том, что Чигорин также является бесспорным претендентом. Наконец, к числу выдающихся шахматистов мира принадлежали экс-чемпион Стейниц и Тарраш, оба подтвердившие свой высокий класс в Гэстингском турнире.

Организацию такого матча-турнира приняло на себя Петербургское шахматное общество. И вот 1 (13) декабря 1895 года в Петербурге началось это грандиозное состязание первоклассных мастеров. В нем приняли участие все приглашенные Чигориным (от имени Петербургского шахматного общества) мастера, кроме Тарраша, который, таким образом, отказался от притязаний на мировое первенство.

Это состязание — высоко знаменательное по своим результатам — не могло, конечно, сказать решающего слова, но оно имело для всех участвующих в нем мастеров принципиальное значение: Пильсбери должен был оправдать первый приз, полученный им в Гэстингсе,

и новым успехом подтвердить, что эта победа не является случайной; Ласкер лишь недавно выиграл у Стейница, и ему нужно было загладить в новом турнире относительный неуспех в Гэстингсе; Стейниц, недавно утративший звание чемпиона мира, мог надеяться хотя бы морально восстановить свое достоинство; наконец, Чигорин должен был оправдать те надежды, которые возлагались на него в России и отчасти за границей.

Турнир закончился 6 (18) января 1896 года. Первое место было завоевано Ласкером, игравшим энергично и ровно весь турнир. В каждом круге (кроме второго) он неизменно набирал по 2 очка из трех возможных, и этого оказалось вполне достаточным, чтобы в итоговой таблице опередить следовавшего за ним Стейница на целых 2 очка. Экс-чемпион мира также довольно ровно набрал свои 9½ очков, чего нельзя сказать про Пильсбери и Чигорина. В первой половине турнира Пильсбери был на первом месте, имея 6½ очков из 9, но во второй половине он сумел набрать только 1½ очка, — ровно столько, сколько имел Чигорин в первой половине турнира.

Таким образом, уже после первой половины турнира для всех было очевидно, что Чигорин не имеет шансов выйти победителем. Из девяти партий он выиграл только одну (у Стейница) и свел вничью одну против Ласкера; все остальные — проиграл. Правда, во второй половине турнира русский чемпион сыграл с хорошим результатом, набрав 5½ очков из 9 и уступив одному только Ласкеру (6 из 9). Однако, в общем итоге Чигорин все-таки оказался на последнем месте (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

Петербург 1895—1896 г.	1	2	3	4	Итог
1. Ласкер	×	1 1 ½ / 0 1 ½	0 0 ½ / 1 ½ ½	1 ½ 1 / 1 ½ 1	11½
2. Стейниц	0 0 ½ / 1 0 ½	×	1 ½ ½ / 1 1 1	0 1 1 / 0 0 ½	9½
3. Пильсбери	1 1 ½ / 0 ½ ½	0 ½ ½ / 0 0 0	×	1 1 1 / 0 0 ½	8
4. Чигорин	0 ½ 0 / 0 ½ 0	1 0 0 / 1 1 ½	0 0 0 / 1 1 ½	×	7

Результаты того же матч-турнира в разрезе встреч между отдельными его участниками довольно любопытны. Получается замкнутое кольцо: Ласкер проиграл Пильсбери, Пильсбери—Стейницу, Стейниц — Чигорину, Чигорин — Ласкеру. В общем итоге Ласкер выиграл матчи у Стейница (+3—1=2) и Чигорина (+4—0=2), Стейниц — у Пильсбери (+4—0=2), Пильсбери — у Ласкера (+2—1=3) и Чигорина (+3—2=1), Чигорин — у Стейница (+3—2=1).

Петербургский матч-турнир оживил шахматную жизнь в России, но ненадолго. Пильсбери после турнира уехал в Нью-Иорк, остались на гастроли Ласкер и Стейниц.

В марте — апреле 1896 года в Ростове был организован матч на средства меценатов Жеребцова и Иловайского Стейниц — Шифферс, окончившийся с результатом +6—4=2 в пользу Стейница. (12-я партия не игралась и была признана ничьей по соглашению сторон.)

С 7 ноября 1896 года по 14 января 1897 года в Москве на средства уже известного нам московского мецената Бостанжогло, пожертвовавшего для этого 3000 рублей, состоялся матч-реванш Ласкер — Стейниц, окончившийся, как известно, победой Ласкера.

После матча Ласкер сыграл в Петербурге с Чигориным одну партию, которую выиграл.

В том же году первенство Риги завоевал К. Бетини

В 1897 году состоялся шестой (и последний) матч между Чигориным и Шифферсом. Выиграл Чигорин (+7—1=6).

В 1897—1898 году был проведен матч из двух партий по телеграфу между Веной и Петербургом. Со стороны Петербурга игрой руководил комитет в составе Чигорина, Левина, Зыбина и П. Сабурова. Матч был выигран Веной с результатом $+1\frac{1}{2}-\frac{1}{2}$.

Наконец, только в 1899 году, состоялся I всероссийский турнир.

Мысль об организации всероссийского турнира возникла еще во время петербургского международного матч-турнира; вторично поднял этот вопрос Чигорин во время своего пребывания на гастролях в Москве, и московский шахматный кружок с успехом осуществил это уже назревшее мероприятие. Как ни медленно развивалась шахматная общественная жизнь в России, однако, к 900-м годам уже появились молодые, подающие на-

дежды шахматисты, с успехом выступавшие в турнирах с участием Чигорина и Шифферса.

Деньги на турнир были собраны путем подписки; конечно, и здесь первую роль играли крупные взносы богатых меценатов, организация платных сеансов и т. д.

Было устроено одновременно два турнира (главный и побочный). В главном турнире приняли участие: Гельбак, Лебедев, Чигорин и Шифферс — от Петербурга, Боярков, Геника, Левитский, Ненароков и Фальк — от Москвы, Алексеев (псевдоним Б. А. Янковича) — от Ростова н/Д., Куломзин — от Костромы, Абаза — от Купянска (Харьковской губ.), Калинский — от Новохоперска (Воронежской губ.), Перваго — от Пятигорска. Двое последних не закончили турнира, и несыгранные ими партии были засчитаны им как проигранные.

Турнир начался 2 и кончился 19 сентября 1899 года в помещении Собрания врачей и закончился победой старых мастеров (см. таблицу № 3).

Таблица № 3

Москва 1899 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Итог
1. Чигорин	×	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	+	+	12
2. Шифферс	0	×	½	1	1	1	½	1	½	1	½	½	1	1	9½
3. Левитский	0	½	×	½	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	9
4. Лебедев	1	0	½	×	0	½	½	0	1	1	1	1	+	+	8½
5. Янкович	0	0	1	1	×	1	0	0	1	0	1	1	+	+	8
6. Гельбак	0	0	0	½	0	×	1	1	1	½	½	1	1	1	7½
7. Ненароков	0	½	0	½	1	0	×	½	0	1	1	1	+	+	7½
8. Геника	0	0	0	1	1	0	½	×	½	1	0	1	+	+	7
9. Куломзин	0	½	1	0	0	0	1	½	×	0	1	1	+	+	7
10. Абаза	0	0	0	0	1	½	0	0	1	·	1	0	1	+	5½
11. Боярков	0	½	0	0	0	½	0	1	0	0	×	1	1	+	5
12. Фальк	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	0	×	+	+	3½
13. Калинский	—	0	0	—	—	0	—	—	—	0	0	—	×	—	0
14. Перваго	—	0	0	—	—	0	—	—	—	—	—	—	—	×	0

В побочном турнире, в котором участвовали первоначально тоже 14 человек (один выбыл после проигрыша двух партий, но незаконченные им партии были присуждены выигранными его противниками), первое место занял Симсон, второе-третье разделили Абкин и Гончаров, четвертое — Воеводский, пятое—шестое — В. Селезнев и Борисов (псевдоним Любимова).

В этом же году в Москве был организован матч между двумя сильнейшими шахматистами Москвы Соловцовым и Б. П. Григорьевым на первенство города. Победителем вышел Соловцов.

В апреле того же года в Риге состоялся I балтийский турнир; первое место на нем занял Р. Бетинг, второе — Розенкранц.

В январе-феврале гастролировал в Москве чемпион мира Эм. Ласкер.

Начавшийся в декабре 1899 года в Петербурге, у Чигорина на дому, турнир в два круга (при 10 участниках), закончился с результатом: первые два места разделили Левин и Чигорин (по $14^1/_2$ очков), третье место занял — Лебедев (12 очков), четвертое — Зыбин ($+10^1/_2$), пятое — Зейбот (+9).

В 1900 году чемпионат Москвы выиграл Ненароков. Большие турниры были проведены также в Варшаве (I – Винавер, II — Таубенгауз), Киеве (I — Николаев) и Лодзи (I—Х. Яновский, брат гросмейстера).

В начале ноября 1900 года приехал в Россию Яновский. Он побывал в Киеве, Одессе, Петербурге и Москве; давал сеансы одновременной игры, играл консультационные партии и отдельные серьезные партии против сильнейших русских шахматистов. В Петербурге он проиграл Чигорину и выиграл у Левина и Шифферса. В декабре Яновский принял участие во II всероссийском турнире. В декабре же приехал в Ригу, приглашенный местным городским управлением как стенографист, немецкий мастер Э. Шалопп.

Московскому шахматному кружку, несмотря на полное равнодушие прессы[266] и пассивность провинциальных шахматистов, удалось организовать II всероссийский турнир в Москве, продолжавшийся с 26 декабря 1900 года по 14 января 1901 года. В турнире приняли участие, кроме упомянутого выше Яновского, Лебедев, Чигорин, и Шифферс — от Петербурга, Боярков, Генике, Гончаров, Б. Григорьев, Ненароков, Френкель и Шаров — от Москвы, Янкович — от Ростова н/Д., Дуз-Хотимирский — от Киева, Розенкранц — от Либавы, Антушев — от Кашина, Куломзин — от Костромы, Табунщиков — от Гатчины, Фокин — от Харькова. Из турнира выбыл Янкович, имея 3 выигранных и 8 проигранных партий. Результаты приведены в таблице № 4.

Таблица № 4

Москва 1900—1901 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итог
1. Чигорин	×	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	16½
2. Шифферс	0	×	0	½	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14
3. Яновский	½	1	×	½	½	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	13½
4. Гончаров	0	½	½	×	½	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12½
5. Ненароков	0	0	½	½	×	½	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	+	1	11
6. Григорьев	0	0	1	1	½	×	½	1	0	½	0	1	1	0	1	1	1	1	10½
7. Френкель	0	½	0	1	1	½	×	0	½	1	0	1	0	½	1	½	+	1	9½
8. Куломзин	0	0	0	0	0	0	1	×	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1	9
9. Лебедев	0	0	0	0	0	1	½	0	×	0	½	1	1	1	1	1	+	1	9
10. Шаров	0	0	1	0	½	½	0	0	1	×	1	1	1	1	0	0	+	1	9
11. Розенкранц	0	0	0	0	1	1	1	0	½	0	×	1	1	½	0	0	1	1	8
12. Фокин	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	×	1	1	½	1	1	1	6½
13. Геника	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	×	½	1	1	1	1	5½
14. Табунщиков	0	0	0	0	0	1	½	0	0	0	½	0	½	×	1	½	+	0	5
15. Дуз-Хотимирский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	½	0	0	×	1	0	1	4½
16. Боярков	0	0	0	0	0	0	½	0	0	1	1	0	0	½	0	×	0	1	4
17. Янкович	0	0	0	0	—	0	—	1	—	—	0	0	0	—	1	1	×	—	3
18. Антушев	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	+	×	2

В 1901 году чемпионат Москвы был выигран Фальком. Чемпионат Киева выиграл Ловцкий. В Варшаве турнир из 18 участников принес победу Флямбергу. В Одессе, в турнире первые три места разделили Айзенберг (будущий участник международного турнира в Монте-Карло 1902 г.), Владимиров и Желудков.

В Петербурге был проведен турнир, в котором участвовали 13 человек. Первое место занял Гельбак, второе — Лебедев, третье — Клеменц, четвертое и пятое — Дубровицкий и Юревич, шестое и седьмое — Абкин и Шифферс. Кроме того, в ряде турниров Общества любителей шахматной игры I место занимал Лебедев.

На II балтийском турнире в Юрьеве первые четыре места разделили К. Бетинг, В. Зон, Розенкранц и Штамм.

В Петербурге и Москве гастролировали немецкий мастер Т. Шеве и австрийский Г. Марко, которые сыграли ряд серьезных партий с отдельными русскими шахматистами, провели сеансы одновременной игры и выступали против консультантов. Шеве выиграл в Варшаве матч у Флямберга (+2—1)[267]. Большого успеха оба иностранца не имели, точно так же, как и приехавший в следующем году немецкий мастер К. Барделебен. (вместо последнего ожидался Шлехтер). Зато большое оживление вызвал приезд в Москву в 1902 году Пильсбери[268].

В 1902 году состоялся в Петербурге турнир с участием Чигорина, которому опять пришлось разделить первое и второе место с Левиным (+12 из 15); третье место занял Коялович (+11), четвертое и пятое Зыбин и Зейбот (+9½) и т. д. Чемпионат Москвы, ежегодно проводившийся с 1899 года, в 1902 году был выигран Боярковым. В Варшаве I место занял Флямберг, за ним Ланглебен. В Киеве чемпионат выиграл Дуз-Хотимирский.

В 1903 году состоялся III всероссийский турнир. Его организация исходила от Киевского шахматного общества, которому большую помощь оказал журнал „Шахматное Обозрение". В каждом номере журнала печаталось обращение редакции к шахматистам о помощи в деле организации турнира. Сбор средств имел успех, и III всероссийский турнир собрал в Киеве всех лучших шахматистов России. В турнире приняли участие

19 человек от 10 городов: Е. Зноско-Боровский, Лебедев, Чигорин и Шифферс — от Петербурга, Юревич — от Москвы (где он тогда временно проживал), Бенько, Бреев, Дуз-Хотимирский, Избинский, Ловцкий и Николаев — от Киева, Бернштейн — от Житомира, Куломзин — от Костромы, А. Рабинович — от Вильны, Калинский — от Новохоперска, Левитский — от Нижнего Тагила, Рубинштейн и Сальве — от Лодзи, Штамм — от Риги. Турнир начался 2 сентября 1903 года. Проводился он в помещении Общества велосипедистов и закончился 23 сентября. Бреев после 11 проигранных подряд партий вышел из турнира.

Почти до конца турнира на первом месте шел Бернштейн, и лишь в последних турах его обогнал Чигорин (см. таблицу № 5)[269].

Несмотря на хорошую подготовку турнира, турнирный комитет, однако, не всегда был на высоте и не сумел рассеять нездоровую атмосферу, царившую среди участников[270].

Чемпионат Киева был выигран Дуз-Хотимирским.

В этом же 1903 году один из сильнейших варшавских шахматистов Поплавский выиграл матч у Флямберга (+5—1=3), матч между Рубинштейном и Сальве в Лодзи закончился в ничью (+5—5=4). В конце года турнир в Лодзи принес победу Сальве, II — Рубинштейн, III—Х. Яновский. В том же году предполагался четверной матч-турнир между сильнейшими шахматистами Петербурга, однако Чигорин отказался от участия, а Левин выбыл из турнира, после чего был сыгран матч Шифферс — Е. Зноско-Боровский, закончившийся победой первого (+2—1=1).

В 1904 году из сколько-нибудь заметных шахматных событий следует отметить только матч Рубинштейн — Сальве, выигранный первым со счетом +4—3=3. Проездом через Лодзь Чигорин сыграл с Сальве 2 серьезных партии (+1—1). В Москве в турнире сильнейших шахматистов первое место занял Вяхирев.

Петербургское шахматное собрание, пришедшее на смену прежним шахматным организациям, сумело развернуть к этому времени довольно значительную деятельность. В ряде различных турниров (отметим только турнир в конце 1904 года, с участием Чигорина, который и занял первое место; II — Малютин, III — В. Омелянский и т. д.) в марте-апреле 1905 года петер-

Таблица № 5

Киев 1903 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Итог
1. Чигорин	×	0	0	1	1	1	1	1	1	½	1	1	1	1	+	1	½	1	1	15
2. Бернштейн	1	×	1	½	1	0	½	½	1	½	1	1	1	0	1	1	1	1	+	14
3. Юревич	1	0	×	½	0	1	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1	1	1	13½
4. Сальве	0	½	½	×	½	1	1	0	1	1	0	1	1	½	1	1	1	1	+	13
5. Рубинштейн	0	0	1	½	×	½	0	½	1	1	1	0	1	1	0	1	1	1	+	11½
6. Зноско-Боровский	0	1	0	0	½	×	½	1	½	0	½	1	1	0	1	1	1	1	+	11
7. Ловцкий	0	½	0	0	1	½	×	½	1	1	½	1	0	1	½	1	½	1	1	11
8. Левитский	0	½	0	1	½	0	½	×	0	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	10½
9. Лебедев	0	0	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	½	0	½	1	1	1	1	9½
10. Избинский	½	½	1	0	0	1	0	1	0	×	1	1	0	1	0	0	½	1	1	9½
11. Шифферс	0	0	0	1	0	½	½	0	0	0	×	1	1	1	1	1	0	½	+	8½
12. Рабинович А.	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	×	1	1	½	1	1	1	+	8½
13. Куломзин	0	0	0	0	0	0	1	0	½	1	0	0	×	1	1	1	1	½	+	8
14. Калинский	0	1	0	½	0	1	0	0	1	0	0	0	0	×	1	0	1	1	1	7½
15. Дуз-Хотимирский	—	0	0	0	1	0	½	0	½	1	0	½	0	0	×	½	1	1	1	7
16. Бенько	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	½	×	1	1	1	6½
17. Николаев	½	0	0	0	0	0	½	0	0	½	1	0	0	0	0	0	×	1	1	4½
18. Штамм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	½	0	0	0	0	×	1	2
19. Бреев	0	—	0	—	—	—	0	0	0	0	—	—	—	0	0	0	0	0	×	0

бургскими шахматистами был устроен тематический турнир, в котором все партии должны были играться гамбитом Райса. Под этим названием известен один из вариантов гамбита Кизерицкого, предложенный американским профессором И. Райсом. Вариант этот был в то время в большой моде, главным образом, вследствие того, что Райс жертвовал большие средства на организацию таких Райс-турниров. Некоторая сумма была им ассигнована и на петербургский турнир, данные о котором приведены в таблице № 6.

Таблица № 6

Петербург 1905 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	Итог
1. Чигорин	×	1 1	1 1	0 1	1 1	1 1	0 1	1 1	12
2. Евтифеев	0 0	×	½1	1 1	0 0	1 1	1 1	0 1	8½
3. Малютин	0 0	½0	×	0 0	1 1	1 0	1 1	1 1	7½
4. Коялович	1 0	0 0	1 1	×	1 0	0 1	0 1	0 1	7
5. Розенкранц	0 0	1 1	0 0	0 1	×	0 1	0 1	1 1	7
6. Шабский	0 0	0 0	0 1	1 0	1 0	×	1½	½1	6
7. Гельбак	1 0	0 0	0 0	1 0	1 0	0½	×	1 1	5½
8. Шишкин	0 0	1 0	0 0	1 0	0 0	½0	0 0	×	2½

Питомец шахматной Лодзи Рубинштейн, недавно перед тем завоевавший звание мастера, выиграл в 1905 году три серьезных партии у Мизеса. Сальве с Мизесом сыграл с результатом +2—1.

В том же году матч-турнир в Лодзи закончился победой Рубинштейна и Сальве, разделивших первое-второе место, на третьем месте был Дуз-Хотимирский.

В Ревеле состоялся III балтийский турнир, окончившийся победой московского шахматиста Острогского и ревельского шахматиста Грегори.

В конце этого же года Петербургским шахматным собранием был организован IV всероссийский турнир.

Инициатором устройства всероссийского турнира в Петербурге явился Гельбак, предложение которого было принято очень сочувственно реакционными руководителями шахматного собрания.

Революционные события 1905 года как бы прошли мимо шахматных организаций, руководители которых, враждебные революции, рады были случаю продемон-

стрировать „аполитичность“ шахмат. Спокойно усаживаться за шахматную доску, когда революционная борьба в стране достигла высшего своего напряжения, означало, конечно, повернуться спиной к величайшим историческим событиям в жизни страны. Достаточно показательной иллюстрацией является „сентенция“ одного из руководителей Петербургского шахматного собрания Е. Зноско-Боровского, после Октябрьской революции эмигрировавшего за границу: „Но тревожное время, которое переживала Россия, железнодорожная и почтово-телеграфная забастовки сильно тормозили это дело. Письма запаздывали, а многие и вовсе не доходили, терялись. Вследствие этих событий многие любители до последнего дня не знали, состоится ли турнир, а Б. А. Янкович, изъявивший свое согласие приехать на турнир, фактически был лишен этой возможности. Эти же события удерживали некоторых любителей даже от пожертвований и от всякого содействия турниру: весьма возможно, что отсутствие на турнире московских любителей объясняется теми же причинами“ [271]. Поэтому один из революционно настроенных шахматистов Юревич не только не принял участия в турнире, но заклеймил в стихах его организацию в такой момент.

Турнир начался 22 декабря 1905 года в помещении Черноreченского клуба на Каменноостровском проспекте. В нем приняли участие: Алапин, Гельбак, Евтифеев, Е. Зноско-Боровский, Малютин, Омелянский, Розенкранц, А. Романовский, Тальвик и Чигорин (Петербург); Рубинштейн и Сальве (Лодзь); Дуз-Хотимирский и Избинский (Киев); Блюменфельд (Ковно); Левитский (Нижне-Тагильский завод, Пермской губ.) и Табунщиков (Гатчина).

В ходе турнира из него выбыли Табунщиков — после 6 проигранных партий — и Чигорин, который вышел из турнира после того, как турнирный комитет постановил считать проигранной Чигориным партию против Избинского из-за просрочки времени [272].

В IV всероссийском турнире в подавляющем большинстве приняли участие молодые шахматисты, многие из которых через несколько лет играли уже в международных турнирах. Спортивные результаты приведены в таблице № 7.

В марте 1906 года в Петербурге начался сильный по своему составу турнир, в котором первое место занял Алапин (+10½ из 11), второе — Фрейман (+8);

Таблица № 7

Петербург 1905—1906 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Итог
1. Сальве	×	0	½	1	½	1	½	1	1	1	½	1	1	1	1	1	+	13
2. Блюменфельд . .	1	×	0	½	½	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	+	+	12
3. Рубинштейн . . .	½	1	×	½	½	½	1	1	1	½	½	1	½	½	1	+	+	12
4. Зноско-Боровский	0	½	½	×	0	1	½	1	0	1	1	1	1	1	1	+	1	11½
5. Алапин	½	½	½	1	×	½	1	0	0	1	1	1	1	½	0	1	+	10½
6. Евтифеев	0	0	½	0	½	×	1	1	1	1	0	1	1	0	1	+	1	10
7. Романовский А. .	½	1	0	½	0	0	×	0	1	1	1	1	1	½	½	+	1	10
8. Дуз-Хотимирский	0	0	0	0	1	0	1	×	1	½	1	1	0	0	½	+	+	8
9. Избинский	0	0	0	1	1	0	0	0	×	½	0	½	1	1	1	1	+	8
10. Розенкранц . . .	0	0	½	0	0	0	0	½	½	×	1	1	1	1	½	+	1	8
11. Левитский	½	1	½	0	0	1	0	0	1	0	×	0	0	1	1	0	+	7
12. Тальвик	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	+	+	6½
13. Малютин	0	0	½	0	0	0	0	1	0	0	1	0	×	1	½	+	1	6
14. Омелянский . . .	0	0	½	0	½	1	½	1	0	0	0	0	0	×	½	+	1	6
15. Гельбак	0	0	0	0	1	0	½	½	0	½	0	0	½	½	×	+	+	5½
16. Чигорин	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	1	—	—	—	—	×	—	1
17. Табунщиков . . .	—	—	—	0	—	0	0	—	—	0	—	—	0	0	—	—	×	0

третье и четвертое Зноско-Боровский и Терещенко.

В апреле состоялся матч между победителем IV всероссийского турнира Сальве и бессменным до этого времени чемпионом России Чигориным. Разыгрывался этот матч в Лодзи. Он представлял большой интерес и имел принципиальное значение в связи с тем, что за последние годы силы Чигорина стали заметно слабеть, а вместе с тем выдвинулся ряд молодых русских шахматистов. Правда, Сальве был не сильнейшим из числа последних, но все же встреча его с Чигориным могла приблизительно показать квалификационную силу нового шахматного поколения. Вместе с тем, следует отметить, что это был формально первый матч на первенство России, так как подымавшийся неоднократно до этого вопрос о матче с Чигориным сильнейших представителей шахматной молодежи,—например Полнера, Левина или Лебедева,—не находил практического разрешения, а матчи Чигорина с Шифферсом не могли иметь официального характера.

Чигорин выиграл матч у Сальве с результатом +7—5=3.

Вскоре после матча в Лодзи же состоялся четверной матч-турнир, который окончился блестящей победой Рубинштейна (см. таблицу № 8)[273].

Таблица № 8

Лодзь 1906 г.	1	2	3	4	Итог
1. Рубинштейн . . .	×	1 0 1	½ 1 1	½ 1 ½	6½
2. Чигорин	0 1 0	×	0 1 ½	1 1 1	5½
3. Флямберг	½ 0 0	1 0 ½	×	0 ½ 1	3½
4. Сальве	½ 0 ½	0 0 0	1 ½ 0	×	2½

Четверной матч-турнир состоялся также в октябре-ноябре 1906 года в Петербурге. Результаты приведены в таблице № 9.

Таблица № 9

Петербург 1906 г.	1	2	3	4	Итог
1. Алапин	×	1 0 1 ½	0 1 ½ 1	1 1 1 1	9
2. Чигорин	0 1 0 ½	×	1 ½ ½ 0	1 1 1 1	7½
3. Евтифеев	1 0 ½ 0	0 ½ ½ 1	×	1 0 1 0	5½
4. Зноско-Боровский .	0 0 0 0	0 0 0 0	0 1 0 1	×	2

Победой Алапина также закончился другой турнир сильного состава; второе место занял Фрейман.

В это же время состоялся матч Малютин — Фрейман, закончившийся вничью (+4—4=2).

Наиболее интересные турниры были проведены в 1906 году в Одессе (первое место занял Лоран) и Лодзи (первым встал Рубинштейн, вторым — Данюшевский, третьим — Сальве). Чемпионат Киева выиграл Дуз-Хотимирский.

В марте-апреле 1907 года в Москве с участием Чигорина был проведен небольшой турнир (5 участников по 2 партии), в котором места распределились следующим образом: Чигорин +6, Гончаров +5½, Дуз-Хотимирский +4½, Ненароков +3½, Острогский +½.

В Москве же был устроен четверной турнир с участием австрийского мастера Марко; результаты приведены в таблице № 10.

Таблица № 10

Москва 1907 г.	1	2	3	4	Итог
1. Дуз-Хотимирский . . .	×	1 1	½ 0	1 1	4½
2. Блюменфельд	0 0	×	½ 1	1 1	3½
3. Марко	½ 1	½ 0	×	½ 1	3½
4. Куломзин	0 0	0 0	½ 0	×	½

IV балтийский турнир в Риге закончился победой Розенкранца.

В сильном по составу турнире в Петербурге I приз достался Фрейману, II — III — Алапин и Лебедев, IV — А. Романовский.

В 1907 году очередное первенство Лодзи выиграл Рубинштейн, II—Данюшевский, III—Ротлеви. В турнире I категории в Москве 1 место занял Блюменфельд.

В декабре (с 4 по 24-е) 1907 года Лодзинскому обществу удалось, наконец, устроить всероссийский турнир, привлекший, однако, небольшое количество участников, хотя с материальной стороны V всероссийский турнир был обеспечен лучше прежних. И на этом турнире не обошлось без крупного инцидента, выразившегося в нанесении Алапиным оскорбления Дуз-Хотимирскому. Алапин был даже исключен из членов Петербургского шахматного собрания (через несколько лет его приняли вновь). Результаты V всероссийского турнира видны из таблицы № 11.

Таблица № 11

Лодзь 1907 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Итог
1. Рубинштейн	×	½	1	½	0	1	1	1	1	1	—	1	1	9
2. Алапин	½	×	1	1	1	1	½	0	1	0	1	½	1	8½
3. Зноско-Боровский	0	0	×	1	½	1	½	1	½	1	1	0	1	7½
4. Сальве	½	0	0	×	1	0	½	1	½	1	1	+	1	7½
5. Фрейман	1	0	½	0	×	1	1	—	½	1	0	1	1	7
6. Ротлеви	0	0	0	1	0	×	1	0	1	½	1	1	1	6½
7. Гольдфарб	0	½	½	½	0	0	×	0	1	½	½	1	1	5½
8. Дуз-Хотимирский	0	1	0	0	—	1	1	×	½	½	0	0	1	5
9. Кучинский	0	0	½	½	½	0	0	½	×	½	1	½	+	5
10. Данюшевский	0	1	0	0	0	½	½	½	½	×	+	½	—	4½
11. Розенблат	—	0	0	0	1	0	½	1	0	—	×	1	1	4½
12. Ноткин	0	½	1	—	0	0	0	1	½	½	0	×	½	4
13. Янкович	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	0	½	×	1½

В 1907 году состоялись матчи в Петербурге: Алапин — Левитский (+5—0=1) и в Лодзи: Рубинштейн — Сальве (+3—1=4).

В 1908 году во многих городах России были устроены турниры и матчи, из которых следует отметить прежде всего турнир в Петербурге на звание „маэстро Шахматного Собрания“, которое было завоевано Лебедевым (второе место занял Фрейман, третье — А. А. Романов-

ский, четвертое — Гельбак). В другом турнире I категории первых два места разделили Розенкранц и Фрейман (оба призера впоследствии были допущены в международный турнир 1909 года). Чемпионат Москвы был выигран Ненароковым. В четверном турнире в Варшаве первое место занял Сальве, второе Алапин, далее Ланглебен и Флямберг. В Москве Алехин выиграл матч у Блюменфельда (+4=1) и занял 1 место в турнире I категории (первые успешные выступления будущего чемпиона мира).

Успехи Рубинштейна в большой степени обусловили характер деятельности Лодзинского общества любителей шахматной игры. Оно проектировало даже организацию небольшого международного турнира с участием Рубинштейна, Сальве и трех иностранцев — Маршалля, Шлехтера и Марко. Однако, двое последних отказались от участия, и в матч-турнире, состоявшемся в октябре 1908 года, участвовали только Рубинштейн, Сальве и Маршалль. Результаты приведены в таблице № 12.

Таблица № 12

Лодзь 1908 г.	1	2	3	Итог
1. Рубинштейн . . .	×	½ 1 ½ ½ / 1 0 0 1	0 1 1 ½ / 1 ½ ½ ½	9½
2. Маршалль	½ 0 ½ ½ / 0 1 1 0	×	½ ½ 0 1 / ½ ½ ½ 1	8
3. Сальве	1 0 0 ½ / 0 ½ ½ ½	½ ½ 1 0 / ½ ½ ½ 0	×	6½

После этого турнира в Варшаве были устроены два матча: Рубинштейн — Маршалль (+4—3=1) и Дуз-Хотимирский — Маршалль (+2—2=2). Турнир сильнейших шахматистов города закончился победой Дуз-Хотимирского.

В центре событий русской шахматной жизни за 1909 год стоит, без сомнения, Петербургский международный шахматный конгресс.

Впервые вопрос об устройстве в России международного турнира был поднят председателем правления Петербургского шахматного собрания П. П. Сабуровым в октябре 1908 года. Предположено было устроить два

турнира: международный и всероссийский. Первый намечался в составе 20 человек, из которых приблизительно половина должна быть из русских шахматистов. При наличии 5 признанных русских мастеров, не считая нескольких шахматистов, живших почти постоянно за границей, это казалось вполне осуществимым, причем обещало весьма сильный состав русских мастеров. Однако, на разосланные приглашения дали положительный ответ только 8 русских шахматистов, из которых один (Розенкранц) уступил свое место неожиданно приехавшему австрийскому мастеру Перлису, а другой (Ненароков) вышел после четвертого тура, так что фактически при 13 иностранцах играли только 6 русских шахматистов. С каждого из участников взимался залог в размере 10 рублей. Было установлено 10 призов: I — 1000 рублей, II — 750, III — 550 и т. д., всего на сумму 3550 р. За каждую выигранную партию выдавалось 10 рублей, за ничью—5. Кроме того, все иностранные мастера получали, независимо от результата, по 100 рублей, а русские — по 50.

Параллельный всероссийский турнир признавался организаторами очень желательным, но его устройство ставилось в зависимость от наличия свободных материальных средств: решено было никоим образом не ущемлять материальной базы международного турнира (который, для большей торжественности, именовался конгрессом). На всякий случай комитет заблаговременно обратился ко всем сильнейшим русским шахматистам с предложением принять участие в предполагаемом турнире. Полученные положительные ответы дали возможность комитету опубликовать программу, согласно которой к участию приглашались 16 человек. Призов было установлено семь: 300 рублей, 220, 160, 120, 90, 60 и 50. Кроме того, было постановлено выдать приз памяти Чигорина за красивейшую партию в размере 50 рублей. Впоследствии количество заявлений о желании участвовать в турнире еще возросло, в связи с чем число участников было доведено до 19-ти, и соответственно добавлено еще два приза — в 30 и 20 р. (из допущенных к участию двое — Гольдфарб и Розанов — не окончили турнира).

Однако, этот побочный турнир не именовался официально VI всероссийским, так как и в нем, естественно, отсутствовали сильнейшие русские шахматисты, принявшие участие в международном турнире.

Петербургский международный шахматный конгресс 1909 года был посвящен памяти М. И. Чигорина.

Финансовая сторона конгресса была обеспечена за счет обычного для дореволюционных времен источника — сбора пожертвований среди меценатствующей буржуазии и в „великосветском" обществе. Большая материальная помощь была оказана Финансовым и коммерческим собранием, в помещении которого (Невский пр. 55) проводился турнир.

Организационный комитет, куда входили сенатор Сабуров, князь Демидов Сан-Донато, князь Трубецкой и ряд буржуазных меценатов (Бостанжогло и другие), достаточно красочно выражал общественную физиономию русских шахматных деятелей того времени.

Поэтому не приходится удивляться, встречая в „Отчете Петербургского шахматного собрания за 1909 год" холопский „верноподданический" восторг по поводу царской подачки, которую Николай Кровавый „всемилостивейше соизволил пожаловать" на организацию турниров [274].

В конечном итоге оргкомитету удалось собрать весьма внушительную сумму — около 10000 рублей.

Конгресс начался 1 февраля 1909 года и закрылся 28 февраля.

В международном турнире приняли участие: чемпион мира Эм. Ласкер, Э. Кон, Мизес, Тейхман и Шпильман — от Германии, Видмар, Дурас, Перлис, Тартаковер, Форгач, Шлехтер — от Австро-Венгрии, Берн — от Англии, Спейер—от Голландии. От России играли Рубинштейн, Бернштейн, Сальве, Дуз-Хотимирский, Ненароков, Е. Зноско-Боровский и Фрейман.

Турнир в таком составе представлял значительное явление не только в России, но и за границей. Газеты, которые раньше не печатали вообще ни одной строчки о шахматах, теперь помещали подробные отчеты о турнире. Такое необычное событие в русской шахматной жизни, как международный турнир, вызывало большой интерес, и помещение Финансового и коммерческого клуба привлекло по тем временам немало зрителей.

Результаты обоих турниров видны из таблиц №№ 13 и 14 [275].

По окончании международного конгресса Ласкер совершил небольшое турне по Прибалтике.

В Петербурге после специфически спортивного шахматного азарта, вызванного конгрессом, наступило за-

Таблица № 13

Петербург 1909 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Итог
1. Ласкер (Германия)	×	0	1	½	½	1	1	1	1	½	1	1	0	1	1	1	1	1	1	14½
2. Рубинштейн (Россия)	1	×	1	1	½	½	½	1	1	1	1	½	0	1	½	1	1	1	1	14½
3. Дурас (Австро-Венгрия)	0	0	×	0	0	1	½	0	1	½	1	0	1	1	1	1	1	1	1	11
4. Шпильман (Германия)	½	0	1	×	0	1	1	½	½	1	½	½	1	0	½	1	½	1	1	11
5. Бернштейн (Россия)	½	½	1	1	×	0	1	0	1	1	1	1	½	0	0	0	½	½	1	10½
6. Тейхман (Германия)	0	½	0	0	1	×	0	½	½	½	1	½	1	½	1	½	1	½	1	10
7. Перлис (Австро-Венгрия)	0	½	½	0	0	1	×	½	1	½	1	½	1	½	1	½	0	1	½	9½
8. Кон Э. (Германия)	0	0	1	½	1	½	½	×	0	0	½	1	½	0	½	½	½	0	1	9
9. Сальве (Россия)	0	0	0	½	0	½	0	1	×	0	1	½	1	1	½	0	1	1	1	9
10. Шлехтер (Австро-Венгрия)	½	0	½	0	0	½	½	1	1	×	0	0	1	1	½	0	1	1	1	9
11. Мизес (Германия)	0	0	0	½	0	0	0	½	0	1	×	1	½	1	1	1	0	½	1	8½
12. Тартаковер (Австро-Венгрия)	0	½	1	½	0	½	½	0	½	1	0	×	0	0	½	1	1	1	1	8½
13. Дуз-Хотимирский (Россия)	1	1	0	0	½	0	0	½	0	0	½	1	×	½	½	½	1	1	½	8
14. Форгач (Австро-Венгрия)	0	0	0	1	1	½	½	1	0	0	0	1	½	×	½	½	½	0	1	7½
15. Берн (Англия)	0	½	0	½	1	0	0	½	½	½	0	½	½	½	×	1	½	0	½	7
16. Видмар (Австро-Венгрия)	0	0	0	0	1	½	½	½	1	1	0	0	½	½	0	×	½	½	0	7
17. Спейер (Голландия)	0	0	0	½	½	0	1	½	0	0	1	0	0	½	½	½	×	1	0	6
18. Фрейман (Россия)	0	0	0	½	½	0	1	0	0	½	0	0	1	1	½	0	½	½	½	5½
19. Зноско-Боровский (Россия)	0	0	0	0	0	½	0	0	0	0	0	½	0	½	1	1	½	×	0	5
20. Ненароков (Россия)			0				1				0				½			1	×	

Таблица № 14

Петербург 1909 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Итог
1. Алехин	×	1	1	0	1	1	½	1	1	1	0	1	1	½	1	1	1	13
2. Ротлеви	0	×	1	½	1	½	0	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	12
3. Грегори	0	0	×	1	1	0	½	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	11½
4. Данюшевский . .	1	½	0	×	½	1	½	1	½	1	1	1	½	0	0	½	½	9½
5. Малютин	0	0	0	½	×	0	1	1	1	1	0	½	1	1	1	½	1	9½
6. Эльяшев	0	½	1	0	1	×	1	½	1	1	½	½	0	0	½	1	1	9½
7. Лебедев	½	1	½	½	0	0	×	½	0	½	1	1	½	1	1	0	1	9
8. Розенкранц . . .	0	0	0	0	0	½	½	×	1	1	1	1	1	1	0	1	1	9
9. Терещенко . . .	0	1	1	½	0	0	1	0	×	½	0	½	1	1	0	½	½	7½
10. Верлинский . . .	0	0	0	0	0	0	½	0	½	×	1	0	1	1	1	1	1	7
11. Романовский П.	1	0	0	0	1	½	0	0	1	0	×	1	0	0	1	½	1	7
12. Евтифеев	0	0	0	0	½	½	0	0	½	1	0	×	1	1	1	0	1	6½
13. Избинский . . .	0	0	0	½	0	1	½	0	0	0	1	0	×	1	0	1	1	6
14. Чепурнов	½	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	×	1	1	0	5½
15. Вяхирев . . .	0	0	0	1	0	½	0	1	1	0	0	0	1	0	×	½	0	5
16. Гельбак	0	0	0	½	½	0	1	0	½	0	½	1	0	0	½	×	½	5
17. Николаев	0	0	0	½	0	0	0	0	½	0	0	0	0	1	1	½	×	3½

тишье. Между участниками всероссийского турнира были сыграны два небольших матча: Терещенко — Евтифеев и Эльяшев — Розенкранц. Первый матч закончился в ничью (+3—3), во втором победителем оказался Эльяшев (+4$^1/_2$—1$^1/_2$). В турнире Шахматного собрания первое место занял Левенфиш, второе — Платц, третье — П. Романовский. (В этом турнире участвовал пользующийся сейчас мировой известностью композитор С. С. Прокофьев).

Состоялся очередной чемпионат Москвы, в котором первый приз достался Гончарову; победитель всероссийского турнира Алехин остался вообще без приза, заняв пятое место; кроме того, он проиграл матч Ненарокову (+0—3).

В чемпионате Одессы I место занял П. Лист, Киева — Николаев, в другом турнире сильнейших шахматистов Киева первые два места разделили А. Омелянский и Боголюбов. В Лодзи Сальве выиграл матч у Ротлеви (+8—5=3). В Казани состоялся летом (в июне) „областной турнир" с участием 11 человек (победитель — Н. П. Косолапов).

В сентябре был проведен в Вильне т у р н и р м а с т е р о в, результаты которого видны из таблицы № 15; турнир этот оказался слабее по составу, чем предполагалось его устроителями (не все участники имели звание мастера).

Таблица № 15

Вильна 1909 г.	1	2	3	4	5	6	Итог
1. Рубинштейн	×	1 1 ½	1 1 ½	0 1 ½	½ 0 1	1 1 ½	10½
2. Рабинович А.	0 0 ½	×	0 ½ ½	½ 1 1	1 1 1	1 0 1	9
3. Фрейман	0 0 ½	1 ½ ½	×	0 ½ 1	½ 1 ½	1 1 1	9
4. Дуз-Хотимирский . .	1 0 ½	½ 0 0	1 ½ 0	×	½ 0 1	1 1 ½	7½
5. Сальве	½ 1 0	0 0 0	½ 0 ½	½ 1 0	×	½ 1 ½	6
6. Глобус	0 0 ½	0 1 0	0 0 0	0 0 ½	½ 0 ½	×	3

28 декабря в Одессе начался „южно-русский турнир", который закончился победой Верлинского; на втором месте стал Боголюбов, третье-четвертое разделили Избинский и Лист, пятое занял Лоран.

В феврале 1910 года закончился турнир сильнейших петербургских шахматистов, начатый еще в ноябре. Первых три места разделили Лебедев, Левенфиш и Фрейман. Некоторое шахматное оживление в высших учебных заведениях выявило новые молодые силы; это вызвало интерес к студенческому шахматному движению со стороны Петербургского шахматного собрания, и в апреле того же 1910 года состоялся необычный матч между студентами и Петербургским шахматным собранием [276]. Окончился он с результатом +12—8=10 в пользу студентов.

Чемпионат Петербурга, в котором участвовали 36 человек, разбитых на 4 группы (от каждой из которых по 2 победителя выходили в финал), закончился победой Дуз-Хотимирского и Зноско-Боровского; третье-четвертое место разделили Левенфиш и Фрейман. В Варшаве турнир принес победу Флямбергу, ставшему впереди такого грозного соперника, как Рубинштейн. Устроенный после турнира между ними матч был убедительно выигран Рубинштейном, со счетом +4=1. Осенью был проведен в Варшаве еще более сильный турнир на первенство города; два первых места разделили Ротлеви и Рубинштейн, причем, в виду отказа Ротлеви от решительного матча из двух партий, звание чемпиона Варшавы досталось Рубинштейну; третье место занял Флямберг, четвертое—Боголюбов. После турнира состоялся матч Флямберг — Боголюбов, выигранный первым (+4=1). За тот же год отметим еще матчи: Лист—Левенфиш (Вильна,

+4—4=1), Ротлеви—Сальве (Лодзь, +3—1=6), Сальве—Лоран (Одесса, +2—1=2).

Главным событием русской шахматной жизни в 1911 г. был съезд сильнейших шахматистов, созванный в октябре Петербургским шахматным собранием. Устраивая этот съезд, Петербургское шахматное собрание постановило,—подобно тому, как это было в организованном им в 1909 году турнире любителей, — присвоить победителю главного турнира звание мастера („маэстро“) и обратилось к председателю Германского шахматного союза проф. Г. Гебгардту, высказывая надежду, что это звание будет признано и Германским союзом. Полученный положительный ответ имел известное принципиальное значение. До тех пор неорганизованная шахматная жизнь в России получила тем самым признание одной из самых крупных заграничных шахматных организаций.

В программу всероссийского шахматного съезда 1911 года вошло устройство двух турниров,—главного и побочного, — в которых приняло участие 40 шахматистов, представляющих 18 городов.

Первое место и звание мастера завоевал Левитский (+16 из 21), несмотря на долголетнее отсутствие турнирной практики и оторванность от шахматной деятельности (Левитский постоянно жил в поселке Нижне-Тагильского завода, в пермской глуши). Второе место занял Флямберг (+14½), третье — Избинский (+13½) и т. д.

В побочном турнире первое-второе место разделили Платц и И. Рабинович.

Кроме петербургского съезда, в 1911 году был организован ряд матчей и местных турниров. Впервые был проведен матч Петербург — Москва. Инициатива этой встречи, которая состоялась в Петербурге 23 апреля, исходила от Московского шахматного кружка. Играли на 10 досках. Выиграл Петербург со счетом +6—3 (одна партия в день матча не игралась и, как не имевшая значения для результата матча, так и не была сыграна).

Весной состоялся матч Фрейман — Зноско-Боровский, закончившийся победой первого (+5 — 3 = 10), что дало победителю звание мастера.

На чемпионате Москвы первенство было завоевано Бернштейном. В Харькове на первое место вышли Борисовский и Руднев; в последовавшем затем матче на звание чемпиона города победителем оказался Руднев, выигравший одну за другой все три партии матча.

Вслед за тем он выиграл матч у Розанова (+5—2=2). В чемпионате Киева первое место занял Богатырчук. Избинский выиграл матч у Боголюбова (+4—2=2). В Ростове-на-Дону австрийский мастер Тартаковер (уроженец Ростова) выиграл матч у Янковича (+6—1=1). На турнире в Варшаве поделили 1—2 места Добронравов и Коноплев. Здесь же Дуз-Хотимирский выиграл матч у Флямберга (+5—1).

В 1912 году в Петербурге состоялся интересный турнир I категории в котором участвовали также два мастера — Алехин и Левенфиш; оба они заняли два первых места (1—Алехин, 2—Левенфиш); на третье место вышел И. Рабинович, на четвертое—П. Романовский (всего участвовало 10 шахматистов).

Впервые был проведен турнир средних учебных заведений Петербурга, организованный в сентябре в составе 20 человек. На первое место вышел Дорфман (Марский).

В Москве 31 марта состоялся матч-реванш Петербург — Москва, опять же выигранный Петербургом (+$5^1/_2$ —$4^1/_2$). В Харькове Руднев дважды отстоял в матчах звание чемпиона. В Варшаве турнир сильнейших шахматистов окончился победой Рубинштейна; второе и третье места поделили Сальве и Флямберг.

В том же году саратовский шахматный кружок организовал всероссийский турнир любителей; предпочтительное право на участие в нем предоставлялось приволжским шахматистам. Первых два места разделили Розанов (Харьков) и Розенкранц (Петербург), набравшие по 14 очков из 17 возможных, третье-четвертое — Богатырчук (Киев) и Вигдорчик (Петербург) по 13 очков, пятое—Тальвик (Петербург,+$10^1/_2$), шестое — Констанский (Казань, +$9^1/_2$), седьмое-девятое—Вяхирев (Н. Новгород), Добронравов (Владимир) и Лютов (Н. Новгород)— по 9 очков и т. д.

Виленское шахматное собрание организовало в августе-сентябре 1912 года всероссийский конгресс, который состоял из турнира мастеров и турнира сильнейших любителей. Согласно программе, в первом из этих турниров могли участвовать мастера, подтвердившие это звание в международных турнирах. Во втором турнире могли принять участие не только русские шахматисты, но и иностранцы. Таким образом, это условие имело в виду приблизить организуемый турнир к типу

германских, имевших международный характер и весьма популярных в довоенное время. Программа турнира была выработана при содействии Петербургского шахматного собрания. Первоначально победителю турнира мастеров предполагалось присвоить звание чемпиона России; однако, Рубинштейн, являвшийся в то время общепризнанным чемпионом, согласился играть только при том условии, если победитель турнира будет считаться лишь кандидатом в чемпионы, с тем, чтобы вопрос об этом звании был разрешен путем обязательного матча, на проведение которого дается полгода. С этим требованием согласились, и, таким образом, турнир не являлся чемпионатом.

В турнире мастеров приняли участие 11 человек; из них мастер А. Рабинович вышел после 10 тура. Из русских шахматистов, имевших право играть в этом турнире, не приняли участия Зноско-Боровский, Дуз-Хотимирский, Ловцкий, Пшепюрка и Ротлеви; кроме того, не был допущен к участию Грегори, незадолго до того завоевавший в Бреславле звание мастера. Однако, на этом турнире впервые было представлено такое значительное количество русских мастеров (см. таблицу № 16).

Таблица № 16

Вильна 1912 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Итог
1. Рубинштейн	×	½½	1½	½ 1	1 1	1 1	1 1	0 0	0 1	½½	12
2. Бернштейн	½½	×	1½	0½	1 1	0 0	0½	1 1	1 1	1 1	11½
3. Левитский	0½	0½	×	½ 1	½½	1 1	0½	1½	½ 1	1 1	11
4. Нимцович	½ 0	1½	½ 0	×	½½	½ 0	1½	1½	½ 1	1 1	10½
5. Флямберг	0 0	0 0	½½	½½	×	1½	1 0	½ 1	1½	1½	9
6. Алехин	0 0	1 1	0 0	½ 1	0½	×	1 1	0½	0 1	1 0	8½
7. Левенфиш	0 0	1½	1½	0½	0 1	0 0	×	½ 1	½ 1	½½	8½
8. Фрейман	1 1	0 0	0½	0½	½ 0	1½	½ 0	×	½ 1	1 0	8
9. Алапин	1 0	0 0	½ 0	½ 0	0½	1 0	½ 0	½ 0	×	½ 1	6
10. Сальве	½½	0 0	0 0	0 0	0½	0 1	½½	0 1	½ 0	×	5

В турнире любителей участвовало 20 человек, из них 3 иностранца. Победителем вышел чешский шахматист Громадка, второе место занял Боголюбов, третье — Рауш, четвертое-пятое — Лист и И. Рабинович, шестое — Бартон, седьмое — Эстрин; восьмое-девятое места разделили Гартман, Ланглебен и Селезнев.

В течение января 1912 года американский мастер Маршалль, проездом из Стокгольма, гастролировал в Гельсингфорсе, Вильне, Риге и Пернове, давая сеансы одновременной игры. В Вильне он проиграл одну серьезную партию Дуз-Хотимирскому.

В апреле 1913 года Россию посетил чешский мастер Дурас. С его участием было организовано несколько небольших турниров — в Петербурге (таблица № 17), Москве (таблица № 18) и Варшаве (таблица № 19). Кроме того, Дурас сыграл 4 серьезных партии с Сальве (+2 =2).

Чемпионат Москвы выиграл в 1913 году Иорданский (после матча с Д. Павловым). Турнир в Лодзи: I — Боголюбов, II — Сальве, III — Флямберг. После турнира Бого-

Таблица № 17

Петербург 1913 г.	1	2	3	4	Итог
1. Алехин Александр	×	0	1	1	2
2. Левенфиш	1	×	½	½	2
3. Дурас	0	½	×	½	1
4. Зноско-Боровский	0	½	½	×	1

Таблица № 18

Москва 1913 г.	1	2	3	4	5	6	Итог
1. Дурас	×	1	1	½	1	1	4½
2. Павлов Д.	0	×	1	1	0	1	3
3. Алехин Алексей	0	0	×	½	1	1	2½
4. Эстрин	½	0	½	×	1	0	2
5. Зубарев	0	1	0	0	×	½	1½
6. Селезнев А.	0	0	0	1	½	×	1½

Таблица № 19

Варшава 1913 г.	1	2	3	Итог
1. Флямберг	×	1 0	1 1	3
2. Дурас	0 1	×	½ ½	2
3. Ловцкий	0 0	½ ½	×	1

любов выиграл матч у Сальве (+5—3=2). VI балтийский турнир в Митаве закончился победой Гартмана. В феврале-марте в Петербурге Алехин выиграл матч у Левитского со счетом +7—3 (по условию, все партии этого матча игрались открытыми дебютами, кроме испанской и дебюта 4-х коней). В ноябре в Россию приехал Капабланка; его гастроли в Лодзи, Варшаве, Риге, Петербурге, Москве, Серпухове и Киеве прошли с большим успехом. В Риге он выиграл серьезную партию у Нимцовича, в Петербурге — по 2 партии у Алехина и Дуз-Хотимирского и одну у Зноско-Боровского (другую проиграл). В Москве Капабланка сыграл по 2 партии против Бернштейна и против консультантов, взяв в обоих случаях по $1^1/_2$ очка. Незадолго до международного турнира Ласкер в Москве сыграл несколько серьезных партий: с Бернштейном (+1—1) и Алехиным ($^1/_2$).

В ознаменование десятилетнего юбилея со дня основания Петербургского шахматного собрания (открывшегося 4 января 1904 года) была выработана обширная программа всероссийского шахматного съезда в Петербурге, с устройством различных состязаний. Решено было провести турнир высших учебных заведений, всероссийский турнир любителей, турнир мастеров и международный турнир гросмейстеров.

В осуществление этой программы 6 декабря 1913 года открылся всероссийский турнир любителей, которому предшествовал ряд отборочных турниров на местах. Победителю этого турнира предоставлялось звание мастера и право участия в турнире мастеров. Первое место и звание мастера завоевал Эвенсон (Киев), набравший $6^1/_2$ очков из 7 возможных. В турнир мастеров был также допущен, вместо отказавшегося Дуз-Хотимирского, и второй призер — Смородский (Петербург), набравший 5 очков. Далее следовали: Верлинский (Одесса), Ланглебен (Варшава), Розанов (Харьков) и т. д.

Турнир мастеров начался 23 декабря. Первый призер получал право участия в международном турнире гросмейстеров. Первое-второе место разделили Алехин и Нимцович (см. таблицу № 20). Решительные партии между ними не дали результата (каждый выиграл по одной партии), и оба они были включены в состав участников международного турнира.

Турнир высших учебных заведений начался в январе. Участники его были разделены на 3 группы, от каждой

Таблица № 20

Петербург 1913—1914 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итог
1. Алехин	×	1	1	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	13½
2. Нимцович	0	×	½	½	1	1	0	1	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	13½
3. Флямберг	0	½	×	1	½	0	1	1	1	½	1	1	1	½	1	1	1	1	13
4. Ловцкий	1	½	0	×	½	0	0	1	1	1	½	½	1	1	1	½	1	½	11
5. Левенфиш	0	0	½	½	×	1	0	0	1	0	1	1	1	1	1	1	½	1	10½
6. Зноско-Боровский	0	0	1	1	0	×	½	1	0	½	½	1	0	½	1	1	1	1	10
7. Смородский	½	1	0	1	1	½	×	½	0	½	0	1	1	0	½	1	1	½	10
8. Боголюбов	1	0	0	0	1	0	½	×	½	½	1	0	1	1	½	½	1	1	9½
9. Эвенсон	0	0	0	0	0	1	1	½	×	0	½	1	1	1	0	1	1	1	9
10. Алапин	0	0	½	0	1	½	½	½	1	×	0	0	½	½	½	1	1	1	8½
11. Сальве	0	½	0	½	0	½	1	0	½	1	×	0	1	1	½	1	0	1	8½
12. Фрейман	0	0	0	½	0	0	0	1	0	1	1	×	0	½	1	0	1	1	7
13. Левитский	0	0	0	0	0	1	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	0	1	6½
14. Таубенгаус	0	0	½	0	0	½	1	0	0	½	0	½	0	×	0	1	1	1	6
15. Лебедев	0	0	0	0	0	0	½	½	1	½	½	0	0	1	×	0	1	0	5
16. Евтифеев	0	0	0	½	0	0	0	½	0	0	0	1	0	0	1	×	1	½	4½
17. Грегори	1	0	0	0	½	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	×	0	3½
18. Эльяшев	0	0	0	½	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	½	1	×	3½

из которых двое победителей входили в финал. В финале первенство разделили П. Романовский и Фрейман; матч между ними из двух партий окончился победой Романовского.

Петербургский международный турнир гросмейстеров 1914 года отличался тем, что состав этого турнира определялся по строго формальному признаку: на него допускались только те мастера, которые хотя бы один раз взяли первый приз в международных турнирах. На этом основании были приглашены 16 мастеров: Бернштейн, Блэкберн, Гунсберг, Капабланка, Ласкер, Маршалль, Рубинштейн, Тарраш, Яновский, Берн, Вейсс, Винавер, Дурас, Мароци, Тейхман и Шлехтер. Однако, семеро из них (последние в нашем перечне) отказались от участия, и, таким образом, в турнире приняли участие 9 гросмейстеров и два победителя всероссийского турнира мастеров. Этот принцип подбора участников был явно неудачен, так как лишал права на участие таких мастеров, как, например, Шпильмана и Видмара, и, вместе с тем, допускал шахматных ветеранов, в роде Гунсберга и Блекберна, которые к этому времени уже утратили свой былой гросмейстерский класс. Одним из важнейших моментов международного турнира в Петербурге являлось условие, выработанное петербургским комитетом по договоренности с Германским шахматным союзом и другими крупнейшими заграничными шахматными организациями, что победитель турнира (если таковым не окажется Ласкер) получает преимущественное право играть матч с Ласкером на мировое первенство.

Материально турнир был обеспечен пожертвованиями меценатов, подписными листами и поступлениями от входной платы; израсходовано было около 20 000 рублей. По принятому комитетом решению, международный турнир проводился двумя этапами. В первом все 11 участников играли между собой по одной партии (см. таблицу № 21); первые пять призеров составляли группу победителей, игравших между собой по две партии (см. табл цу № 22). Такая система проведения турнира, продиктованная духом голого рекордсменства, явно повышала элемент случайности в турнирной борьбе. Жертвой этой системы оказался Рубинштейн, которого в начале многие считали вероятным победителем.

Таблица № 21

Петербург 1914 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Итог
1. Капабланка (о. Куба).	×	½	½	1	½	1	½	1	1	1	1	8
2. Ласкер (Германия) .	½	×	½	½	½	0	1	½	1	1	1	6½
3. Тарраш (Германия) .	½	½	×	½	½	1	½	1	1	0	1	6½
4. Алехин (Россия) . .	0	½	½	×	1	½	1	½	½	½	1	6
5. Маршалль (США) . .	½	½	½	0	×	1	½	½	1	1	½	6
6. Бернштейн (Россия)	0	1	0	½	0	×	½	½	½	1	1	5
7. Рубинштейн (Россия)	½	0	½	0	½	½	×	½	½	1	1	5
8. Нимцович (Россия) .	0	½	0	½	½	½	½	×	0	½	1	4
9. Блэкберн (Англия) .	0	0	0	½	0	½	½	1	×	0	1	3½
10. Яновский (Франция)	0	0	1	½	0	0	0	½	1	×	½	3½
11. Гунсберг (Англия) .	0	0	0	0	½	0	0	0	0	½	×	1

Таблица № 22

Петербург 1914 г. Финал	1	2	3	4	5	Итог	Общий результ.
1. Ласкер	×	½ 1	1 1	1 ½	1 1	7	13½
2. Капабланка	½ 0	×	½ 1	1 0	1 1	5	13
3. Алехин	0 0	½ 0	×	1 1	1 ½	4	10
4. Тарраш	0 ½	0 1	0 0	×	0 ½	2	8½
5. Маршалль	0 0	0 0	0 ½	1 ½	×	2	8

Петербургский международный турнир, начавшийся 8 апреля и закончившийся 9 мая 1914 года, в течение целого месяца держал в напряжении не только русских, но и иностранных шахматистов. Газетная и журнальная пресса всего мира уделяла ему большое внимание [277].

Этим турниром фактически заканчивается вообще шахматная деятельность дореволюционной России: разразившаяся вскоре империалистическая война в корне подорвала все мероприятия, проектировавшиеся Всероссийским шахматным обществом [278].

В наэлектризованной атмосфере военных событий и революционного предгрозья господствующим классам царской России — фактическим хозяевам старого шахматного движения — было не до турниров, не до шахмат.

Глава одиннадцатая

А. Д. ПЕТРОВ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

В конце XVIII и в начале XIX вв. довольно заметной и не совсем обычной фигурой в петербургском чиновничьем мире был юрисконсульт министерства юстиции и член комиссии по принятию прошений в Государственном совете Иван Алексеевич Соколов. Известный театрал Жихарев в своих воспоминаниях оставил следующую характеристику этого законника екатерининской эпохи: „И. А. Соколов, умный и благонамеренный человек, готовый всегда дать добрый совет людям безгласным и неимеющим покровительства, был чрезвычайно осторожен в сношениях с людьми высшего круга, с богачами, с своим начальством и даже с современниками“ [279].

Этот доброжелательный старик был страстным шахматистом, что и учитывалось по-своему окружающими. Когда Жихарев, добиваясь обязательной по тем временам протекции, заручился рекомендательной запиской к Соколову, то лицо, снабдившее его этой запиской, предупредило его: „Советую вам побывать у Соколова вечером часов в шесть: в это время он всегда бывает дома и охотно принимает посетителей. Предупреждаю вас, что если вы играете в шахматы, то будете для него драгоценным гостем: старик страстно любит эту игру и бывает очень доволен, когда удастся найти себе партнера. Это единственное развлечение, которое он себе дозволяет“ [280].

Жихарев, к своему сожалению не игравший в шахматы, очень живо рисует, как во время разговора с Соколовым в кабинет вошел сослуживец хозяина Н. П. Брусилов и тотчас же предложил сразиться

в шахматы. „Нечего терять золотое время, — сказал он Соколову, — и я вам должен реваншем". — „Готов, готов, — отвечал Иван Алексеевич, — добрый воин никогда не откажется от баталии; только сегодня не вчера, и вряд ли нынче победа будет на вашей стороне, потому что я собрался с силами, выспался порядком". Бедный Жихарев скромно подсел к игрокам — „посмотреть на их неподвижность и послушать их молчания. Нечего сказать: игра занимательная, настоящая игра глухонемых. По счастью, она продолжалась недолго". Но вот подали чай, и Соколов с Брусиловым опять уселись за шахматы [281].

Внуком этого завзятого шахматиста и был первый русский шахматный мастер А. Д. Петров.

Александр Дмитриевич Петров родился 1 февраля 1799 года в имении отца, сельце Бисерово (близ города Опочки). Домашняя обстановка весьма способствовала развитию в мальчике любви к шахматам. Его первыми игрушками были резные шахматы, подаренные ему дедом. Играл в шахматы и отец Петрова, который показал ему ходы и сообщил элементарные правила игры. Семи лет Петров уже умел играть в шахматы, обнаружив при этом незаурядные способности.

В 1804 году семья Петровых переехала в Петербург, что дало толчок к дальнейшему усовершенствованию юного шахматиста. Обучался он в частном институте Каменского, причем все свободные часы проводил за игрой в шахматы, которой увлекся не на шутку. Дед его был обладателем недурной для того времени шахматной библиотечки, и Петров стал усиленно пользоваться ею, даже в ущерб своим школьным занятиям. Часто ночью мать заставала его за разбором игранных им партий. Если от него отбирали фигуры, он восстанавливал в уме положение и мысленно продолжал анализировать, пока не засыпал от утомления.

Петров был, естественно, частым гостем своего деда, не смущаясь тем, что каждый раз ему приходилось выхаживать в два конца по несколько верст — с Петербургской стороны в центр города, на Симеоновскую улицу (ныне ул. Белинского), где тогда стоял скромный домик деда, приобретенный им еще во времена Екатерины. Очень быстро от дачи вперед ладьи пришлось старику перейти к игре на-равных, но и это уже не спасало от систематических поражений. И. А. Соколов

вынужден был признать полное превосходство своего внука и рассказал о его способностях своим товарищам по службе. Петрова стали приглашать в дома, где собирались петербургские шахматисты, и он с легкостью разбивал своих противников.

Связи, приобретенные благодаря шахматам среди чиновничьей знати, оказали влияние и на служебную карьеру Петрова. Друг и шахматный партнер деда Петрова, уже знакомый нам Н. П. Брусилов устроил его на службу в сенат, в канцелярию статс-секретаря Кикина.

О первых шагах Петрова на служебном поприще сохранился довольно любопытный рассказ его сослуживца:

„Был еще один чиновник нашей канцелярии: А. Д. Петров, получивший громкую известность во всей России и, кажется, за ее рубежом, как отличный шахматный игрок. Всем нам казался он простеньким, наивным юношею, он часто бывал предметом всеобщих насмешек; беспощадно, более всех преследовал его Бахтин (см. о нем стр. 56—57). Кроме особенного дарования к шахматной игре, Петров отличался необыкновенно красивым почерком, и все докладные записки, ежедневно представляемые лично государю статс-секретарем, им были переписаны. Император, любивший каллиграфию, заметил его почерк и как-то изъявил за него Кикину свое удовольствие. Петрову придало это какое-то в глазах наших, а тем паче в его собственных, особенное значение, и породило в нем желание подражать разным почеркам и подписям. В этих упражнениях добился он опасного искусства — подделываться под руку самого государя, разумеется, без всякого злого умысла. Однажды выпросил я у него для шутки такую подражательную царскую подпись „Александр“ со всеми ее вычерками и размахами в конце белой первой страницы на листе министерской величины бумаги, которую всегда подносили государю для подписания именных указов, и имел глупость представить этот лист, как курьез, жене статс-секретаря [282]; она же имела неосторожность, тоже как редкость, показать ее мужу. На Кикина напал страх и ужас: ну, если сам каллиграф злоупотребит таким талантом или кто-нибудь вздумает этим воспользоваться? Петров был призван к начальнику и должен был произнести перед ним клятвенное обещание, что он вперед ни во

веки веков не станет подписываться под руку государя“ [283].

Этот анекдотический эпизод не имел последствий для Петрова; он довольно быстро получал повышения [284], и надо думать, что здесь в первую очередь играла роль его известность как шахматиста. Как раз в этот период среднее и крупное чиновничество увлекалось шахматной игрой, чему несомненно весьма способствовал интерес, проявленный к шахматам со стороны отдельных видных сановников.

Перед Петровым широко открылись двери домов петербургской знати, куда его вряд ли вообще стали бы приглашать, будь он рядовым сенатским чиновником. Так, он был вхож в дом графа Ю. П. Литты, Ф. В. Самарина, князя Паскевича (впоследствии — варшавского наместника).

Сам Петров не без удовольствия вспоминает историю своего знакомства с Милорадовичем, в то время — петербургским генерал-губернатором. „Граф Михаил Андреевич Милорадович,— рассказывает Петров, — был страстный охотник до шахматной игры. В 1820 году был я представлен ему князем Вас. Прокоф. Мещерским, как непобедимый игрок. С того времени я бывал у него часто, и граф любил преимущественно играть со мною. Сначала он играл на равную, но видя, что нет возможности держаться, брал ладью вперед, и тогда победа склонялась на его сторону. Он был в восторге, когда выигрывал; проигрыши же сам относил к скорой и рассеянной игре. И действительно, если бы он более обращал внимания и размышлял над каждым ходом, то у него трудно было бы выиграть. Иногда он делал самые неожиданные и блистательные нападения, но, играя скоро, делал промахи и попадался часто в ловушки; защищался же до последней крайности, как Карл при Бендерах“ [285].

Петров однажды продемонстрировал именитому партнеру свою задачу „Бегство Наполеона“, которая так понравилась Милорадовичу, что тот показал ее матери царя Марии Федоровне, интересовавшейся шахматами. Однако, участник войны с французами, восхищенный замыслом составителя, забыл решение и не мог припомнить хитроумных наскоков „конницы Платова“. Тогда Милорадович пригласил с собой Петрова в Павловск и представил его императрице.

Уменье тонко польстить в шахматной партии „сильным мира сего“ достигало цели верней и быстрее, чем усердная служба. Петров все больше и больше шел в гору. Знакомство с Паскевичем, который пригласил его в 1840 году к себе в Варшаву, сыграло решающую роль в его карьере. Из скромного канцеляриста, переписывающего доклады начальства, он становится помощником статс-секретаря совета управления царства Польского и дослуживается до чина тайного советника.

А. Д. ПЕТРОВ

Уже современники отмечали, что своим служебным успехам Петров был обязан шахматам. „Знаменитость и слава Петрова, как шахматного игрока, со временем дошла до того, что составила всю его карьеру,— читаем мы в воспоминаниях Д. Н. Свербеева.— Он впоследствии находился при князе Паскевиче Эриванском в Варшаве, и все его там занятия ограничивались ежедневным игранием с фельдмаршалом в шахматы. Он умел кстати проигрывать ему партии и льстить постоянно необуз-

данному самолюбию варшавского героя, за то получил он какое-то видное место, женился на дочери генерал-интенданта армии нашей в Польше, Погодина, получал порядочное жалованье, ордена, ленты" [286].

Трудно судить об игре Петрова во время его пребывания в Петербурге, так как он не имел привычки записывать свои партии. Несомненно лишь, что равных ему шахматистов не было в императорской столице. Янишу, например, Петров давал вперед пешку. В лице Петрова Россия получила, наконец, мастера высокого международного класса. Однако, проверить относительную силу игры Петрова с кем-либо из иностранных мастеров так и не удалось. Попытки иностранных шахматных деятелей привлечь Петрова к участию в международных соревнованиях оканчивались неизменно неудачей. Он дважды получал приглашения на турниры в Лондон (в 1851 и в 1862 гг.), но оба раза отказался. Вместе с тем следует указать, что иностранная шахматная пресса всегда с большим уважением и даже восторженностью относилась к шахматному творчеству Петрова. В некрологах о нем говорилось, что Петров был выдающимся и даже гениальным мастером [287]. Впрочем, своей известностью в Европе Петров во многом обязан Янишу, утверждавшему, что его соотечественник — один из лучших шахматистов мира.

В Варшаве Петров уделял шахматам значительно меньше времени [288], причем его противники в большинстве своем были очень слабыми любителями. С одной стороны это были его сослуживцы и русские знакомые; с другой — коренные варшавские шахматисты (Ружанский, Земонский, Шиманский и др.). Изредка он наезжал в Петербург и сражался там со своими старыми противниками (см. стр. 113 и 115). Некоторые партии, игранные Петровым в Варшаве, были впоследствии напечатаны в „Шахматном Листке", но считать их показательными не приходится, и Чигорин прямо выразил удивление по поводу слабости игры с обеих сторон.

Обычными противниками Петрова в варшавский период его жизни были его шеф Паскевич и в особенности талантливый самородок А. Гофман. На личности последнего следует остановиться несколько подробнее. Гофман, сын профессора, родился в Лейпциге в 1798 году. В Варшаве он служил в различных коммерческих предприятиях, затем давал уроки немецкого языка. Большая

семья и нищенский заработок заставляли его всячески изворачиваться в борьбе за существование. Среди варшавских шахматистов Гофман был сильнейшим, поэтому шахматы могли стать для него более выгодной профессией, чем служба или уроки. Придя к такому заключению, Гофман сделался шахматистом-профессионалом и жил в дальнейшем исключительно на средства, доставляемые шахматной игрой. Почти целые дни он проводил в кофейнях, играя на ставку с местными шахматистами. Выигрыш нескольких партий давал возможность прокормить семью; но выигрывать удавалось не всегда, так как, зная его силу, от него требовали такой форы, которая довольно часто приводила к проигрышу.

Стиль игры Гофмана был чисто кафейный. Он обдумывал ход даже в сложном положении не более полминуты, причем, по словам Петрова, играл даже хуже, если затрачивал больше времени. Гофман обладал также способностью играть не глядя на доску; он составлял неплохие шахматные задачи, которые охотно печатались иностранной шахматной прессой.

Петров познакомился с Гофманом еще во время своего первого приезда в Варшаву в 1835 году и уже тогда обратил внимание на его игру. После окончательного переезда в Варшаву Петров часто приглашал его. Зная, что партнер сильно нуждается, он старался в деликатной форме поддержать его, выплачивая ему за выигранную партию рубль, за ничью — полтинник. Это, разумеется, было каплей в море, и, подобно многим талантливым одиночкам капиталистического мира, Гофман умер в тяжелой нужде в апреле 1855 года.

Петров сыграл с Гофманом около двухсот партий. Обычно объективно расценивавший свою игру, Петров считал, что некоторые из этих партий по качеству не уступали партиям знаменитого матча Лабурдонне — Мак-Доннель.

В варшавский период жизни Петрову пришлось также сразиться за шахматной доской с Урусовым, который специально для этой цели приехал в Варшаву в 1859 году (см. стр. 114).

Современники Петрова недоумевали по поводу его систематического, производившего впечатление преднамеренности, уклонения от всяких серьезных встреч. Например, Урусов отмечал: „По задачам и напечатанным партиям видно, что какой-то колосс живет в шахматном

мире, но этот колосс, несмотря на близость его местопребывания, Варшавы, от Бреславля и других европейских городов, никогда не рисковал своей репутацией: ни с кем из знаменитостей никогда не сражался“.

Действительно, в начале пребывания Петрова в Варшаве бреславльский шахматный клуб, во главе которого стоял Андерсен, послал вызов варшавским шахматистам, надеясь, естественно, на участие Петрова. Однако, варшавские шахматисты отклонили вызов, мотивируя свой отказ отсутствием у них правильно организованного клуба. Как мы уже отмечали, Петров дважды отказался от участия в международных турнирах. Неудивительно поэтому, что у иностранцев создавалось превратное представление о личности Петрова. Недаром Цукерторт рассказывал, что одной из любимых шуток Андерсена было выражение сомнения в реальности существования Петрова. „Кто его видел? — говорил Андерсен. — Все напечатанные им партии играны против лиц совершенно неизвестных: несомненно, никакого Петрова никогда и не было, русские его выдумали для того, чтобы и у них был великий мастер шахматного искусства“.

Впрочем, сам Петров следующим образом высказывался по поводу соревнований с иностранными мастерами: „Я никогда не искал случая играть с европейскими знаменитостями, как потому что далек от мысли оспаривать их превосходство, так и потому, что не имею ни малейшего желания добиваться славы первого игрока“ [289].

В 1863 году Петров отправился с семьей за границу. Казалось бы, ему теперь представлялся благоприятный случай доказать „реальность“ своего существования. Однако, надежды русской и иностранной прессы, ожидавшей в связи с этой поездкой Петрова ряда интересных встреч, не оправдались. Тщетно французский журнал „La Nouvelle Régence“, предвосхищая предстоящий якобы матч между Петровым и Морфи, писал: „Это несомненно будет одно из самых замечательных состязаний, которое когда-либо происходило. Это будут прекрасные дни для шахмат“ [290].

Петров оставил довольно подробный рассказ о своем пребывании за границей [291], которое вызвало немало легенд по поводу его якобы блестящих побед над луч-

шими иностранными шахматистами. Правда, возникновению этих легенд отчасти способствовали сообщения самого Петрова, но последнего нельзя, однако, заподозрить в умышленном искажении фактов.

В Берлине, в кафе „Бельведер", Петров сыграл три партии с местными шахматистами, из которых две выиграл, а одну проиграл. „Голова закружилась от баварского пива,— писал Петров,— и прозевал слона".

В Вене Петров также сыграл несколько легких партий. Н. В. Берг, царский чиновник в Польше, писал, что однажды, в венском клубе, подсев к двум сильным шахматистам и видя, что один из них задумался над ходом, Петров попросил позволения сделать ход вместо него. После сделанного Петровым хода оба шахматиста в один голос вскричали: „Вы — Петров" [292]. Это, конечно, басня. Сам Петров по-иному освещает случай, приукрашенный Бергом. В венском кафе из разговоров выяснилось, что Петрова почему-то принимают за англичанина. Петров рассеял это недоразумение. Тогда, узнав, что он — русский, а проживает в Варшаве, местные шахматисты высказали предположение, что он, вероятно, Петров.

По приезде в Париж Петров несколько раз заходил в знаменитое Café de la Régence — этот прославленный центр парижской шахматной жизни. Из письма Петрова к редактору „Шахматного Листка" видно, что он не имел намерения играть серьезный матч с кем-либо из известных шахматистов. Не упоминая о своем желании играть с Морфи, Петров писал только: „Был у Морфи два раза, и он приезжал ко мне; Doasan [293] говорит, что он решительно отказывается от игры". Мы не будем здесь выяснять достоверность этого свидетельства в виду отсутствия у нас достаточных объективных данных. Однако, оно представляется нам весьма правдоподобным, если учесть, что к этому времени (1863 г.) гениальный американец уже утратил интерес к шахматам и избегал серьезных состязаний; наше соображение подтверждается и историей неудавшихся матчей с Морфи Л. Паульсена и других известных шахматистов [294]. Во всяком случае, мы полагаем, что скорее всего за счет националистических тенденций журналистики того времени следует отнести легенду о том, якобы Петров „играл со всеми лучшими игроками Старого и Нового света и всех обыграл, исключая Морфи, который почему-

то не согласился с ним играть и таким образом как бы признал себя побежденным“ [295].

Факты говорят за то, что Петрову пришлось в действительности играть лишь со второстепенными иностранными шахматистами, вроде Журну и Линдэнна, и легенда о „признании“ Морфи себя „побежденным“ ни на чем не основана. Впрочем, и сам Петров признавал, что Морфи играет сильнее его [296]. Нельзя также не учесть того обстоятельства, что Петрову было уже в это время 64 года.

После приезда из-за границы Петров почти совсем отошел от шахмат, хотя попрежнему интересовался ими и выписывал шахматную литературу. Скончался он 10 апреля 1867 года, в Варшаве (от апоплектического удара).

В биографии Петрова имеется весьма любопытный эпизод, проливающий отчасти свет на его общественно-политическую физиономию. Как крупный чиновник он, без сомнения, „верой и правдой“ служил царю. Поэтому является неожиданностью, когда мы узнаем, что Петров, будучи, так сказать, руссификатором „по должности“, лично отнюдь не разделял политики царизма в польском вопросе.

В 1863 году, еще перед отъездом за границу, во время польского восстания Петров был захвачен повстанцами и приведен к вождю восставших Лангевичу. Современники рассказывают об этом факте следующим образом: „В общем, Петров, как человек не военный, как имевший к полякам слабость и желавший им в душе всяких успехов, добра и счастья,— был более очарован, нежели разочарован армией Лангевича. Повстанческий генерал представлялся ему долго, до конца жизни, настоящим генералом. Он говорил о нем не иначе, как с некоторым благоговением“. Более того, „как давний житель царства Польского, Петров, сроднившийся с поляками, постоянно относился к ним с сочувствием. Официальные русские лица называли его повстанцем“ [297].

Петров несколько дней был пленником и сопровождал Лангевича в его военных походах. „Петров, среди всех этих тревог и невзгод, предавался своему любимому занятию: разрешал различные шахматные проблемы и этим услаждал свое горе (сам рассказывал об этом автору)“ [298]. Через несколько дней Петров был освобожден.

По поводу своего пленения польскими повстанцами Петров писал редактору „Шахматного Листка“ Михайлову: „Вы, может быть, слышали, что я был в плену у Лангевича. Странствовал с ним семь дней. В Собкове, близ Хенцин, выпущен был на честное слово явиться к нему через две недели. По прошествии этого срока, искал его и наконец нашел... в Кракове, арестованным“ [299].

Известность Петрова как шахматиста не ограничивалась только практической игрой. Ему принадлежит также ряд теоретических статей, шахматных рассказов и очерков, напечатанных в русских и иностранных журналах“ [300]. Однако, наибольшую известность доставило ему в шахматных кругах составление руководства. Это было второе, по времени издания, шахматное руководство на русском языке. Вышло оно в свет в количестве 300 экземпляров под названием: „Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игр Филидора и примечаний на оные, изданная Александром Петровым“ (СПБ. 1824). Несмотря на значительно бóльшую самостоятельность в изложении по сравнению с работой Бутримова, руководство Петрова также не может, однако, претендовать на оригинальность. В сущности, излагаемая им теория дебютов представляет почти буквальный перевод классических шахматных учебников того времени: Филидора „Analyse du jeu des échecs“ и Альгайера „Neue theoretisch-praktische Anweisung zum Schachspiel [301]. В основу своего руководства Петров положил учение Филидора о пешках и укреплении центра; в этом отношении и сам он всегда следовал принципам Филидора, о чем можно судить по немногим дошедшим до нас партиям. Поэтому в русской и иностранной прессе, с легкой руки Яниша, Петрова вполне заслуженно называли „северным Филидором“ или „русским Филидором“.

В теоретической шахматной литературе с именем Петрова связан дебют, известный под названием „русская партия“ (1. e4 e5 2. Kf3 Kf6). Нередко и сейчас этот дебют, даже в иностранной прессе (в особенности французской), называется „защитой Петрова“. Первоначально, как и Филидор, Петров отрицательно относился к этой защите, что и было отмечено в его учебнике [302]. Но во время пребывания Яниша в Варшаве (в 1842 г.) Петров проверил в рукописи дебютные варианты под-

готовлявшегося Янишем к печати учебника на французском языке и внес в них много поправок, особенно большое количество поправок пришлось на долю русской партии, почему Яниш и наименовал этот дебют, в честь знаменитого соотечественника, „защитой Петрова“ [303].

В заключение, отметим, что Петров является родоначальником русских проблемистов. Имя Петрова как талантливого композитора задач, специализировавшегося на многоходовых и обратных матах, или, как их тогда называли, „киперганях“ (от французского „qui perd gagne“ — „проигрывающий выигрывает“), хорошо знали не только в России, но и за границей. Его 14-ходовая задача „Бегство Наполеона из Москвы“, напечатанная впервые в 1824 году, приобрела громкую повсеместную известность.

Из знаменитых шахматных современников Петрова на первом месте должен быть поставлен по силе своего таланта и по своему значению в истории русского шахматного искусства, без сомнения, Карл Андреевич Яниш. Родился Яниш в Финляндии в 1813 году. Рано потеряв родителей, он воспитывался у своего дяди в Москве. Недюжинные математические способности позволили Янишу выдвинуться в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге, по окончании которого он был оставлен при Институте в качестве репетитора, а потом приглашен на преподавательскую работу адъюнкт-профессором механики. 25-ти лет Яниш выпустил свою первую работу — „О причинах равновесия и движений“, принятую весьма благосклонно в научных кругах.

Первоначально его увлечение шахматной игрой протекало параллельно с научной деятельностью. Аналитическое дарование Яниша определило выбор им своего места в истории развития шахматного искусства. Главным образом, его интересовали вопросы теории. Уже в 1837 году он выступил с первой теоретической работой под названием „Découvertes sur le cavalier (Échecs)“, изданной им на французском языке в Петербурге. В 1841 году Яниш отправился за границу, оставив научную деятельнсстъ и всецело посвятив себя шахматной работе. В результате его заграничной поездки, во время которой он познакомился с новейшими теоретическими достижениями, им было подготовлено к печати и издано

в 1842—43 годах в Петербурге капитальное руководство „Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs“ (2 тома). Вместе с Петровым он тщательно проверил в рукописи все дебютные варианты. Для своего времени „Analyse“ Яниша был одним из лучших учебников (он был даже дважды переведен на английский язык [304]). Кроме того Янишем напечатан в разное время ряд теоретических статей во французских, английских и немецких журна-

К. А. ЯНИШ

лах [305]. Наконец, нельзя не упомянуть о работе Яниша, в которой он попытался применить математический анализ к исследованию дебютов („Traité des applications de l'analyse mathématique au jeu des échecs“, 3 тома, СПБ, 1862—1863) [306]. Хотя практические вопросы шахматной игры, разумеется, не могут быть разрешены математическим путем, но применение математического анализа к шахматам представляет значительный общенаучный интерес. Под этим углом зрения работа Яниша была отмечена благоприятным отзывом Академии Наук [307].

По квалификации Яниш был выше многих своих соотечественников, за исключением Петрова, С. Урусова и Шумова. Он это доказал в ряде серьезных партий с петербургскими шахматистами. Поэтому он, вместе с Петровым и Шумовым, получил приглашение на лондонский международный турнир 1851 года. Яниш опоздал к началу турнира и ограничился матчем с одним из сильнейших шахматистов того времени Стаунтоном. Хотя матч окончился в пользу последнего (+7—2=1), однако, во всех партиях Яниш выказал стойкость и остроумие, что было отмечено комментаторами партий, в том числе самим Стаунтоном. При встречах с другими шахматистами преимущество оставалось на стороне Яниша. Так, например, он выиграл обе партии у президента Лондонского шахматного клуба Монгредиена. Менее удачны были его встречи с более сильными противниками; так, например, в 1842 году в Берлине он проиграл матч Ганштейну: +1—4=1 (немецкий журнал „Schachzeitung" объяснял плохой результат Яниша тем, что он все время работал над своей книгой и шахматной игре уделял только часы отдыха); в 1854 году он проиграл матч Шумову с результатом +3—5=4.

Деятельность Яниша в Петербурге прочно укрепила за ним руководящую роль в организации различных соревнований и шахматного клуба. Выше нами была отмечена его попытка организовать в 1837 году матч по переписке между петербургскими и парижскими шахматистами (см. стр. 112). Он был также инициатором привлекшего исключительное по тем временам внимание матча Петербург—Дерпт (1838—1839), в котором победил такого сильного противника как Кизерицкий (+1—0=1). Наконец, он принял самое близкое участие, в качестве секретаря, в организации постоянного шахматного клуба. Он пишет правила шахматной игры, устав, ведет деятельную переписку по поводу применения итальянских правил игры и т. д.

Имя Яниша, главным образом, как теоретика было популярно в России, но, пожалуй, еще в большей степени в иностранных шахматных кругах. Он переписывался со многими выдающимися шахматистами, его анализы и статьи печатались во всех без исключения шахматных журналах. Недаром французский шахматист-издатель К. Сансон в специальной брошюре о Янише писал, что он больше чем мастер, он величайший из теоретиков [308].

Умер Яниш в Петербурге 17 марта 1872 года, внезапно, от паралича сердца; еще накануне он был в шахматном клубе [309].

К виднейшим русским шахматистам и теоретикам шахмат середины XIX века принадлежит также Сергей Семенович Урусов.

С. С. Урусов родился в Москве в 1827 году. Это была интересная личность. Во время Севастопольской войны он служил в Полтавском полку не в крупных чинах, однако выбытие из строя старшего офицерского состава выдвинуло его командиром полка. По окончании войны Урусов должен был сдать командование полком новому командиру — немцу, и здесь произошел случай, известный по рассказу самого Урусова. „Новый командир, принимая полк, сильно и несправедливо придирался к солдатам; взбешенный Урусов скомандовал одному солдату по адресу немца: „пли“. Солдат выстрелил в землю. Случай был замят, но военная карьера Урусова окончилась“ [310]. Хорошо образованный, с незаурядными математическими способностями и познаниями, он обладал к тому же прекрасным голосом, был неплохим пианистом и виолончелистом.

Первые сведения о шахматной деятельности Урусова относятся к 1854 году, когда он находился в осажденном Севастополе. В это время Урусов был уже прекрасным шахматистом и играл по переписке с иностранными шахматными знаменитостями [311]. В Севастополе Урусов познакомился с Л. Н. Толстым, с которым у него очень скоро установились дружеские отношения, сохранившиеся до самой смерти Урусова [312]. Нередко, когда Толстой особенно резко ощущал остроту своего семейного разлада, он уезжал, иногда надолго, к Урусову, жившему после отставки в селе Спасском близ Троицко-Сергиевской лавры.

Урусов развил в Севастополе интенсивную шахматную деятельность. Равных противников, конечно, он себе здесь найти не мог и поэтому давал сеансы одновременной игры. Если верить его словам, он однажды сыграл не глядя на доску одновременно 12 партий [313]. Однако, в мемуарной литературе мы находим известие об одновременной игре его вслепую только с тремя. Приведем описание этого сеанса, любопытного и в бытовом отношении, дошедшее до нас в воспоминаниях Барятинского [314].

„Он взялся играть разом три партии с тем, чтобы не смотреть на шахматную доску, и предлагал сделать это у меня. Я стал осведомляться об игроках в кругу знакомых офицеров и отыскал трех человек, согласившихся сразиться с Урусовым.

„Был назначен вечер. Я пригласил знакомых с Южной и Северной сторон, чтобы присутствовали при состязании, и между прочим пленного французского полковника m-r Pierre, командира батальона зуавов, взятого в плен при отбитой атаке французов на один из наших редутов. Он сам был хорошим игроком. Поставили три стола, за которыми уселись три противника Урусова, а против них к каждому столу по одному лицу; их обязанностью было исполнять указания Урусова, которому они громко должны были передавать каждое движение противников. Я был в числе лиц, заменявших его у одного из столов. Он сам сел у другого конца комнаты, спиною к шахматным столам. Игра началась в седьмом часу вечера Каждый стол имел свой нумер. Урусов начал с первого. Он говорил громко, например: „у стола № I: четвертая пешка с левой стороны два шага вперед“, тогда ему передавали, какой шаг сделал противник. Вслед за тем он переходил к столу № II и, когда ему сообщали о ходе противника, то он переходил к столу № III и потом возвращался опять к столу № I и так далее.

С. С. УРУСОВ

„Все следили с напряженным вниманием за игрой; была мертвая тишина, слышны были только голоса тех,

которые объявляли о ходах той или другой стороны. Надобно заметить, что во все это время присутствовавшие подвергались довольно большой опасности, потому что конгревовы ракеты, пускаемые с английских батарей на Инкерманских высотах, направлялись каждый вечер на пункт, где мы находились, и близлежащую местность, и беспрестанно мы слышали кругом в самом близком расстоянии взрывы этих снарядов. Попади одна ракета в крышу, она пробила бы ее и могла бы пронизать оба этажа дома, а взрывом разрушить совершенно жилые комнаты. Несмотря на сильные сотрясения, с треском и шумом от этих ракет, Урусов продолжал невозмутимо свою тройную игру, похлебывая при сем по глотку из стакана чая. Вдруг, по истечении 2-х или 3-х часов от начала партии, он говорит мне: „Подвиньте коня на такую-то клетку". Я ему отвечаю: „Этого сделать нельзя, потому что тут стоит королева". „Не может быть", — возражает он. Игра остановилась. Я призываю присутствующих и назначенных нами самими судей; все подтверждают мои слова. Тогда Урусов начинает вспоминать каждый шаг свой и противника у этого стола за 20 ходов назад, из чего заключил, что королева на сказанной клетке быть не может. Вышло, что это я ошибся. Надобно было исправить происшедшую ошибку, что он сделал скоро и легко. Состязание кончилось далеко за полночь. Урусов выиграл две партии, один из его противников одну".

Об одном любопытном эпизоде, связанном с шахматной деятельностью Урусова в Севастополе, рассказывает Толстой в письме к „Шведским поборникам мира" (1899 г.): „Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютанта Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную вошел князь С. С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудак и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Он сказал, что имеет дело до генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену затем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз переходившую из рук в руки и стоившую уже несколько сот жизней" [315].

Некоторая самоуверенность и горячность порою мешали Урусову оставаться в рамках объективности, и он, не скрывая, считал себя одним из лучших шахматистов не только русских, но и иностранных. В силу этого им был послан вызов Морфи, но дальнейший ход переговоров остался неизвестным. Урусов также записался на лондонский международный турнир 1862 года, но и в нем по неизвестным причинам не участвовал. Впрочем, следует отметить, что выступления Урусова против русских и иностранных шахматистов были вполне успешны. Он проиграл матч только Петрову, но трижды выиграл у Шумова (+12—9; +7—3=3; +6—2=1) и победил немецкого шахматиста Гиршфельда (+2—1=2). Четыре серьезных партии с Колишем окончились ничейным результатом (+2—2).

Прекрасный знаток дебютов и концов партий, Урусов составил „Руководство к изучению шахматной игры“ [316], в котором особенное внимание уделил разработке шотландского гамбита. Ему же принадлежит теоретическая статья о шотландской партии [317]. Кроме того, Урусов является автором любопытной книжки, написанной, как видно из предисловия, в связи с появлением „Войны и мира“ Толстого. Название этой книжки весьма оригинально: „Обзор кампаний 1812 и 1813 годов, военно-математические задачи и о железных дорогах“ (М. 1868). Суждения Толстого о причинах войны и его взгляд на военные события внушили Урусову мысль искать законы стратегического искусства при помощи математического анализа. „До сих пор, — писал в предисловии Урусов, — этого рода вопросы решались эмпирически, а потому в вычислениях моих заключается первая попытка облечь эту часть стратегии (передвижение войск) в формулу точной науки. Эта статья моя обнаруживает, сколь необычайное сходство и даже, в некоторых случаях, тождество существует между вопросами о передвижении войск и задачами шахматными“.

Л. Н. Толстой довольно скептически относился к математическим изысканиям Урусова. Уже после смерти последнего, когда однажды, в августе 1905 года, зашла речь о знаменитом математике Лобачевском, стали вспоминать о чудачествах разных математиков. При этом „Л. Н. вспомнил старика Сергея Семеновича Урусова, севастопольского героя, который был математик и прекрасный шахматист. Л. Н. сказал о нем: . . .Урусов оты-

скивал способ решать уравнения всех степеней. Он сделался впоследствии положительно маньяком. Из его вычислений ничего не вышло. Когда он, думая, что пришел к положительным результатам, решился сделать доклад в Математическом обществе, то после его доклада воцарилось неловкое молчание, и всем стало совестно“ [318].

Нам неизвестно, однако, насколько этот анекдот, переданный великим русским писателем очевидно с чужих слов, основан на подлинном историческом факте. Считаем необходимым отметить, что одна из работ Урусова — „О решении проблемы коня“ (материал для которой заимствован из известной уже нам работы Яниша) — была напечатана именно в трудах Математического общества [319].

Имя Урусова как шахматиста с 70-х годов уже не встречается в печати. Во всяком случае он не принимал деятельного участия в московской шахматной жизни, уединившись в селе Спасском. Последние годы своей жизни он провел в Ярославле. Умер в 1897 году.

В петербургских шахматных кругах был известен также брат Урусова, Дмитрий Семенович (в шахматной литературе его имя иногда путают с именем брата). Свою высокую квалификацию Д. С. Урусов доказал выигрышем в 1854 году матча у Шумова с результатом +7—4.

К этому же поколению шахматистов принадлежит страстный поклонник шахматной игры Илья Степанович Шумов (1819—1881), ученик Яниша. Он служил чиновником особых поручений в морском министерстве (кораблестроительный департамент). Имя Шумова делается известным в Петербурге с 40-х годов. Принимая деятельное участие в различных соревнованиях, он очень скоро завоевал себе признание и популярность в петербургских шахматных кругах. В 50-х годах, вместе с Янишем, он считался сильнейшим шахматистом Петербурга (в 1854 году он даже выиграл матч у Яниша) и на этом основании числился в списке русских мастеров, приглашенных к участию в международном лондонском турнире 1851 года.

Мы склонны, однако, полагать, что слабый в квалификационном отношении состав противников Шумова приводил к переоценке современниками сил последнего как шахматиста. Не умаляя нисколько остроумия его комбинационной игры, нельзя все же не признать, что незнание теории, к которой он относился весьма бес-

печно (ограничившись просмотром книги Яниша „Analyse“), мешало ему добиться хороших результатов в соревновании с теоретически более сильно подготовленными противниками. Это сказалось не только в его матче с Колишем (1862 г.), проигранном с результатом +2—6, но и в партиях с Урусовым, преимущество которого сказывалось именно в знании теории. Также не особенно успешно было выступление Шумова против приехавшего в Петербург в 1875 году на гастроли Винавера: матч окончился победой последнего со счетом +5—2.

И. С. ШУМОВ

Шумов был одним из пионеров шахматной композиции в России. В 1867 году он издал в Петербурге книгу под заглавием „Собрание скахографических [320] и других шахматных задач, в том числе полный шахматный букварь, маты политические, юмористические и фантастические“. Единственная теоретическая статья Шумова была посвящена шотландскому гамбиту [321]. С 1869 года он вел постоянный шахматный отдел в журнале „Всемирная Иллюстрация“, редактировавшийся после его смерти Чигориным.

К концу 70-х годов Шумов окончательно был вынужден признать превосходство над собой молодого Чигорина и, не будучи в состоянии примириться с этим, совершенно отошел от шахматной игры. Умер он в Севастополе в 1881 году.

Глава двенадцатая

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЧИГОРИН

Род Чигориных тесно связан с Охтенским пороховым заводом. Уже дед М. И. Чигорина, солдат александровских времен, был определен на службу на этот завод. Он сумел дать своему сыну Ивану (родился в 1817 году) довольно сносное образование. Иван Иванович Чигорин был принят в пиротехническую школу при Охтенском пороховом заводе, которую окончил весьма успешно в 1837 году. Как это видно из его формулярного списка, „в службу вступил по окончании курса пиротехнической школы, мастером порохового дела 1-го разряда в Охтенский пороховой завод, с оставлением в той школе репетитором“ [322].

Через 6 лет отца М. И. Чигорина произвели в старшие мастера. Он заведывал производством пороховых, селитренных и серных работ, должен был вести материальные пороховые книги и имел в своем распоряжении все пороховые машины, приборы и материалы. В 1852 году И. И. Чигорин был произведен в „унтерцейхвартеры“. Теперь он ведал провиантским магазином и отпуском казенных дров. Жалованья ему в это время причиталось 224 р. 25 к. в год и 85 р. 76 к. квартирных. В 1853 году на него было возложено заведывание школой Охтенского порохового завода, а в 1854 году Чигорин-отец получил назначение на должность помощника бухгалтера.

С новыми обязанностями И. И. Чигорин также успешно справился, и начальник завода генерал-майор Фадеев 12 апреля 1856 г. рапортовал инспектору пороховых заводов:

„Ныне, приняв во внимание, что основательные познания титулярного советника Чигорина, приобретенные

им в школе и на практике в 10-летнюю бытность его старшим пороховым мастером, способствуют делопроизводству, как по письменной, так и счетной, а в особенности технической частям, в чем я убедился на самом деле... предписано мною титулярному советнику Чигорину... принять все дела по канцелярии и вступить вполне в управление канцеляриею“ [323].

В результате этого рапорта 16 мая того же 1856 года приказом инспектора И. И. Чигорин был назначен с 1 апреля правителем канцелярии Охтенского порохового завода,

К этому времени Чигорин был уже вдовцом с двумя сыновьями: Петром, родившимся 7 июня 1839 г., и Михаилом, будущим гениальным русским шахматистом, родившимся 31 октября 1850 г.

Мать Чигорина, Наталья Егоровна (1822—1856) происходила из приезжих крестьянок, приписавшихся к мещанскому сословию подгородней Малой Охты [324].

И. И. Чигорин умер в должности правителя канцелярии в 1859 г. Малолетнего Мишу, оставшегося круглым сиротой, забрала его тетка (по отцу) Фекла Ивановна, которая принялась хлопотать об определении своего племянника в Гатчинский сиротский институт. В этих хлопотах ей, повидимому, помогла администрация завода; во всяком случае вскоре последовало стандартное постановление „СПБ Опекунского Совета“.

„Оставшегося в круглом сиротстве, сына титулярного советника, Чигорина Михаила, зачислить в кандидатский список по Гатчинскому Николаевскому Сиротскому Институту для преимущественного поступления в сие заведение, по достижении очереди [325].

Эта была трафаретная форма в отношении приема круглых сирот в Институт на казенное содержание. Сразу свободных вакансий не оказалось (кроме Чигорина было еще 14 кандидатов), но прошло три месяца, и, наконец, девятилетний Михаил Чигорин — „назначен к принятию в Гатчинский Н. С. И. по журналу 30 июля 1859 года и документы о нем отосланы в контору института“. Зачислили его в школу малолетних детей.

Гатчинский сиротский институт был закрытым средним учебным заведением, предназначавшимся для воспитания „сыновей обер-офицеров и гражданских чиновников, до IX класса включительно“. В те годы этот

Институт являлся специальным училищем для подготовки низших кадров чиновников в разные министерства. Таким образом, Чигорина готовили к карьере чиновника.

По бездушности и жестокости воспитания, царивших в стенах этого „учебного заведения", с ним могла конкурировать только знаменитая бурса, увековеченная Помяловским в его „Очерках бурсы". Система издевательства, унижения человеческого достоинства, шпионажа, жестоких экзекуций до полной потери сознания — такова далеко не полная картина „воспитания" сиротских детей. Наиболее строптивых по достижении 16-летнего возраста отправляли на военную службу.

Директором Института состоял в то время Доливо-Добровольский. Память об его „управлении" осталась у воспитанников на всю жизнь. Один из питомцев Института пишет в своих воспоминаниях: „Это был строгий до педантизма начальник. Когда он появлялся в Институте, трепет пробегал по всему зданию, начиная со сторожей и кончая учителями. Все прихорашивалось, застегивалось на все пуговицы, вытягивалось в струнку. Он был довольно жесток по отношению к воспитанникам, огромные связи в дворцовом мире давали ему возможность чувствовать себя на недосягаемой вышине... Александр II был крестным отцом одного из детей Доливо-Добровольского [326].

Директор особенно ценил воспитателя Игнациуса, бесчеловечного садиста, который донимал воспитанников на каждом шагу. Система „воспитания" довела, наконец, несчастных институтских питомцев до открытого возмущения. Архивные материалы довольно подробно освещают эти „беспорядки по Гатчинскому институту", которые не на шутку обеспокоили даже царских придворных.

Педагогическим советом была избрана комиссия, которая начала дознание. Материалы комиссии, которые, разумеется, предназначались не для печати, вскрыли чудовищную картину „воспитательных" приемов, культивируемых в стенах Института [327].

Были допрошены ученики. Они категорически отказались отвечать, если их будут допрашивать поодиночке, и добились разрешения выбрать 10 депутатов, в присутствии которых производился допрос каждого ученика в отдельности.

Ход событий развертывался следующим образом. 19 февраля 1868 года ученики не повиновались Игнациусу, игнорируя его запрещение стоять на крыльце. Они предъявили ему ряд претензий, которые Игнациус отказался принять. 20 февраля был арестован воспитанник Власов — за то, что не поцеловал руку у священника, когда подходил к кресту. Волнение среди учеников еще более усилилось. В 11 часов перед завтраком они послали за директором. Переговоры не дали никаких результатов, так как ученики не хотели говорить в присутствии Игнациуса. В 5 часов они явились в контору, чтобы просить об освобождении Власова, а также принести жалобы на Игнациуса. Первоначально директор обещал сделать все возможное, пожимал им руки и обещал, что имена жалующихся останутся втайне. Это была обычная провокационная тактика Доливо-Добровольского. Он, конечно, и не пытался ничего сделать и на другой же день стал угрожать, что неповинующихся отдаст в солдаты. Тогда, 22 февраля, ученики снова пришли к директору, на этот раз на квартиру, требуя улучшения их положения. Они потушили лампу, чтобы не видно было их лиц. Испуганный директор послал за писарем, после чего ученики разбежались. В цитированных нами выше воспоминаниях говорится о том, что якобы ученики избили директора до потери сознания [328].

Причина беспорядков, по официальным данным комиссии педагогического совета, заключалась в следующем:

1) Недоброкачественность и недостаточность пищи. Хлеб кислый, затхлый, с песком, говядина жесткая, суп и каша с песком, масло горькое. При заявлении о недоброкачественности пищи обычно следовала издевательская реплика: „А вы за то платили собственные деньги?“.

2) Система карцеров. Обыкновенный карцер представлял камеру в 2 аршина и несколько вершков в длину, так что рослый ученик не мог вытянуться во весь рост, в ширину — $1^1/_2$ аршина. Тусклое освещение, сквозняки. В камере один табурет, старое пальто, пропитанное мочею, и ночной сосуд. Секретный карцер был еще меньше и совсем без света. Пища состояла из хлеба и воды или жидкого супа с хлебом. Естественно, что всевозможные заболевания (в особенности туберкулез и воспаление легких) были частыми спутниками воспитанников.

3) Жестокость директора. Он бил палкой, драл за уши, грозил, что „вгонит в чахотку“ за то, что волосы плохо причесаны или боком поклонился. По его приказанию давали в качестве наказания слабительное в течение 3-х дней и добавочную порцию „директорских“ розог.

4) Жестокость воспитателей. Злейшим врагом учеников был Игнациус, придирчивый до мелочности. Он обычно говорил, что „его воля есть закон для воспитанников“, что у них „прав никаких нет“. Чувствуя себя, с благословения директора, полным хозяином, он цинично заявлял ученикам: „Воспитанник, физиономия которого мне не нравится, непременно будет удален из заведения“.

В Гатчинском институте в качестве педагогической меры воздействия на детские шалости широко применялись карцер (на срок нередко до трех месяцев) и розги. „Всеобщая порка всегда происходила по субботам. Все, кто совершил за неделю „тяжкие“ преступления, в этот день получали свою мзду. В числе детей были и такие, которых пороли аккуратно каждую неделю. Порка применялась как лекарственное средство, например, к отверженцам института, детям, страдавшим болезнью, которая нередка в детском возрасте“ [329].

Мы сознательно так подробно остановились на системе „воспитания“, царившей в Гатчинском институте, чтобы показать, в какой обстановке проходили годы детства и юности М. И. Чигорина. Едва ли можно поставить ему в вину, что он плохо учился, по несколько лет оставался в одном классе и только в 1867 году дошел до пятого класса. Развращающие приемы „воспитательного“ воздействия не могли пройти бесследно. Его товарищи пили, курили, играли в карты. По показаниям того же воспитателя Игнациуса, Чигорин однажды тоже был пойман за игрою в карты [330].

Вместе с другими воспитанниками старших классов, Чигорин также был вовлечен в водоворот событий, которые, как и следовало ожидать, окончились для них плачевно. Новая комиссия, созданная главноуправляющим IV отделения „собственной е. и. в. канцелярии“, принцем Ольденбургским, довольно просто решила вопрос. Ученики „бунтуют“, — значит, их надо удалить. Недаром одному из воспитанников устами Игнациуса была сказана многозначительная фраза: „Вы—Каракозов, у вас каракозовские убеждения“.

Хотя воспитанники отвечали дружно, что „коноводов у них не было“, что „все они действовали единодушно“, новая комиссия без особых трудов „обнаружила виновников“, в числе которых оказался и Чигорин. „Почетный опекун“ Гатчинского института генерал-лейтенант граф Н. М. Ламсдорф специальным отношением от 29 февраля доносил принцу Ольденбургскому: „Имею честь довести до сведения вашего императорского высочества, что порядок в Гатчинском Николаевском Сиротском Институте восстановлен. — Девять воспитанников, по сделанному мною внушению, явились ко мне с повинною головою, я арестовал их и делаю распоряжение об удалении этих воспитанников из Института“ [331].

На этом кончились школьные годы Чигорина. „Опекунский Совет журналом 1 марта 1868 года разрешил почетному опекуну, управляющему Гатчинским Н. С. Институтом уволить некоторых воспитанников из участвовавших в бывших в Институте беспорядках, с правами, изложенными в § 83 устава того Института с выдачею сим воспитанникам на экипировку по 60 рублей“ [332]. Фактическое увольнение Чигорина несколько задержалось, — повидимому, за него хлопотали, но неудачно, так как в деле о выпуске и увольнении воспитанников из Института от 1868 года имеется выписка: „Михаила Чигорина уволить из Гатчинского Института 2 августа 1868 г.“ [333].

С шахматами Чигорина познакомил воспитатель Института А. А. Шуман [334]. По свидетельству воспитанников, шахматная игра была в Институте очень популярна.

„Ее насадил преподаватель немецкого языка Шульц (Шуман? — *М. К.*). Увидит, бывало, воспитанника в перемену и подзовет к себе:

„ — Ты что делаешь? Иди-ка, иди сюда.

„И, словно по щучьему веленью, появлялась шахматная доска, и ученик и учитель старались обыграть друг друга. У этого Шульца делал свои первые шаги известный шахматист Михаил Чигорин“ [335].

Совершенствование Чигорина шло весьма быстрым темпом, и вскоре он мог уже давать своему учителю ладью вперед. Однако, все эти соревнования носили домашний характер и не могли подготовить Чигорина к серьезной шахматной практике.

И вот 18-летний Чигорин опять в Петербурге, на Пороховых, в доме своей тетушки, Феклы Ивановны.

Начинаются долгие безрезультатные поиски службы. Исключенному из Института, с четырехклассным образованием, устроиться было не так легко. Изыскивать эту возможность ему пришлось целых три года. Из формулярного списка мы узнаем, что Чигорин „согласно про-

М. И. ЧИГОРИН В ЮНОСТИ
Печатается впервые

шению и указу С.-Петербургского губернатора от 29 августа 1871 года за № 5221 определен исправляющим должность столоначальника управления С.-Петербургской уездной и пригородной полиции, считая службу с 1/IX-1871 года“ [336]. Точно трудно установить, до ка-

кого года продолжалась эта его служба. Во всяком случае в апреле 1876 года — время составления его формулярного списка — он еще числился состоящим на службе. В дальнейшие годы Чигорин служил в губернском правлении, где пробыл, повидимому, до 1881 года, и ушел в отставку в скромном чине губернского секретаря [337].

Чигорин основательно забыл уже было о своих институтских шахматных увлечениях, но узнав — совершенно случайно — о кафе „Доминик", снова втянулся в игру и стал частым посетителем этого популярного сборища петербургских шахматистов. Здесь Чигорин встретился с Шифферсом, который к этому времени приобрел заслуженную известность в петербургских шахматных кругах. Первоначально Чигорин получал от Шифферса коня вперед; однако, через несколько месяцев такая „фора" оказалась слишком большой, и Чигорин стал получать только пешку и два хода. Заметно прогрессируя, он начал все больше и больше выделяться из среды петербургских шахматистов, и в декабре—феврале 1874/75 гг. впервые принял участие в турнире. Это был гандикап-турнир; как шахматист второй категории Чигорин получал пешку и ход от Шумова, Шифферса и немногих других шахматистов первой категории. Сыграв весьма успешно, Чигорин встал на третье место, непосредственно за Шумовым и Шифферсом. Шумов, обычно критически и подозрительно относившийся к молодым шахматистам, отметил во „Всемирной Иллюстрации" удачный дебют Чигорина.

В дальнейшем Чигорин стал принимать участие во всех турнирах уже как шахматист первой категории, нередко занимая при этом первое место. Большое значение для шахматной карьеры Чигорина имел приезд в Петербург зимою 1875 года С. А. Винавера, уже приобревшего к тому времени известность в европейских шахматных кругах. В течение двухмесячного пребывания Винавера в Петербурге Чигорину удалось сыграть с ним несколько серьезных партий (в турнире и в индивидуальном порядке), и хотя перевес был на стороне варшавского мастера, однако, игра молодого шахматиста произвела на Винавера весьма выгодное впечатление. Через несколько лет он стал уговаривать Чигорина принять участие в международном турнире и выражал уверенность, что Чигорин может рассчитывать на определенный успех.

Чигорин все чаще и чаще стал подумывать о том, чтобы стать шахматистом-профессионалом. Сразу порвать со службой, обеспечивающей ему скромный 50-рублевый заработок, он не решался, однако, задумал приступить к изданию шахматного журнала.

23 апреля 1876 года Чигорин обратился в Главное управление по делам печати за разрешением на издание журнала „Шахматный Листок". Через $1\frac{1}{2}$ месяца начальник Главного управления по делам печати известил министерство внутренних дел: „В виду специального назначения издания и неимения препятствия к разрешению оного со стороны III отделения собственной е. и. в. канцелярии, я полагал бы возможным удовлетворить вышеизложенное ходатайство просителя"[338]. 18 июня Чигорин получает на руки свидетельство о разрешении. Уже с первых же шагов в этом новом начинании ему пришлось преодолеть большие трудности, главным образом, материального характера. В октябре месяце он вынужден был поставить вопрос об увеличении годовой платы до 6 р. (вместо первоначально объявленных пяти). Однако, и это мероприятие мало помогло. Успех издания зависел всецело от числа подписчиков, а количество последних не превышало трехсот. Несмотря на все трудности, Чигорину все же удалось в сентябре 1876 года выпустить №1 „Шахматного Листка". Продолжая далее издание журнала, он все время выносил его исключительно на своих плечах. И можно только удивляться энергии Чигорина, если при крайне ограниченных материальных средствах и небольшом числе подписчиков, не окупавшем не только труда редактора-издателя, но и расходов по изданию, ему удалось довести „Шахматный Листок" до 1881 года, когда, на пятом году своего существования, журнал все же закрылся[339].

Одновременно с выпуском журнала Чигорин продолжал практически совершенствоваться и приобрел известность уже не только в Петербурге, но и в Москве и провинции. Некогда знаменитый, считавший себя лучшим шахматистом России Шумов заметно избегал встреч с Чигориным, тем самым молчаливо признавая его превосходство над собой. В начале 1878 года состоялся матч между Чигориным и другим наиболее опасным противником — Шифферсом. Матч этот окончился в пользу Чигорина со счетом +7—3.

В 1878 году имя Чигорина как сильного шахматиста

уже стало известно за границей. Очевидно по совету М. С. Бескровного, русского шахматиста, с успехом подвизавшегося в парижских шахматных кругах, Чигорин был приглашен на международный турнир в Париж, но в силу личных обстоятельств был вынужден отказаться.

Таким образом, еще до выступления Чигорина в международном турнире за ним окончательно упрочилась репутация первоклассного русского шахматиста, подтвержденная затем его выступлением в матчах против С. З. Алапина в 1880 году (+7—3) и против московского шахматиста Е. А. Шмидта, у которого Чигорин в 1879 году выиграл шесть партий и только в двух допустил ничью [340].

В декабре 1878 года был организован в Петербурге турнир, выходивший из рамок местного, так как в нем приняли участие не только лучшие петербургские шахматисты, но и два сильнейших московских шахматиста— А. В. Соловцов и Е. А. Шмидт [341]. Чигорин разделил с Алапиным первое-второе места и после выигрыша решительной партии получил первый приз.

Все эти успехи Чигорина и его горячая любовь к шахматам предрешили его дальнейший жизненный путь. Приблизительно в 1881 году, как было указано выше, он уходит в отставку, чтобы всецело отдаться шахматной игре. Чигорин становится шахматистом-профессионалом, — карьера, довольно необычная для России 80-х годов. Он с энтузиазмом берется за организацию шахматного кружка — участвует в гандикапных турнирах, дает сеансы одновременной игры, очень часто даже не глядя на доску. Материально как будто бы дела его поправляются, чему способствовала широко принятая тогда система игры на ставку. Чигорин стал пользоваться большим авторитетом. Ему начинают покровительствовать богатые меценаты и настойчиво предлагают принять участие в международных турнирах, чтобы показать силу „русского шахматного искусства“.

В иностранной шахматной прессе все чаще и чаще стало упоминаться имя Чигорина, и о нем писали как о несомненно крупном шахматном таланте. Участие его в международных турнирах признавалось весьма желательным.

Чигорин вспомнил высказанное несколько лет тому назад мнение Винавера. Именно по его совету он принял

участие в турнире, устроенном II конгрессом Германского шахматного союза в Берлине (1881 год), и разделил с Винавером третий-четвертый призы, позади Блекберна и Цукерторта, но впереди Мэзена, Виттека, Минквица, Шварца, Л. Паульсена и др.

Годом первого выступления Чигорина в международном турнире начинается новый период в истории шахматного движения в России — период, так сказать, „международных связей". В самом деле, до Чигорина из числа русских шахматистов в международных турнирах участвовали только Кизерицкий, Винавер, Розенталь. Но какое значение для развития русского шахматного искусства имели их выступления? Балтийский мастер Кизерицкий в 1840 году переехал на постоянное жительство из Дерпта в Париж. Винавер участвовал в парижском турнире в 1867 году как представитель Варшавы, а с 1875 года на долгое время поселился в Берлине. Точно также Розенталь, бежавший после польского восстания 1861—63 гг. в Париж, выступал в международных турнирах как „Розенталь из Парижа". Связь этих трех шахматистов с русским шахматным движением была крайне незначительной [342]. Поэтому, именно 1881 год—год первого выступления Чигорина за границей — следует считать исходной датой, начиная с которой русское шахматное движение действительно включается в орбиту международной шахматной жизни.

Второе выступление Чигорина в международном турнире, — в Вене в 1882 г., — не принесло ему успеха: хотя по составу венский турнир был не намного сильнее берлинского, Чигорин занял только 13-е место. Малый опыт в турнирной борьбе сказался особенно сильно на длинной дистанции (18 участников по 2 партии).

В 1883 году Чигорин принял участие в международном турнире в Лондоне, который выделялся сильным составом участников. Он добился в этом турнире 4-го приза, позади Цукерторта, Стейница и Блекберна, но впереди Энглиша, Мэкензи, Мэзона, Розенталя, Винавера и др. Игра Чигорина произвела очень благоприятное впечатление. Недаром редактор турнирного сборника Минчин отмечал: „Чигорин может рассчитывать на великую шахматную будущность. У него нет еще опытности Цукерторта и Стейница, но в нем живет энергия, без которой немыслим хороший игрок" [343]. Таким образом, за два года международных выступле-

ний Чигорин уже заставил говорить о себе. В первую очередь всеобщие симпатии привлекало качество его партий, отличавшихся агрессивной игрой, стремлением к выигрышу во что бы то ни стало и уклонением от ничейных позиций (что часто являлось помехой его спортивным успехам).

Статистические данные прекрасно иллюстрируют этот характер игры Чигорина. В берлинском турнире он только одну партию свел в ничью (из 16), в Вене из 34 партий окончились в ничью только две, а в лондонском турнире из 33 сыгранных им партий в ничью окончилось семь, причем после предусмотренного правилами, принятыми в этом турнире, переигрывания все переигранные Чигориным партии окончились результативно. И в дальнейших турнирах число ничьих у Чигорина было самое минимальное. В этом отношении очень характерно замечание редактора уже цитированного нами сборника лондонского турнира: „В продолжении всего турнира Чигорин стремился к выигрышу, пренебрегая ничьими, и, к счастью, достиг заслуженной победы“ [344].

Успехи Чигорина в международных турнирах (кроме того, в 1883 году в Париже Чигорин выиграл матч у знаменитого современника Морфи Арну-де-Ривьера; +5 —4 =1) выдвинули его как крупнейшую величину в шахматном мире.

Чигорин вернулся в Россию как „национальный герой“. Авторитет его неизменно рос, в особенности, когда он обеспечил блестящую победу в матче по телеграфу Лондон — Петербург (1886—1887 гг.).

Матч этот проектировался Петербургским обществом любителей шахматной игры во главе с Чигориным еще с осени 1884 года, но долгое время находился в стадии частных переговоров. В ноябре 1885 года Общество официально обратилось к почетному секретарю Британского шахматного союза Л. Гофферу с предложением организовать матч с каким-нибудь лондонским шахматным клубом. Матч начался в ноябре 1886 года на ставку в 40 фунтов стерлингов (Петербург предлагал вдвое более высокую ставку — в 2000 франков) и закончился в конце 1887 года. Он состоял из двух партий, разыгрывавшихся одновременно. В комитет, избранный для ведения матча, входили: Чигорин, Шифферс, Полнер, Бескровный и П. А. Сабуров. Однако, комитет существовал только номинально. Анализировал ходы и посылал их по теле-

графу единолично Чигорин. Интерес к матчу был огромный. Обе партии были доведены Чигориным до выигрышного положения, после чего Лондон прекратил ответы. Тогда Чигорин обратился к судье матча И. Колишу с уведомлением о несоблюдении Лондоном условий матча. После обращения Колиша в лондонский комитет последовало извещение, что Лондон сдает одну партию, а во второй предлагает ничью. Предложение было принято, но затем Чигорин выступил в прессе с подробным анализом, доказывающим, что черные (Лондон) должны были проиграть [345].

Организационное обслуживание этого матча было обеспечено Чигориным безукоризненно. В печати того времени мы встречаем такое описание:

„В помещении Общества вывешены в рамке, под стеклом, подробные условия матча, а рядом две шахматные доски со вставленными в них фигурами (как в дорожных шахматах) для обозначения положения партий. На особых листах, помещающихся тут же, записаны получаемые и отправляемые ходы, с обозначением времени отсылки и получения. Комитет, состоящий из пяти лиц, для обсуждения ответов собирался обыкновенно на другой день получения хода и, в случае сложности положения партий, решал их во второе заседание, но не позже 4-го дня со дня получения из Лондона“ [346].

Общество любителей шахматной игры, во главе которого стоял Чигорин, переживало в это время лучшую пору своей деятельности. С июля 1885 года возобновилось издание журнала: стал выходить под редакцией Чигорина „Шахматный Вестник“, который просуществовал по январь 1887 года. С большим уменьем Чигорин вел также большой шахматный отдел во „Всемирной Иллюстрации“, который перешел к нему после смерти Шумова. Он даже готовился издать свой собственный учебник, о чем уже анонсировалось в печати [347].

Известность Чигорина еще больше возросла после исторического матча Чигорин — Стейниц. О Стейнице некто Теодор Тильтон в очерке, посвященном Café de la Régence, писал, как бы предчувствуя его встречу с Чигориным: „Как долго, однако, надеется он держать скипетр в своих руках? Не более нескольких лет, так как он уже пережил свои молодые годы. Рано или поздно его имя появится в списке сошедших со сцены жизни, и, в виду этой возможности, в кафе уверяют, что

тогда первенство перейдет к Чигорину в Петербурге, который, как и вся русская нация, неудержимо стремится к первенству“ [348]. Следует отметить, что Café de la Régence в этот период выражало общественное мнение наиболее авторитетных шахматных кругов.

С 1889 года наступает новый период в шахматной карьере Чигорина, когда талант его находит признание не только в оценке выдающихся европейских шахматистов, но и в заявлении самого чемпиона мира Стейница, что Чигорин — единственный из всех шахматистов, кто мог бы оспаривать у него мировое первенство. И этот выбор Стейница, получившего приглашение гаваннского шахматного клуба избрать себе достойного противника, не был случайным. С одной стороны, Стейниц в ряде матчей уже доказал свое превосходство над всеми выдающимися шахматистами, и Чигорин оставался единственным, с кем Стейниц еще не играл; с другой стороны, Стейниц, как он сам говорил, хотел на практике проверить „новую систему“, которую он создал и упорно защищал в течение более 20 лет. В дальнейшем мы приведем надлежащие высказывания, иллюстрирующие шахматные воззрения той и другой стороны, здесь же только отметим, что Чигорин, самый блестящий представитель „старой“ школы, мастер „непосредственной атаки“, мог быть единственным в этот период достойным противником Стейница. Шахматная пресса именно с этой точки зрения расценивала как первый матч Стейница с Чигориным, так и все позднейшие матчевые состязания между ними.

Петербургские шахматные круги, естественно взволновавшиеся столь лестным выбором Стейница, разослали циркулярное письмо с просьбой способствовать осуществлению матча, так как речь шла о защите „национальной гордости“. Следует отметить, что качество партий предстоящего матча их интересовало, пожалуй, меньше всего. Приведем отрывок из этого письма, датированного 10 сентября 1888 года и подписанного членом правления Общества любителей шахматной игры Арнольдом:

„Пользуясь тем, что в начале будущего 1889 года предполагается устроить в Нью-Иорке большой международный шахматный турнир, Гаваннский шахматный клуб предложил г-ну Стейницу избрать одного из сильнейших игроков, которые приедут в Нью-Иорк для участия в турнире, пригласить его в Гавану и сыграть с ним

серию партий (от 15 до 20); при чем клуб обеспечивает избранному лицу как проезд его из Нью-Иорка в Гаванну и обратно, так и полное содержание во все время матча. Выбор пал на М. И. Чигорина. Г-н Стейниц, уведомляя об этом, присовокупляет свое условие, чтобы предполагаемое состязание происходило до начала Нью-Иоркского турнира, т. е. не позже декабря нынешнего года, и чтобы сумма пари для матча была от 500 до 2000 долларов, т. е., следовательно, по нынешнему курсу не менее 1100 рублей.

„Г-н Чигорин не предполагал ехать в Америку на турнир; но предложение г-на Стейница так заманчиво и представляет столь много интереса, не только для самого нашего корифея, но и для всех нас—русских шахматистов, что, разумеется, о принятии этого вызова, как о вопросе нашей национальной гордости, стоит подумать и постараться, чтобы столь желаемое всеми состязание непременно состоялось.

„Так как ни сам Михаил Иванович, ни С.-Петербургское Общество любителей шахматной игры не имеют достаточно средств, необходимых как для покрытия расходов, сопряженных с поездкою в Америку, так и для требуемого пари, то ваш покорный слуга, уполномоченный Обществом организовать осуществление матча, обращается ко всем русским шахматистам, которые, как известно, относятся не индифферентно к национальной гордости, помочь в этом деле, во 1-х, личным участием в подписке на пари и, во 2-х, приглашением к участию других любителей“.

Деньги были собраны, и Чигорин на пароходе „Thingvalla“ отправился из Копенгагена в Нью-Иорк, куда прибыл 29 декабря 1888 года. В пути ему дважды пришлось выдержать сильные бури, и он приехал и начал матч больным. После проигрыша им 4-й и 5-й партий матчевый комитет, видя его болезненное состояние, предложил прервать матч на несколько дней, но Чигорин не согласился.

Матч, начатый в Гаванне 20 января 1889 года до 10 выигранных партий, окончился 24 февраля победой Стейница.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Итог
Стейниц:	0	1	0	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0	1	1	1	$^1/_2$	$10^1/_2$
Чигорин:	1	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	$^1/_2$	$6^1/_2$

Из 17 партий Чигорин выиграл шесть, проиграл десять и одну свел в ничью. Судя по результатам первой половины матча (+4—4), Чигорин мог надеяться на более благоприятный исход, но выигрыш даже и шести партий у Стейница еще не удавался никому, кроме Андерсена (1866 г.). Нельзя также не отметить полное преимущество Чигорина в открытых партиях: гамбитом Эванса он выиграл четыре партии, проиграл три и одну свел в ничью; единственная игранная в матче испанская партия также кончилась блестящей победой Чигорина.

Шахматная пресса и общественность с большим вниманием следили за ходом матча. Мы не ошибемся, если скажем, что Чигорин стилем своей игры вызывал больше симпатий. В немецкой печати о нем писали, что он „стилем своей игры, своими живыми, блестящими и опасными комбинациями из всех современных шахматистов имеет наибольшее сходство с великим Морфи, и нередко, просматривая какую-нибудь партию русского мастера, выносишь впечатление, как будто этот последний прямо взял себе за образец гениального американца“ [349].

В прессе указывалось также на неблагоприятные климатические условия, в которые был поставлен Чигорин. В „Magdeburger Zeitung“, указывалось: „Итак, Стейниц выиграл, но надо было бы для уравнения шансов, чтобы Стейниц, столь же мало привыкший к холодному петербургскому климату, как Чигорин—к жаркому тропическому, в ближайшую же зиму приехал в Петербург и там, не отдыхая нисколько после путешествия, немедленно же дал Чигорину реванш“ [350].

Объективно оценивая ход матча, необходимо, однако, прийти к заключению, что Стейниц играл в целом сильнее Чигорина, и отдельные привходящие моменты не смогли бы изменить конечный результат.

Все же, принимая во внимание неблагоприятные условия матча, гаваннский клуб предложил немедленно организовать второй матч. Дело, однако, ограничилось тремя консультационными партиями (Стейниц и Гавилан против Чигорина и Понсе), которые закончились с результатом: +1—1=1.

По окончании матча Чигорин уехал в Нью-Иорк, где принял участие в международном турнире. Нью-Иоркский турнир, в котором участвовали Блекберн, Гунсберг,

Вейсс, Мэзон и другие первоклассные шахматисты, являлся серьезным испытанием для русского чемпиона; тем не менее, несмотря на такой состав и на естественное утомление, вызванное матчем со Стейницем, Чигорин после почти двухмесячной упорной борьбы разделил с венским шахматистом Вейссом первый—второй призы. Матч из четырех партий между первыми призерами окончился в ничью. Накануне четвертой партии Чигорин отправил из Нью-Иорка в Петербург своему близкому знакомому П. И. Хомутову письмо, весьма характерное для настроения русского чемпиона. Датировано оно 12/24 мая 1889 года.

„Дорогой Петр Иванович! Вот и турнир окончился и не совсем удачно. Многого, скажешь, захотел; довольствуйся дележом с Вейссом 1-го и 2-го приза. Я и сам ничего более не желаю, ибо стремлюсь (и Вейсс стремится) поскорее сделать последнюю (4-ю) ничью и отправиться во-свояси. Еду в среду, 17/29 мая, на Бремен.

„В турнире я достаточно пижонил, один раз даже „сфокусничал“ и... проиграл с выигрышного положения. Ничья с Мэзеном (которую я не хотел оканчивать по причинам Вам уже известным) доставила бы мне первый приз. Ничью с Гунсбергом (последняя партия) тоже я проиграл. Из-за чего? Из-за различных историй и сплетень. Вот народец-то собрался. Чисто—странствующие „музыканты“ (понимаете какие?)—шахматисты. Как это мне еще удалось встать наравне с Вейссом. Придется еще порассказать Вам кое-что впоследствии. Теперь нет и времени.

„Первые две партии матча за 1-й и 2-й призы играл как следует, на выигрыш. Сделал ничьи (случайные),—3-ю—прямо на ничью и я и Вейсс. Почему, спросите Вы? Условия этого матча донельзя глупы. Скажу кратко. Победитель—выигравший 2 партии; первые 4 ничьи не считаются: но, далее гласит правило, если один игрок имеет 1 выигранную партию, то он может требовать окончания матча, если было 4 ничьих. То они, т. е. ничьи, не считаются, то в счет идут. Теперь вот и извольте рисковать дебютом (гамбитом). Проиграл и матч, и первый приз, и славу потерял. Какой же игрок, спрашивается, будет рисковать. Скажу еще: мы донельзя устали. Никакой охоты и ярости к игре. Д[енег] 250 р. ($^1/_2$ разницы 1-го и 2-го приза) на полу не подымешь.

Стейниц раньше настаивал, чтобы необходимо было выиграть две партии. Мудреца не послушались. Много глупостей понаделано было в этом турнире“ [351].

Проигрыш Чигориным матча Стейницу не только не развенчал русского мастера, но, наоборот, его агрессивная и смелая игра обратила на себя общее внимание. В конце 1889 года Гаваннский шахматный клуб обратился к Чигорину с предложением сыграть в Гаванне матч с Гунсбергом, который, благодаря своим успехам в международных турнирах, выдвинулся в то время в число первоклассных шахматистов. Весьма вероятно, что Гаваннский клуб, устраивая именно этот матч, имел в виду появившиеся в английской шахматной прессе указания, что Гунсберг является более достойным противником Стейницу, чем Чигорин.

Матч этот вызвал не меньший интерес, чем матч Стейниц—Чигорин. По условию, победителем признавался тот, кто первый выиграет 10 партий. Матч начался 1 января 1890 года и закончился 20 февраля, после того как оба противника выиграли по 9 партий и 5 партий окончили в ничью. Гаваннский шахматный клуб предложил считать матч окончившимся в ничью, что и было принято Гунсбергом и Чигориным.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Итог
Гунсберг	0	0	1	½	1	0	½	1	1	1	0	1	0	1	½	0	½	0	½	0	1	0	1	11½
Чигорин	1	1	0	½	0	1	½	0	0	0	1	0	1	0	½	1	½	1	½	1	0	1	0	11½

Большинство европейских и американских шахматных журналов предсказывало победу Чигорину, и ничейный результат матча объясняло неосторожной и рискованной игрой Чигорина. „По нашему мнению,—читаем мы в немецком журнале,—Гунсберг достиг столь благоприятного результата из-за более счастливого, чем у его противника, темперамента и большей выдержки, в то время как Чигорин владеет большей шахматной силой. Если бы русский мастер во многих партиях не играл на выигрыш там, где всякий другой удовлетворился бы ничьей, то исход матча был бы иной“ [352].

Сам Чигорин объяснял ничейный исход матча изнуряющей тропической жарой в Гаванне. „Играй я в Париже, Лондоне, Берлине, Петербурге, где холоднее,

только не в этом пекле, я непременно выиграл бы матч“ [353]. Действительно, в совершенно выигранном положении он проиграл 9-ю партию, а также зря потерял по пол-очка в 5-й, 10-й, 14-й и 23-й партиях, которые легко мог бы свести в ничью.

Даже шовинистически настроенная английская пресса вынуждена была в конце концов более объективно оценить силу обоих противников. „Насколько можно судить по партиям, лежащим перед нами,—писал английский шахматист Гоффер в редактируемом им шахматном отделе журнала „The Field“,—надо смотреть на Чигорина, как на игрока более сильного в открытых партиях, на Гунсберга же — как на более сильного в закрытых партиях. Обе стороны вложили в состязание свои лучшие силы, результатом чего получилось несколько прекрасных и поучительных партий“ [354].

Большой триумф Чигорину принес состоявшийся вскоре его матч со Стейницем по телеграфу. В феврале 1890 года, во время своего кратковременного пребывания в Нью-Иорке, русский чемпион предложил Стейницу сыграть матч по телеграфу из двух партий, причем одна партия должна была начинаться гамбитом Эванса, а другая — дебютом двух коней.

Это предложение Чигорин мотивировал неудовлетворительностью ходов в гамбите Эванса и в дебюте двух коней, с настойчивостью предлагавшихся Стейницем в выпущенной им первой части его учебника „Modern Chess Instructor“ (1889 г.), а также в журнале „The International Chess Magazine“ [355]. Предложение было принято, и 11 октября 1890 года матч начался [356]. Игрался он на ставку в 750 долларов. Обе партии матча, который продолжался по 16 апреля 1891 года, были в блестящем стиле выиграны Чигориным (партия, начатая дебютом двух коней, была сдана Стейницем еще 1 апреля).

Насколько уверен был Стейниц в своей победе, можно судить по следующей его заметке, появившейся до начала матча в журнале „The International Chess Magazine“ (июнь 1890 г.): „Нужно иметь в виду, что в обеих партиях у меня лишняя пешка, и, стало-быть, теоретически я должен выиграть обе. Конечно, Чигорин имеет на этот счет свое собственное мнение и, нужно полагать, рассчитывает на какую-либо скрытую атаку на королевском фланге; такая атака, согласно принципам игры, которым я следовал в теории и на

практике в течение 20 лет, однако, ни к чему не приводит; во всяком случае, я глубоко убежден, что должен по крайней мере выиграть одну партию и свести другую в ничью, т. е. выиграть матч; почему, в полной уверенности, что не разочарую своих сторонников, я приглашаю за меня подписаться". Эта заметка уверенного в своей победе чемпиона мира вызвала со стороны Чигорина краткую, но выразительную реплику: „Так думает Стейниц" [357].

Уже в течение матча Стейниц писал:

„Мой противник ведет атаку так же, как и в большинстве игранных со мною матчевых партий, т. е. как представитель старой школы. Он уверен в пользе надвигания пешек и даже пожертвования одной или нескольких из них с целью поставить противника в затруднение на королевском фланге или запереть его фигуры. Я же утверждаю, что король есть сильная фигура, которая, в большинстве случаев, может сама себя защищать, и что Чигорину, при его способе атаки, придется ввести в дело сильные фигуры, запирая ими слабейшие. Я полагаю также, что мои менее сильные фигуры будут вполне развиты, между тем как его далеко продвинутые пешки, не имея возможности отступить, послужат объектом моей будущей контр-атаки. Теперь я имею лишнюю пешку; я ее, вероятно, потеряю, как это было и в прежних партиях, но зато мое положение улучшится. Другими словами, если пожертвование дает лучшее положение, то у меня для этой цели есть в запасе лишняя пешка".

Эти высказывания Стейница были воспроизведены Чигориным в русской печати, причем в дополнение к ним Чигорин опубликовал следующее сообщение: „Не считая себя принадлежащим к какой бы то ни было „школе", я в данных случаях руководился не отвлеченными теоретическими соображениями о сравнительной силе фигур и т. п., а единственно теми данными, какие мне представлялись в том или ином положении партии, которое служило предметом подробного и возможно точного анализа. Каждый мой ход являлся посильным выводом из ряда вариантов, при анализе которых теоретические „принципы игры" могли иметь лишь весьма ограниченное значение" [358].

По окончании матча Стейниц подчеркнул всеобщий интерес к этому необычайному состязанию и с исключи-

тельным благородством отдал должное убедительной победе Чигорина. „В летописях шахматной игры,—писал он, — ни одно состязание никогда не возбуждало такого всемирного интереса, как только что оконченный между мной и Чигориным матч". Стейниц указывал, что „игра Чигорина от начала до конца была восхитительной" [359].

После блестящей победы Чигорина над Стейницем в матче по телеграфу в шахматной прессе был поднят вопрос о новом матче между ними на мировое первенство. Организацию этого матча готово было взять на себя Петербургское шахматное общество, от имени которого 19 апреля 1891 года Стейницу была послана телеграмма с предложением играть матч в Петербурге с оплатой всех расходов и со ставкой по назначению Стейница. Но тот же матч проектировал устроить также Гаваннский шахматный клуб, и 20 апреля Чигориным из Нью-Иорка была получена встречная телеграмма следующего содержания: „Гаваннский шахматный клуб желает устроить ваш матч со Стейницем в декабре, до 10 выигранных партий, на 2000 долларов. Принимаете ли предложение?". Чигорин дал принципиальное согласие, отсрочив окончательный ответ на 10 дней для выяснения возможности играть в Петербурге. Стейницу было предложено самому выбрать место встречи, на что 8 мая последовал ответ, что он выбирает Гаванну.

31 октября Чигорин уехал в Париж, а 9 ноября отправился из Парижа через Гавр в Нью-Иорк, куда прибыл 16 ноября.

Шансы Чигорина расценивались очень высоко. Казалось, Стейниц, с достоинством отстаивавший до сих пор звание чемпиона мира, в силу своего возраста едва ли сможет выдержать столь длительное состязание со своим более молодым противником. Недаром английский журнал писал по поводу матча: „Если Стейницу суждено пасть от руки Чигорина, то он не может пасть от руки более достойного противника" [360].

Как и было условлено, матч играли в Гаванне. Победителем признавался тот, кто первый выиграет 10 партий; если у обоих противников будет по 9 выигранных партий, то играется новый решительный матч до трех выигранных партий, причем ничьи не считаются.

В первой половине матча преимущество было на стороне Чигорина (+5—3=4). Причем характерно, что эти 12 сыгранных партий распределялись по дебютам сле-

дующим образом: гамбит Эванса — 5 партий, дебют двух коней — 4 партии и испанская — 3 партии. А результаты этих дебютов были соответственно таковы: в гамбите Эванса Чигорин набрал $2^1/_2$ очка из 5 возможных, в дебюте двух коней — $3^1/_2$ из 4-х, а в испанской — всего 1 очко из трех (две ничьи). Стейниц прекрасно учел этот неблагоприятный для него результат, грозивший ему потерей мирового первенства. Поэтому в дальнейшем он отказался от дебютного экспериментирования и уже не давал Чигорину возможности играть дебютом двух коней, а, играя белыми, либо начинал партии ходом 1. e4, сводя их к испанской, либо выбирал дебют Цукерторта, который в двух партиях перешел в ферзевый гамбит и в одной—в голландскую. Это изменение тактики в выборе дебютов возымело свое действие, и из последовавших 10 партий Чигорин выиграл только три и лишь одну свел в ничью. Таким образом, как и в первом матче, в открытых партиях обнаружилось несомненное преимущество Чигорина; слабая сторона его игры заключалась в закрытых дебютах.

Совершенно особняком стоит последняя партия матча, игранная гамбитом коня, излюбленным дебютом Чигорина. Выигрышем этой партии Чигорин уравнял бы результат (+9 —9), после чего по условию предстоял матч до трех выигранных партий. Партия была доведена Чигориным до выигрышного положения, как вдруг он просмотрел мат в два хода.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Стейниц . .	0	1/2	1/2	1	1/2	1	0	0	1/2	0	1
Чигорин . .	1	1/2	1/2	0	1/2	0	1	1	1/2	1	0

	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Итог
Стейниц . . .	0	1	1	0	1	0	1	0	1	1/2	1	1	12 1/2
Чигорин . . .	1	0	0	1	0	1	0	1	0	1/2	0	0	10 1/2

Такой неожиданный и трагический конец матча нашел горячий отклик в шахматных кругах и в прессе. Американский шахматист А. Васкес очень живо передает настроение тысячной толпы, присутствовавшей при этой исторической партии: „Едва ли мы когда-нибудь сможем забыть этот волнующий момент. Более 1000 человек присутствовали при 23-й партии, все обсуждали блестя-

щую стратегию Чигорина; с минуты на минуту ожидали мы сдачи Стейница, предполагая, что белые, вместо сделанного ими непонятного хода, сыграют 32. Л:b7 или Лd7. Вдруг все приходит в движение: публика вскакивает с мест; русский мастер хватается за голову: без всякой надобности он необдуманно увел своего слона, который защищал его от мата.—Какая досада!—повторяли сотни голосов.—Какой печальный конец великолепного матча на мировое первенство!—Чигорин может справедливо гордиться, — заканчивает автор заметки, — никогда еще Стейниц не был так близок к поражению, как в этот раз" [361].

Во всей истории борьбы за первенство мира не было матча с таким нелепым концом. Только счастливая случайность, по собственному утверждению Стейница, дала ему возможность восторжествовать и на этот раз. Стейниц писал: „Друзья, „пиррова победа", как выразился Тарраш о результате моего матча с Гунсбергом. В продолжение всего матча это был непрерывный бег взапуски, и победа колебалась почти до самого конца... Как бы то ни было, остается фактом, что я не могу бороться с русским мастером так же успешно, как боролся с другими великими мастерами, включая и Цукерторта" [362].

Почти вся шахматная пресса, отдавая должное победе Стейница, с сожалением отмечала поражение Чигорина, которого уже ожидали видеть чемпионом мира. Его изобретательная смелая игра находила ему много поклонников. „Чигорин побежден, — писали во французском журнале, — но, несмотря на это, он еще более возвысился в глазах истинных знатоков: его смелый стиль, постоянная атака привлекают к нему симпатии всех. Его глубокие комбинации понятны только после подробного анализа положения, неожиданные и красивые натиски придают столько прелести его партиям, что они с наслаждением всегда читаются и переигрываются. Партии этого матча несут на себе печать глубокой силы со стороны Чигорина, и нужна была такая гранитная стена, как Стейниц, чтобы ему потерпеть поражение. Слабая сторона игры Чигорина заключается в закрытых дебютах, которые мало согласуются со смелостью его стиля, так что его дальновидный противник сумел воспользоваться этим в конце матча, чтобы отнять у Чигорина победу" [363].

Матч весьма подробно освещался в шахматной прессе, причем, как и предыдущие состязания между Стейницем и Чигориным, он рассматривался под углом зрения борьбы „новой“ и „старой“ школы. Еще о своем первом матче с Чигориным Стейниц писал как о борьбе между „старым мастером молодой школы и молодым мастером старой школы“. Как мы уже имели возможность убедиться выше (см. стр. 187), в матче по телеграфу Стейниц опять рассматривал Чигорина как представителя „старой“ школы, на что русский чемпион совершенно определенно указал, что не считает себя принадлежащим к какой бы то ни было „школе“.

Однако в шахматной прессе слишком заострялся вопрос о борьбе между „новой“ и „старой“ школами.

Вот что писал немецкий журнал в весьма обстоятельной статье, посвященной итогам матча: „Не часто случается в шахматных сражениях, чтобы состязались между собою лица, столь различные по темпераменту, характеру игры и школе, как эти двое. Темперамент англо-американца флегматичен и в своем холодном спокойствии кажется нечувствительным ко всякого рода аффектам, между тем как у русского живая и горячая натура, что мы можем констатировать на основании нашего ближайшего с ним знакомства. Отсюда и характер игры является у Стейница осторожным, рассчитанным более на защиту, чем на нападение. Чигорин же, напротив, знаменит своею блестящею, направляемой с большой силою и искусством, открытою игрою... Матч Стейниц — Чигорин может быть назван поэтому борьбою между старой и новой школами“ [364].

На самом деле принципиальные противоречия были не так велики, как они казались на первый взгляд. Чигорин выступал главным образом против догматизма „новой“ школы, а не против основных ее принципов. Прекрасной иллюстрацией для шахматного мировоззрения Чигорина является его взгляд на приемы комментирования партий: „Так называемая „новая школа“ шахматной игры — писал он, — с ее стремлением выработать общие принципы игры на основании отвлеченных рассуждений о сравнительной силе фигур и пр., вызвала и новые приемы комментирования партий. В прежнее время комментаторы (напр., Андерсен, Нейман, Цукерторт и др.) при обсуждении того или иного положения партии приводили варианты, доказывающие преимущество данного хода

перед другим, и вообще стремились разъяснить игру практически; в наше время являются комментаторы, для которых на первом плане стоит не анализ данного положения, а отвлеченные рассуждения о сравнительном достоинстве ходов, часто совсем независимо от положения партии. Такое направление усвоено новым редактором „Deutsche Schachzeitung“, г. Таррашем, который посвящает иногда одному какому-либо ходу целый столбец своих рассуждений“[365].

А тот факт, что основные взгляды Стейница и Чигорина на развитие шахматной партии были не диаметрально противоположны, подтверждается следующим письмом русского мастера к чемпиону мира еще в 1891 г.: „Истинные поклонники шахмат должны быть благодарны вам за тот интерес, который вы постоянно возбуждаете вашими нововведениями и за ваше отвращение к шаблонной игре. Как вам известно, я не вполне разделяю вашу теорию и ваши принципы, что, однако, не мешает мне ценить их. Но вы несправедливы ко мне, когда приписываете мне односторонний взгляд на трактовку королевского фланга. В конце концов, вероятно, мы оба правы в наших взглядах на ведение игры. В некоторых из своих лучших партий вы тоже не отказывали себе в атаке королевского фланга“[366].

Ответ Стейница также весьма показателен: „По поводу последней части письма я должен заметить, что многие критики, постоянно причисляющие Чигорина к старой школе, в большей степени ответственны за то, что его упрекают в односторонности, чем я“.

Выступая первоначально в печати против Чигорина, как идеолога „старой“ школы, Стейниц, однако, констатировал, что „тактика русского мастера показывает поворот его к новым идеям или по крайней мере, что современные принципы оказали влияние на его стиль“.

Приведем еще оценку шахматного творчества Чигорина, появившуюся на страницах английского журнала „British Chess Magazine“: „Чигорин по существу блестящий шахматист, смелый и отважный, однако этим качествам он редко дозволяет превращаться в опрометчивость. Он обладает глубоким знанием игры и, принимая многие принципы так называемой „новой школы“, пророком которой является Стейниц, не допускает, чтобы эти принципы играли относительно его гения роль

ков. Он не педантичен, его концепции высоки, идей великолепны, стиль правильный« [367].

По окончании матча Чигорин пригласил Стейница приехать в Петербург, однако чемпион мира предложил сыграть две партии по телеграфу (опять гамбитом Эванса и дебютом двух коней). В Петербурге уже началась подписка для организации этого интересного соревнования, но матч так и остался неосуществленным.

Весной 1893 года Чигорин сыграл небольшой матч в Москве с Соловцовым, считавшимся лучшим московским шахматистом, но не имевшим международной турнирной практики. Как и следовало ожидать, эта встреча кончилась полным поражением Соловцова, который из четырех партий не мог ни одной даже свести в ничью; по условию, матч игрался из пяти партий, но от пятой партии Соловцов отказался, тем самым признав полное превосходство противника [368].

В этом же году Чигорин сыграл в ничью нашумевший в свое время матч с выдающимся немецким мастером Таррашем. Инициатива этого матча принадлежала Берлинскому шахматному обществу (первоначально матч предполагал устроить Гаваннский шахматный клуб, но Тарраш по своим профессиональным обязанностям не мог играть в установленное Гаваннским клубом время). Переговоры были поручены Таррашу, который предложил играть в июне в Берлине. Чигорин на запрос Тарраша ответил согласием, но от имени Петербургского шахматного общества настаивал на встрече в Петербурге, в любое время с октября по март.

Осенью 1893 года матч состоялся в Петербурге. Начался он 23 сентября и после упорной борьбы закончился 2 ноября с результатом +9—9=4.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тарраш . .	1	0	0	1	1	1	0	0	1	1/2	1	1/2	1/2
Чигорин .	0	1	1	0	0	0	1	1	0	1/2	0	1/2	1/2

	14	15	16	17	18	19	20	21	22	Итого:
Тарраш . .	1	0	1/2	1	0	0	0	1	0	11
Чигорин . .	0	1	1/2	0	1	1	1	0	1	11

От решительных пяти партий, предложенных Московским шахматным кружком, Тарраш отказался.

Заграничная печать высказывала удивление по поводу подобного результата, так как была заранее почти уверена, что победителем выйдет Тарраш. Например, еще задолго до матча Стейниц решительно заявил, что победителем будет Тарраш, а немецкий шахматист К. Барделебен писал: „Результат матча, одинаково благоприятный для обеих сторон, удивил многих шахматистов, так как все предполагали, что Тарраш, победитель в Бреславле, Манчестере и Дрездене, останется победителем и в этом матче. Сопоставляя результаты игры обоих противников, иначе и думать нельзя было. Чигорин только раз взял первый приз на международном турнире, разделив 1-е и 2-е места с Вейссом в Нью-Йорке в 1889 году, в то время как Тарраш три раза взял 1-й приз на больших турнирах". Барделебен объяснял такой неожиданный исход тем, что Тарраш — турнирный боец, а не матчевый. Одно дело — турнирная борьба с возбуждающей сменой противников; другое — скучная матчевая игра с одним и тем же лицом.

Характеризуя игру Чигорина, Барделебен далее писал: „Русский чемпион любит в дебюте итти своими собственными путями и мало интересуется тем, что предписывают книги. Гораздо больше стремится он к тому, чтобы ошеломить противника новыми неожиданными ходами и ввести его в замешательство. Ради этого он идет на риск получить менее крепкое положение или потерпеть небольшой материальный урон. При этом он обращает главное внимание на то, чтобы получить атаку и ради этого идет на головоломные эксперименты, в особенности, если играет черными" [369].

И сам Тарраш рассчитывал на победу, особенно после семнадцатой партии матча, когда он имел восемь выигранных партий против пяти проигранных при четырех ничьих. Во всяком случае в печати появилось сообщение Тарраша о том, что он твердо надеется выиграть матч [370]. Тем неожиданнее для него был ничейный результат; отсюда и его боязнь вовсе проиграть матч в решительных партиях.

Оценивая общие итоги матча, Шифферс писал: „Для Чигорина этот результат оказался очень благоприятным в виду того, что был момент, а именно, после 17-й партии матча, когда у него было только 5 партий против 8-ми. Ему удалось из последних пяти партий выиграть 4 и проиграть только одну. За исключением 16-й партии

(гамбит королевского коня) и 21-й (дебют ферзевых пешек) все остальные партии игрались двумя дебютами: все нечетные партии (Тарраш белые) были испанские партии (дебют Лопеца), а все четные (Чигорин белые) были французские партии с ходами 1. e2—e4 e7—e6 2. Фd1—e2... Этот матч дал много интересных партий, хотя и не обошлось без более или менее грубых ошибок с обеих сторон. Так, напр., Чигорин проиграл грубым просмотром 1-ю и 5-ю партии матча; прозевал ферзя в 11-й партии, имея уже совсем выигранную партию; он упустил 2 раза случай сделать ничью в 9-й партии и упустил случай выиграть 14-ю, после того как Тарраш, в свою очередь, упустил выигрыш. Ошибки Тарраша, вообще, не так очевидны. Он упустил выигрыш во 2-й партии и несколько раз не воспользовался атакой или лучшим положением, упуская, напр., возможность выиграть пешку (напр. в 13-й и 22-й). Пешечные концы партии он вообще играл слабее Чигорина, за исключением 4-й партии.

„Однообразие в дебютах Тарраш объяснял неимением времени изучить основательно все дебюты. Он высказывал мнение, что Чигорин в других дебютах (кроме испанского дебюта и французской партии) с ним может делать все, что захочет“ [371].

Значение матча Тарраш—Чигорин в истории шахматного искусства не только в России, но и за границей, лучше всего иллюстрируется предисловием к сборнику партий матча [372]. В этом предисловии указывается: „Со времени великого матча Стейниц — Цукерторт (1886 г.) ни один шахматный матч не вызывал такого интереса со стороны шахматного мира, как матч между признанным сильнейшим немецким игроком д-ром Таррашем и русским чемпионом М. Чигориным. Оба игрока имеют не только большую известность как практики и теоретики, но оба добились и значительных успехов в шахматах, и, кроме того, они еще не играли друг с другом ни одной партии. Нет поэтому ничего удивительного в том, что все с необычайным напряжением ожидали исхода матча и были уверены, что в нем будут показаны исключительные достижения“.

В 1894 году Чигорин принял участие в матче по телеграфу, начатом в апреле этого года между Петербургом и Парижем (см. стр. 119).

Многочисленные матчевые состязания, в которых выступал Чигорин с 1889 года, не дали ему возможности

участвовать в международных турнирах. Поэтому его выступление в Гэстингском турнире 1895 года представляло значительный интерес. По составу участников и по организации Гэстингский турнир был едва ли не самым выдающимся событием в истории шахматного искусства. В нем участвовали: Ласкер, Стейниц, Пильсбери, Тарраш, Гунсберг, Блекберн и другие первоклассные мастера. Чигорин получил второй приз (первый, неожиданно для всех, взял Пильсбери); он оказался, таким образом, впе-

М. И. ЧИГОРИН В ГЭСТИНГСЕ

реди нового чемпиона мира Ласкера, экс-чемпиона Стейница, а также Тарраша и Гунсберга (матчи с которыми сыграл в ничью), причем выиграл у Пильсбери, Ласкера, Тарраша и Гунсберга, а Стейницу проиграл, имея выигранную партию. Вообще в этом турнире Чигорин играл с большим подъемом, и, как исключение, количество его промахов было не так велико. Однако весьма слабо проведенная им партия против Яновского лишила его первого приза, который он заслуживал, по мнению многих авторитетов, в том числе и Тарраша.

После Гэстингского турнира, в декабре — январе 1895—96 гг., в Петербурге состоялся знаменитый четы-

рехкруговой матч-турнир первоклассных мастеров — претендентов на мировое первенство. Как известно, на этом матч-турнире Чигорин потерпел решительную неудачу.

Случилось так, что именно здесь, в его родном городе, в столице России, был, таким образом, нанесен Чигорину удар, от которого он до конца своей шахматной карьеры уже не мог оправиться. Если многочисленные поклонники шахматного таланта Чигорина не могли утверждать, что он обязательно будет победителем в матч-турнире, то никто, конечно, не думал, что он займет последнее место.

Особенно чувствителен для Чигорина был проигрыш Ласкеру, против которого он не мог добиться ни одного выигрыша и только две партии свел в ничью. Несомненно, что это обстоятельство сыграло известную роль и в вопросе об осуществлении матча между Чигориным и Ласкером. Вера в силу Чигорина была подорвана.

Именно результат рокового петербургского турнира позволил шахматному миру усумниться в возможности успешной борьбы Чигорина с новым чемпионом мира. Обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для Чигорина. На очереди стояли не только матч-реванш Стейница с Ласкером, но и матчи последнего с Таррашем, Пильсбери и др. Чигорин в этом списке не числился. И в виду этого, он, не играя больше в матчах, стал теперь участвовать почти в каждом международном турнире, так как не видел другой возможности для встреч с сильнейшими шахматистами.

После петербургского турнира Чигорин в том же году выступил в международном турнире в Нюрнберге, в котором приняли участие Ласкер, Стейниц, Пильсбери, а также Тарраш (который, как мы видели, не решился выступить в грандиозной борьбе чемпионов в Петербурге). Правда, нюрнбергский турнир не имел того принципиального значения, как петербургский, однако, торжество в нем Ласкера и неуспех Чигорина лишний раз подтвердили установившееся мнение о „закате" русского мастера. Чигорин получил в этом турнире только „утешительный" приз, разделив его с Шифферсом ($8^1/_2$ из 18, ниже Ласкера, Мароци, Пильсбери, Тарраша, Яновского, Стейница, Шлехтера и Вальбродта).

Неудача Чигорина в Нюрнберге толковалась шахматной прессой по-разному. В шахматной прессе стремились доказать, что Чигорин, будучи представителем

„старой школы“ Лабурдонне, Морфи и Андерсена, бессилен что-либо предпринять против „образцовой шахматной стратегии „новой школы“; что этим, в частности, объясняется и проигрыш Чигорина Ласкеру, Стейницу, Таррашу, Шлехтеру и другим представителям „новой школы“. К этому замечанию, дававшему слишком общую оценку причины новой неудачи Чигорина, следует присоединить отзыв корреспондента варшавской газеты „Tygodnik Illustrowany“, объяснявшего его неуспех упадком духа после поражения в петербургском турнире [373].

Неудачное выступление Чигорина в нюрнбергском турнире было заглажено через два месяца его победой в будапештском турнире, в котором он добился первого приза (после матча со ставшим с ним наравне Харузеком, выигранного со счетом +3—1). Хотя в Будапеште не участвовали Ласкер и Стейниц, однако присутствие Тарраша, Пильсбери, Яновского и др. придавало значительный интерес этому турниру. Забавно, что шахматная печать снова начала трубить похвалы забытому фавориту. „Шахматный Журнал“, еще недавно советовавший Чигорину получить реванш от Стейница, прежде чем играть матч с Ласкером, писал: „М. И. Чигорин достиг, по нашему мнению, после Будапештского турнира апогея своей силы. Ему теперь следовало бы померяться с Ласкером. Предполагающийся большой международный турнир в Берлине в августе с. г. покажет, кому следует сразиться в матче для получения права на кандидатуру будущего соперника Ласкера“ [374]. Однако, силы Чигорина явно ему изменили: в берлинском турнире он не только не получил первого приза, но и вовсе остался без приза, заняв лишь 10-е место при 20 участниках. Новый неуспех Чигорина уже не являлся случайным: было очевидно, что с каждым годом бороться ему становилось все труднее.

Нам нет надобности в дальнейшем подробно останавливаться на всех выступлениях Чигорина в международных турнирах. Продолжался период его медленного угасания, лишь изредка прерываемого отдельными яркими вспышками. Испытываемые неудачи крайне болезненно отражались на его творчестве, и в последующих турнирах лишь с трудом можно узнать прежнего Чигорина, хотя он всегда продолжал оставаться шахматистом большой силы и опасным противником в самых сильных по составу международных турнирах.

Если Чигорин сыграл еще с некоторым успехом в Кельне (1898—II—IV призы) и относительно удачно в Монте-Карло (1901—III—IV), Ганновере (1902—VII), Кэмбридж-Спрингсе (1904—VI), Бармене (1905—VII—VIII) и Нюрнберге (1906—V), то полное поражение постигло его в других турнирах. В Остенде (1905) он оказался на предпоследнем месте, в групповом турнире в Остенде (1906) он даже не попал во 2-й круг, а в турнире чемпионов (Остенде 1907) Чигорин был на последнем месте.

Наконец, в заключительном из числа международных турниров с его участием (Карлсбад, август — сентябрь 1907), Чигорин также оказался на одном из последних мест (16—18 при 21 участнике).

Особняком стоят выступления Чигорина в гамбитных состязаниях, где он имел довольно крупные успехи: первый приз в Вене в 1903 г. и выигрыш у Ласкера в Брайтоне (Англия) матча, который, по условиям, игрался гамбитом Райса и был выигран Чигориным со счетом +2—1=3; успех этот объясняется в значительной степени характером состязаний.

Но если успехи Чигорина в международных турнирах и потускнели, то у него на родине с ним попрежнему никто не мог конкурировать, хотя к этому времени в России выдвинулся ряд талантливых шахматистов.

В первых трех всероссийских турнирах Чигорин неукоснительно занимал первое место. Он принял также участие в IV всероссийском турнире, но вышел из него после инцидента с контролем времени (см. стр. 130). Тем не менее выигрышем матча у победителя турнира Сальве (1906; +7—5=3) Чигорин снова доказал, что он еще не собирается уступить без борьбы звания чемпиона России. В V всероссийском турнире Чигорин не смог принять участие по болезни.

Уже в 1905 году все чаще стали обнаруживаться серьезные симптомы болезни Чигорина. Из уст его старейшего друга, врача, стало известно, что диагнозом установлено начало сахарной болезни.

В Остенде в 1905 году Чигорин, очевидно, уже предчувствовал приближение неизбежного конца. В воспоминаниях его друга, артиста Григория Ге [375], рассказывается о крайне болезненном состоянии Чигорина во время остендского турнира. Вызванный телеграммой Чигорина, Ге был поражен переменой его душевного состояния и внешнего облика: „... мы поворачиваем уже в темный

переулок; на самом повороте, в последних лучах луны, оставшейся за выступом дома, Чигорин вдруг тихо произнес: „— Нет, уж мне не играть“. Это была единственная секунда полной откровенности Чигорина по самому жгучему для него вопросу, признание своей смерти“.

В Карлсбаде, где он участвовал в турнире, он пользовался советами врача-шахматиста Неймана, который следил за его лечением. Однако „карлсбадские воды“ не помогли, и Чигорин вернулся в Петербург (заехав предварительно в Люблин, где жила его семья) больным. „В ноябре, — рассказывает бывший издатель „Шахматного Журнала“ Макаров, — М. И. почти не выходил из своей комнаты, которую нанимал в Дмитровском переулке и где оставался без всякого надзора и ухода. Поэтому я уговорил его лечь в клинику Елены Павловны, где он пробыл с месяц, с 23 ноября. Перед Рождеством М. И. затосковал и решил выписаться из клиники и поехать к жене и дочери в Люблин. Последние годы, с переводом на службу генерала Дубравина, ближайшего друга М. И., семья М. И. переселилась туда, так как дочь М. И. и дети Дубравина учились вместе в местной гимназии. (Чигорин и Дубравин были женаты на родных сестрах. — *М. К.*) Уже в клинике проф. Афанасьева положение М. И. было признано докторами безнадежным. Когда М. И. приехал в Люблин, то уже настолько плохо себя чувствовал, что никому не мог писать из Люблина“.

Из воспоминаний другого современника Чигорина, его близкого знакомого и почитателя Г. А. Гельбака, видно, что в бытность в Люблине (куда он приезжал навестить свою семью) он еще был в состоянии играть в шахматы; он дает для местных любителей сеансы, проводит серьезные партии против консультантов. Но в душе Чигорина нарастает трагедия. Оглядываясь на прошлое и явственно чувствуя усиление болезни, Чигорин все больше поддается настроениям подавленности и глубокого разочарования в своей жизни. „К чему вообще шахматы? — с горечью говорит он своим друзьям. — Если это удовольствие, то оно должно проходить как развлечение, после трудовых часов. Ведь нельзя же наполнять свою жизнь интересом к игре, изгнав все прочее. Посмотрите на иностранцев: тот — доктор, тот — профессор, тот — издатель и т. д. Работают и поигрывают. А я...“ [376]

Болезнь Чигорина безжалостно делала свое дело. Признаки расстройства организма становились все яснее. „Дух больного подавлен до крайности. Больной уже не знает, что делать. Весь внешний мир ему кажется холодным, чуждым, не понимающим его внутренних страданий, сознание слегка затуманивается... Какое-то чувство не то досады, не то злобы на вся и на всех сковывает в нем всякое желание что бы то ни было предпринимать. Доктора не перестают навещать больного. Но их бессилие слишком прозрачно. Так Чигорин мучится последние дни 1907 года“...

А с первых же дней 1908 года уже надвигается конец. Гудима (один из близких люблинских друзей Чигорина) и Анастасия Дмитриевна (жена Чигорина) не покидают больного. Он лежит в постели, слегка мечется и все бредит. Вдруг совершенно неожиданно, с каким-то неестественным смехом, он просит жену выйти из комнаты, а Гудиме торжественно заявляет, что сейчас „будет фантазировать“: охватывает его за шею, опрокидывается навзничь, широко открывает глаза, криво улыбается и с выражением недоумения на лице испускает последнее дыхание.

Умер Чигорин 12/25 января 1908 года. О последних минутах его жизни сохранился рассказ Гельбака, записанный со слов Гудимы [377].

22 июня 1914 года останки Чигорина были перевезены из Люблина в Петербург, где погребены на кладбище Новодевичьего монастыря.

Наш очерк о величайшем русском шахматисте мы закончим словами Тарраша, которыми этот математик шахматной борьбы, уже после смерти Чигорина, восстанавливает перед нами его шахматный облик: „...Часто играл он с огромной силой. Случалось, что его ходы бывали плохи, но слабыми они не были никогда... у него не было и следа умения оценивать позицию: он только умел хорошо играть в шахматы, но не думать шахматно, и эта слабость была его величайшей силой. Благодаря ей никакая самокритика не сужала его уверенности в себе, и он обычно был убежден, что стоит хорошо и что партия должна быть выиграна... Нечто демоническое было в его игре, пламенная страсть, соединенная с упрямым самоутверждением...“ [378].

Глава тринадцатая

СОВРЕМЕННИКИ ЧИГОРИНА

На 35-летнем шахматном пути М. И. Чигорину пришлось встретиться со многими русскими шахматистами. Среди них были его учителя, соратники и ученики. Правда, никто из них не достиг такого совершенства в шахматах, как Чигорин. Тем не менее, их деятельность сыграла немаловажную роль в истории развития шахматного искусства в России.

Приводим краткие биографические данные наиболее выдающихся современников Чигорина. Для удобства изложения и сопоставления мы будем придерживаться в нашем перечне хронологического принципа.

Евгений Александрович Шмидт (1821—1906) получил шахматное образование в Дерпте, где он учился в университете (1840—1844). Окончив университет, первоначально жил в Германии (Аренсбург, Иена и Лейпциг) и одно время был редактором журнала „Deutsche Schachzeitung“ (в 1865—1866 гг., совместно с Минквицем). В 1866 году он переехал в Москву — преподавателем немецкой литературы и языка, где считался долгое время после Соловцова сильнейшим шахматистом. Шмидт участвовал с большим успехом в ряде московских турниров. Сила его, однако, заключалась главным образом в теоретической разработке различных шахматных проблем; ему принадлежит много теоретических статей и анализов. Главнейшие труды Шмидта: „Systematische Anordnung der Schacheröffnungen“ (1896 г.) и „Ueber den Ausgleich der Schachpartie“ (1902 г.) [379].

Симон Авраамович Винавер (1837—1919), известный варшавский мастер, первым из русских шахматистов участвовал в международном турнире. По профессии был коммерсантом. До 30-летнего возраста Винавер со-

вершенно не был известен в шахматном мире. Прибыв в Париж в 1867 году по торговым делам, он неоднократно встречался в „Café de la Régence“ с достаточно сильными шахматистами. Результаты игры были весьма благоприятными для Винавера, и его пригласили на международный турнир, где неожиданно для всех он получил II приз (I—Колиш).

Этот успех сразу обратил на Винавера внимание европейских шахматных кругов и он становится желанным участником международных турниров. После неудачи в турнире в Баден-Бадене в 1870 году, где Винавер при 9 участниках разделил 6—7 места, он завоевал IV приз в Лейпциге в 1877 году. (В 1875 году он выиграл матч у Шумова: +5—2). В 1878 году Винавер добился повторного крупного успеха в Париже, где опять занял 2-е место, после Цукерторта. Затем следует относительная неудача в Висбадене в 1880 году (6—7 место). В 1881 году он, вместе с Чигориным, разделил III—IV призы в Берлине (I—Блекберн, II—Цукерторт), а в 1882 году добился наравне со Стейницем раздела I—II приза в Вене. В 1883 году Винавер участвовал в двух турнирах: Лондон (9-е место) и Нюрнберг (I приз), после чего он временно отошел от шахмат, занявшись всецело коммерческой деятельностью.

Отсутствие практики сказалось на его выступлении в международном турнире в Дрездене в 1892 году, где он разделил с Барделебеном только VI—VII призы, а затем с трудом (в том же году) выиграл матч у второстепенного немецкого шахматиста Каро (+3—2=2). Винаверу при его возрасте играть становилось все труднее и труднее. В сильном по составу турнире в Нюрнберге (1896 г.) он из 18 партий смог набрать только $6^1/_2$ очков. Турнир в Будапеште (1896 г.), где Винавер разделил с Вальбродтом VI приз, был последним его успехом. В том же году он проиграл матч Яновскому (+2—5) и в небольшом турнире в Вене разделил III—IV призы. В Берлине (1897 г.) он занял 13—14-е место при 20 участниках, а в Монте-Карло (1901 г.) оказался на предпоследнем месте. Это был последний международный турнир, в котором участвовал престарелый мастер. Отойдя на склоне лет от шахмат, он прожил еще около 20 лет.

Михаил Степанович Бескровный (1840—1897) родился в Одессе, где хорошо играл уже в гимназические

годы. В 1857 году он поступил на естественный факультет Петербургского университета и в это время, играя у Доминика, проявил незаурядные способности в шахматной игре. Бескровный деятельно участвовал в организации петербургского шахматного клуба 1869 года. Однако, вследствие плохого состояния здоровья он вскоре переселился из Петербурга в Париж, где очень быстро выделился как лучший шахматист в Café de la Régence. В турнирах, устраиваемых этим клубом, Бескровный почти всегда занимал первые места. Выехав временно в Швейцарию, куда он был приглашен швейцарским правительством на службу в Берн, Бескровный в 1878 году возвратился в Париж, где прожил до 1882 года, после чего вернулся на постоянное жительство в Петербург. Здесь он часто посещал шахматный клуб, где играл с Чигориным, Шифферсом и другими сильнейшими шахматистами, однако, по слабости здоровья (порок сердца) воздерживался от участия в серьезных турнирах [380].

Андрей Николаевич Хардин (1842—1910), один из сильнейших шахматистов чигоринского времени, был известен своим многолетним участием в турнирах по переписке. По образованию Хардин был юристом и работал присяжным поверенным; именно к нему приписался помощником присяжного поверенного В. И. Ленин. Еще до знакомства с Лениным Хардин играл с ним партию по переписке. В Самаре у популярного в демократических кругах Хардина собирались местные шахматисты и устраивали домашние турниры. Иногда в этих турнирах принимал участие и Ленин.

Хардин играл не без успеха отдельные серьезные партии с Чигориным, Шифферсом и Алапиным и был приглашен участвовать в турнире в Петербурге в 1878—79 г. Отсутствие должной практики в игре за доской сказалось на шахматном творчестве Хардина, и в 1895 году он с крупным счетом проиграл матч Шифферсу.

Хардин был одним из лучших русских шахматных теоретиков, и его анализы, относящиеся главным образом к гамбиту Эванса, высоко ценились его современниками [381].

Андрей Александрович Ашарин (1843—1896) воспитывался в дерптской гимназии и в дерптском университете на юридическом факультете. 60-е годы в Дерпте были периодом оживленной шахматной жизни, чему не-

мало способствовали Ф. Амелунг (впоследствии крупнейший шахматный деятель Прибалтийского края и редактор журнала „Baltische Schachblätter") и Клеменц. В середине 70-х годов Ашарин в качестве преподавателя немецкого языка переехал в Петербург, где активно участвовал в местных турнирах, выступая иногда с большим успехом. В 1879 году он переехал на постоянное жительство в Ригу, где при его близком участии было организовано Рижское общество любителей шахматной игры, председателем которого он был избран. Его перу принадлежит изданная им в Риге в 1894 году книжка „Schachhumoresken" (сборник юмористических рассказов, очерков и афоризмов). Ашарин известен также, как переводчик на немецкий язык стихотворений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Майкова, ряда произведений Гоголя, Мельникова-Печерского и других прозаиков [382].

Александр Владимирович Соловцов (1847—1923), уроженец Казани, был одним из лучших московских шахматистов в 70—90-х годах. Он рано познакомился с шахматами, но совершенствованию в игре препятствовало отсутствие хороших шахматистов в его родном городе. Переехав в 1869 году на постоянное жительство в Москву, Соловцов за короткое время выдвинулся в число лучших московских шахматистов. В Петербургском турнире зимой 1878—79 года Соловцов разделил с Шифферсом III—IV призы, выиграв, между прочим, у Чигорина. Серьезная победа была им достигнута в том же году в матче по переписке из двух партий с Петербургом, со стороны которого играл Чигорин (Соловцов вел игру со Шмидтом и Бовыкиным). Успехи Соловцова в московских турнирах и в партиях с отдельными сильнейшими русскими шахматистами, в том числе и с Чигориным, выдвинули вопрос о матче между ним и Чигориным. В 1884 году этот матч начался было, но Соловцов вынужден был прервать игру по личным обстоятельствам; каждый из противников выиграл по одной партии.

Соловцов считался в Москве отличным музыкантом. Он не избирал себе определенной профессии и менее всего помышлял о том, чтобы стать шахматистом-профессионалом; шахматам он уделял так мало времени, что из него не мог выработаться шахматист международного масштаба. Поэтому вполне закономерным явился

его проигрыш Чигорину в матче 1893 года (см. стр. 193). В 1894 году он успешно выступил против приезжавшего в Москву Мизеса, выиграв у него одну партию (вторая осталась неоконченной). Последний раз Соловцов подтвердил свое право считаться сильнейшим московским шахматистом выигрышем матча у Б. Григорьева в 1898 году. С 1900 года Соловцов совершенно отказался от публичных выступлений [383].

Эммануил Степанович Шифферс (1850—1904) был одним из самых популярных русских шахматистов прошлого века.

Он родился в Петербурге 22 апреля 1850 года. Семейная обстановка, в которой рос Шифферс, благоприятствовала развитию в нем любви к шахматной игре: все его родные играли в шахматы (в особенности его старшие братья Рудольф и Артур). Окончив петербургскую Ларинскую гимназию, он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который, однако, не закончил. С дипломом „домашнего учителя“ он стал давать уроки по математике (одно время был воспитателем в училище правоведения), однако, его деятельность на педагогическом поприще была не особенно продолжительной. Вскоре его профессией стали шахматы, а уроки служили источником побочного заработка.

Уже с конца 60-х годов, еще будучи студентом, Шифферс был общепризнанным авторитетом в кафе „Доминик“. В 70-х годах, до выступления Чигорина, он считался, наряду с Шумовым, сильнейшим шахматистом России. Успешнее других шахматистов Шифферс сыграл с приехавшим в 1875 году в Петербург Винавером, а в 1877 году выиграл матч у сильнейшего прибалтийского шахматиста Ф. Амелунга (+6—2=4). Ему удалось даже в 1878 году выиграть однажды матч у Чигорина.

Шифферс принимал деятельное участие в русской шахматной жизни. Начиная с 70-х годов и почти до конца своей жизни он участвовал в бесчисленных местных турнирах, в трех всероссийских, в турнирах по переписке, матчах и т. д. В петербургском турнире 1878—1879 г. он добился, вместе с Соловцовым, III—IV приза, в первых двух всероссийских турнирах — занял после Чигорина 2-е место (в III всероссийском турнире сыграл неудачно).

Шифферс участвовал и в ряде международных тур-

ниров; лучшего результата он добился в Гэстингсе (1895 г.), где получил VI приз. Кроме Гэстингса, он участвовал еще в 7 международных турнирах: Франкфурт-на-Майне (1887 г.) — 10 место, Бреславль (1889 г.) — 17 (предпоследнее) место, Лейпциг (1894 г.) — 8—9 место (с Бергером), Нюрнберг (1896 г.) — 9–10 место (с Чигориным), Берлин (1897 г.) — 11 место, Кельн (1898 г.) — 10—11 место (с Попилем) и Вена (1898 г.) — 12 место.

Из матчей отметим главнейшие. С почетным результатом он проиграл Стейницу в 1896 году (+4—6=1),

Э. С. ШИФФЕРС

дважды выиграл у Янковича (1894 и 1895 гг.), выиграл у Хардина (1895 г.), а также ряд других небольших матчей.

Большие заслуги имел Шифферс в области распространения шахматного просвещения в России. Он первый в России в январе 1889 года стал читать лекции по теории шахмат, собирая большую аудиторию. Его шахматный отдел в журнале „Нива" был одним из наиболее образцовых. Кроме того, Шифферс был редактором шахматных отделов в „Петербургской Газете", в „Новостях" и других изданиях. Его перу принадлежит лучшее дореволюционное руководство — „Самоучитель шахматной игры", неоднократно переиздававшийся. Кроме

того, он перевел популярный среди русских шахматистов учебник Дюфреня „Руководство к изучению шахматной игры“. Одно время он был редактором „Шахматного Журнала“.

Последний раз Шифферс играл в турнире в 1904 году, будучи тяжело больным (он сильно разбился при падении). Закончить этот турнир ему уже не пришлось; из турнирной таблицы его вычеркнула смерть, наступившая 29 ноября 1904 года.

Семен Зиновьевич Алапин (1856—1923) уже юным гимназистом обратил на себя внимание Чигорина и Шифферса. Ничья с Винавером и выигрыш трех партий подряд у Шумова были показателями несомненного таланта. Алапин стал частым посетителем ресторанов „Доминик“ и Прадера. В Петербургском турнире 1878—1879 года он разделил с Чигориным 1—2 место, но, проиграв решительную партию, получил только II приз.

С 80-х годов шахматная деятельность Алапина временно прекратилась. В связи с болезнью отца он покинул Институт инженеров путей сообщения и поступил на службу. Происходя из буржуазной среды, он впоследствии отдался коммерческой деятельности и по своим делам часто бывал за границей[384]. Здесь Алапин с успехом выступал против иностранных шахматистов: например, в 1882 году он сыграл две серьезные партии с Цукертортом, из которых проиграл одну, а вторую свел в ничью. В 1887 году Алапин впервые участвовал в международном турнире во Франкфурте-на-Майне, где добился звания мастера (11—12 место). В последующих международных и отечественных турнирах он играл с переменным успехом. В 1889 году в Бреславле Алапин получил приз за лучший результат против призеров, в 1890 году в Манчестере разделил вместе с Шеве и Тинсли VII—VIII призы. Далее следуют: Берлин (1897 г.) — VI приз (вместе с Марко и Шлехтером); Вена (1898 г.) — X приз; Монте-Карло (1901 г.) — V приз; Остенде (1905 г.) — 11 место, Бармен (1905 г.) — 13—14 место, Вена (1908 г.) — 16—18 место, Прага (1908 г.) — 12 место. В 1909 году он участвовал дважды в четверном матч-турнире в Мюнхене (II и III призы). В Карлсбаде (1911 г.) он оказался в самом конце (23—26 место), в Пестьене (1912 г.) он получил IX—XI призы (вместе в Сальве и Штерком). Кроме того, Алапин дважды брал первые призы в турнирах Берлинского шахматного общества

(в 1893 и 1897 гг.) и получил IV приз в австрийском национальном турнире в Вене (в 1899 г.). В Берлине (1893 г.) он выиграл матч у Барделебена (+3—1=1), а в Вене (1899 г.) он сыграл матч в ничью с Шлехтером (+1—1=4). В 1911 году — проиграл в Мюнхене матч Шпильману (+1—5=3). Алапин дважды участвовал во всероссийских турнирах; в четвертом он получил V приз, а в пятом—II. В Виленском турнире мастеров Алапин занял предпоследнее место, а в Петербургском турнире мастеров 1914 года (последнее его выступление) разделил с Сальве X—XI места. Крупным успехом закончилось его выступление в сильном петербургском турнире в 1905 году, где он занял первое место, став выше Чигорина.

Деятельность Алапина не ограничивалась только практической игрой. Его значение в истории русского шахматного искусства определяется, главным образом, его аналитическими работами, которые могли конкурировать даже с анализами Чигорина.

Наиболее известна алапинская разработка так называемой защиты Алапина-Сандерса в гамбите Эванса, которая вызвала в свое время острую полемику между ним и Чигориным, в особенности, когда стало известно, что Алапин послал свои анализы Стейницу, который должен был играть матч с Чигориным. По этому поводу Чигорин писал из Гаванны 10 (22) декабря 1891 года издателю „Шахматного Журнала" Макарову: „Здесь в Гаванне поступок Алапина заклеймили, считают изменой своему отечеству (если он таковое признает). В данном случае можно, до некоторой степени, его поступок применить в войне, когда за выдачу неприятелю планов кампании изменников казнят. В шахматной войне, конечно, применимо нечто другое. Но будьте уверены, что трудом, да еще обширным, как заявляет Шифферс в „Новостях", Стейниц едва ли воспользуется, несмотря на хвастливое уверение Алапина, что он разрешил категорически спорный вопрос. Еще не родился человек, который мог бы с положительностью неопровержимо доказать, в чью пользу гамбит Эванса. Можно быть того или другого мнения, можно знакомить любителей с различными новостями по части той или другой атаки или защиты, но так хвастливо решать теоретический вопрос, как он разрешен в „Новостях", могут только лица, задавшиеся известной целью и потому смотрящие на вопрос односторонне"[385].

Реакционная пресса, в особенности газета „Новое Время" и „Шахматный Журнал", старалась использовать в своих целях антагонизм между двумя шахматистами, выступая по адресу Алапина с антисемитскими выпадами [386].

Объективно подходя к вопросу, необходимо отметить, что если Алапин и послал свои анализы Стейницу, то это целиком объясняется их давнишним знакомством, так как Алапин к тому времени уже в течение семи лет находился в постоянной переписке с чемпионом мира. Анализы Алапина печатались им ко всеобщему сведению в газете и были, конечно, известны Чигорину. Более того — Алапин специально известил Чигорина, что обладает важными исследованиями в гамбите Эванса и готов их сообщить в виду предстоящего ему матча со Стейницем. Однако, Чигорин отклонил это предложение, как это видно из следующего ответа: „Сам я, к сожалению, в настоящее время не мог бы заняться анализами вашей защиты" [387].

Алапин сильно переживал поднятую в печати, с благословения Макарова, травлю. Весьма характерно его замечание по поводу анализов Хардина о том же гамбите Эванса: „Во всяком случае, в интересах русского шахматного дела благодарю г. Хардина за серьезное деловитое отношение. То, что мне до сих пор доводилось видеть в русской шахматной печати относительно моей защиты в гамбите Эванса, к сожалению, дышало лишь ревнивым самомнением, личной злобой и скрежетом зубовным. На этой бесплодной почве, конечно, произрастали лишь такие шахматные ягодки, к которым сатира была единственно возможным еще мягким отношением" [388].

Алапину принадлежит также разработка целого ряда вариантов и систем во французской, сицилианской, испанской и других партиях. Кроме того, он является изобретателем собственного дебюта (1. е4 е5 2. Ке2), не имевшего, правда, практического значения. Авторитет Алапина в области изучения дебютов настолько ценился в шахматных кругах, что ему предполагалось даже поручить редакцию последнего издания Handbuch'а Бильгера.

Умер Алапин за границей (в Мюнхене), где проживал, временами наезжая в Россию, еще с довоенного времени.

Сергей Федорович Л е б е д е в (род. в 1868 году) в конце XIX века был, без сомнения, одним из сильнейших русских шахматистов. В турнирах он неоднократно выигрывал у Чигорина, и в шахматной прессе

одно время стоял даже вопрос о матче между ним и Чигориным. Лебедев довольно часто брал 1-е призы в турнирах сильного состава; в 1908 году, в матч-турнире сильнейших петербургских шахматистов, он также добился I приза и получил звание „мастера Петербургского шахматного собрания“. Лебедев играл в первых трех всероссийских турнирах, из которых он добился лучшего результата в первом (IV приз). Кроме того, он сыграл со средним успехом во всероссийских турнирах любителей в 1909 и 1911 годах. Неудачно сыграл Лебедев во всероссийском турнире мастеров 1914 года. После революции Лебедев принял участие во II всесоюзном турнире (1923 г.), но сыграл неудачно, после чего отошел от практической игры, выступая лишь в турнирах по переписке.

Степан Михайлович Левитский (1876—1923), по профессии техник, выдвинулся еще в студенческие годы в Москве, в местных турнирах. Он принял участие в I всероссийском турнире (Москва, 1899 г.) и добился III приза — после Чигорина и Шифферса. В связи с постоянным проживанием на Урале, где он работал на Нижне-Тагильском заводе, Левитский лишен был возможности совершенствоваться в практической игре и поэтому в III и IV всероссийских турнирах сыграл без успеха, заняв 8 место. Однако, во всероссийском турнире любителей 1911 года Левитский неожиданно для всех добился I приза и завоевал звание мастера, которое затем подтвердил в международном турнире в Бреславле (1912 г.). В этом же году он успешно выступил в Виленском турнире мастеров, заняв III место, после Рубинштейна и Бернштейна. Во всероссийском турнире мастеров 1913—1914 года он сыграл без успеха. Это было его последнее турнирное выступление, так как, приехав на II всероссийский турнир в Петроград в 1923 году, он тяжело заболел и вскоре, вернувшись домой, умер.

Из младших современников Чигорина заслуживает также быть отмеченным Владимир Николаевич Юревич (умер в 1907 году) — петербургский, а в дальнейшем московский шахматист. Он выдвинулся в ряде турниров в конце XIX века. Юревич только один раз участвовал во всероссийском турнире — в третьем, на котором добился прекрасного результата (III приз). С 1905 года Юревич отошел от шахмат.

Укажем также следующие имена:

А. М. Белин — безвременно умерший шахматист, подававший большие надежды. С Чигориным он сыграл матч с результатом +2—5.

Н. В. Бугаев — профессор, московский шахматист, с успехом выступавший против иностранных мастеров [389].

Г. А. Гельбак (1869—1930) — в ряде петербургских турниров получал I приз;

А. Ф. Гельвиг — московский шахматист 70-х — 80-х годов (см. стр. 106).

И. М. Зейбот — петербургский шахматист, редактор шахматных отделов в немецких газетах Петербурга.

И. А. Зыбин — петербургский шахматист, призер многих турниров I категории.

Н. Е. Митропольский (1867—1891) — редактор петербургского журнала „Шахматы" (1890 г.).

В. Л. Омелянский (1867—1928) — академик-бактериолог—участник IV всероссийского турнира.

П. В. Отто (умер в 1921 г.)—петербургский шахматист, призер ряда турниров; в начале 90-х годов редактировал „Шахматный Журнал";

С. И. Полнер — петербургский шахматист, с большим успехом выступавший в немногих турнирах, в которых участвовал.

А. Поплавский — варшавский шахматист, с успехом выступавший в местных турнирах и матчах. По отзыву Чигорина Поплавский играл безусловно в силу мастера.

А. А. Романовский — петербургский шахматист, в IV всероссийском турнире разделил VI—VII призы.

В. И. Табунщиков (1858—1913) — участник II и III всероссийских турниров, успешно играл в турнирах по переписке; играл в Haupt-турнирах в Лондоне (1899 г.) и в Ганновере (1902 г.).

Л. Я. Френкель — московский шахматист; во II всероссийском турнире получил VII приз.

А. П. Шишкин — редактор многих шахматных отделов; в турнирах выступал с неизменным успехом.

Б. А. Янкович — на I всероссийском турнире получил V приз; участвовал также во II и в V всероссийских турнирах и в немецких Haupt-турнирах (см. примечание 265).

Наиболее видными шахматными писателями чигоринской эпохи были П. П. Бобров, М. К. Гоняев [390], А. Н. Грачевский, И. Т. Савенков, Д. И. Саргин, С. А. Сорокин и М. А. Шабельский.

Глава четырнадцатая

МАСТЕРА ПРЕДВОЕННОЙ ЭПОХИ

В этот очерк мы включаем биографические сведения о сильнейших шахматистах, взращенных шахматным движением царской России в предвоенную эпоху. Пожалуй, ни в чем так убедительно и рельефно не сказался буржуазный характер аполитичного на словах шахматного движения дореволюционной России, как в том специфическом отборе талантов, при котором основная масса русских мастеров XX века, доживших до Великой Октябрьской Социалистической Революции, оказалась по ту сторону красных рубежей.

Дело здесь, конечно, меньше всего в географической случайности: активное послереволюционное „самоопределение" ряда бывших русских мастеров, поставившее их в лагерь капитализма, красноречивее всяких слов говорит о насквозь буржуазной сущности дореволюционного шахматного движения.

Фактически наш перечень — это своего рода словарь буржуазных „маэстро" покойной Российской империи. Понятны поэтому те соображения, в силу которых мы не нашли возможным включить в настоящий очерк старшее поколение советских шахматных мастеров, хотя бы и получивших уже известность в дореволюционную эпоху: живую ткань биографии нельзя искусственно разрывать на две части, а за 20 лет даже старейшие ветераны шахматной доски стали подлинными представителями советского шахматного движения.

Поэтому мы ограничимся здесь материалами о тех мастерах XX века, имена которых целиком принадлежат истории шахматного искусства старой России. Придерживаясь в дальнейшем изложении алфавитного порядка,

считаем все же необходимым выделить на первое место выдающуюся фигуру общепризнанного чемпиона предреволюционной России А. К. Рубинштейна.

Акиба Кивелевич **Рубинштейн** родился в Польше (м. Стависки, Ломжинской губ.) в сентябре 1882 года. С шахматами он познакомился довольно поздно, на 18 году жизни, когда его семья переехала в Белосток. Не умея еще читать по-русски, он купил маленький учебник Зосница на древне-еврейском языке, в котором были помещены несколько задач и избранных партий парижского турнира 1867 года. Рубинштейн выучил наизусть этот учебник, но содержание последнего очень мало повысило качество его игры. К тому же у него не было сильных партнеров, которые могли бы помочь ему систематически заняться теорией.

Как-то в книжном магазине он среди макулатуры нашел груду шахматных книг и журналов. Основательно проштудировав их, Рубинштейн познакомился с основными принципами шахмат и усвоил хорошо несколько дебютов. Скоро ему представился случай определить силу своей практической игры. В кондитерской Штейна, где обычно собирались белостокские шахматисты, он встретился с довольно сильным шахматистом, Г. Г. Бартошкевичем, который первоначально давал ему вперед коня. Первый опыт серьезной игры окончился неудачей для молодого шахматиста, и он проигрывал партию за партией. Но настойчивость и любовь к изучению шахмат, проявлявшаяся у Рубинштейна с самого начала, увенчались успехом, и он уже стал выигрывать у Бартошкевича на-равных.

Переезд в 1903 году в Лодзь сыграл решающую роль в шахматной карьере Рубинштейна. В этом городе жил Сальве, хотя и не участвовавший до сих пор в крупных соревнованиях, однако, считавшийся лучшим шахматистом Лодзи, где проживало достаточное количество сильных шахматистов. Рубинштейн сыграл с Сальве множество легких партий. Открывшееся в 1903 году Лодзинское общество любителей шахматной игры организовало между Рубинштейном и Сальве матч, закончившийся в ничью (+5 —5 = 4). После этого у Рубинштейна созрела мысль стать шахматистом-профессионалом. Он провел ее в жизнь после III всероссийского турнира (1903 год), в котором добился V приза. Для

20-летнего шахматиста, каких-нибудь 3 года тому назад научившегося играть в шахматы, это было большим успехом.

После ряда удачных выступлений Рубинштейна в лодзинских турнирах Общество любителей в 1904 году снова организовало матч между ним и Сальве; на этот раз победителем вышел Рубинштейн (+4 —3 = 3). После этого матча Рубинштейн был командирован на Haupt-турнир в Бармен (1905 г.), где он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. Вместе с О. Дурасом, он разделил I—II призы и, таким образом, добился звания мастера, которое впоследствии закрепил за собой рядом блестящих успехов как в русских, так и в международных турнирах.

А. К. РУБИНШТЕЙН (1908 г.)

Он выиграл небольшой матч у Мизеса (1905 г.), в IV всероссийском турнире Рубинштейн разделил с Блюменфельдом II—III призы, а в четверном матч-турнире в Лодзи (1906 г.) стал на первое место, опередив Чигорина, Флямберга и Сальве. В этом же году он принял участие в большом международном турнире в Остенде, где добился III приза, отстав только от Шлехтера и Мароци, но обогнав Бернштейна, Берна, Тейхмана, Маршалля, Яновского и других. Этим успехом Рубинштейн выдвинулся в число сильнейших международных мастеров.

В 1907 году следует дальнейшая серия успехов. В „параллельном“ турнире в Остенде Рубинштейн разделил с Бернштейном I—II призы, в Карлсбаде занял первое место, несмотря на участие в этом турнире

таких опытных противников как Мароци, Шлехтер, Видмар. Точно также он завоевал I приз в V всероссийском турнире в Лодзи. Относительный неуспех в 1908 году в венском и пражском международных турнирах, в которых Рубинштейн добился „лишь“ четвертого приза (в этом же году он вышел победителем матч-турнира в Лодзи), сменился новым блестящим успехом в Петербургском международном турнире 1909 года, в котором он, вместе с Ласкером, разделил I—II призы. В этом турнире Рубинштейн далеко опередил своих противников (Дураса, Шпильмана, Бернштейна, Тейхмана и др.), набрав из 18 партий $14^1/_2$ очков, т. е. 81%.

В шахматной прессе все определеннее и настойчивее стала высказываться мысль о желательности матча между Рубинштейном и Ласкером на первенство мира. Дальнейшие успехи Рубинштейна только подтвердили преимущественное право его перед другими гросмейстерами. Если в 1911 году в Сан-Себастьяне он оказался ниже Капабланки, разделив второе-третье место с Видмаром, а в Карлсбаде уступил первое место Тейхману, разделив с Шлехтером опять II—III призы, то уже в следующем 1912 году он добился снова необыкновенного успеха. В течение этого года Рубинштейн завоевал первый приз в трех международных турнирах и в Виленском турнире мастеров. В Сан-Себастьяне он оставил позади себя Нимцовича, Шпильмана, Тарраша и др.; в Пестьене набрал 82% очков, далеко обогнав Шпильмана, Маршалля, Дураса, Шлехтера и др.; в Бреславле, вместе с Дурасом, стал выше Тейхмана, Шлехтера, Тарраша, Маршалля и др. Кроме того, на протяжении описываемого периода Рубинштейн выиграл матч у Сальве (1907 г.), у Маршалля (1908 г.), у Тейхмана (1908 г.), у Мизеса (1909 г.) и Флямберга (1910 г.).

Становилось совершенно очевидным, что в лице Рубинштейна шахматный мир приобрел гросмейстера, не уступающего по силе Ласкеру. Сам Ласкер признавал, что Рубинштейн вполне доказал право оспаривать у него мировое первенство.

После продолжительных переговоров удалось добиться соглашения о матче. Организовать его предполагалось осенью 1914 года. Однако, империалистическая война 1914 года и последовавшее затем резкое падение силы Рубинштейна помешали организации его матча с Ласкером, а затем и с Капабланкой.

Непрерывное участие в ответственных международных турнирах надорвало нервную систему Рубинштейна. Лицам, соприкасавшимся с ним перед петербургским международным турниром 1914 года, было ясно, что стальная выдержка Акибы исчезла. И действительно, в петербургском турнире Рубинштейна постигла первая крупная неудача: он даже не попал в группу победителей.

После войны Рубинштейн выступал уже как представитель Польши. Угнетенное и болезненное состояние, которое преследовало его с 1914 года, стало все больше и больше отражаться на его психике. Рубинштейн наших дней — больной, не по годам состарившийся человек, одержимый манией преследования.

С шахматной сцены сошел необыкновенно даровитый шахматист; в плену капиталистических отношений погиб величайший мастер, наиболее яркий и последовательный представитель позиционной школы.

Таков шахматный путь Рубинштейна, бывшего чемпиона России, кандидата на мировое первенство.

Александр Александрович Алехин родился в Москве в октябре 1892 года. Уже в 1908 году он выступил в Haupt-турнире в Дюссельдорфе, где, однако, занял только 4—5 место. В 1909 году, 17-летним гимназистом, он завоевал первый приз во всероссийском турнире любителей и добился звания мастера, которое подтвердил в следующем году в Гамбурге, заняв 7 — 8 место. В большом международном турнире в Карлсбаде (1911 г.) Алехин занял только 8 — 11 место, а в виленском турнире мастеров (1912 г.)—6—7 место, но в небольших турнирах в Стокгольме (1912 г.) и Шевенингене (1913 г.) завоевал 1-е призы. В этот же период Алехин сыграл пять матчей, из которых четыре выиграл (у Барделебена, 1908 г., Блюменфельда, 1908 г., Левитского, 1913 г. и Эд. Ласкера 1913 г.), а один проиграл (Ненарокову, 1909 г.).

В 1914 году на всероссийском турнире мастеров он разделил с Нимцовичем I—II призы и после решительных двух партий между ними (+1—1) обеспечил себе участие в петербургском турнире гросмейстеров 1914 года. В этом турнире последовал первый крупный успех Алехина, сразу выдвинувший его в число первоклассных шахматистов. Никто не ожидал, что молодой шахматист, оттеснив Рубинштейна, Бернштейна и Янов-

ского, войдет в группу победителей. Однако, он встал даже на третье место, уступив только Ласкеру и Капабланке и опередив Тарраша и Маршалля. Летом того же 1914 года ему был присужден I приз в незакончившемся из-за империалистической войны турнире в Мангейме. Подобно всем находившимся в это время в Германии русским шахматистам, он был первоначально интернирован, как военнопленный, но в конце того же года ему удалось добиться разрешения на возвращение в Россию.

После революции Алехин принял участие в главном турнире Всероссийской Олимпиады 1920 года, взяв 1-е место; перед этим он вышел победителем в московском городском чемпионате, где играл, согласно условия, вне конкурса. Вскоре после турнира он с разрешения советского правительства поехал за границу и самовольно остался в родной ему — дворянину по происхождению — стихии, впоследствии натурализовавшись в качестве французского гражданина. Шахматная биография Алехина-невозвращенца к истории советского шахматного движения отношения не имеет.

Осип Самойлович Бернштейн, юрист по профессии, родился в 1882 году в Житомире, где и познакомился впервые с шахматами. В 1901 году Бернштейн уехал для получения высшего образования в Берлин и здесь очень скоро выдвинулся в местном клубе. В следующем году он принял участие в Haupt-турнире в Ганновере, но, заняв второе место, не сумел тем самым добиться звания мастера, которого достиг, однако, в том же году ничейным результатом матча с австрийским шахматистом Г. Вольфом (+1—1=5).

В 1903 году Бернштейн выиграл чемпионат Берлинского шахматного клуба и принял участие в III всероссийском турнире в Киеве, где занял 2-е место, после Чигорина. В 1904 году он впервые участвовал в международном турнире — в Кобурге — и разделил IV—V призы с Марко. Дальнейшие турнирные успехи Бернштейна следующие: Бармен (1905 г.) — IV—V призы с Шлехтером, Стокгольм (1906 г., смешанный турнир) — I—II призы, Остенде (1906 г.) — IV—VI призы с Берном и Тейхманом, Остенде (1907 г., „параллельный турнир") — I—II призы с Рубинштейном, Петербург (1909 г.) — V приз, Сан-Себастьян (1911 г.) — 8—9 место, Вильна (1912 г.) — II приз. В петербургском турнире гросмейсте-

ров 1914 года Бернштейн, заняв с Рубинштейном 6—7 места, не попал в группу победителей.

Уже в 1909 году, когда выяснилось, что Бернштейн — наиболее крупный шахматист в России после Рубинштейна, проектировался матч между ними на первенство России. Долго длившиеся переговоры не дали, однако, положительных результатов.

После революции Бернштейн обосновался в Париже, занимаясь юридической деятельностью и на долгое время отошел вообще от шахмат.

Ефим Дмитриевич Боголюбов родился в Киеве в 1889 году, в семье священника. Он выдвинулся в местных турнирах и в Южно-русском турнире в Одессе (1909—1910 г.), в котором добился II приза. Успехи его до революции были довольно средними: только в Лодзинском турнире (1913 г.) он занял 1-е место, выше Сальве, у которого в том же году выиграл матч (+5—3=2). В Виленском турнире любителей (1912 г.) он занял 2-е место, ниже Громадки, а во всероссийском турнире мастеров (1914 г.) получил VIII приз, что принесло ему звание мастера.

К моменту прекращения турнира в Мангейме Боголюбов был на 8—9 месте. Он был интернирован вместе с другими русскими шахматистами и успешно выступал в тренировочных трибергских турнирах (5 раз брал I приз и один раз—II приз).

После войны Боголюбов женился на немке и остался жить в Германии, акклиматизировавшись в Триберге. В 1919 году он принял участие в двух турнирах в Стокгольме; в одном из них он добился I приза, в другом—III приза. В следующем году Боголюбов, после небольшого турнира в Берлине, где разделил II—III призы, принял участие в Гетеборгском международном турнире (III приз) и в смешанном турнире в Стокгольме (I приз). В 1921 году Боголюбов взял I приз в Киле, II приз в турнире в Триберге, неудачно сыграл в Будапеште, вообще не попав в состав призеров (7 место) и разделил II и III призы на матч-турнире в Триберге, В большом международном турнире в Пестьене в 1922 году Боголюбов добился блестящего успеха, завоевав 1-е место и став выше Алехина. Участвуя затем почти в каждом международном турнире, новый гросмейстер играл с переменным успехом: Лондон

(1922 г.)—V приз, Гэстингс (1922 г.)—III—IV призы, Вена (1922 г.)—9-е место, Маргэт (1922 г.)—II—V призы, Карлсбад (1923 г.)—I—III призы, вместе с Алехиным и Мароци, Острава-Моравская (1923 г.)—7—8-е место и Нью-Иорк (1924 г.)—7-е место.

После десятилетнего отсутствия на родине Боголюбов вернулся в 1924 году в СССР и принял участие в III всесоюзном турнире в Москве, в котором добился I приза. Выступая затем уже как чемпион СССР (в 1925 году он снова добился этого звания в IV всесоюзном турнире в Ленинграде), Боголюбов участвовал в международных турнирах в Баден-Бадене (IV приз) и Бреславле (I приз). Исключительного успеха добился Боголюбов в Московском международном турнире 1925 года, где он, заняв 1-е место, опередил Капабланку, Ласкера и других. С таким же успехом он сыграл в 1926 году в Берлине.

Боголюбов сыграл за этот период много матчей: с И. Рабиновичем (1914 г., +5=2), Селезневым (1913 г., +3—2=3), Барделебеном (1919 г., +3=2), Нимцовичем (1920 г., +3—1=2), Рубинштейном (1920 г. +4—5=3), Купчиком (1924 г. +3—1=2) и Романовским (1924 г., +5—1=6).

В декабре 1926 года Боголюбов натурализовался в Германии и подал заявление о своем выходе из гражданства СССР, мотивируя этот акт трусливой измены тем, что ему как представителю СССР не дали визы в Италию для участия в Меранском турнире. Постановлением Совета шахсекций он был исключен из советской шахматной организации и лишен звания чемпиона СССР как ренегат.

Бернгард Грегори, уроженец Ревеля, выдвинулся в ряде местных турниров. В III прибалтийском турнире (1904 г.) он разделил с москвичем Острогским I—II места, а во всероссийском турнире любителей в Петербурге (1909 г.) добился III приза. Звания мастера Грегори завоевал победой в Haupt-турнире в Бреславле в 1912 году, но во всероссийском турнире мастеров в Петербурге (1913—14 г.) дебютировал неудачно. После революции, будучи немцем по национальности, Грегори переселился из Эстонии в Берлин.

Евгений Александрович Зноско-Боровский родился в 1884 году в Петербурге. Он выдвинулся в турнирах Александровского лицея, а затем Петербургского

шахматного собрания (видную роль в котором играл его старший брат С. Зноско-Боровский).

Зноско-Боровский участвовал в последних трех всероссийских турнирах: III (Киев, 1903 г.)—VI—VII призы, IV (Петербург, 1905—6 г.)—IV приз, V (Лодзь, 1907 г.)—III—IV призы. Во всероссийском турнире мастеров (Петербург, 1913—14 г.) он добился VI—VII приза. Зноско-Боровский выступал также с посредственным успехом в нескольких международных турнирах: Остенде (1906 г.— в предварительных группах он набрал 12 очков из 23 и не попал в группу победителей), Нюрнберг (1906 г.)—IX—X призы, Остенде (1907 г.)—XII—XV призы. До революции Зноско-Боровским были выпущены следующие работы: „Х. Р. Капабланка“ (СПБ, 1911). „Пути развития шахматной игры“ (СПБ, 1910) и „Кодекс шахматной игры“ (СПБ, 1913).

После революции Зноско-Боровский эмигрировал в Париж. Во время московского турнира 1925 года выступал в эмигрантской прессе с рядом клеветнических статей, направленных против шахматного движения СССР.

Александр Митрофанович Левин считался в 90-х годах одним из сильнейших шахматистов Петербурга. В 1900 и 1902 гг. он разделил с Чигориным I—II призы в местных турнирах сильного состава, в связи с чем одно время проектировался даже матч между Левиным и Чигориным. Во всероссийских турнирах Левин участия не принимал. Звание мастера получил в международном турнире в Ганновере в 1902 году, где, однако, дебютировал для мастера очень бледно. Во время революции Левин эмигрировал в Югославию.

Моисей Леопольдович Ловцкий выдвинулся в ряде варшавских, киевских и лодзинских турниров. Он участвовал в III всероссийском турнире в Киеве (1903 г.) где разделил VI—VII призы, и дважды в Haupt-турнирах Германского шахматного общества (Кобург, 1904 г. и Гамбург, 1910 г.). Звания мастера Ловцкий добился в кельнском турнире 1911 г. и затем подтвердил его в Пестьене в 1912 г., взяв XII приз. Во всероссийском турнире мастеров 1913-14 г. он получил IV приз. После революции Ловцкий, как уроженец Польши, поселился в Варшаве, приняв польское гражданство.

Арон Исаевич Нимцович (1886—1935) родился в Риге. Впервые стал выступать в студенческие годы

в Гейдельберге и Берлине, в местных клубах. В 1905 году он сыграл в ничью матч со Шпильманом. Его участие в международных турнирах всегда сопровождалось неизменным успехом: „параллельный турнир" в Остенде (1907 г.)—III—IV призы, Карлсбад (1907 г.)—IV—V призы, Гамбург (1910 г.)—III приз, Сан-Себастьян (1911 г.)—V приз, Карлсбад (1911 г.)—V—VI призы, Сан-Себастьян (1912 г.)—II—III призы, Вильна (1912 г.)—IV приз. Во всероссийском турнире 1913-14 г. он разделил с Алехиным I—II приз и получил право участия в петербургском турнире гросмейстеров (1914 г.), в котором, однако, сыграл неудачно, не попав в группу победителей.

Известность Нимцовича, как одного из наиболее ярких представителей шахматного „гипермодернизма" в теории и на практике, относится главным образом, к послевоенному периоду, когда Нимцович, оставшийся по ту сторону советских рубежей, обосновался в Дании, переселившись из Риги в Копенгаген.

Г. А. Ротлеви (1889—1920) родился в Польше. Он выдвинулся в лодзинских турнирах. В V всероссийском турнире в Лодзи (1907 г.) он взял VI приз, а во всероссийском турнире любителей в Петербурге в 1909 году—II приз. Звания мастера он добился победой в Haupt-турнире в Гамбурге в 1910 году (в том же году он выиграл матч у Сальве, +3—1=6) и затем блестяще подтвердил его в международном турнире в Карлсбаде (1911 г.), взяв IV приз. В том же году он участвовал в четверном матч-турнире в Мюнхене и получил II приз. Вскоре после этого турнира Ротлеви был поражен тяжелым нервным заболеванием и уже не выступал в серьезных соревнованиях.

Георгий Соломонович Сальве (1862—1920), коммерсант по профессии (впоследствии стал шахматистом-профессионалом), уроженец Варшавы. Только 20-летним юношей он научился играть в шахматы, однако, очень скоро сделал быстрые успехи. Несмотря на то, что Сальве считался одним из сильнейших варшавских шахматистов, он стал выступать в турнирах лишь с 1903 года в Лодзи, куда он переехал в 1894 году.

В III всероссийском турнире Сальве взял V приз, в IV добился I приза, а в V разделил III—IV призы. Сальве участвовал со средним успехом и в нескольких международных турнирах: Остенде, 1906 г., где в предварительных группах набрал 50%, но не попал в группу

победителей, Нюрнберг, 1906 г.—VI—VIII призы, Остенде, 1907 г.—VII приз, Карлсбад, 1907 г.—IX приз, Вена, 1908 г.—VII—IX призы, Петербург, 1909 г.—VIII—X призы, Гамбург 1910 г.—11—14 место, Карлсбад 1911 г.—17—18 место, Пестьен, 1912 г.—IX—XI призы; наилучших результатов он добился на международном турнире в Дюссельдорфе (1908 г.), где завоевал II приз.

В 1903 году Сальве сыграл в ничью матч с Рубинштейном, а в 1904 и в 1907 году с почетным результатом проиграл ему (+3—4=3; +1—3=4) и Маршаллю (+1—2=5); в 1905 году Сальве выиграл небольшой матч у Мизеса (+2—1).

Александр Давидович Флямберг (1880—1926), уроженец Польши, приобрел известность удачными выступлениями в варшавских и лодзинских турнирах. Варшавским обществом любителей шахматной игры в 1901 году для матча с молодым, подающим большие надежды шахматистом был специально приглашен Шеве (+1—2). В четверном матч-турнире в Лодзи (1906 г.) с участием Чигорина, Рубинштейна и Сальве Флямберг занял 3-е место; в другом четверном матч-турнире, в Варшаве (1908 г.), с участием Сальве, Алапина и Ланглебена, он оказался на последнем месте.

Крупного успеха добился Флямберг в 1910 году, когда он выиграл чемпионат Варшавы, став выше Рубинштейна, которому, однако, он проиграл после этого матч. В том же году он выиграл матч у Боголюбова с исключительным счетом (+4=1). Последующие успехи выдвинули Флямберга в число лучших русских шахматистов: он добился II приза во всероссийском турнире любителей 1911 года и III приза во всероссийском турнире мастеров 1913—14 года. Менее удачно сыграл Флямберг в Аббации (1912 г.) и в виленском турнире мастеров 1912 года (V приз). После незакончившегося турнира в Мангейме (1914 г.) он был интернирован в Германии, где коротал вынужденный досуг, участвуя в турнирах русских военнопленных. После войны от шахмат отошел.

Особняком в этом нашем перечне, примыкая к нему только хронологически, стоит безвременно погибший молодой киевский мастер А. М. Эвенсон. Выделившись в местных турнирах, он принял участие во всероссийском турнире любителей 1913 года, где занял 1-е место, не проиграв ни одной партии и лишь одну сведя в ничью. Завоевав себе тем самым звание мастера, Эвенсон под-

твердил его в состоявшемся вслед за тем всероссийском турнире мастеров.

Во время гражданской войны Эвенсон работал в киевском военном трибунале и был расстрелян деникинцами при занятии ими Киева в 1919 году.

Отметим также некоторых шахматистов, хотя и не добившихся звания мастера, но выделявшихся своим шахматным дарованием в дореволюционной России XX века:

А. Ф. Гончаров (ум. в 1913 г.), московский шахматист, автор „Краткого учебника шахматной игры" (СПБ. 1914);

Б. П. Григорьев московский шахматист, с успехом выступавший в местных турнирах. Одно время был сильнейшим шахматистом Москвы.

Д. Я. Данюшевский — лодзинский шахматист, неоднократно становившийся в местных турнирах выше Сальве; участвовал в издании „Альманаха" Лодзинского общества любителей шахматной игры (1907 г.);

П. А. Евтифеев (ум. в 1920 г.) — петербургский шахматист; в турнире 1905 года занял 2-е место вслед за Чигориным.

С. К. Избинский (ум. в 1912 г.) — киевский шахматист; во всероссийском турнире любителей 1912 года получил III приз;

С. И. Лурье—прибалтийский шахматист, многократный участник местных турниров, а также довоенных Haupt-турниров в Германии;

С. Шапиро — с успехом участвовал от России в ряде германских Haupt-турниров; в годы империалистической войны пропал без вести.

Часть вторая

Глава пятнадцатая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ШАХМАТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В эпоху „военного коммунизма“, когда все силы молодой советской республики были брошены на защиту первого в мире пролетарского государства, шахматы естественно должны были отойти на задний план. Старые шахматные общества, клубы и кружки, — былые „деятели“ которых, кстати сказать, в изрядном количестве не замедлили переметнуться в лагерь белогвардейщины, — умерли, а новые шахматные организации не могли народиться сразу. Только позже, с переходом советской страны к мирному хозяйственному строительству, можно было подумать об их создании. Но, разумеется, в условиях советского строя и социалистического обновления всей жизни деятельность шахматных организаций должна была пойти по новому пути. Дореволюционные шахматные кружки, точно так же как и Всероссийское шахматное общество, как мы уже не раз отмечали, являлись в массе своей привилегированными, кастовыми организациями, несмотря на формальную подчас „демократичность“ и „свободный“ доступ в них всем желающим. Их материальной базой являлось, главным образом, меценатство или же взимание членских взносов, достаточно высоких и непосильных трудящимся; самодовлеющее спортсменство было основной установкой их деятельности. Ясно, что в условиях победоносной пролетарской диктатуры не могло быть и речи о восстановлении подобного рода организаций, как насквозь буржуазных по своему существу.

История советского шахматного искусства имеет своей исходной датой начало 1920 года, когда по инициативе А. Ф. Ильина-Женевского шахматы были включены в программы по допризывной подготовке трудящихся, разрабатывавшиеся по линии Всевобуча, — организации, ведавшей проведением в жизнь всеобщего военного обучения.

В разные концы РСФСР Всевобучем были разосланы циркуляры о культивировании шахмат и о содействии организации шахматных кружков, что до известной степени способствовало появлению первых ростков советского шахматного движения. Одновременно в органе Всевобуча — журнале „К новой армии" появился первый при советской власти шахматный отдел под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского. Отдел этот печатался и отдельными оттисками, причем суммы от продажи поступали на развитие шахматной организации. Всевобучем же была проведена в Москве в 1920 году Всероссийская шахматная олимпиада.

В силу своего непосредственно оборонного назначения Всевобуч, конечно, не мог стать постоянным объединяющим центром, однако, он дал значительный толчок к созданию шахматных кружков на местах. В Москве и Петрограде, а затем и в других городах (Харьков, Казань, Новгород, Томск и т. д.) постепенно начали возникать шахматные кружки. В Петрограде особенно большое значение приобрел шахматный кружок при Петрогубкоммуне, открывшийся в феврале 1921 года. Здесь проводились турниры, сеансы, лекции. Выпускался даже печатный шахматный орган — „Листок шахматного кружка Петрогубкоммуны".

В связи с возрастающим оживлением в петроградской шахматной жизни появилась необходимость в создании объединяющего руководящего центра. Однако, организаторы этого последнего понимали задачу крайне узко и неправильно, стремясь к созданию замкнутого клуба квалифицированных шахматистов, варящихся в собственном соку; тем самым как бы механически переносились на советскую почву традиции буржуазной шахматной общественности. Именно такого типа организация возникла в Петрограде летом 1921 года под названием Петроградского шахматного собрания. С августа 1922 года начал выходить (на смену „Шахматному листку Петрогубкоммуны") журнал „Шахматный Листок", являв-

шийся органом шахматного собрания, — насквозь аполитичный, целиком игнорировавший насущные задачи массового шахматного движения.

Деятельность Петроградского шахматного собрания шла исключительно по спортивному руслу: устраивались категорные турниры, был проведен чемпионат, а в конце августа 1921 года был организован командный матч Петроград — Москва.

Встреча шахматных команд обеих столиц дала толчок к созданию единой всероссийской организации. Практические шаги в этом направлении предприняло Петроградское шахматное собрание, выделив в сентябре 1922 года временное правление. Здесь в большем масштабе вновь была допущена старая ошибка: рассматривая задачи советской шахматной организации сквозь призму буржуазной ограниченности, временное правление, по сути дела, задалось целью создать всероссийский шахматный союз дореволюционного типа. И действительно, — временным правлением был принят устав, в основном копирующий устав старого Петербургского общества. Всем шахматным кружкам были разосланы декларации с предложением войти в союз. Для членов союза были объявлены турниры по переписке. Однако, главная деятельность временного правления заключалась в подготовительных мероприятиях к устройству всероссийского шахматного съезда и турнира.

На этом съезде, который открылся в июле 1923 года и насчитывал в своем составе представителей 27 городов, уже раздались голоса о необходимости перестроить шахматную работу с тем, чтобы будущий Всероссийский шахматный союз опирался на широкие массы трудящихся, без чего он не оправдает своего назначения и будет обречен на самозагнивание. Соответствующие весьма существенные поправки были внесены и в устав Всероссийского союза, а именно: 1) признать необходимость внедрения шахмат в толщу рабочих и крестьян, 2) признать право командировки на заграничные турниры достойных кандидатов только за союзом; 3) изменить состав правления, увеличив его до 9 человек (3 от Петрограда, 3 от Москвы и 3 от провинции).

В начале января 1924 года устав был зарегистрирован в Комиссариате внутренних дел, и Всероссийский шахматный союз получил возможность приступить официально

к своей деятельности, которая, однако, не могла дать положительных результатов.

Действительно, как мы уже указывали, Всероссийский союз в основном представлял собой дореволюционную, буржуазную форму шахматной организации, которая явно не соответствовала новым условиям. Существовавший только на членские взносы и отгородившийся вывеской „аполитизма“ от активного участия в социалистическом строительстве, Всероссийский шахматный союз не мог явиться действительным руководящим центром советского шахматного движения. Его практическая деятельность выразилась только в организации небольших турниров по переписке и в приглашении на гастроли, в феврале 1924 года, Эм. Ласкера.

Вот почему уже в августе 1923 года, спустя всего один месяц после принятия устава союза на съезде был поднят вопрос о создании новых форм шахматного объединения. Особенно активную поддержку этот вопрос встретил со стороны московских профсоюзных организаций, опиравшихся на опыт руководства шахматными кружками на предприятиях и в учреждениях красной столицы.

30 августа 1923 года культурно-просветительная секция Московского городского совета профессиональных союзов (МГСПС) созвала общемосковскую шахматную конференцию, на которой присутствовало около 60 представителей профсоюзных шахматных кружков. Эта цифра, увеличивавшаяся с каждым месяцем, указывала на огромный успех новой формы шахматного объединения. На конференции было избрано шахматное бюро, которое ведало всеми организационными вопросами шахматных кружков и их практической деятельностью.

Агитация, предпринятая московскими профсоюзами в пользу создания новой шахматной организации, имела большой успех также на местах. Этому способствовало то обстоятельство, что подавляющая часть отделений Всероссийского шахматного союза состояла из советских и профессиональных организаций. Резолюции, принятые на различных областных съездах, решительно высказались за принятие новых форм организации.

Еще до созыва всесоюзного шахматного съезда при Высшем совете физкультуры была создана шахматно-шашечная секция. На места были разосланы циркуляры с предложением организовать шахматно-шашечные сек-

ции при соответствующих советах физкультуры. Вместе с тем организационный комитет по устройству всесоюзного шахматно-шашечного съезда обратился ко всем шахматным организациям с письмом, в котором излагались принципы дальнейшего развития советского шахматного движения. „Организационный комитет, — говорилось в обращении, — видит в шахматах прежде всего могучее орудие интеллектуальной культуры, орудие борьбы за более высокий уровень этой культуры. Шахматы не игра, вернее, они далеко не только игра. Шахматы будят, развивают, а главное тренируют мысль. Уже это одно заставляет придавать им громадное воспитательное значение. Этого мало. Шахматы одновременно — борьба, требующая чрезвычайного напряжения воли. Они воспитывают, таким образом, не только мысль вообще, но и волю..."[391] *„Шахматы — могучее орудие интеллектуальной культуры"*, *„Дорогу шахматам в рабочую среду!"* — таковы лозунги, выдвинутые оргкомитетом к третьему шахматно-шашечному съезду.

На III шахматно-шашечном съезде — уже всесоюзном, — состоявшемся в августе 1924 года, — были не только приняты указанные выше принципиальные установки, но вопрос об отношении к шахматному искусству был высказан еще более определенно. В резолюции, принятой на этом съезде, устанавливалось, что „шахматное искусство должно стать пролетарским искусством; шахматы должны стать пролетарской игрой — вот лозунги, под которыми должно развиваться и быть развиваемо шахматное движение рабочих масс повсеместно". Однако такая постановка вопроса „отнюдь не может и не должна заключать в себе лозунга создания обязательного „своего" пролетарского шахматного искусства в отличие от шахматного искусства буржуазии и полной изоляции рабочих шахматистов от шахматных достижений буржуазных мастеров вплоть до игнорирования самого существования этих последних". Повышение квалификации советских шахматистов и дальнейший рост советского шахматного движения должно ставиться в тесной связи с устройством в Советском Союзе международных турниров с участием буржуазных мастеров, а также командировками на международные буржуазные турниры лучших советских мастеров. В дальнейшем всесоюзная шахматная секция вынесла принципиальное решение по по-

воду участия советских шахматистов в буржуазных международных турнирах: „Шахсекция считает, что в известных условиях участие рабочих шахматистов в буржуазных состязаниях было бы политически выгодным, поскольку сплачивало бы рабочих вокруг идеи классовой солидарности и противопоставления себя, как класса, буржуазии. С этой точки зрения шахсекция считала бы в известных условиях возможным участие шахматной пролетарской организации в международных турнирах с тем, чтобы победой над буржуазными мастерами поднять в среде пролетарских масс уважение к себе и веру в свои силы и молодые дарования“ [392].

На III шахматном съезде были также разработаны и утверждены новые формы массового шахматного объединения. Всероссийский шахматный союз был ликвидирован. В резолюции, принятой на съезде, указывалось: „Признавая, что ВШС сыграл в свое время положительную роль в деле объединения шахматистов и развития шахматного дела в стране, съезд считает его работу законченной“. [393]

Начался новый период в развитии советского шахматного искусства. Шахматы были включены в систему физической культуры, и общее руководство деятельностью всех шахматных организаций взяло на себя советское государство.

В качестве высшего шахматного органа была создана Всесоюзная шахсекция при Высшем совете физической культуры РСФСР, призванная руководить шахматным движением через шахсекции при местных советах физкультуры. Параллельно шахсекциям СФК при соответствующих советах профсоюзов возникли шахматные бюро, объединяемые шахкомиссией ВЦСПС. Точно также были созданы шахбюро при политуправлениях военных округов, координирующие шахматную деятельность в РККА.

На Всесоюзную шахсекцию были возложены следующие задачи: 1) руководство работой шахсекций СФК и шахматных кружков на территории всего Союза ССР; 2) массовая пропаганда шахмат и шашек, их продвижение в толщу рабочих и крестьян; 3) созыв всесоюзных шахматно-шашечных съездов и организация всесоюзных соревнований и турниров; 4) издание шахматно-шашечной литературы; 5) руководство выступлениями советских

шахматистов на международной шахматной арене, как путем командирования отдельных мастеров за границу, так и путем устройства международных турниров в СССР.

Таким образом III Всесоюзным шахматно-шашечным съездом советская шахматная организация была реорганизована в массовую организацию, опирающуюся на могучую поддержку государства и профсоюзных организаций. Советское шахматное движение становится действительно массовым, охватывающим широкие слои трудящихся СССР; задачи шахматной организации тесно связываются с задачами культурной революции.

Широко развернулось после III шахматно-шашечного съезда советское шахматное движение, охватившее огромное число шахматистов и шашистов. Турниры низовых кружков, чемпионаты городских и областных профсоюзов, чемпионаты ЦК профсоюзов, завершающиеся чемпионатом ВЦСПС — вот стройная система, ежегодно проводимая почти всеми профсоюзами. С каждым годом эти соревнования вовлекают новые массы шахматистов и поднимают их квалификационный уровень. В Советском Союзе нет ни одного города, в котором не происходили бы различного рода профсоюзные шахматные соревнования. Значение этих соревнований вырастает с каждым годом. Именно опираясь на профсоюзную массу, советское шахматное движение достигло небывалого расцвета. Организованные в настоящее время в большинстве профсоюзов добровольные общества способствуют еще большему развитию шахматного искусства среди членов профессиональных организаций.

Наряду с профсоюзными соревнованиями большое значение приобрели регулярно устраиваемые чемпионаты городов, районов, областей, союзных республик и, наконец, чемпионаты СССР.

Всесоюзная шахматная секция, в целях большего поднятия интереса к шахматному искусству среди широких масс трудящихся, решила провести в 1925 году в Москве международный турнир.

Первый международный турнир, организованный на средства государства, сыграл выдающуюся роль в деле поднятия и развития шахматного движения в СССР. Шахматы стали проникать в самые отдаленные уголки Советского Союза.

Признавая вполне возможным приглашение в СССР отдельных буржуазных мастеров, советская шахматная

организация ответила категорическим отказом на приглашение международной шахматной ассоциации (ФИДЕ) вступить в число членов этого объединения, как организации формально аполитичной, а фактически враждебной интересам рабочего класса. В то же время на IV Всесоюзном шахматно-шашечном съезде, который происходил одновременно с международным, помимо организационных вопросов обсуждался вопрос вхождения шахматной организации СССР в Рабочий шахматный интернационал (Шахинтерн) В результате переговоров с представителями Шахинтерна в апреле 1926 года в Иене состоялось соглашение. Однако, в дальнейшем раскольнические действия стоящих во главе Шахинтерна реформистов, подрывающие подлинное революционно-классовое единство рабочего шахматного движения, вынудили советскую шахматную организацию выйти из состава Шахинтерна, и на Международном рабочем шахматном конгрессе в Ленинграде (август 1929 года) было принято решение организовать шахсекцию при Красном Спортинтерне. В дальнейшем (1930—1933 гг.) советская шахматная организация, борясь за единый фронт рабочих шахматистов всего мира, организовала матчи по телеграфу между советскими (главным образом ленинградскими) шахматистами и рабочими шахматными кружками Австрии, Германии, Голландии, Норвегии, Чехо-Словакии, Швейцарии и Швеции. Наконец, в 1935 году СССР принял участие в антифашистском спортивном слете в Гетеборге (Швеция), послав на шахматный турнир одного из своих лучших шахматистов — Н. Н. Рюмина.

В основном правильно разрешив вопрос о создании единого руководящего центра, необходимого для дальнейшего успешного развития шахматно-шашечного движения в СССР, новая форма страдала, однако, организационной недоговоренностью. Находясь при ВСФК РСФСР, Всесоюзная шахсекция не являлась полномочным всесоюзным центром, так как в каждой союзной республике имеются свои равноправные Советы физической культуры, и организация Всесоюзной шахсекции при ВСФК РСФСР в известной степени ущемляла права других союзных республик. Вместе с тем уже в скором времени сказался параллелизм в работе, возникавший вследствие того, что шахматным делом ведали одновременно две организации—ВСФК и ВЦСПС.

Первый вопрос был разрешен в марте 1927 года на объединенном пленуме шахсекций союзных республик, который в целях координации руководства деятельностью шахматных организаций во всесоюзном масштабе вынес решение создать единый Совет шахсекций СССР, временно действующий при ВСФК РСФСР, но облеченный всесоюзными полномочиями. В состав Совета шахсекций союзных республик вошли представители от шахсекций ВСФК РСФСР, УССР, ЗСФСР, автономных республик, шахсекций Москвы и Ленинграда, ВЦСПС, Военведа, ЦК ВЛКСМ и т. д.

Однако, вопрос о параллелизме в шахматной работе физкультурных и профсоюзных организаций не нашел ясного разрешения. Совет шахсекций признал целесообразным „продолжать развивать обе эти организации в зависимости от местных условий с тем, однако, непременным условием, что та и другая, где бы они ни существовали, в своих взаимных отношениях руководятся, в качестве основного принципа и основной идеи, — идеей единства шахматного движения и необходимости единого руководящего центра"[394].

V Всесоюзный шахматно-шашечный съезд, состоявшийся в Москве в октябре 1927 года, подтвердил правильность работы Совета шахсекций. Лозунг — шахматы в массы оставался действенным и для этого периода времени. За истекшие два года с момента IV шахматно-шашечного съезда была проделана огромная работа на местах. Шахматное движение в СССР росло с каждым месяцем. Достаточно показательным для роста шахматного движения является непрерывный рост молодых кадров, которым были обеспечены все условия для дальнейшего поднятия их квалификации. (На V съезде были рассмотрены также вопросы инструктажа, квалификации и шахматной печати.)

И уже VI Всесоюзный чемпионат выдвинул ряд талантливых шахматистов, которые, несмотря на трудные условия турнира, сумели опередить многих испытанных мастеров.

Рост молодежи еще более обнаружился в VII Всесоюзном чемпионате, где молодые мастера заняли уже первые места. Число молодых мастеров увеличивается с каждым годом.

VII Всесоюзный съезд (октябрь 1931 года) имел огромное значение для советского шахматного движения.

Несмотря на то, что уже с конца 1929 года многие профсоюзы проводили шахматную работу в тесной связи с политико-воспитательной работой, тем не менее очень часто шахматные организации вели только свою квалификационную работу обособленно от общественно-политической жизни страны. Правда, наиболее передовые шахсекции профсоюзов участвовали в отдельных политических кампаниях (перевыборы в советы, проведение подписки на заем, борьба за ликвидацию неграмотности и т. д.), но это еще не вошло в систему их работы.

В условиях ожесточенной борьбы за реконструкцию страны, за выполнение сталинских пятилеток, за социалистическую переделку сельского хозяйства и построение социализма шахматная организация должна была перестроиться, чтобы вместе со всеми культурно-просветительными организациями активно участвовать в социалистическом строительстве. Решение XVI съезда ВКП(б) о пропитании коммунистическим содержанием всей культурно-просветительной работы необходимо было осуществить в кратчайший срок.

Как указывалось на VII Всесоюзном шахматно-шашечном съезде, „пропитать нашу шахматно-шашечную организацию, нашу шахматно-шашечную работу политическим содержанием — значит сделать из наших шахматистов и шашистов политических работников, сознательных участников социалистической стройки".

Вместе с тем на съезде было принято очень важное решение о перестройке всей шахматной работы по производственному принципу. Таким образом основная шахматная работа должна будет проводиться непосредственно на производствах, что даст возможность приблизить ее к хозяйственно-политической жизни трудящихся.

Однако эти решения VII Всесоюзного шахматно-шашечного съезда не были в полной мере реализованы Всесоюзной шахсекцией, в которую пробрались ныне разоблаченные враги народа. Они всячески пытались затормозить дальнейшее развитие советского шахматного движения и оторвать шахорганизацию от общественно-политической жизни страны.

Еще долгое время оставался открытым вопрос о параллелизме в шахматной работе физкультурных и профсоюзных организаций. В апреле 1930 года постановление ЦИК СССР об организации Всесоюзного совета физической культуры с созданием при его прези-

диуме шахматно-шашечного сектора внес ясность во взаимоотношения двух названных организаций: за советами физической культуры сохранились функции государственного руководства и контроля над всей работой по физкультуре, в том числе и по шахматам. Обеспечивая шахматной работе прочную материальную базу, принятая структура дала возможность еще шире развернуть деятельность шахматных организаций.

При Всесоюзной шахсекции для проведения повседневной работы были созданы секретариат (с инструкторским аппаратом) и ряд специальных комиссий, а именно: 1) высшая шахматная квалификационная комиссия, 2) высшая шашечная квалификационная комиссия, 3) учебно-методическая комиссия, 4) комиссия по делам шахматно-шашечной печати, 5) комиссия по делам композиции и 6) турнирный комитет по проведению всесоюзных шахматно-шашечных турниров по переписке.

К работе всех этих комиссий был привлечен шахматно-шашечный актив.

Постановление ЦИК СССР от 21 июня 1936 года о создании Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, явившееся выражением исключительной заботы советского правительства о физическом воспитании трудящихся, еще более повысило авторитет физкультурных, а вместе с тем и шахматных организаций. „Усиление государственного контроля над работой спортивных организаций и упорядочение системы физического воспитания трудящихся открывают широкие перспективы“, — писала „Правда“ в передовой статье.

Организованные в 1935 и 1936 гг. международные турниры в Москве, а также матч Ботвинник—Флор (1934 г.) подвели блестящие итоги развития советского шахматного движения.

Под руководством партии Ленина—Сталина советское шахматное движение достигло невиданного в истории развития. Миллионы трудящихся нашей социалистической родины активно участвуют в этом движении. В шахматы и шашки играют всюду: в больших промышленных городах и в колхозах, на северных зимовках и в кишлаках Средней Азии, в частях Красной Армии и в школах; в них играют рабочие, колхозники, советская интеллигенция, бойцы РККА, школьники, студенты, женщины. Шахматы и шашки стали подлинно народной игрой. Сотни тысяч участников соревнования профсою-

зов, школьников, турниров заводов-гигантов, женских и других; огромный интерес к шахматам и шашкам, регулярный выход двух специальных шахматно-шашечных газет и шахматного журнала — таковы факты, наглядно иллюстрирующие небывалый подъем советского шахматного движения.

Таких успехов, такого роста шахматное движение могло достигнуть только в нашей стране, где благодаря неустанным заботам партии и правительства, неизмеримо выросла культура, где трудящимся предоставлены широкие возможности заниматься любым видом науки, культуры и искусства.

Советская шахматная организация, укрепляя свои ряды, очистившись от пробравшихся в нее врагов народа, сплоченная вокруг большевистской партии и величайшего вождя, друга и учителя народов товарища Сталина, идет к новым победам, к новым творческим достижениям, возможным только в стране победившего социализма.

Оценка советского шахматного движения была дана газетой „Правда“ (29 августа 1936 года) по поводу блестящей победы М. М. Ботвинника в ноттингэмском международном турнире. Эту статью под названием „Шахматисты нашей страны“ мы приводим целиком.

„Молодой советский шахматист, инженер-электрик, аспирант одной из ленинградских лабораторий Наркомтяжпрома, комсомолец Михаил Ботвинник вышел победителем в международном шахматном турнире в Ноттингэме. Дело не меняется от того, что в последний момент Ботвинника нагнал экс-чемпион мира, виртуоз шахматной техники Х. Р. Капабланка, с которым чемпион СССР поделил первый и второй призы. Главное не в призах. Важно то, что Ботвинник с самого начала турнира и до конца шел спокойно и уверенно, показал высокое мастерство, выдержку, настойчивость, волю к победе, продемонстрировал, какую силу дает соединение теоретических знаний с полным овладением техникой. Ботвинник был настоящим лидером турнира, он провел его с большим блеском и без единого поражения.

„Эта победа молодого советского шахматиста в международном масштабе весьма поучительна. Турнир в Ноттингэме представлял собою исключительное явление в истории мировых шахматных состязаний. Здесь собрался весь цвет современного шахматного мира, в том числе группа чемпионов, состоящая из трех бывших

и одного нынешнего чемпиона мира. Впервые участвуя в таком ответственном и сложном состязании, на первое место выходит молодой советский гросмейстер.

„Все это, конечно, не случайно. Шахматы давно стали у нас одним из важнейших факторов культурного воспитания масс. Мы ценим шахматы, эту „мудрую“ игру, стоящую на грани между наукой и искусством, потому что они содержат в себе богатейшие элементы художественного творчества. Шахматы развивают в человеке методичность и последовательность, дают простор аналитическим способностям, творческой фантазии. Но прежде всего, шахматы — это борьба, борьба напряженная, требующая для достижения победы большой выдержки, настойчивости, решительности, железной воли.

„Наши великие учителя К. Маркс и В. Ленин в часы своего досуга отдавали дань увлечению шахматами. Они видели в них прежде всего средство воспитания воли, тренировки на выдержку и силу нервов. Главный интерес для Ленина в шахматах состоял в упорной борьбе, в том, чтобы сделать наилучший ход, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения. Выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие лучшие ходы противника, а не слабые. Он предпочитал играть с сильнейшим противником.

„Сейчас в самых отдаленных уголках нашей страны, в глухих селах, колхозах горных аулах Дагестана, в кишлаках среднеазиатских республик существуют шахматные кружки. Любителей этой игры, организованных и так называемых неорганизованных шахматистов,— миллионы. Мы уже не удивляемся, когда встречаем в печати такого рода сообщения: „На мысе Шмидта начался турнир победителей полярных станций. Ходы передаются по радио“ или: „В Уратюбинском, Ленинабадском, Шахристанском, Пролетарском и Канибадамском районах (север Таджикистана) шахматные и шашечные турниры начались в большинстве колхозов“. Недавно в совхозе им. Сталина (Московская область), отстоящем от железной дороги на 20 километров, собрался всесоюзный съезд свинарей, скотников и зоотехников — любителей шахматной и шашечной игры.

„Таких фактов можно привести бесконечное множество.

„Мы не говорим уже о размерах шахматного движения в Красной армии, где нет ни одного красноармейского клуба или красного уголка без шахмат. А шахматное

движение среди школьников, среди пионеров! Какое замечательное зрелище представляют собой шахматные турниры среди пионеров, как поражает их серьезный подход к этой игре, их стремление овладеть теорией и практикой шахматного искусства.

„СССР становится классической страной шахмат. Знаменитые шахматные мастера Западной Европы и Америки с изумлением и завистью смотрят на рост нашей шахматной культуры. Ничего похожего нет в их странах.

„Никто не может соперничать с нашей страной в развитии шахматного движения. Наши молодые мастера, как участвовавшие в международных турнирах, так и не участвовавшие, показали всему миру, что и в шахматной теории и в шахматной практике они догнали лучших мастеров Запада. Единство чувств и воли всей страны, огромное внимание и забота о людях советской власти, коммунистической партии и прежде всего товарища Сталина,— вот первоисточники побед советской страны, будь это в области завоевания воздуха, на спортивных стадионах Чехословакии или за шахматными столами Ноттингэма. Сидя за шахматным столом в Ноттингэме, Ботвинник не мог не чувствовать, что за каждым движением его деревянных фигурок на доске следит вся страна, что вся страна от самых глухих углов до кремлевских башен, желает ему успеха, морально поддерживает его. Он не мог не ощущать этого мощного дыхания своей великой родины. Вот почему он играл так спокойно и уверенно, вот почему он мог позволить себе роскошь играть агрессивно, отступая часто от старых навыков и шаблонов.

„Победа Ботвинника в Ноттингэме ко многому обязывает наше шахматное движение, наши шахматные организации. Резервы талантов у нас неисчерпаемы. За спиною Ботвинника стоят такие мастера, как Рагозин, Рюмин, Кан, молодые таланты в национальных республиках — Гоглидзе (Грузия), Каспарян (Армения) и десятки и сотни других. Они не профессионалы, гоняющиеся за денежными премиями. Каждый из них имеет свою другую — основную профессию.

„Наша страна бережет и лелеет свои таланты, окружает их своей заботой и лаской, государство дает им возможность развить свое дарование, совершенствоваться. И мы вправе ожидать, что победа Ботвинника приведет к новому подъему, к завоеванию еще больших высот шахматного искусства“.

Глава шестнадцатая

СОВЕТСКИЕ ШАХМАТНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Для нашей темы не представляют интереса незначительные шахматные мероприятия, проводившиеся в первые годы революции на началах любительской самодеятельности небольшими группами квалифицированных шахматистов Москвы и Петрограда. Шахматно-общественный резонанс этих мероприятий был ничтожен, и по существу они лишь хронологически относятся к советской эпохе [395]. Со своей стороны ни молодое советское государство, ни советская общественность, целиком поглощенные задачей борьбы с полчищами белогвардейцев и интервентов, естественно не могли в то время уделить внимание проблемам шахматного искусства и шахматного движения.

Первыми советскими шахматными соревнованиями явились турниры так называемой Всероссийской шахматной олимпиады 1920 года.

Мысль об организации шахматных соревнований, причем всероссийского масштаба, впервые при советской власти стала широко высказываться на страницах издававшегося Всевобучем журнала „К новой армии". Именно, в этом журнале, по инициативе А. Ф. Ильина-Женевского (работавшего в то время в Управлении Всевобуча на посту главного комиссара), открылся шахматный отдел,— первый по времени возникновения в советской периодике. Явившись рупором нарождавшейся советской шахматной общественности, этот орган печати сыграл большую роль в пропаганде и организации показательного смотра шахматных сил, унаследованных советской республикой от старого, дореволюционного шахматного движения.

Таким смотром и явилась Всероссийская шахматная олимпиада, открывшаяся в Москве в октябре 1920 года.

В программу олимпиады были включены два параллельных турнира: всероссийский чемпионат-турнир на звание чемпиона РСФСР и побочный турнир.

Впервые в истории шахматных соревнований подготовка к турниру осуществлялась мерами военного порядка. Одной из труднейших задач оргкомитета было разыскать и собрать в Москву сильнейших шахматистов, проживавших в РСФСР. Оргкомитет воспользовался для этой цели аппаратом Всевобуча. Во все территориальные округа главным управлением Всевобуча была послана телеграмма, содержание которой мы приведем, как любопытный бытовой документ истории шахматных соревнований в первые годы советской власти: „Первого октября Москве состоится шахматный турнир. Приказываю широко оповестить округ настоящем турнире. Помещение и продовольствие Москве обеспечено. Не позднее 15 сентября представить Москву Главупрвсевобуч сведения желающих участвовать турнире: имя, фамилия, адрес службы, занимаемая должность, степень незаменимости, год рождения, начало занятий шахматами, название шахматного общества, каких состязаниях участвовал, занятое место, нуждается ли Москве помещении. О допущенных участию турнире будет сообщено телеграфно. 17 августа 1920 г.“ [396]

Одновременно с телеграммой был послан список сильнейших шахматистов, персонально приглашаемых в чемпионат РСФСР.

Благодаря энергии организационного комитета и начальников местных территориальных округов в чемпионат удалось пригласить действительно всех лучших советских шахматистов.

В главном турнире приняли участие 16 шахматистов: Алехин, Романовский, Левенфиш, И. Рабинович, Блюменфельд, А. Рабинович, Ильин-Женевский, Григорьев и другие. Из известных шахматистов, проживающих на советской территории, не удалось привлечь по различным причинам Дуз-Хотимирского, Богатырчука, Фреймана, Ненарокова и Левитского. Первое место занял Алехин (+12 из 15); на втором месте—Романовский (+11), который добился, согласно условиям турнира, звания мастера; на третьем месте оказался Левенфиш (+10), на четвертом—И. Рабинович (+$9^1/_2$) и т. д.

В побочном турнире также подобрался хороший состав участников.

Побочный турнир проводился одновременно в трех группах. В финальной стадии 9 сильнейших шахматистов — по 3 от каждой группы — составили турнир победителей. На этом последнем лучше всех сыграли Выгодчиков и Кляцкин, набравшие по 6 очков, и Алексей Алехин ($5^1/_2$). Решительный матч между Выгодчиковым и Кляцкиным выиграл первый.

Московская олимпиада в свое время сыграла большую агитационную роль и дала толчок к развертыванию шахматной самодеятельности на местах.

В чемпионате Москвы 1920/21 года первенство завоевал Цукерман, на втором месте Григорьев.

Чемпионат Москвы 1921/22 года собрал 18 участников (трое не окончило турнира); победителем чемпионата вышел Григорьев, но в последовавшем затем матче первенство Москвы было выиграно Ненароковым (со счетом +6—3=2). В апреле 1921 года в Томске состоялась всесибирская олимпиада, окончившаяся победой Тронова и Холодкевича.

В Харькове чемпионат города был завоеван Янушпольским. В Киеве победителем чемпионата вышел Богатырчук.

В 1922 году в Москве был организован турнир с участием двух мастеров: А. Рабиновича и Дуз-Хотимирского. Победителем оказался Ненароков; второе—третье места разделили Ильин-Женевский и А. Рабинович. Первенство Москвы на 1922/23 год вновь было выиграно Григорьевым. В чемпионате Харькова победитель — Алексей Алехин (после матча с Фрейдбергом).

Впервые при советской власти в этом же году был проведен в Петрограде матч с Москвой, причем победителями оказались москвичи (14 :8).

В июне 1923 года в Минске состоялся I всебелорусский чемпионат, а в июле Петроградскому шахматному собранию удалось созвать всероссийский шахматный съезд, в программу которого входила организация двух турниров: всероссийского чемпионата и турнира городов.

В главном турнире участвовало: 13 человек: Романовский, Левенфиш, Богатырчук, Дуз-Хотимирский, Ненароков, И. Рабинович и другие. Не мог принять участия в турнире вследствие болезни уже приехавший в Петроград Левитский.

Первое место и звание чемпиона РСФСР завоевал Романовский, набравший 10 очков (из 12), II—Левенфиш

(+9), III—V—Богатырчук, Дуз-Хотимирский и Ненароков (+7½) и т. д. Богатырчуку и Ненарокову было присвоено звание мастера.

Участники турнира городов были разделены на 3 группы по 12 человек в каждой. Давшие наилучший результат — по три от каждой группы — составили затем турнир победителей. Первое место в нем занял Сергеев (Серпухов) +5, второе — Верлинский (Москва) +4½, третье Созин (Новгород) +4 и т. д.

В конце 1923 года состоялся турнир в Новгороде с участием петроградских шахматистов: на первом месте в этом турнире встал И. Рабинович, на втором — Романовский, на третьем — Созин.

В 1923 году у Григорьева дважды пытались оспаривать первенство Москвы путем матчей Ненароков и Зубарев. Оба матча окончились в ничью с результатом +5—5=3 и +5—5, и таким образом звание чемпиона осталось за Григорьевым.

В феврале 1924 года были организованы гастроли Эм. Ласкера. Это были первые при советской власти гастроли иностранного мастера. Эм. Ласкер посетил Петроград и Москву и сыграл 7 серьезных партий, причем выиграл по одной у Григорьева, А. Рабиновича и Романовского и сделал ничьи с Романовским, Левенфишем, Ненароковым и И. Рабиновичем.

В этом же году в Москве был проведен всесоюзный шахматный съезд[397], привлекший 18 участников. Входивший в его программу всесоюзный чемпионат привлек, помимо приехавших из Триберга Боголюбова и Селезнева, почти всех сильнейших советских шахматистов.

Первое место завоевал Боголюбов (+15 из 17); на втором оказался прошлогодний победитель Романовский (+12½), III—IV—Богатырчук и Левенфиш (+11½), V—И. Рабинович (+10), VI—VII—Вильнер, Ненароков и Селезнев (+9½); далее следовали: Созин (+9), Верлинский и Дуз-Хотимирский (+8½), А. Рабинович (+8), Ильин-Женевский +7 и т. д. Вильнер, Селезнев и Созин добились на этом чемпионате звания мастера.

В программу III всесоюзного съезда вошли также турниры городов, рабочий турнир и чемпионат Красной армии и флота.

В турнире городов А победитель получал условное звание мастера. Это звание завоевал Зубарев (Москва)

+9; второе место занял Травин (Слуцк) +8½, третье—четвертое Слоним (Москва) и Сорокин (Киев) по +7½. *Турнир городов Б и Б-bis, в котором участвовало 54 шахматиста, был разделен на шесть групп, призеры которых* (по два от каждой группы) вновь образовали две группы победителей. Победителем первой группы оказался Кутузов (Архангельск), второй — Касперский (Минск); после безрезультатного матча (3 ничьих) оба они получили право участия в следующем всесоюзном чемпионате.

Рабочий турнир окончился победой Фрейдберга (Харьков): второе место занял Барулин (Москва), третье — Рузинов (Киев).

В чемпионате РККА победу одержал Шмидт.

III всесоюзный съезд подытожил работу, проделанную за несколько лет. Он показал, что в смысле техники советское шахматное искусство пока еще уступало западно-европейскому. Это подтвердилось также результатом матча Боголюбов—Романовский (+5—1=6). Однако, глубокая перестройка самых основ шахматного движения открывала широкие перспективы к поднятию уровня игры и к выращиванию новых талантливых кадров.

Чемпионат Москвы опять был выигран Григорьевым; на втором месте Верлинский, на третьем — Ненароков. В последовавшем за тем матче против Григорьева первенство Москвы перешло к Ненарокову (+6 — 4 = 4).

Перед съездом в Ленинграде разыграно было первенство города: завоевал его Левенфиш, второе место занял И. Рабинович, третье — Романовский. В десятерном турнире впереди всех встали Боголюбов и Романовский, по +7, за ними — Готгильф (получивший условное звание мастера, с правом участия в IV всесоюзном чемпионате) +6½, на четвертом месте — И. Рабинович +6. Проведены были первенства на Украине и в Белоруссии.

В августе 1925 года в Ленинграде открылся IV всесоюзный чемпионат. Одновременно были проведены турнир городов, рабочий турнир и турнир РККА.

В чемпионате участвовало 20 человек. Победа на этот раз досталась Боголюбову с большим трудом (+ 14 из 19), что указывало на несомненный рост технического совершенства советских шахматистов за истекший год. Второй приз завоевал Левенфиш (+ 13), III — И. Рабинович (+ 12½), IV—Верлинский (+ 12), V — Дуз-Хотимирский

($+11^{1}/_{2}$), VI—VIII—Готгильф, Ильин-Женевский и Романовский (по + 1); далее следовали: А. Рабинович и Сергеев (по + 10) и т. д. Звание мастера в этом турнире подтвердили Готгильф и Зубарев.

IV всесоюзный чемпионат являлся также подготовительным турниром к международному, который должен был дать серьезную проверку мастерам молодого советского шахматного искусства.

Турнир городов, в котором участвовало 60 шахматистов из разных концов Союза, на две трети состоял из молодежи, выросшей в самые последние годы. Все участники были разделены на шесть групп, и 3 первых призера каждой группы составили две группы победителей. В первой группе победителей: I — Модель (Ленинград) $+5^{1}/_{2}$ (из 7), II — Гуецкий (Житомир) и Поляк (Москва) по $+4^{1}/_{2}$ и т. д.; во второй группе: I — Марский (Днепропетровск) +7 (из 9), Раузер (Киев) $+6^{1}/_{2}$, Григоренко (Харьков) и Розенкранц (Москва) по $+4^{1}/_{2}$ и т. д. Решительный матч победителей обеих групп закончился победой Моделя, выигравшего матч у Марского (+3—1).

В рабочем турнире участвовали только ленинградцы (I — Фридляндский). Турнир РККА дал победу москвичу Баранову.

В 1925 году было проведено первенство Украинской ССР (в Харькове) и Белорусской ССР (в Минске). В Москве победителем первенства вышел Сергеев (получивший в связи с этим звание мастера), второе — третье места разделили Блюменфельд и Верлинский, четвертое занял А. Рабинович. В отборочном турнире мастеров Москвы (для I московского международного турнира) места распределились следующим образом: I — Зубарев +6 (из 8), II—Ненароков +5; за ними: Блюменфельд и Селезнев по $+3^{1}/_{2}$, Григорьев +2. В первенстве Ленинграда произошел редкий в шахматной практике случай: впереди всех, с одинаковым количеством очков, встало четыре участника — Ильин-Женевский, Левенфиш, И. Рабинович и Романовский. Ильину-Женевскому было присвоено звание мастера. В том же году состоялся первый чемпионат ВЦСПС; победу одержал Лесман (Ленинград).

Центром события шахматной жизни СССР в 1925 г. явился I международный турнир в Москве.

Еще на III всесоюзном съезде была высказана мысль об устройстве в Москве международного турнира. Задачей этого турнира ставилось возбудить интерес к шах-

матному искусству среди широких масс трудящихся, что и оправдалось в действительности, так как именно после международного турнира начался новый подъем шахматной жизни в СССР. Велико также и политическое значение его, как первого в мировой истории международного шахматного турнира, организованного на средства государства. Подводя прочную материальную базу под организацию турнира и ликвидируя возможность какого бы то ни было закулисного частного влияния, советское государство открывало новые богатейшие перспективы перед шахматным искусством, раскрепощая его от меценатства и рекордсменства.

Решено было, что одна половина участников турнира будет состоять из советских мастеров, другая — из иностранных.

9 ноября 1925 года состоялось торжественное открытие международного турнира, а на следующий день в огромном зале московского „Метрополя" началась игра. В продолжение всего турнира посещаемость превзошла всякие ожидания. На улице у „Метрополя" стояла тысячная толпа зрителей, не попавших на турнир (зал вмещал только 1500 чел.), терпеливо ожидавших сообщения о ходе борьбы. Иностранные мастера единодушно утверждали, что ни один из международных турниров, устраиваемых буржуазными организациями, не вызывал такого интереса.

Советские шахматисты в общем заняли средние места. Это было большой победой, если принять во внимание, что в числе 10 иностранцев участвовали такие корифеи, как Ласкер, Капабланка, Маршалль, Рети, Рубинштейн, Шпильман и другие. Кроме Рети, ни один из иностранцев не избежал поражения от советских мастеров (см. таблицу № 23)[398].

После международного турнира шахматная жизнь в СССР стала развиваться бурными темпами. Вскоре после окончания международного турнира был организован в Ленинграде четверной турнир с участием Торре; результаты видны из таблицы № 24.

В Ташкенте матч Дуз-Хотимирский—Фрейман закончился в ничью (+5 — 5). В 1926 году в особенности широко развернулась шахматная работа на местах. Помимо первенства Украинской ССР, проведенного в Одессе (I—II—Верлинский и Марский, III — Гуецкий), первенства Москвы (I — А. Рабинович, II — Зубарев, III—IV — Слоним

Таблица № 23

Москва 1925 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	Итог
1. Боголюбов	×	½	0	½	1	1	0	½	1	1	½	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	15½
2. Ласкер	½	×	½	1	½	0	½	1	½	1	1	1	1	1	0	½	1	½	½	1	1	14
3. Капабланка	1	½	×	1	1	½	½	½	½	0	1	0	½	½	½	½	1	1	1	1	1	13½
4. Маршалль	½	0	0	×	½	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	1	½	½	0	1	1	12½
5. Тартаковер	0	½	0	½	×	½	1	½	½	½	½	1	1	1	½	1	1	½	½	½	½	12
6. Торре	0	1	½	1	½	×	½	0	½	½	0	1	½	½	1	½	0	1	1	1	1	12
7. Рети	1	½	½	0	0	½	×	1	0	1	1	½	½	0	½	1	1	1	½	½	½	11½
8. Романовский	½	0	½	0	½	1	0	×	1	0	½	1	0	0	1	1	1	1	½	1	1	11½
9. Грюнфельд	0	½	½	½	½	½	1	0	×	1	½	½	0	½	½	1	1	½	½	½	½	10½
10. Ильин-Женевский	0	0	1	1	½	½	0	1	0	×	½	0	½	1	0	½	1	½	½	1	1	10½
11. Богатырчук	½	0	0	0	½	1	0	½	½	½	×	½	1	½	½	1	½	½	½	½	1	10
12. Верлинский	0	0	1	0	0	0	½	0	½	1	½	×	1	1	1	½	0	½	1	1	0	9½
13. Рубинштейн	½	0	½	0	0	½	½	1	1	½	0	0	×	0	1	0	0	1	1	1	1	9½
14. Шпильман	0	0	½	0	0	½	1	1	½	0	½	0	1	×	1	½	½	½	1	0	1	9½
15. Левенфиш	0	1	½	0	½	0	½	0	½	1	½	0	0	0	×	1	1	½	½	1	½	9
16. Рабинович И.	0	½	½	0	0	½	0	0	0	½	0	½	1	½	0	×	1	1	½	1	1	8½
17. Етс	0	0	0	½	0	1	0	0	0	0	½	1	1	½	0	0	×	½	1	0	1	7
18. Готгильф	0	½	0	½	½	0	0	0	½	½	½	½	0	½	½	0	½	×	1	0	½	6½
19. Земиш	0	½	0	1	½	0	½	½	½	½	½	0	0	0	½	½	0	0	×	1	0	6½
20. Дуз-Хотимирский	0	0	0	0	½	0	½	0	½	0	½	0	0	1	0	0	1	1	0	×	1	6
21. Зубарев	0	0	0	0	½	0	½	0	½	0	0	1	0	0	½	0	0	½	1	0	×	4½

Таблица № 24

Ленинград 1925 г.	1	2	3	4	Итог
1. Готгильф	×	1 0	1 1	0 1	4
2. Рохлин	0 1	×	½ ½	1 0	3
3. Торре	0 0	½ ½	×	1 1	3
4. Модель	1 0	0 1	0 0	×	2

и Холодкевич) и Ленинграда (I — Ильин-Женевский, II — III — Ботвинник и И. Рабинович), разыграны были также первенства Харькова (I—II — Григоренко и Янушпольский), Киева (I—Погребысский), Одессы (I — Баллодит), Тбилиси (I — Смородский) и Ташкента, где победителем явился Генкузен, так как стоящий выше него мастер Фрейман участвовал в турнире вне конкурса. Кроме того, проведены были областные турниры: Поволжский (I — Косолапов) и Северо-Западный (I — И. Рабинович, II — Ильин-Женевский, III — Ботвинник). Здесь, как равно и во всем нашем очерке, при указании местных турниров, особенно городских, мы вынуждены ограничиваться указанием лишь наиболее крупных по своему значению соревнований.

Матч Москва—Ленинград, разыгранный на 22 досках в Москве, закончился вторично победой москвичей (+23½—20½).

В апреле 1926 года в Иену выезжала на шахматные соревнования Германского рабочего шахматного союза делегация советских шахматистов, командированная ВЦСПС, которая весьма успешно выступала в турнире и матче против сборной команды рабочих Германии.

В июле выезжали в Гельсинки Ильин-Женевский, Левенфиш и Рохлин, которые с большим успехом провели в местных клубах сеансы одновременной игры. В ноябре ленинградская профсоюзная команда встретилась в Стокгольме со сборной командой города и выиграла матч с результатом +12½—11½.

В этом же году гастролировал в СССР югославский мастер Костич (Москва, Серпухов, Тбилиси, Баку, Батуми и т. д).

В сентябре 1927 года состоялся очередной V всесоюзный шахматный турнир в Москве, который собрал почти всех лучших советских шахматистов (см.

Таблица № 25

Москва 1927 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	Итог
1. Богатырчук	×	0	1	1	1	1	1	½	½	1	½	½	½	1	½	1	1	½	½	½	1	14½
2. Романовский	1	×	0	½	½	½	1	0	1	½	0	1	1	1	1	1	1	1	½	1	1	14½
3. Дуз-Хотимирский	0	1	×	1	½	0	1	½	0	0	½	1	½	1	½	1	1	½	1	1	1	13
4. Модель	0	½	0	×	1	0	0	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	13
5. Ботвинник	0	½	½	0	×	1	½	1	1	1	1	0	1	½	1	½	0	½	1	½	1	12½
6. В. Макогонов	0	½	1	1	0	×	½	1	1	½	½	0	½	0	½	½	1	1	1	1	1	12½
7. Ненароков	0	0	0	1	½	½	×	1	1	½	½	½	1	1	1	0	0	½	½	½	1	11
8. Григорьев	½	1	½	0	0	0	0	×	½	½	½	0	1	1	½	1	1	½	1	0	1	10½
9. Ильин-Женевский	½	0	1	½	0	0	0	½	×	½	½	1	1	1	1	0	0	0	½	1	1	10
10. Павлов-Пьянов	0	½	1	0	0	½	½	½	½	×	½	1	0	0	1	1	1	½	0	½	½	9½
11. И. Рабинович	½	1	½	0	0	½	½	½	½	½	×	1	½	0	½	1	0	1	0	½	½	9½
12. Фрейман	½	0	0	0	1	1	½	1	0	0	0	×	1	1	0	0	1	1	0	+	½	9½
13. Сергеев	½	0	½	0	0	½	0	0	0	1	½	0	×	1	1	½	½	1	1	½	½	9
14. Перфильев	0	0	0	0	½	1	0	0	0	1	1	0	0	×	½	0	1	1	1	½	1	8½
15. Рохлин	½	0	½	0	0	½	0	½	0	0	½	1	0	½	×	½	1	½	1	0	1	8
16. Селезнев	0	0	0	0	½	½	1	0	1	0	0	1	½	1	½	×	½	½	½	½	0	8
17. Вильнер	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1	0	½	0	0	½	×	0	1	1	1	8
18. Касперский	½	0	½	0	½	0	½	½	1	½	0	0	0	0	½	½	1	×	0	1	½	7½
19. Раузер	½	½	0	0	0	0	½	0	½	1	1	1	0	0	0	½	0	1	×	1	0	7½
20. Смородский	½	0	0	1	½	0	½	1	0	½	½	—	½	½	1	½	0	0	0	×	0	7
21. Холодкевич	0	0	0	1	0	0	0	0	0	½	½	½	½	0	0	1	0	½	1	1	×	6½

таблицу № 25). На этом турнире Ботвинник, Григорьев, В. Макогонов и Модель добились звания мастера.

Одновременно с первенством СССР были впервые проведены командные турниры республик и областей, в которых участвовало 11 команд по 5 человек (на первое место вышла Белорусская ССР) и командные профсоюзные турниры (победителем которых оказался союз советских и торговых служащих). Впервые также состоялся всесоюзный женский турнир (I — Рубцова). Проведен был и чемпионат РККА, окончившийся победой Иорданского (Москва).

В очередном первенстве Украинской ССР, состоявшемся в Полтаве, первое место занял Селезнев, игравший вне конкурса; второе место и звание чемпиона завоевал Раузер. Первенство Средней Азии завоевал Руднев (после выигрыша матча у Фреймана; II — Фрейман, III — Нехорошев). Первенства городов были разыграны в Москве (I — Зубарев, II—III Павлов-Пьянов и Холодкевич), Харькове (I — Порт), Одессе (I — Баллодит), Тбилиси (I — Гоглидзе), Баку (I — В. Макогонов) и Ташкенте (I — Фрейман). Проведен был также ряд местных турниров: II башкирский (I — Жданов), IV поволжский (I — Шестериков), II Черноземной полосы (I — Ильинский), Центрально-промышленной области (I — Панов), II всесибирский (первенство по Сибири получил Тронов, вне конкурса участвовал московский мастер Верлинский) и IV всекрымский (победителем вышел Либин, вне конкурса участвовал Фогелевич). Кроме того, в августе была проведена всеукраинская спартакиада (I — Ордель, Харьков). „Турнир шести“ в Ленинграде закончился победой Романовского, вторым был Ботвинник.

Большая работа по вовлечению организованных масс трудящихся в шахматное движение была проведена профсоюзами. II турнир ВЦСПС, к участию в котором было отобрано 12 человек, прошел в обстановке большого общественного внимания. Первенство ВЦСПС завоевал Ильин-Женевский, второе место занял Григорьев, третье — Зубарев, четвертое — шестое — Касперский, Рагозин и Тесленко и т. д. Одновременно были проведены групповые турниры (5 групп). В группе победителей первое место занял В. Юрьев.

В апреле 1927 года в Берлине был проведен съезд Рабочего шахматного интернационала, который организовал два турнира и командные соревнования. В глав-

ном турнире первенство Шахинтерна завоевал представитель СССР Ильин-Женевский. В побочном турнире первое место занял советский шахматист Рагозин. В командных соревнованиях Советский Союз также вышел на первое место.

В 1928 году особенно широко развернулась шахматная работа в союзных и национальных республиках, отдельных областях и городах. Состоялись первенства союзных республик: РСФСР в Москве (I — Измайлов), УССР в Одессе (I—II — Вильнер и Кириллов), БССР в Минске (I—III — Выгодчиков, Модель и Силич) и ЗСФСР в Тбилиси (I—II — Ильин-Женевский, вне конкурса, и В. Макогонов). Кроме того были организованы III башкирский в Уфе (I — Крыжановский), сибирский в Томске (I—Измайлов, после выигрыша матча у Комарова), всегрузинский турнир в Тбилиси (I—II — Гоглидзе и Сорокин), Северо-западной области (без Ленинграда; I — Петров), Центрально-промышленной области в Н.-Новгороде (I—Н. Григорьев), поволжский в Самаре (I — Сокольский), Северной области в Архангельске (I — Кутузов), северокавказский в Ростове н/Д. (I — Соколов) и Центрально-земледельческого района в Туле (I—Выгодчиков, II — Юдович). Первенства городов были проведены в Москве (I — Верлинский, II — Ненароков), Ленинграде (I — И. Рабинович, II — Левенфиш), Тбилиси (I — Тальвик), Баку (I — В. Макогонов), Харькове (I — Терещенко), Одессе (I — Вильнер) и Казани (I — Адриановский).

По профсоюзной линии были проведены первенство ВЦСПС (I — Н. Григорьев, II — Зубарев), командный турнир профсоюзов (группа А, 10 команд по 5 человек, I — сов торгслужащие; группа Б, 9 команд по 5 человек, I — медсантруд) и женское первенство ВЦСПС (I — Рубцова).

Отметим также всеукраинский турнир молодежи (I — Бланкштейн) и квалификационные матчи на звание мастера, проведенные по постановлению Исполбюро мастером Григорьевым с выдвинувшимися к этому времени представителями Закавказья: Григорьев — М. Макогонов (Баку, +5—2=1) и Григорьев — Гоглидзе (Тбилиси, +5—4=1).

В 1929 году состоялся VI всесоюзный чемпионат, впервые проведенный на периферии — в Одессе. Однако, он не оправдал возлагавшихся на него надежд ввиду слабости организационно-массовой работы местных шахматных организаций. Большое число участников

Таблица № 26

Полуфинал А	1	2	3	4	5	6	Итог	Полуфинал Б	1	2	3	4	5	6	Итог
1. Измайлов	×	1/2	1	1/2	1	1/2	3 1/2	1. Верлинский . . .	×	0	1	1	1	1	4
2. Кан	1/2	×	1	1/2	1/2	1	3 1/2	2. Фрейман	1	×	0	1	1	1	4
3. Ботвинник	0	0	×	1/2	1	1	2 1/2	3. Раузер	0	1	×	1	0	1	3
4. Выгодчиков . . .	1/2	1/2	1/2	×	1/2	1/2	2 1/2	4. Григорьев . . .	0	0	0	×	1	1/2	1 1/2
5. В. Макогонов . .	0	1/2	0	1/2	×	1/2	1 1/2	5. М. Макогонов .	0	0	1	0	×	1/2	1 1/2
6. Силич	1/2	0	0	1/2	1/2	×	1 1/2	6. Рохлин	0	0	0	1/2	1/2	×	1

Таблица № 27

Финал	1	2	3	Итог
1. Верлинский	×	1 1	1 1/2	3 1/2
2. Фрейман	0 0	×	1 1	2
3. Кан	0 1/2	0 0	×	1/2

побудило оргкомитет провести первенство путем трехколенной системы, что оказалось весьма неудачным, так как с неизбежностью усилило элемент случайности. Как и в предыдущих чемпионатах, состав подбирался путем персональных приглашений. Участвовало всего 36 человек, разбитых на 4 группы. Три победителя каждой группы составляли две полуфинальные группы. Подробные результаты турнира видны из таблицы № 26 и 27. Итоги турнира показали определенный рост молодежи, которой достались все призовые места за исключением первых двух. Пять первокатегорников получили в VI чемпионате звание мастера (Выгодчиков, Измайлов, Кан, М. Макогонов и Силич).

Одновременно с первенством были проведены командные соревнования (6 команд по 10 человек, в 2 круга), в которых вышла победительницей команда пролетарского студенчества.

Другим важным шахматным событием этого года была организация международного рабочего шахматного конгресса в Ленинграде. Реформистские руководители Шахинтерна всячески препятствовали выезду рабочих шахматистов в СССР, однако, в августе турнир все же состоялся. Первые два места разделили Григорьев и Романовский, на третьем — Рагозин. Одновременно были проведены всесоюзные рабочие турниры ВЦСПС. В первой группе победителями оказались Бычек (Воронеж) и Левин (Москва), во второй на первое место вышел Поляк (Киев). По линии профсоюзов были организованы еще первенства МГСПС (I—Слоним) и ЛОСПС (I—Богорадовский).

IV первенство РККА завоевал Шамаев (ЛВО).

Первенства городов были проведены в Москве (I — Панов, II — Рюмин, III — Левин), Ленинграде (I — Ильин-Женевский, II—III — Модель и Романовский), Киеве (I — Богатырчук), Харькове (I — Терещенко) и Тбилиси (I — Ненароков).

В Ашхабаде состоялся всетуркменский турнир (21 человек), на котором звание чемпиона Туркменской ССР получил Поляков (ташкентский мастер Фрейман, занявший первое место, играл вне конкурса). Кроме того, были проведены турниры: Уральский в Свердловске (I — Верлинский, вне конкурса, II и звание чемпиона Лосев), Северо-западной области в Ленинграде (I — Рагозин), северокавказский в Кисловодске (I — В. Макогонов).

В Ленинграде Рохлин добился звания мастера, выиграв матч у Моделя (+5½—4½).

1930 год был относительно беден шахматными соревнованиями. В Москве и Ленинграде были разыграны местные турниры мастеров, победителями которых оказались: в Москве — А. Рабинович +5½, II — Кан +4½, III—V — Блюменфельд, Григорьев и Дуз-Хотимирский по +3½, Сергеев +3, Верлинский +2½, Зубарев +2; в Ленинграде — Ботвинник +6½, II — Ильин-Женевский +5½, III — Готгильф +5, IV—VI — Рагозин, Романовский и Рохлин по +4, Левенфиш +3½, Модель +3. Первенства городов были проведены в Москве (I — Зубарев, II — Рюмин), Киеве (I — Раузер) и Баку (I — М. Макогонов). В V уральском турнире (Свердловск) звание чемпиона Урала завоевал Барсов. Массовый профсоюзный матч Ленинград — Москва окончился победой Ленинграда со счетом +143½—105½. Традиционный матч сборных команд тех же городов в Ленинграде окончился с результатом +18—12 в пользу Москвы. Квалификационные матчи Рагозин — Ильин-Женевский (+6 —4=4) и Гоглидзе — Ненароков (+6—3=2) дали Рагозину и Гоглидзе звание мастера.

В 1931 году в Москве состоялся VII всесоюзный шахматный съезд. Центральным мероприятием съезда явился розыгрыш первенства, которому предшествовал целый ряд подготовительных соревнований. Исполбюро шахсектора отвергло на этот раз принцип персональных приглашений. Для участия в первенстве необходимо было добиться сначала соответствующих результатов в предварительных соревнованиях, к которым допускались мастера и шахматисты I категории. Таким образом, была открыта широкая дорога для выявления талантливой молодежи.

Рассмотрим результаты предварительных соревнований с указанием лиц, попавших в первенство СССР.

В Москве предварительные соревнования были совмещены с проведением первенства столицы. Победителями оказались: I — Рюмин, II — Кан, III — Коц, IV—Юдович, V—IX — Зубарев, Лебедев, Слоним, Танин и Блюменфельд (последний был допущен вместо отказавшегося Зубарева). Турнир Московской области выделил к участию во всесоюзном первенстве победителей трех групп: Панова, Курышкина и Фогелевича (вместо отказавшегося Луценко).

От Ленинграда были допущены четыре первых призера проведенного первенства города: Ботвинник, Романовский, Алаторцев и Лисицын. Для выявления остальных кандидатов были организованы 4 предварительных турнира (по 10 человек в каждом), победителями которых оказались: Будо, Готгильф, Созин, Толуш, В. Юрьев и Мясоедов.

Кроме того, по РСФСР были проведены следующие подготовительные турниры: северокавказский в Ростове (I — Баев), уральский в Свердловске (I—II — Киселев и Розенкранц), Центрально-черноземной области в Воронеже (I — Бычек, II — Адриановский, III — Москалев), средневолжский в Самаре (I — Некрасов, II — Михайлов), нижневолжский в Саратове (I—II — Н. Григорьев, вне конкурса, и Гречкин, III — Аристов), западносибирский в Новосибирске (I — Морозков), Иваново-Вознесенский в Иванове (I — Валдаев), Центрально-промышленной области в Н.-Новгороде (I — Баутин), Западной области в Смоленске (I — Ушаков), крымский в Симферополе (I — Розенштейн), северный в Архангельске (I — Абрамсон; на съезд был командирован Кутузов), дальневосточный в Хабаровске (I — Пичугин; на съезд были командированы следующие призеры—Грибин и Шумилин), башкирский в Уфе (I — Носков), карельский в Петрозаводске (I—II — Богданов и Машаров, командирован первый). Кроме того, были делегированы, как победители первенств городов, Еремин от Казани и Гайдук от Иркутска. От Дагестана, по решению местного СФК, был командирован Гаррисон без предварительного соревнования.

Всеукраинский турнир дал 6 призеров, командированных в первенство СССР: Замыховский, Раузер, Селезнев, Ратнер, Константинопольский и Кириллов. От Харькова были посланы победители местного первенства (I — Григоренко, II — Ойстрах; кроме того, от Харькова вошел по кандидатскому списку Ордель).

В Белорусской ССР подготовительные турниры были проведены в Витебске (I — Подольный, II — Силич) и Гомеле (I — Сташевский). Кроме того, в первенство попали призеры минского первенства (I — Касперский, II — Вересов, III — Мазель).

В подготовительном турнире ЗСФСР, сформированном на основании результатов турниров в крупных городах, право участия на первенство получили: I — Го-

глидзе, II — Сорокин, III — Акшанов, IV—V — Вейзер и Эбралидзе. В первенстве Тбилиси право на участие завоевал Каспарян.

В подготовительном турнире Узбекистана первые места заняли Дуз-Хотимирский, Блюмберг, Вайнштейн, Ходжаев, Холодкевич и Фрейман. Вместо отказавшихся Блюмберга и Холодкевича были делегированы Перевозников и Коган. Первенство Ташкента завоевал Фрейман.

Туркменистан и Таджикистан не проводили подготовительных турниров и не выделили своих представителей.

Таким образом, в результате многочисленных турниров, проведенных по всему СССР, для участия во всесоюзном первенстве было выделено 74 шахматиста (против первоначально намеченных 70). Однако, незадолго до начала съезда, исполбюро шахсектора, учитывая пожелания местных организаций довело общее число участников до 80. В это число, помимо выделенных местами запасных кандидатур, вошли отдельные мастера, не завоевавшие по разным причинам права участия в первенстве путем прохождения отборочных соревнований. Такие персональные приглашения получили: Верлинский (победитель VI всесоюзного первенства), Ильин-Женевский (в течение года находившийся на дипломатической работе в полпредстве СССР в Париже), Богатырчук, Измайлов, Рохлин и Григорьев.

По количеству участников VII всесоюзное первенство было рекордным. В нем были представлены почти все сильнейшие советские мастера и наиболее талантливые первокатегорники, из которых пятеро (Алаторцев, Лисицын, Мазель, Кириллов и Юдович) завоевали звание мастера. Этот турнир (см. таблицу № 28) закончился полной победой молодежи, добившейся семи призовых мест из девяти. Основная задача первенства — стимулировать рост новых кадров — была выполнена[399].

Одновременно с первенством СССР были проведены первенства РККА (I — Разгильдяев, Москва), женское первенство (I — Рубцова) и командные соревнования ВЦСПС. В последних участвовало в четырех группах 39 команд (по 6 чел.). В финале первое место заняла команда электриков (Ленинград).

В Москве еще до VII всесоюзного первенства был разыгран квалификационный матч Рюмин—Григорьев, окончившийся блестящей победой Рюмина (+6—1=1), которому было присуждено звание мастера.

Таблица № 28

Финал	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итог
1. Ботвинник	×	1	1	1/2	1	1	1	1	1	0	1	1/2	1	1	1	0	1/2	1	13 1/2
2. Рюмин	0	×	1/2	1	1	1/2	1/2	1/2	0	1	0	1	1	1	1/2	1	1	1	11 1/2
3. Алаторцев	0	1/2	×	0	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1/2	0	1	1	1	1/2	1	0	10
4. Богатырчук	1/2	0	1	×	0	0	1/2	0	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1	1	1	1	1	10
5. Верлинский	0	0	1/2	1	×	1	0	1	1	1	1	0	0	1/2	1/2	1	1	1/2	10
6. Юдович	0	1/2	0	1	0	×	1	1	0	1	1/2	1/2	1/2	1	1	1/2	1	1/2	10
7. Кан	0	1/2	1/2	1/2	1	0	×	0	1/2	1	1	0	1/2	1/2	1	1	1/2	1	9 1/2
8. Мазель	0	1/2	0	1	0	0	1	×	1	1	1	1/2	0	0	1/2	1	1/2	1	9
9. Раузер	0	1	1/2	1/2	0	1	1/2	0	×	0	1/2	1/2	1	1	1	1/2	1/2	1/2	9
10. Ильин-Женевский	1	0	0	1/2	0	0	0	0	1	×	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1	8 1/2
11. Кириллов	0	1	1/2	0	0	1/2	0	0	1/2	1	×	1	1/2	1	0	1/2	1	1	8 1/2
12. Лисицын	1/2	0	1	1/2	1	1/2	1	1/2	1/2	1/2	0	×	0	0	1	1	1/2	0	8 1/2
13. Сорокин	0	0	0	1/2	1	1/2	1/2	1	0	0	1/2	1	×	1	1/2	0	0	1/2	7
14. Замыховский	0	0	0	0	1/2	0	1/2	1	0	0	0	1	0	×	1/2	1	1	1	6 1/2
15. Гоглидзе	0	1/2	0	0	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1	0	1/2	1/2	×	0	1	1	6
16. Созин	1	0	1/2	0	0	1/2	0	0	1/2	0	1/2	0	1	0	1	×	0	1/2	5 1/2
17. Будо	1/2	0	0	0	0	0	1/2	1/2	1/2	0	0	1/2	1	0	0	1	×	1/2	5
18. Каспарян	0	0	1	0	1/2	1/2	0	0	1/2	0	0	1	1/2	0	0	1/2	1/2	×	5

1932 год отличался сравнительным затишьем в области шахматных соревнований. В Москве состоялся турнир мастеров, давший победу Рюмину $+7^1/_2$ (из 12), II—Дуз-Хотимирский +7, III—IV — Кан и Юдович по $+6^1/_2$, Зубарев + 6, Сергеев $+ 4^1/_2$, Григорьев + 4. В Ташкенте был проведен III всеузбекский турнир (I — Фрейман), а в Сталинабаде был впервые организован розыгрыш всетаджикского первенства (I — Родионов). Из автономных республик шахматными мероприятиями выделились Башкирия и Крым: в Уфе состоялась всебашкирская спартакиада (в I группе I—II Кайев и Крушинский, во II группе — I—II Камкин и Недоспасов), в Симферополе — крымский турнир (I — Гойер). Первенство Москвы фактически осталось неразыгранным (из мастеров участвовал только Блюменфельд). В финале три первых места разделили Белавенец, Лебедев и Орлов. В первенстве Ленинграда победителем вышел Ботвинник, за ним встал Алаторцев, третье — пятое места разделили Ильин-Женевский, Савицкий и Чеховер; двум последним присуждено было звание мастера[400]. Проведены были первенства в Киеве (I—Константинопольский) и Харькове (I — Григоренко).

С 20 марта по 16 апреля 1932 года по приглашению шахсектора ВСФК в СССР гастолировала рабочая команда Германии, с которой был разыгран ряд матчей с заводскими коллективами и сборными командами профсоюзов в Москве, Ленинграде и некоторых городах Украины.

В 1932/33 году в Ленинграде был проведен турнир мастеров (в Доме ученых): I—Ботвинник + 7 (из 10), II—III — Ильин-Женевский и Рагозин по $+ 5^1/_2$, Алаторцев и Романовский по + 5, Рохлин + 2.

1933 год — первый год второй пятилетки — был отмечен крупнейшими шахматными соревнованиями. В Ленинграде было проведено VIII всесоюзное первенство.

Как и в 1931 году, было принято решение, что к участию во всесоюзном первенстве будут допущены победители специальных отборочных турниров. Однако, чтобы избегнуть громоздкой и дорого стоящей групповой системы проведения первенства, количество участников было ограничено 20. На основании результатов московского турнира мастеров 1932 года в первенство попали: Рюмин, Дуз-Хотимирский, Кан, Юдович и Зубарев. В Ленинграде был проведен отборочный

турнир мастеров (с участием москвича Григорьева), семеро призеров которого были допущены к участию в турнире: I—II — Ботвинник и Романовский + 10 (из 13), III—IV — Лисицын и Чеховер + 8½, V—VI — Ильин-Женевский и Савицкий по + 7½, VII — И. Рабинович + 7 (далее следовали: Григорьев, Рагозин и Созин по + 5½ и т. д.). Кроме того, по ходатайству ленинградской шахсекции были допущены Алаторцев и Левенфиш, по служебным обстоятельствам не принимавшие участия в отборочных соревнованиях. На основании результатов „показательного матч-турнира четырех", проведенного ВЦСПС в Москве, право участия в первенстве получили также Богатырчук и Верлинский (Богатырчук + 4½ из 6, Верлинский + 4, Рюмин + 2½, Романовский + 1). От Узбекской ССР был допущен победитель III всеузбекского турнира Фрейман. От Украинской ССР, в результате отборочных турниров, были командированы Кириллов и Раузер, и от закавказской федерации — Сорокин и Гоглидзе. Не смог принять участия в турнире Ильин-Женевский, командированный к этому времени за границу — в полпредство СССР в Праге.

Таким образом, состав VIII всесоюзного первенства был весьма сильным. Единственный из участников турнира, не имевший звания мастера, — Сорокин, — добился его, набрав необходимую норму. Результаты турнира подтвердили еще раз квалификационный рост нашей шахматной молодежи, которая завоевала семь призовых мест из одиннадцати[401] (см. таблицу № 29).

Кроме первенства СССР в 1933 году были проведены также первенства союзных республик — УССР (первое и второе место разделили Кириллов и Раузер, третье — Константинопольский), БССР (I — Маневич, II — вне конкурса — Верлинский, III — V — Вересов, Мазель и Сташевский) и ЗСФСР (I—II — Алаторцев, вне конкурса, и Гоглидзе, III—IV — М. Макогонов и Савицкий, V — Сорокин). Первенство РККА было выиграно Васильевым (Москва). Первенство Киева разделили Богатырчук и Константинопольский, в Харькове победителем вышел Григоренко. В чемпионате Горьковского края первое место занял Баутин. Кроме того, был проведен турнир соискателей на звание мастера в Москве, победителем которого оказался Белавенец. Небольшой командный матч Москва — Ленинград, разыгранный в Москве, закончился вничью (+ 12—12).

Таблица № 29

Ленинград 1933 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итог
1. Ботвинник	×	1	1	1	1/2	1	1/2	0	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1/2	1	1	1/2	1	14
2. Алаторцев	0	×	1/2	0	1/2	0	1/2	1	1/2	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13
3. Левенфиш	0	1/2	×	1/2	1	0	1	1	1	1	1	1/2	1	1	1/2	0	1	1/2	1/2	0	12
4. Лисицын	0	1	1/2	×	1/2	1	1	1	0	0	0	1	1/2	0	1	1	1/2	1	1	1	12
5. И. Рабинович	1/2	1/2	0	1/2	×	0	1/2	1	1	1/2	0	0	1	1/2	1	1	1	1	1	1	12
6. Раузер	0	1	1	0	1	×	1/2	1/2	0	1	1/2	1	1	1	0	0	0	1	1	1	11 1/2
7. Чеховер	1/2	1/2	0	0	1/2	1/2	×	1	1	1	1	0	1/2	0	1	1	0	1	1	1/2	11
8. Богатырчук	1	0	0	0	0	1/2	0	×	1	0	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1	1/2	1	1	10 1/2
9. Кан	1/2	1/2	0	1	0	1	0	0	×	1	1	0	1/2	1/2	0	1	0	1	1	1	10
10. Романовский	1/2	1	0	1	1/2	0	0	1	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	0	0	1	1/2	1	1	9 1/2
11. Рюмин	1	0	0	1	1	1/2	0	1/2	0	1/2	×	1	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1	1/2	1/2	9 1/2
12. Верлинский	0	0	1/2	0	1	0	1	0	1	1/2	0	×	1	0	1/2	1	0	1/2	1	1	9
13. Юдович	0	0	0	1/2	0	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	×	1	1/2	1	1	1/2	1	1	9
14. Савицкий	0	0	0	1	1/2	0	1	0	1/2	1/2	1/2	1	0	×	1	1	1	1/2	0	0	8 1/2
15. Сорокин	0	0	1/2	0	0	1	0	1/2	1	1	1/2	1/2	1/2	0	×	0	1	0	1/2	1/2	7 1/2
16. Гоглидзе	1/2	0	1	0	0	1	0	0	0	1	1/2	0	0	0	1	×	1	1/2	1/2	0	7
17. Фрейман	0	0	0	1/2	0	1	1	0	1	0	1	1	0	0	0	0	×	0	1/2	1	7
18. Зубарев	0	0	1/2	0	0	0	0	1/2	0	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	×	0	1	6 1/2
19. Дуз-Хотимирский	1/2	0	1/2	0	0	0	0	0	0	0	1/2	0	0	1	1/2	1/2	1/2	1	×	1/2	5 1/2
20. Кириллов	0	0	1	0	0	0	1/2	0	0	0	1/2	0	0	1	1/2	1	0	0	1/2	×	5

Первенство Москвы на 1933/34 год вновь было завоевано Рюминым, II—III — Мазель и Юдович, IV — Белавенец, V — Кан, VI — Панов (на основании этого успеха Панову присуждено звание мастера). В первенстве Ленинграда на 1933/34 год первые два места разделили Алаторцев и Лисицын, III — Савицкий.

Блестящие успехи, достигнутые молодыми советскими мастерами и в первую очередь Ботвинником, дважды завоевавшим первенство СССР, выдвинули на очередь вопрос об организации международной встречи. Вопрос этот нашел свое практическое разрешение в матче Ботвинника с чехословацким гросмейстером С. Флором.

История матча такова. Сало Флор — один из сильнейших современных шахматистов — при посредстве советника полпредства СССР в Чехословакии А. Ф. Ильина-Женевского послал через шахсектор ВСФК вызов Ботвиннику — победителю VIII всесоюзного первенства. Исполбюро дало принципиальное согласие. Решено было провести в ноябре-декабре 1933 года матч из 12 партий, причем первую половину матча разыграть в Москве, а вторую в Ленинграде. Первые шесть партий дали результат + 4—2 в пользу Флора. Однако, в Ленинграде Ботвинник в свою очередь добился выигрыша в двух партиях, так что в конечном итоге матч закончился в ничью [402].

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Итог
Ботвинник	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	1	1	1/2	1/2	6
Флор	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1/2	0	0	1/2	1/2	6

Матч Ботвинник — Флор доказал, что в смысле качества и техники игры мы уже догнали буржуазную Европу. Вместе с тем матч подтвердил огромный размах советского шахматного движения, с которым ни одна страна в мире не может сравниваться.

Интерес к матчу был огромный. Колонный зал Дома Союзов в Москве и Большой зал Консерватории в Ленинграде не смогли вместить всех желающих попасть на матч.

Кроме матча с Ботвинником, Флор выступал в сеансах одновременной игры, которые показали высокий уровень игры советского шахматиста. Против москвичей Флор сыграл с результатом + 16 — 12 = 22, против ленинградцев + 11 — 20 = 19.

1934 год также был богат шахматными соревнованиями. Матч Ботвинник—Флор только частично разрешил стоящую перед советским шахматным движением задачу проверки и показа своих сил на международной арене. За истекшие годы кадры советских мастеров значительно выросли численно и окрепли качественно. Вслед за Ботвинником, непосредственно примыкая к нему по классу своей игры, определилась весьма значительная группа шахматистов, играющих в силу международных мастеров. Тем желательнее была практическая встреча за доской лучших советских мастеров с иностранными мастерами. Такой турнир с участием голландского гросмейстера М. Эйве и австрийского мастера Г. Кмоха был организован в августе 1934 года в Ленинграде. С иностранными гостями встретились 10 советских мастеров, которые в общем добились прекрасных результатов (см. таблицу № 30). Турнир вызвал огромный интерес. Зал Филармонии, в стенах которого разыгралось это соревнование, посетили двадцать тысяч шахматистов. К началу турнира была выпущена специальная брошюра [403], во время турнира издавался специальный бюллетень, 40 корреспондентов различных газет освещали ход турнира, результаты каждого тура передавались по радио.

Таблица № 30

Ленинград 1934 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Итог
1. Ботвинник	×	½	½	1	½	½	1	1	1	0	½	1	7½
2. Романовский	½	×	½	0	½	½	1	1	½	1	½	1	7
3. Рюмин	½	½	×	1	½	1	0	½	½	1	½	1	7
4. Рабинович	0	1	0	×	½	1	½	½	1	½	1	½	6½
5. Кан	½	½	½	½	×	0	1	½	½	1	½	½	6
6. Эйве	½	½	0	0	1	×	½	½	½	½	½	1	5½
7. Кмох	0	0	1	½	0	½	×	1	0	1	1	0	5
8. Юдович	0	0	½	½	½	½	0	×	1	½	½	1	5
9. Алаторцев	0	½	½	0	½	½	1	0	×	½	1	0	4½
10. Лисицын	1	0	0	½	0	½	0	½	½	×	½	1	4½
11 Левенфиш	½	½	½	0	½	½	0	½	0	½	×	½	4
12. Чеховер	0	0	0	½	½	0	1	0	1	0	½	×	3½

Ленинградский турнир явился как бы прологом к будущим встречам с международными мастерами в более широких масштабах.

Другим важнейшим событием 1934 года явилось IX всесоюзное первенство, которому предшествовал ряд отборочных соревнований.

По РСФСР состоялась цепь турниров, начиная от первичных, которыми было охвачено всего до 50 000 шахматистов. После серии областных и краевых турниров и турниров автономных республик разыграны были полуфиналы РСФСР — в 6 группах: ленинградская (I—II — Выгодчиков и Рохлин), воронежская (I—II — Бондаревский и Савицкий), центральная (I — Дубинин), самарская (I — Гречкин), свердловская (I—II — Киселев и Панов) и всесибирская (I—Волошин). Затем было проведено первенство РСФСР — двумя группами: в первой группе победителями вышли Белавенец и Кайев; во второй — Котов, Выгодчиков и Бондаревский. Наконец, в финале первое место занял Белавенец, второе — Дубинин; оба были допущены в первенство СССР.

Первенство Средней Азии завоевал Фрейман и тоже был допущен в IX всесоюзное первенство.

В Тбилиси состоялся отборочный турнир мастеров союзных республик: УССР, БССР и ЗСФСР, с участием игравших вне конкурса Г. Кмоха и Рагозина. Этому турниру предшествовал ряд местных отборочных соревнований. На основании результатов тбилисского турнира в IX всесоюзное первенство были допущены Гоглидзе, В. Макогонов, Раузер и Вересов (ставший наравне с ним Силич отказался от матча).

В Москве был проведен отборочный турнир мастеров (I — Панов + 5 из 7, II — Коц + $4^1/_2$, III—V — Блюменфельд, Григорьев и Зубарев по + $3^1/_2$ и т. д.), согласно результатам которого право на участие во всесоюзном первенстве получил Панов. В Ленинграде был также проведен турнир мастеров: И. Рабинович + $10^1/_2$, II — Рагозин + 9, III — Чеховер + 8, IV—VII — Левенфиш, Лисицын, Романовский и Савицкий по + $7^1/_2$; Алаторцев + 7 и т. д.

Кроме указанных выше, в IX всесоюзное первенство были допущены 10 мастеров, выступавших в ленинградском турнире с участием Эйве и Кмоха, а также мастера Богатырчук и Ильин-Женевский. Однако, Ботвинник не мог участвовать в розыгрыше первенства, так как уезжал в Англию, куда был приглашен выступить в гэстингском международном турнире. Не принял также участия в первенстве, ввиду болезни, Рома-

новский. Кроме того не смог участвовать в нем Гоглидзе.

IX всесоюзное первенство по своему составу оказалось очень ровным и сильным. В этом турнире участвовали 15 представителей молодежи и 5 мастеров старшего поколения, причем наиболее высокие места заняли именно последние (см. таблицу № 31). В спортивном отношении IX первенство было тем более интересным, что, по условию, первые восемь призеров попадали в предстоящий в Москве международный турнир; поэтому борьба была напряженной до самого последнего тура[404].

Состоявшееся параллельно женское первенство СССР завоевала Семенова (Ленинград).

В 1934 году, кроме того, были проведены следующие значительные соревнования: турнир мастеров в Ленинграде (I — Лисицын $+6^1/_2$ из 8, II — Рагозин $+5^1/_2$, Ненароков $+2^1/_2$, Чеховер $+2$, Рохлин $+1^1/_2$), всесоюзные детские соревнования в Москве (I — Шлопак, Иваново), командное первенство ВЦСПС (I — Электрозавод, Москва), профсоюзный матч Ленинград — Москва (+145—134) и первенство ЛОСПС (I — Ровнер). В Ленинграде состоялись гастроли литовского чемпиона мастера Микенаса, который сыграл ряд серьезных партий, выиграв по одной партии у Алаторцева, Раузера и Чеховера и проиграв Алаторцеву, И. Рабиновичу и Рагозину. Небольшой матч австрийского мастера Кмоха с Мазелем был выигран последним (+2—1=3).

По постановлению ВСФК СССР в феврале 1935 года было решено провести в Москве II международный турнир. Оргкомитетом в турнир были приглашены: Ласкер, Капабланка, Флор, Шпильман, Штальберг, Лилиенталь, Пирц и Вера Менчик. Из советских мастеров персонально были приглашены Ботвинник и Романовский; восемь мастеров попадали на основании результатов IX всесоюзного первенства. Кроме того, были допущены мастера Гоглидзе и Кан.

15 февраля 1935 года в трех залах Московского музея изобразительных искусств начался II международный турнир. Организация этого турнира была проведена с замечательной четкостью. Массовая работа с колоссальным количеством зрителей, подробная информация, ежедневный выпуск бюллетеня (тиражом до 20 тысяч), наплыв советских и иностранных корреспондентов и т. д. — все это свидетельствовало об исключительном

Таблица № 31

Ленинград 1934 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итог
1. Левенфиш	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	0	1/2	1	1	0	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1	12
2. Рабинович И.	1/2	×	0	0	0	1/2	1	1/2	1	1	1	1/2	1	1	1	1	1/2	0	1	1/2	12
3. Богатырчук	1/2	1	×	1	1	0	0	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1	1/2	1	0	1	1/2	1	1	11 1/2
4. Рюмин	1/2	1	0	×	1/2	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1	1/2	0	1	1	1	1/2	1/2	1	1	11 1/2
5. Алаторцев	1/2	1	0	1/2	×	0	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1/2	1	1	10 1/2
6. Лисицын	1/2	1/2	1	1/2	1	×	0	0	1/2	1	1/2	1	1	1	1	0	1/2	0	0	1/2	10 1/2
7. Рагозин	0	0	1	1	1/2	1	×	1/2	0	1/2	1	1	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1	1	10 1/2
8. Чеховер	1	1/2	1/2	1/2	1	1	1/2	×	1/2	1	1/2	1/2	1	0	1	1/2	0	0	0	1/2	10 1/2
9. Белавенец	1/2	0	1/2	1/2	1	1/2	1	1/2	×	0	1/2	0	1	0	1/2	1/2	1/2	1	1	1/2	10
10. Кан	0	0	1/2	1/2	1/2	0	1/2	0	1	×	1	0	1	1/2	1/2	1	1	1	0	1	10
11. Макогонов В.	0	0	1	0	1	1/2	0	1/2	1/2	0	×	1/2	1	1	1	1/2	0	1	1	1/2	10
12. Юдович	1	1/2	1/2	1/2	1/2	0	0	1/2	1	1	1/2	×	0	0	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1	10
13. Вересов	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	×	1	0	1	1	1	0	1	9
14. Панов	1/2	0	1/2	0	0	0	1/2	1	1	1/2	0	1	0	×	0	0	1	1	1	1	9
15. Мазель	0	0	0	0	1/2	0	1/2	0	1/2	1/2	0	1/2	1	1	×	1	1/2	1	1	1/2	8 1/2
16. Савицкий	0	0	1	0	0	1	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	1	0	×	1	1	0	1	8 1/2
17. Раузер	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	1/2	1	1/2	0	1	0	0	0	1/2	0	×	1	0	1	7 1/2
18. Дубинин	0	1	1/2	1/2	1/2	1	1	1	0	0	0	1/2	0	0	0	0	0	×	1	0	7
19. Ильин-Женевский	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1/2	1	0	0	1	1	0	×	1/2	7
20. Фрейман	0	1/2	0	0	0	1/2	0	1/2	1/2	0	1/2	0	0	0	1/2	0	0	1	1/2	×	4 1/2

интересе к московскому турниру. Советские мастера в основном добились прекрасных результатов против иностранцев (см. таблицу № 32). Общий итог встреч советских мастеров с иностранцами следующий: они выиграли 26 партий и проиграли 25, сделав 45 ничьих. Наилучший результат против иностранцев показали Рагозин (75%), далее Ботвинник и Рюмин (по 69%), Левенфиш и Рабинович (56%)[405].

Сеансы Капабланки и Флора против шахматистов I и II категории, проведенные до и после турнира, показали общий высокий квалификационный уровень рядовых советских шахматистов. Результаты выступлений Флора: в Минске +18 — 10 = 22, в Москве +12 — 20 = 18; Капабланки: в Москве +7 — 14 = 9, в Ленинграде +10 — 11 = 9.

В мае 1935 года в Ленинграде был проведен смешанный турнир с участием Лилиенталя, окончившийся победой последнего (+9 из 11, II — Созин +7, III — Раузер +$6^1/_2$ и т. д.). Лилиенталь выиграл матч у Белавенца (+3 — 0 = 5) и свел в ничью, выиграв две последних партии, матч с Алаторцевым (+4 — 4 = 4). Кроме того, им было сыграно две серьезных партии с Юдовичем (+1 — 0 = 1).

В Москве был проведен матч на женское первенство СССР Рубцова — Семенова (+6 — 1 = 2).

В августе 1935 года в слете рабочих шахматистов Скандинавии в Гетеборге принял участие Рюмин, который легко занял I место в турнире мастеров. С большим успехом также прошли его сеансы одновременной игры (иногда с часами) в Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии.

Из массовых шахматных мероприятий 1935 года на первом плане следует поставить первенство РСФСР, которое проводилось по строго разработанному плану. После городских и районных турниров были организованы краевые (областные) турниры и турниры национальных республик. Второй этап составляли кустовые полуфинальные соревнования. Победители кустовых соревнований образовали первенство РСФСР, которое разыгрывалось в Горьком двумя группами. Победителями в I группе вышли: I — Бондаревский, II — Кайев, III — Сокольский, IV—V — Батуев и Дубинин; во II группе: I — Толуш, II—V — Бастриков, Петров, Раузер и Уфимцев. Результат финала первенства РСФСР: I — Толуш, II—III — Сокольский и Кайев, IV — Раузер и т. д.

Таблица № 32

Москва 1935 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итог
1. Ботвинник	×	½	½	½	1	0	1	½	1	1	½	1	½	1	½	0	1	½	1	1	13
2. Флор	½	×	½	½	½	½	½	½	½	1	½	1	1	½	1	1	1	1	½	½	13
3. Ласкер	½	½	×	1	½	1	½	½	½	½	½	1	½	½	½	½	½	1	1	1	12½
4. Капабланка	½	½	0	×	½	1	1	½	1	½	1	½	½	0	1	½	½	½	1	1	12
5. Шпильман	0	½	½	½	×	½	½	½	0	1	1	½	0	½	½	½	1	1	1	1	11
6. Кан	1	½	0	0	½	×	½	0	1	0	½	½	1	1	0	1	1	½	½	1	10½
7. Левенфиш	0	½	½	0	½	½	×	½	½	½	1	½	0	1	1	1	1	½	0	1	10½
8. Лилиенталь	½	½	½	½	½	1	½	×	0	½	½	½	0	1	½	½	0	1	1	½	10
9. Рагозин	0	½	½	0	1	0	½	1	×	0	0	½	½	1	½	½	1	1	½	1	10
10. Романовский	0	0	½	½	0	1	½	½	1	×	½	½	1	0	½	½	1	0	1	1	10
11. Алаторцев	½	½	½	0	0	½	0	½	1	½	×	0	0	1	1	½	½	½	1	1	9½
12. Гоглидзе	0	0	0	½	½	½	½	½	½	½	1	×	½	½	½	½	0	1	1	1	9½
13. Рабинович И.	½	0	½	½	1	0	1	1	½	0	1	½	×	0	0	½	0	½	1	1	9½
14. Рюмин	0	½	½	1	½	0	0	0	0	1	0	½	1	×	0	1	1	1	½	1	9½
15. Лисицын	½	0	½	0	½	1	0	½	½	½	0	½	1	1	×	0	½	½	½	1	9
16. Богатырчук	1	0	½	½	½	0	0	½	½	½	½	½	½	0	1	×	½	½	0	½	8
17. Штальберг	0	0	½	½	0	0	0	1	0	0	½	1	1	0	½	½	×	½	1	1	8
18. Пирц	½	0	0	½	0	½	½	0	0	1	½	0	½	0	½	½	½	×	1	1	7½
19. Чеховер	0	½	0	0	0	½	1	0	½	0	0	0	0	½	½	1	0	0	×	1	5½
20. Вера Менчик	0	½	0	0	0	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	½	0	0	0	×	1½

Первенство Узбекистана завоевал Фрейман, Закавказья — Каспарян; на всегрузинском турнире победителем вышел Пирцхалава.

Отметим, кроме того, разыгранные в этом году первенства городов: Москва (I — Рюмин, II — Панов, III — Белавенец), Киев (I — Константинопольский), Баку (I — В. Макогонов) и Тбилиси (I — Эбралидзе).

В 1935 году начались предварительные турниры к первенству ВЦСПС, в которых приняли участие 106 профсоюзов.

Эти турниры были также проведены по строго разработанному плану (от низовых до первенства ЦК союзов) и обеспечили представителей в первенство ВЦСПС, прошедших все предварительные группы.

Победители первенства ЦК союзов образовали 6 групп, от каждой из которых двое призеров были выделены в первенство ВЦСПС, начавшееся в январе 1936 года. К участию в этом первенстве были также персонально приглашены гросмейстер Лилиенталь (вне конкурса), Мазель и Рубцова (победительница женского первенства ВЦСПС). Результаты турнира оказались следующими: I—II—Лисицын и Чеховер +12 (из 18), III—IV—Константинопольский и Лилиенталь +11½, V—Белавенец +11, VI—VII—Сокольский и Юдович +10½, VIII — Рудаковский +10½; далее следовали: Мазель, В. Макогонов, Панов и Ровнер +9½ и т. д.

Матч на звание чемпиона ВЦСПС между Лисицыным и Чеховером закончился вничью (+1 — 1 = 10).

В мае 1936 года по постановлению ВСФК СССР в Москве был устроен III международный турнир. Его организация отличалась от предыдущих двух международных турниров: во-первых, к участию в нем привлекались только иностранные гросмейстеры и персонально подобранные лучшие советские мастера; во-вторых, решено было проводить турнир в два круга, чтобы дать возможность каждому участнику сыграть против всех партнеров и белыми и черными.

Из иностранных гросмейстеров в первую очередь были посланы приглашения Ласкеру, Капабланке и Флору. Первоначально предполагалось также участие Эйве и одного из американских гросмейстеров (Решевского, Файна или Каждана), но так как Эйве после матча с Алехиным решил временно воздержаться от серьезных выступлений, а американцы были заняты во всеамери-

канском турнире, то на четвертое и пятое места были приглашены Лилиенталь и Элисказес, которые и приняли участие в турнире. Подбор советских мастеров решался довольно просто — лучшими успехами во II международном турнире. Таким образом, не вызывали сомнений кандидатуры Ботвинника, Левенфиша, Кана и Рагозина. Пятым из советских мастеров был приглашен чемпион Москвы Рюмин.

Организация турнира (в помещении Колонного зала Дома Союзов) вызвала единодушную высокую оценку участников турнира и многочисленных зрителей.

III московский международный турнир еще раз подтвердил, что Ботвинник должен быть причислен к первой мировой пятерке. Недостаток спортивной выдержки помешал другим советским мастерам занять более высокие места (см. таблицу № 33)[406].

Другим крупным событием 1936 года были всесоюзные соревнования, состоявшиеся в апреле в Ленинграде. В программу соревнований входили: 1) отборочный турнир мастеров (для предстоящего X первенства СССР), 2) всесоюзный турнир I категории (также для выделения кандидатов в первенство СССР) и 3) женское первенство. Отборочный турнир мастеров закончился со следующим результатом: Панов + 13½ (из 18), Ильин-Женевский + 12½ (оба завоевали право участия в первенстве СССР), Константинопольский и В. Макогонов + 12, Раузер + 10 (все трое впоследствии были допущены в первенство СССР); за ними следуют: Ненароков + 8½, Мазель и Фрейман по + 6½, Созин + 6, Селезнев + 2½. В трех группах I категории победителями вышли Бондаревский, Будо и Равинский. Женское первенство вторично завоевала Семенова (Ленинград).

В декабре в Ленинграде был проведен тренировочный турнир молодых мастеров. В нем приняли участие почти все наиболее талантливые представители советской шахматной молодежи. Спортивные результаты приведены в таблице № 34.

Первенства союзных республик состоялись в УССР (I—II — Погребысский и Шумилин, III — Богатырчук, IV — Константинопольский) и в БССР (I — Вересов, II — Силич, III — Маневич). Вторично был проведен всесоюзный детский турнир (I — Рентер, Ленинград). Кроме того, был организован в Ростове всероссийский турнир I категории (I — Уфимцев) и проведены первенства Западной области (I—II — Панов, вне конкурса, и Гайтельбанд)

Таблица № 33

Москва 1936 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	I круг	II круг	Итог
1. Капабланка	×	1 ½	½ ½	1 ½	1 ½	½ 1	½ 1	½ ½	1 1	½ 1	6½	6½	13
2. Ботвинник	0 ½	×	½ 1	1 ½	½ 1	½ 1	1 1	½ ½	½ 1	½ ½	5	7	12
3. Флор . . .	½ ½	½ 0	×	½ 1	0 ½	½ 1	0 ½	½ 0	½ 1	1 1	4	5½	9½
4. Лилиенталь	0 ½	0 ½	½ 0	×	½ ½	½ 1	½ 1	½ 1	½ ½	½ ½	3½	5½	9
5. Рагозин .	0 ½	½ 0	1 ½	½ ½	×	1 ½	0 ½	1 ½	½ ½	½ 0	5	3½	8½
6. Ласкер . .	½ 0	½ 0	½ 0	½ 0	0 ½	×	½ ½	½ 1	1 ½	1 ½	5	3	8
7. Кан . .	½ 0	0 0	1 ½	½ 0	1 ½	½ ½	×	½ ½	0 ½	½ ½	4½	3	7½
8. Левенфиш	½ ½	½ ½	½ 1	½ 0	0 ½	½ 0	½ ½	×	½ 0	1 0	4½	3	7½
9. Рюмин . .	0 0	½ 0	½ 0	½ ½	½ ½	0 ½	1 ½	½ 1	×	½ ½	4	3½	7½
10. Элисказес	½ 0	½ ½	0 0	½ ½	½ 1	0 ½	½ ½	0 1	½ ½	×	3	4½	7½

Таблица № 34

Ленинград 1937 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	I круг	II круг	Итог
1. Чеховер	×	½ ½	0 ½	½ ½	1 ½	1 1	½ 1	½ ½	4	4½	8½
2. Раузер	½ ½	×	0 1	½ 1	1 ½	½ 0	1 1	½ ½	4	4½	8½
3. Кан	1 ½	1 0	×	½ 0	½ ½	½ ½	½ ½	1 1	5	3	8
4. Константинопольский	½ ½	½ 0	½ 1	×	1 0	1 ½	½ 0	½ 1	4½	3	7½
5. Рагозин	0 ½	0 ½	½ ½	0 1	×	1 0	½ 1	1 1	3	4½	7½
6. Алаторцев	0 0	½ 1	½ ½	0 ½	0 1	×	½ ½	1 1	2½	4½	7
7. Рюмин	½ 0	0 0	½ ½	½ 1	½ 0	½ ½	×	½ ½	3	2½	5½
8. Гоглидзе	½ ½	½ ½	0 0	½ 0	0 0	0 0	½ ½	×	2	1½	3½

и Воронежской области (I — Алаторцев, II — Панов, оба вне конкурса, III — Петров) и первенство городов: Москва (I—II — Алаторцев и Кан, III—V — Белавенец, Чистяков и Юдович), Ленинград (I — Рагозин, II—Раузер, III — Ильин-Женевский, IV — Левенфиш) и Киев (I — Константинопольский).

В Москве Панов сыграл с проезжавшим через СССР Л. Штейнером две партии (+1 — 1).

В марте 1937 года в СССР гастролировал американский гросмейстер Р. Файн. При его участии в Москве и Ленинграде были проведены два небольших тренировочных турнира (см. таблицы № 35 и 36).

Таблица № 35

Москва 1937 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	Итог
1. Файн	×	1	½	1	½	0	1	1	5
2. Кан	0	×	½	½	1	1	1	½	4½
3. Панов	½	½	×	½	1	½	½	½	4
4. Белавенец . .	0	½	½	×	0	1	1	½	3½
5. Алаторцев	½	0	0	1	×	0	1	½	3
6. Юдович	1	0	½	0	1	×	0	½	3
7. Бондаревский .	0	0	½	0	0	1	×	1	2½
8. Лилиенталь . .	0	½	½	½	½	½	0	×	2½

Таблица № 36

Ленинград 1937 г.	1	2	3	4	5	6	Итог
1. Файн	×	1	½	1	½	1	4
2. Левенфиш	0	×	1	1	½	½	3
3. Рабинович	½	0	×	½	½	1	2½
4. Будо	0	0	½	×	1	½	2
5. Раузер	½	½	½	0	×	½	2
6. Ильин-Женевский . . .	0	½	0	½	½	×	1½

В 1937 году были проведены первенства союзных республик: Украинской (I — Богатырчук, II—Погребысский, III—IV — Константинопольский и Корчмарь), Белорусской (I—Силич), Туркменской (I — Дуз-Хотимирский, вне конкурса, II — Ташли-Тайли) и Киргизской (I—II — Фрейман и Скрипкин, вне конкурса, III — Лукин). Первенство Восточной Сибири завоевал Гайдук. Из областных соревнований отметим первенство Горьковской области (I — Дубинин), Воронежской области (I — Рудаковский), Западной области (I—III Гергенредер, Коптев и Юдович, последний вне конкурса). Первенство Москвы было выиграно Алаторцевым и Белавенцем, за ними Юдович, Кан и др. В Ленинграде первые три места разделили Чеховер и

Тбилиси 1937 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итог
1. Левенфиш	X	1/2	0	1	0	1	1	1	1/2	1	1/2	1/2	0	1/2	1	1/2	1	1	1	1/2	12 1/2
2. Константинопольский	1/2	X	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1	1/2	1	1	1/2	1	1	1/2	1/2	1	1/2	12
3. Рагозин	1	1/2	X	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	0	0	1	1/2	1	1	12
4. Макогонов В.	0	1/2	1/2	X	1	1/2	1	1	1/2	1/2	1	1/2	1	1	0	0	1/2	0	1	1	11 1/2
5. Белавенец	1	1/2	1/2	0	X	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	0	1/2	1/2	1/2	1	1	0	1	11
6. Гоглидзе	0	1/2	1/2	1/2	1/2	X	1/2	1	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1	1	1	11
7. Лисицын	0	1/2	0	0	0	1/2	X	1/2	1	1	1	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1/2	1/2	1	11
8. Раузер	0	1	1/2	0	1/2	0	1/2	X	1/2	1	0	1/2	1/2	1	1	1	0	1	1	1/2	10 1/2
9. Юдович	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	X	0	1	1/2	1	1/2	1	1	1/2	1/2	0	1/2	10
10. Алаторцев	0	0	1/2	1/2	1/2	0	0	0	1	X	1	1/2	1/2	1/2	0	1	1/2	1	1	1	9 1/2
11. Бондаревский	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	1	0	0	X	1/2	0	1/2	1	1/2	1	1	1	1/2	9 1/2
12. Рабинович И.	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	X	1	1/2	0	1	1	1/2	1/2	1	9 1/2
13. Кан	1	0	1/2	0	1	1/2	0	1/2	0	1/2	1	0	X	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	9
14. Лилиенталь	1/2	1/2	0	0	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	X	1/2	1	1	0	1/2	1/2	8 1/2
15. Панов	0	0	1	1	1/2	1/2	0	0	0	1	0	1	0	1/2	X	1	1/2	0	0	1	8
16. Будо	1/2	0	1	1	1/2	1	1/2	0	0	0	1/2	0	1/2	0	0	X	0	1	1/2	1/2	7 1/2
17. Ильин-Женевский	0	1/2	0	1/2	0	1/2	0	1	1/2	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1	X	1	1/2	1/2	7 1/2
18. Чеховер	0	1/2	1/2	1	0	0	1/2	0	1/2	0	0	1/2	1/2	1	1	0	0	X	1/2	1	7 1/2
19. Каспарян	0	0	0	0	1	0	1/2	0	1	0	0	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1/2	X	1/2	7
20. Эбралидзе	1/2	1/2	0	0	0	0	0	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	1/2	X	5

два первокатегорника Ровнер и Толуш, на четвертом месте И. Рабинович. В Баку победителем вышел В. Макогонов. Перед X всесоюзным чемпионатом Каспарян, выиграв квалификационный матч у Чеховера (+6—4=7), получил звание мастера [407]; кроме того, были выиграны квалификационные матчи на звание мастера: Погребысским у Юдовича и Вересовым у Панова с одинаковым результатом +9—7; матч Лисицын — Эбралидзе закончился победой Лисицына (+9 — 7), а Раузер выиграл у Ровнера (+10 — 6).

В междугородном матче команда Москвы победила Киев (+14½—9½).

В мае месяце, после значительного перерыва (почти 2½ года) был проведен X в с е с о ю з н ы й ч е м п и о н а т, который как бы должен был подвести итоги качественного роста советских шахматистов, после ряда встреч с иностранными мастерами.

Этот чемпионат проводился в столице Грузинской ССР городе Тбилиси. За небольшим исключением во всесоюзном первенстве участвовали мастера, которые постоянно принимали участие в соревнованиях последних лет. Не участвовал в розыгрыше первенства Ботвинник, так как он работал над научной диссертацией. X Всесоюзное первенство выдвинуло одного нового мастера из рядов молодежи — Бондаревского (см. таблицу № 37).

Женское первенство СССР выиграла Рубцова.

Победа Левенфиша, завоевавшего звание чемпиона СССР, поставила в порядок дня вопрос о матче на всесоюзное первенство между ним и Ботвинником. Матч этот, согласно решению Исполбюро, был проведен в октябре—ноябре 1937 года в Москве и Ленинграде. По условиям матча победителем считался первый выигравший 6 партий. При счете 5 : 5 матч признавался сыгранным в ничью, и звание чемпиона сохранялось за Левенфишем с присвоением ему звания гросмейстера.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Итого
Ботвинник . . .	1	0	0	½	½	1	1	1	½	0	0	1	0	6½
Левенфиш	0	1	1	½	½	0	0	0	½	1	1	0	1	6½

Матч Ботвинник—Левенфиш явился крупнейшим событием шахматной жизни СССР за вторую половину 1937 года и привлек внимание не только внутри страны, но и за границей.

В конце 1937 г. и в начале 1938 г. были проведены полуфинальные турниры к первенству ВЦСПС, в которых принимали участие шахматисты от 120 добровольных обществ и профсоюзов. Подобно предыдущему первенству ВЦСПС (1935—36 г.) турниры проводились по определенному плану — от низовых турниров до первенств ЦК профсоюзов (добровольных обществ). Победители этих первенств составили 8 групп, призеры которых совместно с персонально приглашенными чемпионами ВЦСПС Лисицыным и Чеховером, а также Алаторцевым, Рагозиным и Лилиенталем (последний вне конкурса) составили финал. Результаты финала оказались следующими: I—II—Алаторцев и Шамаев + 14 (из 21), III—Лилиенталь + 13, IV—VII—Копаев, Рагозин, Ровнер и Чеховер + 12½, VIII—X—Лисицын, Сокольский и Толуш + 12; далее следовали: Готгильф + 11½, Васильев и Мазель + 11, Будо + 10½, Гречкин + 9½ (не закончил турнир по болезни), Котов + 9, Камышев + 8½, Загорянский + 8, Панов + 7½, Троицкий + 7, Бастриков + 6, Левитас + 4½. Шамаеву было присуждено звание мастера.

В начале 1938 г. был проведен III всесоюзный детский турнир; по группе юношей первое место завоевал Смыслов (Москва), по группе мальчиков — Авербах (Москва), по группе девочек — Фрид (Одесса). Командное детское первенство завоевал Ленинград.

Чемпионат Армении закончился победой Долуханова и Каспаряна, в чемпионате Азербайджана — победитель В. Макогонов, в чемпионате Киргизии первенство завоевал Леман, в чемпионате Чувашии победителем вышел Студенецкий, в Калмыцкой АССР — Сангаджиев, а в Дагестанской АССР — Горбачев. Первенство Тбилиси выиграл Абрамян.

В мае—июне в Ленинграде и Киеве были проведены полуфиналы XI первенства СССР, в которых приняло участие 36 мастеров и сильнейших первокатегорников страны. В ленинградской группе турнир закончился со следующим результатом: Ботвинник (вне конкурса) + 14 (из 17), Романовский + 11½, Бондаревский, В. Макогонов и И. Рабинович по + 10½, Лисицын и Толуш по + 10, Чеховер + 9½, Сокольский + 9, Абрамян + 8, Каспарян + 7, Вересов, Мазель и Поляк по + 6½, Будо и Ильин-Женевский по + 6, Готгильф и Давид по + 5½. Звания мастера добились Абрамян и Толуш. Результаты киев-

ской группы: Панов +13 (из 17), Богатырчук +11, Дубинин, Котов и Чистяков по $+10^1/_2$, Белавенец и Погребысский по $+9^1/_2$, Кайев и Юдович по $+8^1/_2$, Шамаев и Щипунов по $+7^1/_2$, Верлинский, Константинопольский и М. Макогонов по +7, Дуз-Хотимирский, Копаев и Фрейман по $+6^1/_2$, Ровнер +6. Звания мастера добились Дубинин, Кайев, Котов и Чистяков.

В августе в Горьком были проведены всесоюзные турниры I категории. В первой группе победителем вышел Хавин (Киев), во второй — Смыслов (Москва), Стольберг (Ростов-на-Дону) и Уфимцев (Омск), в третьей — Шнейдеман (Ленинград) и в четвертой группе — Гречкин (Сталинград).

В сентябре в Москве состоялся отборочный турнир четырех мастеров, не участвовавших в полуфиналах шахматного первенства СССР. Турнир проводился в 4 круга. Места распределились следующим образом: I—II — Кан и Рагозин по +7 (из 12), Алаторцев и Рюмин по +4. Первые два победителя получили право участия в чемпионате СССР.

Глава семнадцатая

СОВЕТСКИЕ МАСТЕРА

Сурен Теодорович Абрамян (родился в 1910 г.) выдвинулся в чемпионате Тбилиси 1938 года, в котором он завоевал 1 место. Он был допущен в полуфинал XI всесоюзного чемпионата и добился звания мастера.

Владимир Алексеевич Алаторцев, по профессии инженер-гидротехник, родился в 1909 г. в Петербурге. Как шахматист он сформировался под руководством П. А. Романовского. Первого крупного успеха Алаторцев добился в первенстве Ленинграда 1931 года, в котором получил III приз. В том же году в VII всесоюзном первенстве он разделил 3—6 места и завоевал звание мастера, а в первенстве Ленинграда 1932 года занял 2 место. Еще успешнее было выступление Алаторцева в VIII всесоюзном чемпионате (1933 г.), где он занял 2-е место, вслед за Ботвинником, в закавказском чемпионате (1933 г.) — I—II с Гоглидзе и в первенстве Ленинграда 1933—34 г., на котором он разделил 1—2 место с Лисицыным. Со средним успехом сыграл

В. А. АЛАТОРЦЕВ

Алаторцев в турнире мастеров с участием Эйве и Кмоха (9—10 место). В IX всесоюзном чемпионате Алаторцев, разделив V—VIII призы, добился права участия во II московском международном турнире, в котором занял место сразу за призерами.

Переехав в Москву, Алаторцев разделил с Каном в 1936 году первенство столицы. В следующем году он (совместно с Белавенцом) опять разделил первенство Москвы. В X всесоюзном чемпионате, как и в других турнирах 1936—37 годов, сыграл со средним успехом. В 1938 году он завоевал (совместно с Шамаевым) звание чемпиона ВЦСПС.

Большим достижением Алаторцева явился ничейный результат в матче с Лилиенталем в 1935 году (+4—4=4).

Сергей Всеволодович Белавенец (родился в 1910 г.) выдвинулся как способный шахматист в белорусских турнирах. В 1924 году он занял 1-е место в турнире городов БССР, а в следующем году в чемпионате БССР добился IV приза. Переехав в Москву, он скоро стал выдвигаться среди первокатегорников. В первенстве Москвы 1930 года он разделил 5—9 места, а в 1932 году он добился крупного успеха, разделив с Лебедевым и Орловым 1—3 места в первенстве Москвы. Звание мастера Белавенец завоевал в „турнире соискателей" в 1933 году (Москва). В первенстве Москвы 1933—34 г. он занял 4 место, оставив позади себя 7 мастеров. С хорошими результатами Белавенец выступал также в первенствах Москвы 1935 года (III приз) и 1936 года (III -V призы); в 1937 году он совместно с Алаторцевым завоевал первенство столицы. Прекрасного результата добился Белавенец в 1935 году и в полуфинале профсоюзов; в первенстве ВЦСПС он получил V приз.

В 1934 году, участвуя в отборочных соревнованиях, Белавенец завоевал звание чемпиона РСФСР. Допущенный на основании этого успеха в IX всесоюзный чемпионат, он встал сразу за призерами (9—12 место), а в X всесоюзном чемпионате (Тбилиси, 1937 г.) разделил V—VI призы. Белавенец участвовал еще в турнире с участием Файна (Москва, 1937 г.), в котором занял 4-е место.

Вениамин Маркович Блюменфельд, по профессии юрист, родился в Польше (м. Вильковишки, Сувалкской губ.) в 1884 году. Он еще в детском возрасте познакомился с шахматами и 17 лет взял I приз в городском турнире в Либаве. С 1902 года, будучи студентом Бер-

линского университета, Блюменфельд с успехом выступал в местных соревнованиях; в 1903—1904 г. получил V приз в берлинском турнире мастеров. В IV всероссийском турнире 1905—1906 г. он разделил с Рубинштейном II—III призы.

В 1907 году Блюменфельд переехал в Москву, однако выступал в различных соревнованиях довольно редко (в 1907 году в турнире с участием Марко—II—III место, в 1908 году в чемпионате Москвы — II место, в 1911 г. в чемпионате Москвы — I—II место), а с 1911 года вообще отошел от шахмат, к которым вернулся только в 1920 г., приняв участие в Олимпиаде (8-е место). Лучшего успеха после революции Блюменфельд добился в первенстве Москвы 1925 года, разделив с Верлинским 2—3 место, а также в московском турнире мастеров 1930 года. (3—5 место с Григорьевым и Дуз-Хотимирским). В отборочном турнире мастеров Москвы в 1934 году Блюменфельд занял 3—5 место.

Блюменфельд — автор ряда теоретических новинок; из них наиболее известны „атака Блюменфельда“ в шотландской партии и „гамбит Блюменфельда“ в индийской защите. Блюменфельд является автором книжки „Роль эндшпиля в шахматной партии“ (Л. 1929) и редактором и соавтором книги „Матч Алехин — Боголюбов“ (Л. 1931).

Федор Парфенович Богатырчук, по профессии врач, родился в Киеве в 1892 году. Выдвинулся в местных состязаниях (в чемпионате Киева 1911 года — 1-е место). Во всероссийском турнире любителей в Саратове в 1911 году он разделил с Вигдорчиком III—IV призы. Богатырчук находился в числе русских шахматистов, выехавших в Германию в 1914 году для участия в Haupt-турнире в Мангейме (как медицинский работник, он был вскоре выпущен из плена); в Баден-Бадене он выиграл небольшой матч у Романовского с результатом +2=2.

После революции Богатырчук многократно участвовал во всесоюзных и местных турнирах, почти всегда с хорошим результатом. Во II всероссийском чемпионате (1923 г.) он разделил 3—5 место и добился звания мастера; в III всесоюзном чемпионате разделил 3—4 место, а в V всесоюзном, вместе с Романовским,—1—2 место. Хорошо сыграл Богатырчук также в VII всесоюзном первенстве (3—6 место), в IX (3—4 место) и в киев-

ской группе полуфинала XI (2 место). Хуже он сыграл в VIII всесоюзном первенстве (8 место). В четверном турнире ВЦСПС (1933 г.) он занял 1 место.

Богатырчук участвовал в I и II московских международных турнирах; из них в первом он вошел в состав призеров (XI приз). Кроме того, он являлся многократным победителем чемпионата Киева (1929 — 1 место, 1933 — 1—2 место, 1934 — 1—3 место), а в 1937 году завоевал первенство УССР.

Богатырчук является автором книжки „Борьба за первенство мира“ (Л. 1929).

Игорь Захарович Бондаревский родился в 1913 году. Выдвинулся он в турнирах в Ростове на-Дону. При розыгрыше первенства РСФСР в 1935 году он разделил III—IV место, успешно пройдя все предварительные турниры. Во всесоюзном турнире I категории (Ленинград, 1936 г.) Бондаревский занял в своей группе 1 место, обеспечив себе тем самым участие в X всесоюзном чемпионате (Тбилиси, 1937 г.), в котором добился звания мастера. Высокий класс игры Бондаревский подтвердил в ленинградской группе полуфинала XI всесоюзного первенства (3—5 место).

Михаил Моисеевич Ботвинник родился в Петербурге 17 августа 1911 года. Имя его впервые появилось на страницах шахматной печати уже в 1924 году, когда юный школьник Миша Ботвинник принял участие во внекатегорном турнире. Последовательно пройдя через проверочный фильтр турниров третьей, второй и первой категории, он уже через год числился в первых рядах ленинградской I категории, а в 1926 году добился права участия в чемпионате Ленинграда, где разделил с И. Рабиновичем II — III призы. В том же году в чемпионате Северо-западной области Ботвинник занял 3 место (ниже И. Рабиновича и Ильина-Женевского). Шестнадцатилетнего шахматиста зачислили кандидатом в V всесоюзный турнир (Москва, 1927 г.), но было очевидно уже, что он играет в силу мастера (в шестерном турнире в Ленинграде незадолго до первенства Ботвинник занял 2 место, ниже Романовского). И действительно, разделив с В. Макогоновым V — VI призы, Ботвинник завоевал звание мастера. В следующем VI всесоюзном съезде (Одесса, 1929 г.) Ботвинник стал жертвой турнирной случайности и, несмотря на блестящую в целом игру в предварительных группах, из-за проигрыша двух партий не вышел в финал.

С 1930 года выступления Ботвинника протекают с неизменным успехом, и он быстро выдвинулся в число сильнейших советских мастеров. Уже в ленинградском турнире мастеров (1930 г.) он занял 1 место. С таким же блестящим результатом Ботвинник сыграл в пер-

М. М. БОТВИННИК

венстве Ленинграда 1931 года. В том же году он принял участие в VII всесоюзном первенстве, на котором, после упорной борьбы со своим ближайшим соперником Рюминым, завоевал почетное звание чемпиона СССР. Дальнейшие выступления Ботвинника только подтвердили общее мнение, что новый чемпион СССР достоин этого звания. Он вновь завоевал первенство Ленинграда

в 1932 году, а в ленинградском турнире мастеров того же года разделил с Романовским I—II призы.

VIII всесоюзный съезд 1933 года принес Ботвиннику новую победу, сохранив за ним звание чемпиона СССР.

В 1933 году один из виднейших гросмейстеров Запада С. Флор послал через шахкомитет ВСФК вызов Ботвиннику на матч. Вызов этот был принят; предстоящий матч должен был послужить проверкой уровня игры лучшего советского мастера. Ботвинник тщательно готовился к матчу. К этому времени он обладал уже прекрасной техникой и, в частности, был во всеоружии дебютных тонкостей. Первая половина матча в Москве окончилась с весьма неутешительным результатом для Ботвинника (+0—2=4), и Флор был убежден, что и вторая половина матча окончится с тем же результатом. Однако, именно здесь сказалась выдержка молодого советского чемпиона: в Ленинграде Ботвинник добился такого же результата, как Флор в Москве. Матч, таким образом, окончился в ничью (+2—2=8). Западно-европейская буржуазная печать вынуждена была признать, что в лице Ботвинника советское шахматное движение приобрело мастера высокого международного класса. Сам Флор в чешской газете „Narodni Listy" писал, что „Ботвинник был теоретически очень хорошо подготовлен к матчу... Он имеет дарование шахматиста мирового уровня; его стиль, который пока еще не вполне отшлифован, напоминает стиль Капабланки и Эйве".

Новый крупный успех Ботвиннику принес турнир мастеров с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.). Несмотря на болезненное состояние, Ботвинник сумел закончить турнир с блестящим результатом, добившись и на этот раз I приза.

Советские мастера, и в первую очередь Ботвинник, показали, что они с успехом могут выступать против западно-европейских профессионалов.

Однако, последовавшее в декабре—январе 1934—35 г. первое участие Ботвинника в международном турнире — в Гэстингсе — показало, что в необычной для него обстановке он не обладает еще в должной мере той специально спортивной натренированностью, которая составляет вторую натуру постоянных участников больших международных соревнований. Отсутствие специальных дней для доигрывания и свободных дней, а также быстрый контроль времени сказались на игре Ботвинника.

Проигрыши Эйве и, в особенности, Томасу отодвинули Ботвинника на 5—6 место, которое он разделил с Лилиенталем, став ниже Томаса, Флора, Эйве и Капабланки. Этот относительный неуспех послужил Ботвиннику хорошей школой для будущих, более ответственных соревнований.

II Московский международный турнир 1935 года, который привлек почти всех сильнейших шахматистов мира, показал колоссальную выдержку советского чемпиона, которого только в конце нагнал Флор, разделивший вместе с Ботвинником 1—2 места, впереди Ласкера, Капабланки, Шпильмана и других.

Советскому чемпиону было присвоено звание гросмейстера. Приказом наркома тяжелой промышленности т. Орджоникидзе Ботвинник, как сотрудник одного из научно-исследовательских институтов Наркомтяжпрома, был награжден легковой машиной. Вполне закономерный, отнюдь не случайный характер успеха Ботвинника убедительно был подтвержден результатом его игры в III московском международном турнире 1936 года, в котором Ботвинник добился II приза, став ниже Капабланки, но выше Флора, Лилиенталя и других. Стиль, в котором им были выиграны партии против Флора, Лилиенталя и Ласкера, убедительно показывает, что Ботвинник все время совершенствуется, выдвигаясь в число выдающихся шахматистов мира.

В сильнейшем по своему составу турнире в Ноттингэме (1936 г.), в котором приняли участие Эйве, Алехин, Капабланка, Флор, Файн, Решевский, Видмар и другие виднейшие гросмейстеры, класс мастерства Ботвинника подвергся новой серьезнейшей проверке. В ноттингэмском турнире чемпион СССР не проиграл ни одной партии и разделил с Капабланкой I—II призы. Этот турнир явился подлинным триумфом для Ботвинника и всего советского шахматного искусства. Он показал, что советская страна выпестовала шахматиста, способного бороться за мировое первенство. Постановлением ЦИК СССР Ботвинник был награжден орденом „Знак Почета“.

После почти пятилетнего перерыва Ботвинник принял участие во всесоюзных соревнованиях, а именно в ленинградской группе XI чемпионата (вне конкурса), и легко занял 1-е место (+14 из 17).

Член ленинского комсомола гросмейстер-орденоносец М. М. Ботвинник является по профессии инженером-

электриком. Свои выдающиеся успехи в области шахматного искусства он совмещает с творческой работой в Ленинградском Индустриальном институте, и в июне 1937 года защитил диссертацию на ученую степень кандидата технических наук.

М. М. Ботвинник является автором работы „Матч Ботвинник—Флор“ и редактором турнирного сборника „VII Всесоюзный шахматный турнир“. Кроме того, в 1938 году вышли его „Избранные партии“.

Гавриил Николаевич Вересов выдвинулся в местных минских соревнованиях. На основании своих успехов он был допущен в VII всесоюзный чемпионат. Однако в предварительной группе он сыграл неудачно и не попал в финал. Получив право играть в IX всесоюзном чемпионате (после того как он успешно сыграл в отборочном турнире мастеров союзных республик УССР, БССР и ЗСФСР с участием Кмоха и Рагозина), Вересов не набрал только пол-очка для получения звания мастера, которое он завоевал в 1937 году выигрышем матча у Панова (+9—7).

Борис Маркович Верлинский родился в Одессе в 1887 году; немой от рождения, он овладел даром речи уже в отроческие годы. Типичный шахматный самородок, Верлинский выдвинулся в местных турнирах, в которых выступал с 1906 года. Допущенный на основании своих успехов во всероссийский турнир любителей 1909 года в Петербурге, он занял 10—11 место, сразу за призерами. В южно-русском турнире (1909—10 г.) он добился I приза, а во всероссийском турнире любителей 1911 года разделил VI—VIII призы.

После революции Верлинский переехал в Москву, где затем принимал участие в местных и всесоюзных турнирах.

В турнире городов II всероссийского съезда он добился II приза. В III всесоюзном чемпионате (1924 г.) Верлинский завоевал звание мастера, а в IV всесоюзном (1925 г.) получил IV приз, добившись прекрасного результата против призеров (выиграв и у Боголюбова). Участвуя в VI всесоюзном чемпионате (1929 г.), Верлинский после упорной борьбы завоевал звание чемпиона СССР, которое уступил в 1931 году Ботвиннику, заняв в VII всесоюзном первенстве III—VI место.

Верлинский только один раз выступал в международном турнире (Москва 1925 г.); в этом турнире, вместе

с Рубинштейном и Шпильманом, он встал сразу за призерами (выиграв, между прочим, сенсационную партию у Капабланки).

С большим успехом выступал Верлинский в московских чемпионатах (в 1928 году — чемпион Москвы), а также в ряде областных турниров. В четверном турнире ВЦСПС (1933 г.) он занял второе место.

В настоящее время в виду своего болезненного состояния, Верлинский редко выступает в серьезных соревнованиях. После долгого перерыва он принял участие в киевской группе полуфинала XI всесоюзного чемпионата, в котором сыграл со средним успехом.

В. А. ГОГЛИДЗЕ

Постановлением ВСФК СССР звание мастера закреплено за Верлинским пожизненно. Кроме того он получает персональную пенсию.

Яков Семенович Вильнер (1899—1931) до революции был известен главным образом как проблемист. После революции во II всероссийском чемпионате (1923 г.) он сыграл неудачно, однако, в следующем году выиграл чемпионат УССР (впереди Богатырчука), а в III всесоюзном чемпионате (1924 г.), разделив с Ненароковым и Селезневым VI—VII призы, добился звания мастера. В чемпионатах УССР он дважды занимал I место; в 1925 и (совместно с Кирилловым) в 1928 году.

Виктор Арсеньевич Гоглидзе, по профессии инженер, родился в Грузии в 1905 году. Впервые стал выступать с 1923 года (в Ташкенте). Выдвинулся он по переезде в Тбилиси, где уже в 1927 году завоевал первенство города. Звания мастера Гоглидзе добился выигрышем матча в 1930 году у Ненарокова (+6—3=2), подтвердив его в том же году в турнире мастеров Украины,

Закавказья и Узбекистана (2 место). В закавказском турнире в Тбилиси в 1933 году он разделил I—II место (с Алаторцевым), а в турнире мастеров с участием Кмоха в Тбилиси в 1934 году получил I приз. В X всесоюзном чемпионате (1937 г.) разделил V—VI призы.

Гоглидзе принимал участие во II международном турнире в Москве (1935 г.), в котором сыграл со средним результатом (11—14 место). Кроме того, он с неизменным успехом выступал в местных соревнованиях Тбилиси, Грузии и Закавказья. Менее успешно Гоглидзе играл в VII и VIII всесоюзных чемпионатах и в турнире молодых мастеров (1936 г.).

Гоглидзе — первый грузинский шахматный мастер.

Николай Дмитриевич Григорьев родился в 1895 г. в Москве. Приобретя известность среди московских шахматистов удачными выступлениями в турнирах и матчах, Григорьев был допущен к участию в Олимпиаде 1920 года, где разделил 5—7 место. С большим успехом выступал затем в чемпионатах Москвы, победителем которых был в 1921, 1922 и 1924 гг.; в 1929 году выигрышем матча у Панова (+6—3=3) он вновь завоевал первенство Москвы. Участник II, III, IV, V и VI всесоюзных чемпионатов, он добился в V чемпионате звания мастера. В 1928 году Григорьев завоевал первенство ВЦСПС (в первенстве ВЦСПС 1927 года занял 2 место), а в 1929 году вместе с Романовским разделил 1—2 место в международном рабочем турнире в Ленинграде. Из последних спортивных достижений Григорьева следует отметить результат его в московском турнире мастеров 1930 года (3—5 место).

Григорьев выиграл матчи у М. Макогонова (1928 г., +5—1=2) и Гоглидзе (1929 г., +5—4=1) и свел в ничью два матча — с Ненароковым и Зубаревым (1923 г.). В 1921 году он с почетным результатом проиграл матч Алехину (—2 =5)

Григорьев является талантливым этюдистом; его пешечные этюды приобрели заслуженную известность в мировой шахматной прессе.

Петр Васильевич Дубинин, горьковский шахматист, родился в 1909 году. Первые его успехи относятся к 1934 году, когда он занял в чемпионате РСФСР 2-е место. На основании этого результата Дубинин был допущен в IX всесоюзный чемпионат, в котором, однако, сыграл со средним успехом. Звания мастера Дубинин

добился в киевской группе полуфинала XI всесоюзного чемпионата, где он разделил III—V призы, набрав $10^1/_2$ очков из 17.

Федор Иванович Дуз-Хотимирский родился в 1881 году. С шахматами познакомился в 1898 году и через два года уже приобрел известность в киевских шахматных кругах, занимая первые места в местных турнирах (он 4 раза выигрывал чемпионат Киева). Во II и III всероссийских турнирах он сыграл неудачно, в IV всероссийском турнире разделил с Избинским и Розенкранцем VIII приз, а в V всероссийском турнире он разделил 8—9 место. В 1907 году он занял 1 место в четверном матч-турнире с участием австрийского шахматиста Марко (в матч-турнире того же года с участием Чигорина он занял 3 место), в 1909 году занял 4 место в турнире мастеров в Вильне, а в 1910 году разделил 1—2 место в турнире Петербургского шахматного собрания. Допущенный на основании своих успехов в международный турнир в Карлсбаде (1907 г.), он завоевал на нем звание мастера (11—12 место). Со средним успехом он участвовал затем еще в нескольких международных турнирах: в Праге в 1908 г. (11 место), в Петербурге в 1909 году (13 место, получив специальный приз за выигрыш партий у первых двух призеров — Ласкера и Рубинштейна), в Гамбурге в 1910 году (VII—VIII призы) и в 1911 году в Карлсбаде (22 место).

После революции Дуз-Хотимирский выступал в ряде турниров, часто достигая хороших результатов: во II всесоюзном чемпионате (1923 г.) — 3—5 место, в IV всесоюзном (1925 г.) — 5 место, в V всесоюзном (1927 г.) 3—4 место. С меньшим успехом он сыграл в III и VIII чемпионатах СССР, а также в полуфинале XI чемпионата.

В 1930 году он разделил с Блюменфельдом и Григорьевым 3—5 место в московском турнире мастеров, а в 1932 году в турнире мастеров добился даже II приза (в ленинградском турнире мастеров Дуз-Хотимирский разделил только 9—10 место). В I международном турнире в Москве (1925 г.) он выступил неудачно.

Дуз-Хотимирский выиграл матч у Флямберга (1911 г., +5—1) и свел два матча в ничью: с Маршаллем (1908 г., +2—2=2) и Фрейманом (1926 г., +5—5).

Постановлением ВСФК СССР звание мастера за ним закреплено пожизненно.

Николай Михайлович Зубарев родился в 1894 году в Москве. Выступая еще до империалистической войны в турнирах московского шахматного кружка, он добился I категории.

После революции крупным успехом Зубарева явилось завоевание им 1 места в турнире городов III всесоюзного чемпионата (1924 г.), что дало ему условное звание мастера (до этого в первых двух всесоюзных чемпионатах он сыграл со средним успехом). Звание это он подтвердил в IV всесоюзном чемпионате (1925 г.). В московском чемпионате 1926 года Зубарев занял 2 место (до этого он также с хорошим результатом играл в московских чемпионатах), а затем дважды завоевывал первенство Москвы (в 1927 и 1930 гг.). Из других его успехов следует отметить результат отборочного турнира мастеров (1925 г., 1 место), первенства ВЦСПС (1928 г.) — 2 место. В отборочном турнире московских мастеров 1934 г. он занял 3—5 место. Участие Зубарева в I московском международном турнире (1925 г.) было неудачным.

В 1923 году он сыграл матч в ничью с Григорьевым (+5—5).

В 1937 году (совместно с Пановым) им был выпущен „Начальный учебник шахматной игры".

Александр Федорович Ильин-Женевский родился в Петербурге в 1894 году. Еще будучи гимназистом, он выступил в первенстве Петербурга 1910 г., правда, без успеха. За участие в революционной подпольной межученической организации был исключен из гимназии без права поступления в другие учебные заведения и без права держания экзаменов экстерном, и для продолжения образования уехал за границу, в Швейцарию, где поселился в Женеве. В студенческих и эмигрантских кругах Женевы он сразу выделился своими шахматными способностями. В 1914 году выиграл чемпионат Женевы.

После революции Ильин-Женевский участвовал во всех всесоюзных чемпионатах (кроме VII); из них лучшего результата добился в IV (1925 г.), разделив 6—8 место. В 1925 году разделил с Левенфишем, И. Рабиновичем и Романовским первенство Ленинграда, чем добился звания мастера. В 1926 и 1929 гг. был чемпионом Ленинграда. С большим успехом выступал Ильин-Женевский во II чемпионате ВЦСПС (1927 г.), заняв 1 место, в рабочем международном турнире в Берлине

(1926 г.), победа в котором дала ему звание чемпиона Шахинтерна, и в ленинградском турнире мастеров 1930 г. (2 место).

В московском международном турнире 1925 г. Ильин-Женевский разделил с Грюнфельдом IX—X призы, причем выиграл сенсационную партию у Капабланки. Из других его успехов следует отметить: I—II призы с В. Макогоновым в I закавказском турнире (1928 г.), III—V призы в первенстве Ленинграда (1932 г.), II—III призы в турнирах мастеров в Доме ученых, V—VI призы в ленинградском турнире мастеров (1933 г.), II приз в отборочном турнире мастеров (Ленинград, 1936 г.) и III приз в первенстве Ленинграда 1936 года.

И. А. КАН

Ильин-Женевский является автором ряда брошюр: „Матч Алехин — Капабланка“ (избранные партии матча), „Международный шахматный турнир в Москве“ (дневник участника), „Записки советского мастера“, „Международное рабочее шахматное движение“. Кроме того, с 1925 по 1930 гг. и с 1936 по 1937 гг. Ильин-Женевский состоял ответственным редактором журнала „Шахматы в СССР“.

Лев Александрович Кайев (родился в 1913 г.) выдвинулся в первенстве РСФСР 1935 года; в финале этого турнира он разделил с Сокольским 2—3 место. Во всесоюзном турнире I категории в 1937 году он занял в своей группе 1 место и был допущен в полуфинал XI всесоюзного чемпионата, в котором добился звания мастера.

Илья Абрамович Кан родился в Самаре в 1909 году. В 1928 году он выиграл малое первенство Москвы и, после выступлений со средним результатом в том же году в чемпионате РСФСР и московском город-

ском чемпионате, был допущен в VI всесоюзный чемпионат (Одесса, 1929 г.), в котором блестяще завоевал звание мастера (3 место, после Верлинского и Фреймана). После этого турнира Кан с хорошим результатом выступал в ряде различных соревнований, выдвигаясь в число лучших советских мастеров. Его главные успехи—московский турнир мастеров 1930 года (2 место), первенство Москвы 1931 года (2 место), первенство Москвы 1936 г. (1—2 место), первенство Москвы 1937 года (4 место), турнир молодых мастеров (3 место). В турнире с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.) Кан занял 5 место. В московском турнире с участием Файна Кан занял 2 место (после Файна).

Г. М. КАСПАРЯН

Менее удачно выступал Кан в VIII, IX и X всесоюзных чемпионатах.

Большого успеха достиг он во II московском международном турнире (1935 г.), разделив с Левенфишем VI—VII призы; в III московском международном турнире (1936 г.) сыграл менее успешно.

Генрих Моисеевич Каспарян родился в 1910 году; выдвинулся в ряде закавказских турниров. Победой в первенстве Тбилиси 1931 года он завоевал право участия в VII всесоюзном первенстве (Москва 1931 г.) и с блестящим результатом сыграл в предварительной группе, добившись 1 места (впереди Ботвинника). Однако, в финале Каспаряну не удалось набрать нужного количества очков для получения звания мастера.

В дальнейшем Каспарян продолжал с успехом выступать в местных турнирах. Во всеармянском турнире в 1934 году он, вместе с Сорокиным (игравшим вне кон-

курса), занял 1 место. Сыграв с плохим результатом в отборочном турнире мастеров трех республик с участием Кмоха (Тбилиси, 1934 г.), в 1935 году Каспарян завоевал первенство ЗСФСР, в 1937 году—чемпионат Тбилиси, а в 1938 году (совместно с Долухановым)— первенство Армении. Каспаряну был разрешен квалификационный матч с Чеховером на звание мастера; матч состоялся в 1936 г. в Ереване и дал Каспаряну звание мастера (+6 —4=7).

Первый армянский шахматный мастер, известен также как талантливый этюдист.

Александр Маркович Константинопольский родился в 1910 году. Он выдвинулся в киевских турнирах, где в 1932 году завоевал первенство города. В 1933 году он снова (вместе с Богатырчуком) завоевал первенство города и в этом же году, добившись 1 места в всеукраинском турнире I категории, завоевал звание мастера. В 1935 и 1936 гг. Константинопольский снова закрепил за собой звание чемпиона Киева.

Выступления его на всесоюзной арене также сопровождались хорошим результатом: он разделил с Лилиенталем 3—4 место в первенстве ВЦСПС (1936 г.), снова разделил 3—4 место в отборочном турнире мастеров (Ленинград, 1936 г.), занял 4 5 место в турнире молодых мастеров (Ленинград 1936 г.) и, наконец, встал на 2—3 место (с Рагозиным) в X всесоюзном чемпионате (Тбилиси, 1937 г.).

Александр Александрович Котов, по профессии инженер-механик, родился в 1913 году. С успехом сыграл в первенстве Москвы 1937 года, заняв 5-е место, впереди ряда мастеров. Котов вышел победителем полуфинала ВЦСПС 1938 года, однако в финале по болезни сыграл неудачно. Звания мастера он добился в киевской группе полуфинала XI Всесоюзного чемпионата, разделив III—V призы (+$10^1/_2$ из 17).

Григорий Яковлевич Левенфиш родился в Польше в 1889 году. Еще в бытность свою студентом Технологического института, он приобрел известность в петербургских шахматных кругах, с неизменным успехом выступая в турнирах Петербургского шахматного собрания. Его инициативная, агрессивная игра уже тогда привлекла внимание шахматной прессы. На основании своих успехов он был командирован в 1911 году на международный турнир в Карлсбад, в котором добился звания

мастера, выдержав редкую изнурительность этого состязания (26 участников) и набрав $46^0/_0$. В виленском турнире мастеров 1912 года он, вместе с Алехиным, разделил 6—7 место; в четверном турнире с участием Дураса в 1913 году разделил I—II призы (опять с Алехиным). Во всероссийском турнире мастеров 1913—14 года Левенфиш добился V приза.

Г. Я. ЛЕВЕНФИШ

После революции Левенфиш с большим успехом выступал во всесоюзных и местных турнирах. В Олимпиаде 1920 года он занял 3-е место, во II всероссийском турнире (1923 г.) — 2-е место, в III всесоюзном чемпионате (1924 г.) разделил с Богатырчуком 3—4 место, а в IV всесоюзном чемпионате (1925 г.) занял 2-е место (за Боголюбовым). В течение этого времени он трижды выигрывал первенство Ленинграда — в 1922, 1924 и

1925 годах (последний раз совместно с Ильиным-Женевским, И. Рабиновичем и Романовским).

В московском международном турнире 1925 года Левенфиш не попал в число призеров, неудачно начав турнир; он стал почти сразу за призерами, но выиграл у Ласкера и сделал ничью с Капабланкой.

После этого турнира Левенфиш, перегруженный служебной работой, снова выступил в соревнованиях только в 1928 году, приняв участие в первенстве Ленинграда, в котором занял 2-е место. Ответственная работа в стекольной промышленности лишала Левенфиша возможности активного участия в шахматной жизни и неблагоприятствовала спортивным успехам его редких выступлений. Он неудачно сыграл в ленинградском турнире мастеров в 1930 году и в турнире с участием Эйве и Кмоха в 1934 году. Более успешно было его выступление в VIII всесоюзном съезде 1933 года (III—V призы) и в ленинградском турнире мастеров 1934 года (IV—VII призы). В IX всесоюзном чемпионате 1934 года Левенфиш снова показал, что он не утратил своего класса, разделив с И. Рабиновичем I—II призы.

Во II московском международном турнире 1935 года Левенфиш почти до последних туров шел в числе первых, и только проигрыш в последнем туре Капабланке отодвинул его на 6—7 места.

В 1936 году Левенфиш в первенстве Ленинграда занял 4-е место, а в III московском международном турнире, после хороших результатов в первом круге, испортил свои шансы срывами в ряде партий второго круга, оставшись без призового места.

В мае 1937 года Левенфиш принял участие в X всесоюзном чемпионате в Тбилиси, в котором после упорной и напряженной борьбы занял 1-е место и завоевал почетное звание чемпиона СССР.

Перед самым первенством он занял 2-е место (после Файна) в ленинградском турнире мастеров с участием Файна.

Свое звание чемпиона СССР Левенфиш отстоял в матче против Ботвинника, с которым сыграл в ничью. Согласно условию матча Левенфиш не только сохранил звание чемпиона СССР, но и получил звание гросмейстера. В лице Левенфиша советское шахматное движение располагает мастером международного класса с большим творческим размахом.

Как литератор Левенфиш известен в качестве автора ряда теоретических статей и редактора шахматных сборников: „Матч Алехин — Капабланка“ (совместно с Романовским), „Третий московский международный турнир“ и „Девятое всесоюзное первенство“. Ему же принадлежит учебник „Первая книга шахматиста“.

Георгий Михайлович Лисицын, по профессии инженер-механик, родился в 1909 году. Добился I категории в 1927 году. Допущенный на основании своих успехов в первенство Ленинграда 1931 года, занял 4 место. В VII всесоюзном первенстве в том же году добился звания мастера, после чего выступал обычно с хорошим результатом (3—4 место в ленинградском турнире мастеров 1933 года и 3—5 место в VIII всесоюзном первенстве).

В 1933—1934 г., вместе с Алаторцевым, Лисицын завоевал первенство Ленинграда; в ленинградском турнире мастеров 1934 года разделил 4—7 место. На основании результатов IX всесоюзного чемпионата (5—8 место) был допущен во II московский международный турнир (1935 г.), где сыграл со средним результатом (15 место), точно так же, как и в турнире мастеров с участием Эйве и Кмоха (Ленинград 1934 г.). В 1936 году, вместе с Чеховером, завоевал первенство ВЦСПС; решительный матч между ними закончился в ничью (+1 — 1 = 10); в чемпионате ВЦСПС 1938 года он занял только 8—10 место. В X всесоюзном чемпионате Лисицын разделил 5—6 место, а в ленинградской группе полуфинала XI чемпионата—6—7 место.

Исаак Яковлевич Мазель родился в 1911 году. Выделился хорошей игрой в ряде минских турниров. Допущенный в 1931 году в VII всесоюзный чемпионат, Мазель разделил с Ильиным-Женевским 1—2 место в предварительной группе, а в финале добился звания мастера. Его лучшие успехи в дальнейшем: 1 место в свердловском областном турнире (1933 г.) и 2—3 место в первенстве Москвы 1934 года. В 1934 году Мазель выиграл матч у Кмоха (+2—1 =3). Менее удачны были его выступления в IX всесоюзном первенстве, чемпионатах ВЦСПС (1936 и 1938 г.г.). и отборочном турнире мастеров (Ленинград 1936 г.).

Владимир Андреевич Макогонов родился в 1904 г. Выдвинулся в городских турнирах в Баку, где работает преподавателем, а также в профсоюзных турнирах. До-

пущенный в качестве кандидата на V всесоюзный чемпионат, добился в нем звания мастера, разделив с Ботвинником 5—6 место. В дальнейших всесоюзных турнирах (VI и IX) играл с меньшим успехом, но в X чемпионате (Тбилиси 1937 г.) занял 4 место, а в ленинградской группе полуфинала XI чемпионата разделил 3 - 5 место.

Отметим также следующие удачные выступления Макогонова: 1—2 место в закавказском чемпионате (Тбилиси, 1928 г.), 2 место в отборочном турнире мастеров с участием Кмоха (Тбилиси, 1934 г.), 3—4 место в отборочном турнире мастеров (Ленинград, 1936 г.).

Владимир Иванович Ненароков родился в 1880 г. Он принадлежит к старейшему поколению советских мастеров. Еще студентом он приобрел себе репутацию одного из сильнейших московских шахматистов. В I всероссийском турнире (1899 г.) Ненароков разделил VI приз, а во II всероссийском турнире (1900—1901 г.) получил V приз. В 1900 году он выиграл первенство Москвы. Звание мастера Ненарокову было присуждено германским шахматным союзом, на основании результатов его матчей: ничья с Тартаковером (1905 г.; +2—2), выигрыш у Дуз-Хотимирского (1907 г.; +5—3=1) и выигрыш у Алехина (1909 г.; +3—0). В 1909 году Ненароков был допущен в международный турнир в Петербурге, однако вышел из него после 4-го тура.

После революции Ненароков дважды был чемпионом Москвы (оба раза после матча с Григорьевым) — в 1921 и в 1924 году (в 1928 году он занял 2 место) и с хорошим успехом выступал во всесоюзных чемпионатах: II (1923 г. — 3—5 место и получение звания мастера СССР, III (1924 г.) — 6 место, V (1927 г.) — 7 место (в IV он сыграл неудачно). В 1929 году он вышел победителем в первенстве Тбилиси, а в турнире мастеров Закавказья, Украины и Узбекистана (1930 г.) занял 3 место.

Постановлением ВСФК СССР звание мастера закреплено за Ненароковым пожизненно.

Ненароков является автором „Курса дебютов" и соавтором (вместе с Грековым) двух книг: „Азбука шахматной игры" и „Руководство к изучению шахматной игры". Кроме того ему принадлежат: монография „Испанская партия", популярное руководство „Шахматная азбука" и переработка „Самоучителя шахматной игры" Э. С. Шифферса.

Василий Николаевич Панов, по профессии издательский работник, родился в 1906 году. В 1927 году он выиграл чемпионат Центрально-промышленной области, после чего с большим успехом стал выступать в московских чемпионатах. В 1928 году он разделил 5—6 место, а в следующем году блестяще завоевал первенство Москвы. Однако, ряд дальнейших выступлений был неудачен. В VI всесоюзном чемпионате (Одесса, 1929 г.) он не мог добиться звания мастера; точно также он проиграл затем Григорьеву квалификационный матч на звание мастера (+3—6=3), а после этого не попал в финал VII всесоюзного чемпионата (Москва, 1931 г.).

С 1933 г. кривая успехов Панова стала подыматься вверх. В первенстве Москвы 1934 года он добился звания мастера, в том же году занял I место в отборочном турнире мастеров и попал в IX всесоюзный чемпионат (13—14 место). В том же году Панов занял I место в чемпионате Узбекистана (вне конкурса). В первенстве Москвы 1935 года Панов занял 2 место, с меньшим успехом он сыграл в чемпионате ВЦСПС в 1936 году, а в отборочном турнире мастеров (Ленинград, 1936 г.) — 1 место. На основании последнего успеха он был допущен в X всесоюзный чемпионат (Тбилиси, 1937 г.), в котором сыграл со средним успехом. В московском турнире мастеров с участием Файна Панов занял 3 место. Совершенно исключительного успеха добился Панов в киевской группе полуфинала XI чемпионата, в котором добился I приза (+13 из 17).

Панов известен как автор названной его именем дебютной системы в защите Каро-Канн. Его перу принадлежит работа под названием „Атака“ и, кроме того (совместно с Зубаревым) „Начальный учебник шахматной игры“ (Л. 1937).

Иосиф Бенедиктович Погребысский (родился в 1906 году) выдвинулся в киевских и украинских турнирах. В 1925 году он был чемпионом Киева, а в 1936 году завоевал (совместно с Шумилиным) первенство УССР. На основании его успехов ему был разрешен в 1937 г. квалификационный матч на звание мастера, которое он завоевал в матче против московского мастера Юдовича. Матч окончился с результатом +9—7 в пользу украинского шахматиста. В киевской группе полуфинала XI чемпионата Погребысский разделил 6—7 место (+9½ из 17).

Абрам Исакович Рабинович родился в 1878 году. Старейший мастер СССР. Впервые стал выступать в Вильне, где вскоре выдвинулся как сильнейший шахматист. В III всероссийском турнире (Киев, 1903 г.) разделил только 11—12 место, однако в виленском матч-турнире 1909 года добился II—III приза, что дало ему условное звание мастера. В других крупных турнирах в России Рабинович не участвовал, но дважды играл в международных турнирах: в Праге (1908 г.), где набрал количество очков, достаточное для подтверждения звания мастера, и в Карлсбаде (1911 г.).

После революции Рабинович участвовал в ряде всесоюзных и московских турниров. Лучших результатов он достиг в Олимпиаде 1920 года (5—7 место), в чемпионате Москвы 1926 года (1 место) и в московском турнире мастеров 1930 года (1 место).

Постановлением ВСФК СССР звание мастера закреплено за А. Рабиновичем пожизненно.

Илья Леонтьевич Рабинович, по профессии преподаватель математики, родился в Петербурге в 1891 г. Его первый успех — дележ I—II призов с Платцем в побочном всероссийском турнире любителей (1911 г.), после чего он занял 4—5 место во всероссийском турнире любителей в Вильне (1912 г.). Командированный в Haupt-турнир в Мангейм (1914 г.), Рабинович к моменту перерыва, обусловленного империалистической войной, был на 1 месте, чем завоевал звание мастера. Интернированный в Германии, он участвовал в турнирах пленных шахматистов, неизменно достигая хороших результатов.

После революции И. Рабинович принимал участие во всех всесоюзных турнирах, кроме VI и VII всесоюзных первенств, большей частью с хорошим результатом: Олимпиада 1920 года — 4 место, III всесоюзный чемпионат (1924 г.) — 5 место, IV (1925 г.) — 3 место, VIII (1933 г.) — 3—5 место, IX (1934 г.) — 1—2 место (с Левенфишем), в ленинградской группе полуфинала XI чемпионата — 3—5 место.

Обычно также с большим успехом выступал он в ленинградских турнирах. В 1920 году он выиграл чемпионат Петрограда, в 1925 году в первенстве Ленинграда Рабинович разделил с Ильиным-Женевским, Левенфишем и Романовским I—IV призы, а в 1928 году он снова выиграл первенство города. В чемпионатах 1922 и 1924 гг. он

занимал вторые места (в 1926 г. 2—3 место), в ленинградском десятерном турнире (1925 г.) — 4 место. Кроме того, он выиграл в 1926 году чемпионат Северо-западной области, а в 1934 году взял I приз в ленинградском турнире мастеров.

Рабинович первым из советских мастеров принял участие в игре за рубежом — в международном турнире в Баден-Бадене (1925 г.). С большим подъемом и выдержкой проведя весь этот турнир, он заслуженно достиг VII приза — впереди Нимцовича, Торре, Грюнфельда, Рети и других (он выиграл 7 партий, проиграл 3 и 10 свел в ничью). В I международном турнире в Москве (1925 г.) он сыграл неудачно. В турнире с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.) Рабинович добился IV приза. Со средним успехом он сыграл во II московском международном турнире (1936 г.); в ленинградском турнире с участием Файна (1937 г.) он занял 3 место. В 1920 году Рабинович выиграл матч у Романовского (+5—1=2).

И. Рабиновичу принадлежат две капитальные работы: „Эндшпиль“ и „Современный дебют“.

Вячеслав Васильевич Рагозин, по профессии инженер-строитель, родился в 1908 году. Он выдвинулся в турнирах профсоюза пищевиков и в 1928 году завоевал первенство ЦК этого союза и разделил 3—4 место в первенстве ВЦСПС (в первенстве ВЦСПС 1927 года он разделил 4—6 место). В следующем году в первенстве пищевиков он опять добился 1 места, встав выше мастеров Готгильфа и Моделя. Еще в 1927 году он взял I приз в побочном турнире Шахинтерна (Берлин), а в международном рабочем турнире (Ленинград 1929 г.) занял 3 место.

На основании успехов Рагозина ему был разрешен в 1930 году квалификационный матч на звание мастера с Ильиным-Женевским, выигранный им с результатом +6—4=4. В дальнейшем он выступал со средним успехом и лишь в 1932—1933 г. в турнире мастеров (в Доме ученых) разделил 2—3 место, а в 1934 году в ленинградском турнире мастеров добился II приза; в отборочном турнире мастеров в Тбилиси в 1934 году он разделил 3—5 место. Допущенный на основании результатов IX всесоюзного чемпионата (5—8 место) во II московский международный турнир (1935 г.), Рагозин добился прекрасного результата против иностранцев, выиграв у Шпильмана, Лилиенталя, Штальберга, Пирца и Веры Менчик и

сделав ничью с Флором и Ласкером. Вместе с Лилиенталем и Романовским он разделил VIII—X призы, тем самым выдвинувшись в число сильнейших советских мастеров.

Его дальнейшие выступления сопровождались таким же успехом. В 1936 году он выиграл первенство Ленинграда, а в III московском международном турнире (1936 г.) получил V приз. В X всесоюзном чемпионате (Тбилиси, 1937 г.) Рагозин разделил с Константинопольским 2—3 место (до этого он выступал в турнире молодых мастеров, который закончил со средним успехом — 4 — 5 место). В международном турнире гросмейстеров в Бадене—Земмеринге (1937 г.) Рагозин сыграл со средним успехом (6—7 место).

В. В. РАГОЗИН

Всеволод Альфредович Раузер родился в 1908 году. Выдвинулся он в киевских турнирах (в 1930 году был чемпионом Киева) и уже 19-летним юношей в чемпионате УССР 1927 года добился звания чемпиона Украины. Допущенный на основании своих успехов в V всесоюзный чемпионат (1927 г.), он, однако, не набрал нужной нормы для получения звания мастера, которое завоевал в VI всесоюзном чемпионате (Одесса, 1929 г.). С хорошим результатом он сыграл в VII всесоюзном первенстве (8—9 место), VIII (6 место) и X (8 место) и посредственно в IX.

Лучшие достижения Раузера: 2 место в первенстве Ленинграда 1936 года (куда он переехал на постоянное жительство) и раздел 1—2 места с Чеховером в турнире молодых мастеров (Ленинград, 1937 г.). С хорошим результатом он сыграл также в отборочном турнире мастеров с участием Кмоха (Тбилиси, 1934 г.), разделив 3—5 место.

Дмитрий Осипович Ровнер родился в 1908 году. Выступал с большим успехом в профсоюзных чемпионатах. Во всесоюзном турнире I категории (Ленинград 1936 г.) занял 2-е место. В первенстве Ленинграда 1937 года совместно с Толушем и Чеховером завоевал звание чемпиона города. По совокупности успехов Ровнеру в апреле 1938 года присвоено звание мастера.

Петр Арсеньевич Романовский родился в 1892 году. Его старший брат Александр (род. в 1880 году) в конце XIX и в начале XX веков был достаточно известным шахматистом в Петербурге и с успехом выступал в разных турнирах. Братья часто играли в шахматы, и еще в ранней юности, в 1908 году, младшему брату удалось свести в ничью матч со своим серьезным противником. Когда А. Романовский был приглашен во всероссийский турнир любителей 1909 года, он указал, что с бóльшим успехом сможет сыграть его младший брат. Этим выступлением было положено начало шахматной известности П. А. Романовского. Первый его дебют следует признать вполне удовлетворительным: Романовский стал сразу за призерами, выиграв, между прочим, у первого призера — Алехина. Удачное выступление молодого шахматиста было отмечено в прессе. После этого турнира Романовский с успехом выступал в турнирах Петербургского шахматного собрания, а в 1913—14 году (после матча с Фрейманом) завоевал первенство высших учебных заведений Петербурга. На основании своих успехов он был командирован в Haupt-турнир в Мангейм (1914 г.), в котором попал в число призеров (II—IV место). Интернированный затем в Триберге, он участвовал в тренировочных турнирах русских военнопленных.

Шахматное творчество Романовского развивается полностью после Октябрьской Социалистической Революции. Уже в Олимпиаде 1920 года он стал на 2 место, вслед за Алехиным, и добился звания мастера, а во II всероссийском турнире (1923 г.) получил I приз, тем самым завоевав звание чемпиона Страны Советов. В III всесоюзном чемпионате (1924 г.) он также добился крупного успеха, получив II приз (после Боголюбова). Относительная неудача постигла Романовского в IV всесоюзном чемпионате (1925 г.), где он разделил VII—VIII призы. Однако, в V всесоюзном чемпионате (1927 г.) он снова занял первое место (вместе с Богатырчуком). В VI всесоюзном первенстве, а также в финале VII первенства

Романовский участия не принимал (в предварительной группе VII всесоюзного первенства он занял 1—2 место). Неудачным оказалось выступление Романовского в VIII всесоюзном первенстве 1933 года (10—11 место). После многолетнего перерыва Романовский принял участие во всесоюзных соревнованиях—в ленинградской группе полуфинала XI чемпионата—и добился прекрасного результата, заняв 2-е место (за Ботвинником).

Прекрасного успеха добился Романовский в I московском международном турнире (1925 г.), в котором, опередив всех советских мастеров, разделил с Рети VII—VIII призы. Следующий крупный успех Романовского—дележ с Ботвинником I—II призов в ленинградском турнире мастеров 1933 года и II—III призов с Рюминым в турнире с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.). Во II московском международном турнире (1935 г.) Романовский также оказался в числе призеров, разделив с Лилиенталем и Рагозиным VIII—X призы.

П. А. РОМАНОВСКИЙ

Кроме указанных турниров, Романовский неоднократно брал первые призы в различных других соревнованиях, из которых отметим следующие: I—II призы с Боголюбовым в десятерном турнире в Ленинграде (1925 г.), I—IV призы с Ильиным-Женевским, Левенфишем и И. Рабиновичем в первенстве Ленинграда (в других чемпионатах Ленинграда Романовский также занимает высокие места), I приз в шестерном турнире в Ленинграде (1927 г.), I—II призы с Григорьевым в международном рабочем турнире (Ленинград, 1929 г.).

Романовский—один из наиболее ярких представителей комбинационного стиля, прямой продолжатель чигоринских традиций в шахматном творчестве. Его содержа-

тельная игра, в которой тактическое использование конкретной позиции преобладает над общим стратегическими соображениями, принесла ему немало призов „за красоту".

В течение своей шахматной деятельности, 25-летие которой было ознаменовано в 1934 году присвоением ему ВСФК СССР звания заслуженного мастера, Романовский дал много ценного для развития советского шахматного движения. Особенно велики заслуги Романовского в деле выращивания новых шахматных кадров. Целая плеяда молодых ленинградских мастеров выдвинулась и выросла под его непосредственным руководством, широко пользуясь его поддержкой и помощью. Романовский является многолетним руководителем квалификационной и методической работы ленинградской шахматной организации и популярным лектором. Он является автором двух крупных работ: „Пути шахматного творчества" и „Мительшпиль" и популярных книжек „Что каждый должен знать о дебюте", „Шахматные идеи на практике"; в сотрудничестве с Левенфишем им был прокомментирован „Матч Алехин—Капабланка"; кроме того, под его редакцией вышли турнирный сборник „Ленинградский турнир мастеров с участием Эйве и Кмоха" и „Учебник шахматной игры для начинающих".

Николай Николаевич Рюмин родился в 1908 году. Он выдвинулся в турнирах союза совторгслужащих. Первым крупным успехом Рюмина явилось его выступление в чемпионате Москвы в 1929 году, где он добился 2 места. Допущенный к участию в VI всесоюзном чемпионате (Одесса, 1929 г.), Рюмин неудачно сыграл в предварительной группе и не смог добиться звания мастера. Однако, с 1930 года успехи Рюмина быстро выдвигают его в число сильнейших советских шахматистов. В первенстве Москвы 1930 года он вторично занял 2 место, а в 1931 году выиграл у Григорьева квалификационный матч на звание мастера с разгромным результатом: +6—1=1. В этом же году он выиграл первенство Москвы и сохранил его до 1936 года.

Блестящего результата добился Рюмин также в VII всесоюзном первенстве (1931 г.), в котором он только в последних турах вынужден был передать лидерство Ботвиннику. Участие Рюмина в V всебелорусском чемпионате (Минск, 1932 г.) и в московском турнире масте-

ров 1932 года увеличило список его побед, принеся ему два I приза. После неудачного выступления в VIII всесоюзном первенстве (10—11 место) последовал крупный успех в турнире с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.), в котором Рюмин разделил с Романовским II—III призы, выиграв сенсационную партию у Эйве. С прекрасным результатом сыграл он и в IX всесоюзном чемпионате (1934 г.), разделив с Богатырчуком 3—4 место.

Допущенный к участию во II московском международном турнире (1935 г.), Рюмин хотя и остался в этом турнире сразу за чертой призеров, однако добился прекрасного результата против иностранцев, выиграв между прочим, и у Капабланки. В III московском международном турнире (1936 г.) Рюмин сыграл менее удачно, точно так же, как и в турнире молодых мастеров (Ленинград, 1936 г.). В 1935 году Рюмин взял 1 место в международном рабочем турнире в Гетеборге.

Н. Н. РЮМИН

Леонид Яковлевич Савицкий (1911—1935), безвременно умерший в возрасте 24 лет, талантливый ленинградский мастер. Он выдвинулся в массовом турнире газеты „Смена", в котором занял 2 место. В 1930 году Савицкий добился I категории. Его первый крупный успех — раздел I—III призов с Романовским и Равинским в турнире Дома Печати (1930 г.). В 1932 году Савицкий попал в первенство Ленинграда и, заняв с Ильиным-Женевским и Чеховером 3—5 место, добился звания мастера. В ленинградском турнире мастеров 1933 года он занял 5—6 место, вместе с Ильиным-Женевским. В VIII и IX всесоюзных турнирах Савицкий сыграл со средним успехом. Талантливый шахматист, он еще не

успел полностью проявить свое творчество, отличавшееся большой яркостью и оригинальностью.

Алексей Сергеевич Селезнев, родился в 1888 году. Он выдвинулся в турнирах Московского шахматного кружка и в 1910 году добился II приза в московском чемпионате. После выступления во всероссийском турнире любителей (Вильна, 1912 г.), в котором он сыграл со средним успехом, Селезнев разделил I—II призы в московском турнире сильного состава (1913 г.). После участия в Haupt-турнире в Мангейме в 1914 году он был интернирован в Германии и играл с хорошим результатом в турнирах русских пленных шахматистов.

В 1916 году Селезнев сыграл в ничью матч с Фарни (+2—2=2), что побудило Всероссийское шахматное общество признать его русским мастером. В 1917 году проиграл с почетным результатом матч Боголюбову (+2—3=3), а в 1919 году в четверном матч-турнире с участием Боголюбова, Рети и Шпильмана занял 2 место, завоевав себе репутацию международного мастера. В 1920 году Селезнев выиграл матчи у трех немецких мастеров — Теннера (+3=3), Шориса (+3=3) и Барделебена (+2=4). Затем занял 1 место в турнире Берлинского шахматного общества. Из его выступлений в международных турнирах увенчались успехом выступления в Остраве Моравской (1923 г.)—VI приз и в Меранском международном турнире (1924 г.), где он разделил IV—V призы. (Неудачно он сыграл в Гетеборге, 1920 г., и дважды в Триберге, 1921 г.)

В 1924 году Селезнев вернулся в СССР и поселился постоянно в Москве (в настоящее время живет в Сталине). В том же году он принял участие в III всесоюзном чемпионате и разделил 6—8 место, что дало ему звание советского мастера. Затем он участвовал с хорошим результатом в IV чемпионате УССР (1927 г.), вне конкурса, где занял 1 место, в V чемпионате УССР (1928 г.), разделив 3—4 место, и отборочном турнире мастеров в Тбилиси (1930 г.) — 4—5 место. В IV и V всесоюзных первенствах, как и в отборочном турнире мастеров 1936 года, Селезнев сыграл неудачно.

Постановлением ВСФК СССР звание мастера закреплено за Селезневым пожизненно.

Селезнев известен также как этюдист. Небольшой сборник его избранных этюдов был издан в Германии еще во время войны.

Алексей Павлович Сокольский родился в 1908 году. Выступал обычно с хорошим результатом в профсоюзных чемпионатах и чемпионатах Ленинграда. В 1937 году сыграл в ничью матч с Ильиным-Женевским ($+8^1/_2-8^1/_2$). В апреле 1938 года Сокольскому присвоено звание мастера.

Александр Казимирович Толуш родился в 1910 году. Участник многочисленных профсоюзных и первокатегорных турниров, Толуш обычно достигал прекрасных результатов. Лучшие его успехи: выигрыши первенства РСФСР в 1935 году и первенства Ленинграда (совместно с Ровнером и Чеховером) в 1937 году. Звание мастера Толуш завоевал в ленинградской группе полуфинала XI чемпионата, в котором разделил 6—7 место (+10 из 17).

Сергей Николаевич Фрейман, один из старейших советских мастеров (родился в 1882 г.), выдвинулся, будучи студентом, в турнирах Петербургского шахматного собрания; еще в 1907 году он добился V приза в V всероссийском турнире в Лодзи. На основании результатов в турнире сильнейших петербургских любителей, он был допущен в петербургский международный турнир 1909 года, где сыграл, однако, неудачно. В том же году в турнире мастеров в Вильне, разделив II—III призы, он условно добился звания мастера. Выигрышем в 1911 году матча у Зноско-Боровского Фрейман подтвердил звание мастера; в том же году он участвует в смешанном международном турнире в Кельне (II—V место). Все последующие дореволюционные выступления Фреймана сопровождались средним успехом: международный гамбитный турнир в Аббации (1912 г.) — 6—7 место, виленский турнир мастеров (1912 г.)—8 место, всероссийский турнир мастеров (1913—1914 г.) — 12 место.

После революции Фрейман с большим успехом играл много раз в различных среднеазиатских чемпионатах (он проживает в Ташкенте, где работает в качестве преподавателя). Неоднократные выступления Фреймана во всесоюзных чемпионатах были в целом неудачны, но в VI всесоюзном чемпионате он добился блестящего результата, взяв II приз. В 1925 году он свел матч в ничью с Дуз-Хотимирским (+5—5).

Постановлением ВСФК СССР звание мастера закреплено за Фрейманом пожизненно.

Виталий Александрович Чеховер родился в 1908 году. Он выдвинулся в ряде турниров 1927—28 гг., а в 1929 году

получил I категорию. В 1932 году в первенстве Ленинграда разделил 3—5 место и добился звания мастера. Дальнейшие его выступления сопровождались переменным успехом, свидетельствующим о талантливой, но неровной игре молодого мастера. В ленинградском турнире мастеров 1933 года он разделил 3—4 место, а в VIII всесоюзном чемпионате (1933 г.) взял VII приз; в этом же году с посредственным результатом — 10 место — сыграл в первенстве Ленинграда (1933/34 г.). В 1934 году он также удачно сыграл в ленинградском турнире мастеров (3 место) и в IX всесоюзном чемпионате (5—8 место), но плохо—в турнире с участием Эйве и Кмоха. Выступление Чеховера во II московском международном турнире (1935 г.) прошло без всякого успеха. Однако в этом же году он вместе с Лисицыным завоевал первенство ВЦСПС (решительный матч между победителями закончился в ничью). Блестящего успеха добился Чеховер в турнире молодых мастеров (Ленинград, 1937 г.), разделив I—II место, но в X всесоюзном чемпионате (Тбилиси, 1937 г.) занял одно из последних мест. Наконец, в первенстве Ленинграда 1937 года он вместе с Ровнером и Толушем разделил первые три места.

Алексей Николаевич Чистяков является самым молодым в семье советских мастеров (родился в 1914 году). Он с успехом выступал в московских чемпионатах 1935—1937 гг. Звания мастера Чистяков добился в киевской группе полуфинала XI чемпионата, в котором разделил 3—5 место (+10½ из 17).

Леонид Иванович Шамаев родился в 1905 году. Звания мастера добился на основании блестящего успеха в чемпионате ВЦСПС (1938 г.), в котором разделил I—II призы с Алаторцевым.

Михаил Михайлович Юдович родился в 1911 году. Впервые начал выступать в турнирах в Смоленске. Внимание на себя Юдович обратил результатом участия в чемпионате Центрально-земледельческого района (1928 г.), в котором занял 2 место. Переехав в Москву, он стал заметно прогрессировать и уже в первенстве Москвы 1931 года занял 4 место (неплохо сыграл Юдович и в первенстве 1930 года — 5—9 место), а в VII всесоюзном чемпионате (Москва, 1931 г.), разделив 3—6 место, добился звания мастера. Дальнейшие успехи Юдовича: московский турнир мастеров 1932 года — 3—4 место, первенство Москвы 1933/34 года — 2—3

место, первенство ЦЧО (1934 г.) — 1—2 место, первенство Москвы 1936 года — 3—5 место, первенство Москвы 1937 года—3 место. В VIII, IX и X всесоюзных чемпионатах Юдович сыграл со средним результатом, причем в последнем чемпионате он долгое время шел во главе турнира, но в конечном результате встал на 9 место. В чемпионате ВЦСПС (1936 г.) Юдович занял 6—7 место.

Юдович играл также в турнире с участием Эйве и Кмоха (Ленинград, 1934 г.), в котором набрал против иностранцев $1^1/_2$ очка. В московском турнире мастеров с участием Файна (1937 г.) он выиграл сенсационную партию у американского гросмейстера.

Часть третья

Глава восемнадцатая

ШАХМАТЫ В ЖИЗНИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сколько-нибудь широкое проникновение шахмат в русские литературные круги относится к началу XIX века. Мемуарная литература того времени свидетельствует о том, что шахматы получили широкое распространение среди лиц, причастных к литературной среде. Однако, знакомство русских писателей с шахматами начинается еще с XVIII века, как об этом можно судить по отражению шахматных мотивов в художественной литературе.

Выше (стр. 42) мы уже упоминали о том, как Державин в оде „Росс в Измаиле" польстил Потемкину, имея в виду шахматные увлечения всесильного фаворита:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукой народы покоряет.

Очевидно, и сам Державин умел играть в шахматы. Вспоминая дни былых удач в оде „На счастие" (1789 г.), Державин со следующими словами обращается к богу счастья:

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом,
Иль с беленькой, сидя со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж, иль шах и мат.

Употребление термина „шашки“ вместо „шахматы“ допущенное здесь Державиным — явление обычное в XVIII веке.

XIX век, гением Пушкина, открыл новую эпоху в истории русской литературы. Русский поэт в своей энциклопедической многогранности не остался равнодушным и к шахматному искусству.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) был, как известно, связан личной дружбой и общественно-литературными интересами со многими из декабристов, в среде которых имелось немало шахматистов. Вместе с тем, он являлся желанным гостем передовых литературных кругов и салонов, где шахматы в это время получили широкое распространение. Поэтому вполне естественно предположить, что именно в литературной среде Пушкин научился любить и ценить шахматы, хотя первоначальное знакомство с ними он мог получить еще в Царскосельском лицее, где шахматная игра пользовалась большой популярностью [408].

Знакомство с шахматами у Пушкина было не поверхностным. Это подтверждается тем фактом, что уже в дни своей молодости он приобрел известный учебник Филидора „Analyse du jeu des échecs“ (в парижском издании 1820 года). Драгоценный экземпляр сохранился в библиотеке поэта, причем все листы книги разрезаны, из чего мы вправе сделать вывод, что она просматривалась владельцем.

Эта шахматная книга не случайно попала в библиотеку Пушкина. Мы находим здесь также руководство его знаменитого соотечественника А. Д. Петрова. Нельзя не отметить, что руководство Петрова имелось у Пушкина даже в двух экземплярах, из которых один был получен от автора с надписью: „Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину, в знак истинного уважения от издателя“. Таким образом, Петрову было известно, что Пушкин играет в шахматы, возможно даже, что они встречались в доме Ю. П. Литты [409]. А тот факт, что в библиотеке поэта находился второй экземпляр, заставляет предположить, что книга Петрова была уже ранее приобретена Пушкиным для изучения шахмат, причем, очевидно, вскоре после ее выхода в свет.

Интерес к шахматной литературе Пушкин сохранил до конца своей жизни. В счете петербургского книгопродавца Ф. Беллизара от 9 ноября 1836 г. на имя А. С. Пушкина значатся три первых номера шахматного журнала „Palamède“ за 1836 год, доставленных поэту 14 августа 1836 г. [410]. Они до сих пор сохранились в библиотеке поэта (в № 1 разрезан первый печатный лист, остальные номера не разрезаны).

О Пушкине, как о шахматисте, до нас дошли очень скудные сведения, но и они показывают, что шахматы в известные минуты доставляли ему глубокое удовлетворение.

Весьма любопытен в бытовом отношении рассказ Е. Е. Синицыной (по записи В. М. Колосова), относящейся к январю 1827 года, ко времени пребывания Пушкина в сельце Павловском Тверской губернии, в имении П. И. Вульфа, родного дяди его друга А. Н. Вульфа. „Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем (Вульфом — *М. К.*) в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только тот очень скоро стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: „Ну, разве можно так обыгрывать учителя“. А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его: „Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже...“ загорячится обыкновенно при этом Пушкин“ [411].

Надо сказать, однако, что шахматная достоверность приведенного отрывка возбуждает некоторые сомнения. Пушкин, научившийся играть в шахматы, во всяком случае уже за несколько лет до того, знакомый, как мы видели, с шахматной литературой, едва ли мог бы проигрывать, да еще „с первых же ходов“, П. И. Вульфу, которого, по словам рассказчицы, сам же научил играть в шахматы во время своего двухнедельного пребывания в сельце Павловском. Более вероятным представляется, что шахматным учителем П. И. Вульфа был его племянник А. Н. Вульф, игравший, повидимому, сильнее Пушкина.

С Алексеем Николаевичем Вульфом, соседом по имению, Пушкину также неоднократно приходилось играть в шахматы. Этот партнер Пушкина был большим любителем шахматной игры, о чем свидетельствует следующая запись в его „Дневнике“ от 26 ноября 1829 года: „Вчера вечером ходил я к Воейкову играть в шахматы; я чрезвычайно рад, что нашел здесь эту игру, — она здесь становится вдвое занимательнее обыкновенного. Я намерен часто ею пользоваться“ [412].

Уже тот факт, что в нескольких отрывочных сведениях о шахматной игре Пушкина мы дважды встречаем имя А. Н. Вульфа, указывает несомненно на частые встречи за шахматной доской Пушкина и его соседа. Первое упоминание мы находим у Пушкина в его „Заметке о холере“: „В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь, польские грязи и настоящую войну). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем, как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затвержденное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды играл со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве [413], он мне сказал: холера — morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас“.

Об игре в шахматы с Пушкиным упоминает и сам Вульф 16 января 1829 года: „На станциях, во время перепрягания лошадей, играли в шахматы“ [414].

Мы имеем возможность указать на игру Пушкина в шахматы также во время пребывания его в Казани в 1833 г., где он играл с Э. П. Перцовым, которого знал по Петербургу [415].

Едва ли возможно определить, в какую силу играл Пушкин. Однако, из письма Б. А. Вревского А. Н. Вульфу от 4 октября 1835 года мы можем установить, что Пушкин давал вперед Вревскому слона [416].

Но, независимо от качества игры, Пушкин высоко расценивал шахматы, как это показывает его письмо жене, в котором говорится (конец сентября 1832 года): „Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе — докажу после“ [417]. К сожалению, нам неиз-

вестно дальнейшее развитие этой мысли, но остается несомненным одно: что шахматы считались Пушкиным необходимой принадлежностью каждого культурного дома. И в этом отношении он стоял на голову выше большинства своих соотечественников, считавших, что шахматы едва ли представляют какой-либо интерес. Даже в узком кругу квалифицированных шахматистов того времени отношение к шахматам было несерьезным. Достаточным тому примером может служить хотя бы предисловие Бутримова к его „Руководству“ (см. стр. 55).

Возвратимся к письму Пушкина к жене. В мемуарной литературе мы еще один раз встречаем Наталью Пушкину, как шахматистку, — в воспоминаниях Льва Павлищева [418], сына сестры Пушкина (Ольги Сергеевны). Правда, эти воспоминания пользуются весьма сомнительной репутацией, так как их составитель не останавливался перед вымыслом, однако, в данном случае нас интересует только неподлежащее сомнению сообщение об умении жены Пушкина играть в шахматы. Приведем этот отрывок: „Заверяю тебя, Ольга, в присутствии Леона (тут тетка указала на меня), священным моим словом, что я не погрешила и мысленно против Пушкина (тетка называла моего дядю по фамилии даже в разговоре с ним), а укоряю себя лишь в недальновидности: по неопытности я не подозревала ничего серьезного, а потому и не предупредила козней его врагов. Но в остальном, чем провинилась? Моей привлекательной наружностью? — Да не я же себе ее сотворила! — Любезным обращением? — Да этому виноват мой общительный характер... Наконец, — сказать смешно, *неужели моим умением играть в шахматы* (курсив наш. — *М. К.*), за которое получала комплименты мужчин? — Да скучно ведь играть в шахматы самой с собою“.

Таким образом, шахматы прочно укрепились в пушкинском доме, вошли в быт поэта и его семьи.

Среди обширного круга знакомых и друзей Пушкина мы нередко можем встретить людей, знавших шахматную игру. Поэтому, хотя и не имеется специального указания, что Пушкин играл в шахматы именно с ними, однако, мы считаем нужным указать несколько имен, с которыми Пушкин был близок и с которыми, возможно, он не раз встречался за шахматной доской. Здесь следует прежде всего отметить М. А. Щербинина,

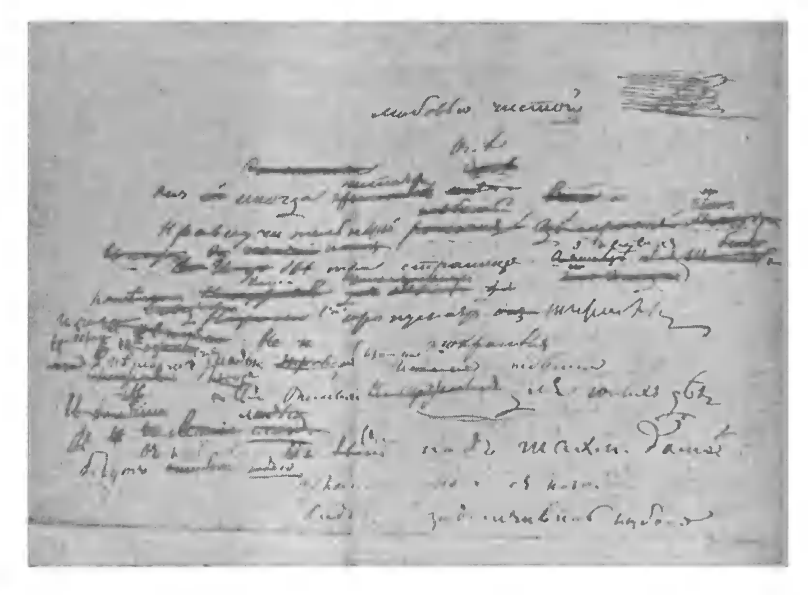
умевшего играть в шахматы [419]. Играл в шахматы и генерал Инзов, бессарабский наместник, в распоряжение которого был „командирован“ Пушкин правительством Александра I. „В часы досуга он (Инзов) утешался чтением или безмолвною замысловатою игрою в шахматы. Даже во время преследования „великой армии“ видели Инзова играющим в шахматы с графом Каподистрией, статс-секретарем Александра I“ [420]. С Инзовым у Пушкина установились очень хорошие отношения. В пушкинской литературе упоминается также имя изобретателя электромагнитного телеграфа и вместе с тем сильного шахматиста барона П. Л. Шиллинга в связи с неосуществившимся проектом Пушкина ехать в 1821 году с Шиллингом в Сибирь, на границу Китая [421].

Любовь к шахматам Пушкин сохранил до самого конца своей жизни. Если верить воспоминаниям А. О. Россета, великий народный поэт играл последний раз в шахматы накануне своего трагического поединка с Дантесом. Россет рассказывает, как он „пошел в гости к князю П. И. Мещерскому (зятю Карамзиной, они жили в доме Виельгорских) и из гостиной прошел в кабинет, где Пушкин играл в шахматы с хозяином“ [422]. Более подробно и с любопытными деталями описывается эта шахматная партия в „Записках“ А. О. Смирновой (урожденной Россет) [423]: „Накануне провели вечер у Мещерских. Пушкин играл в шахматы с Михаилом Виельгорским... [424] Он шутил, жена его была тут же с Екатериною Дантес. Дантес приехал очень поздно, за женою, он был дежурным по полку в этот день. Раз только Пушкин взглянул на Дантеса, рассыпавшегося перед дамами, и прошептал: „Этот господин заслуживает урока“. Потом прибавил: „Этот офицер сделает мне мат, я его беру“. И он отнял офицера у Виельгорского, который думал, что вся фраза относится к офицеру шахматному“.

Шахматы нашли свое отражение не только в жизни, но и в творчестве Пушкина. Вспомним IV главу „Евгения Онегина“ (XXVI строфа).

Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

Не только для литературоведа, но и для шахматиста весьма интересно проследить работу Пушкина над приведенным отрывком XXVI строфы. Эти шесть простых и легких пушкинских строк возникли в результате многократного отбора и исправления отдельных строк, слов и выражений. Обращаясь к черновику „Евгения Онегина“ [425], можно обнаружить, что черновик

ЧЕРНОВИК РУКОПИСИ „ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“

(даже в последней редакции) сильно отличается от напечатанного. Вот сводный текст черновика.

Они над шахм[атной] доской
Облоко[тясь] нога с ногой
Сидят — задумавшись глубоко
И часто пешкою свою
Берут в рассеяньи ладью.

Естественно, что такая редакция не могла удовлетворить Пушкина. Как шахматист, он должен был почувствовать, что последние две строки неточны в шахматном отношении, звучат двусмысленно, неправдоподобно. Поэтому они были заменены вполне реальными:

И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

Однако, и приведенный нами сводный текст черновика не сразу появился под пером Пушкина. Дважды зачеркивалась „ладья“ и вновь восстанавливалась. В черновых набросках (зачеркнутых рукой Пушкина) мы также читаем:

И своего слона
ошибкой

Быть может, Пушкин хотел первоначально сказать, что Ольга берет по рассеянности своего слона: „Берет в рассеяньи (ошибкою) она“.

И даже в беловой рукописи второй стих черновика начат так:

Облокотясь на [стол]

Если даже в последнем черновике и в беловой рукописи мы видим такую правку интересующего нас отрывка, то, конечно, в более ранних черновиках и набросках исправлений было еще больше. Повторяем, Пушкин работал в данном случае не только над чистотой своего стиля, но и над правильностью шахматного текста.

Изображение Пушкиным Ольги, играющей в шахматы, вполне реалистично. Тип русской женщины-шахматистки в первой трети XIX века, как мы видели уже на примере жены самого Пушкина, не такое уж редкое явление; именно поэтому оно по праву могло найти себе отражение в „Евгении Онегине“. Пушкину, очевидно, не раз приходилось наблюдать женщин, игравших в шахматы. Вспомним также его приятеля Щербинина, игравшего в шахматы со своей невестой.

В одном из мартовских приложений к журналу „Всемирная Иллюстрация“ за 1870 год (шахматный отдел в этом журнале редактировал И. С. Шумов) редакция извещала: „Недавно мы были приятно изумлены чрезвычайно интересным открытием: редакция „Всемирной Иллюстрации“ получила несколько шахматных партий, игранных слишком сорок лет тому назад между двумя лицами, изображенными в „Онегине“ — между Ольгой и Ленским. Очень жаль, что мы не имеем права открыть настоящие фамилии этих любителей. Партии писаны рукой Ольги, тем самым обозначением, которое мы употребляем“.

В № 65 за этот же год Шумов, действительно, поместил одну партию.

Известный пушкинист проф. М. А. Цявловский в беседе с автором статьи о Пушкине А. Новиковым [426] высказал предположение, „что эта партия действительно игралась, и что она была прислана в редакцию „Всемирной Иллюстрации“ кем-либо из семьи Вульфов“. Таким образом по мнению проф. Цявловского Пушкин мог заимствовать шахматный эпизод, рассказанный в „Евге-

ОЛЬГА И ЛЕНСКИЙ ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ
Рисунок П. Соколова

нии Онегине“, из действительно игранной в семье Вульфов партии.

Однако это смелое предположение едва ли возможно доказать. Наоборот, можно почти с уверенностью констатировать, что партия была выдумана Шумовым.

Во-первых, анализируя вышеприведенный черновик, мы убеждаемся, что в нем первоначально отсутствует эпизод со взятием ладьи собственной пешкой в том виде, в каком он изображен в печатном тексте.

Во-вторых, шахматно-литературная деятельность Шумова, специализировавшегося на составлении всяких шуточных партий и задач, весьма определенно указывает на подлинного автора этой партии. Достаточно просмотреть его шахматный отдел во „Всемирной Иллюстрации“ или его известную книгу по композиции (см. стр. 167), чтобы прийти к заключению, что партия Ленский — Ольга является одной из „шахматных шуток“ Шумова, в составлении которых он был большим мастером [427].

В пушкинском литературном наследстве есть еще одно произведение, в котором встречается упоминание о шахматах. Мы имеем в виду неоконченный сказочный сюжет, относящийся к 1833 году [428].

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою...

. . . .

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах...

. . . .

Перед шахматной доскою
На столе—лохань с водою;
Плавать он пустил по ней
(Кучу дивных кораблей),
Барок, катороги и шлюпок
Из ореховых скорлупок.

. . . .

А прозрачные ветрильца —
Будто бабочкины крыльца...

К сожалению, незаконченный черновой набросок Пушкина не дает возможности судить о содержании сказки и о том, какое место должны были занимать в ней шахматы.

К числу любителей шахматного искусства принадлежал и другой гениальный русский поэт — Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841).

Интерес Лермонтова к шахматам отмечен в воспоминаниях современников. Его товарищ и крестник бабушки Лермонтова С. А. Раевский в письме к Е. А. Карлгоф [429] сообщает любопытные подробности об игре в шахматы

русского поэта, характерные и для творчества Лермонтова: „Соображения Лермонтова сменялись с необычайною быстротою и как бы ни была глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко, и я бывал свидетелем, *как во время размышлений противника его в шахматной игре* (курсив наш. — *М. К.*), Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиогномий и т. п.“[430].

Игра в шахматы была частым времяпрепровождением Лермонтова. Это отмечалось и другим его современником и близким другом Шан-Гиреем: „В дальнейшей жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием, преимущественно в батальном жанре, также играли мы часто в шахматы и в военную игру, для которой у меня всегда были в готовности несколько планов“.[431]

С шахматами Лермонтов мог познакомиться еще в бытность юнкером кавалерийского училища. Мемуарная литература дает нам основание полагать, что в 20-х годах шахматы получили распространение в военных школах.

Мы имеем в виду воспоминания Н. П. Макарова, юнкера варшавской школы гвардейскихподпрапорщиков, впоследствии известного лексикографа, автора „международных словарей“. „В школе процветала игра в шахматы...“ [432], а он играл очень слабо и постоянно проигрывал. В дальнейшем Макаров рассказывает, как он из самолюбия решил сделаться одним из лучших шахматистов в школе.

В середине прошлого века своим пристрастием к шахматам выделялся в литературном мире Петербурга талантливый поэт Лев Александрович Мей (1822—1862). Он принадлежал к завсегдатаям „шахматных вечеров“ Кушелева-Безбородко, являвшихся в то время объединяющим центром шахматной общественности северной столицы.

Будучи, подобно Пушкину, воспитанником Царскосельского лицея, Мей, повидимому, научился играть в шахматы в стенах этого заведения. В бытность свою инспектором одной из московских гимназий он пригла-

шал к себе на дом гимназистов и играл с ними в шахматы. Хотя, как мы увидим ниже, Мей был слабым шахматистом, но он так усердно занимался шахматами, что, по свидетельству его биографа и товарища по лицею В. Зотова, даже составил шахматное руководство[433] (впрочем, издано это руководство не было, да и вряд ли предназначалось для печати).

В доме Кушелева-Безбородко на Гагаринской набережной, а также в шахматном клубе Мей играл с виднейшими русскими шахматистами, однако, без всякого успеха. Он сам в своем дневнике неоднократно отмечает свои шахматные выступления. Так, на 15 ноября 1856 года имеется запись: „Был у Кушелева... Играл в шахматы с Урусовым и Шумовым. Оба давали мне вперед ферязь. Игра кончилась ничем. Предлагали пари; думаю принять". 17 ноября в том же дневнике читаем: „У гр. Кушелева вечерок с танцами, играли в шахматы. Граф выиграл двумя партиями больше." 18 ноября Мей отмечает: „Обед в память Синопской битвы в шахматном клубе. Записался членом. Играл с Шумовым: 4 игры без туры, одна без королевы. Проиграл 4 р. серебром", 21 ноября: „с графом Кушелевым играл в шахматы по 50 копеек — разошелся в ничью. У графа было двумя партиями больше, но, кажется, я лучше его играю. Это пари, по его предложению, на квит буду продолжать"[434].

Впрочем, трудно было бы ожидать, чтобы шахматная деятельность Мея в специфической обстановке „вечеров" Кушелева-Безбородко могла быть плодотворной. Зная слабость поэта[435], его определенно спаивали многочисленные прихлебатели и приживальщики графа. На одном из ужинов Мей достаточно выразительно подвел итоги своим „шахматным" досугам в доме Кушелева в следующем, дышащем горькой иронией экспромте:

Графы и графини,
Счастье вам во всем,
Мне же лишь в графине
И притом в большом.

Сильнейшим шахматистом из числа русских писателей был бесспорно знаменитый романист Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883).

В мемуарной литературе и в письмах современников шахматная биография Тургенева более или менее полно освещается лишь с начала 60-х годов. Однако, несомненно, что шахматы увлекали Тургенева уже в юности. Его студенческие годы совпали с распространением шахматной игры в московских и петербургских кофейнях. Очевидно, игра в кафе связана с шахматными увлечениями молодого Тургенева, и именно поэтому она нашла отражение и в его литературном творчестве. Мы имеем в виду раннюю повесть Тургенева „Несчастная“, имеющей, как известно, автобиографический характер. „Я с ранних лет пристрастился к шахматам: о теории не имел понятия, а играл недурно. Однажды, в кофейной, мне пришлось быть свидетелем продолжительной шахматной баталии между двумя игроками, из которых один, белокурый молодой человек, лет двадцати пяти, мне показался сильным. Партия кончилась в его пользу; я предложил ему сразиться со мной. Он согласился... и в течение часа разбил меня шутя, три раза сряду.

„— У вас есть способности к игре, — промолвил он учтивым голосом, вероятно заметив страдание моего самолюбия, — но вы дебютов не знаете. Вам нужно книжку почитать Альгайера или Петрова[436].

„— Вы думаете... Но где могу я такую книжку достать?

„— Приходите ко мне, я вам дам.“

По окончании университета Тургенев в 1838 году отправился за границу. На пароходе, пассажиром которого был Тургенев, случился пожар, описанный им в очерке „Пожар на море“. Показательно, что в этом очерке несколько строк посвящено шахматам: „Этот последний (один из пассажиров, утонувший во время пожара на пароходе. — *М. К.*), имя которого я едва знал, играл со мною в шахматы в продолжении большей части дня и делал это с таким ожесточением, что князь W..., следивший за нашей партией, кончил тем, что воскликнул: „Можно подумать, что вы играете, будто у вас дело идет о жизни и смерти“.

16 апреля 1852 года, вскоре после смерти Гоголя, Тургенев был арестован за хвалебную статью о нем и, после месячного заключения, выслан к себе в деревню, где провел полтора года в своем поместном селе Спасском-Лутовинове, Орловской губ., находясь под надзором полиции. Во время пребывания в деревне Турге-

нев много времени посвящал шахматам. 29 июня 1853 года он писал С. Т. Аксакову: „Знаете ли, в чем состоит главное мое занятие. Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражнения я достиг некоторой силы“[437]. Действительно, шахматные занятия Тургенева носили весьма серьезный характер. В его библиотеке находились такие солидные руководства, как Альгайера, Бильгера и Яниша, причем на их страницах Тургеневым было сделано много разных пометок. Он выписывал также один из лучших в то время шахматных журналов — английский „Chess Player's Chronicle“, который также испещрен заметками Тургенева. Его партнерами в деревне обычно были П. Т. Кудряшов, бывший крепостной Тургенева, и Е. Я. Колбасин, с которым он сыграл несколько матчей.

Тургенев естественно не находил себе в деревне достойных противников. „В шахматы я здесь сражаюсь редко, но удачно, — писал он 29 октября 1854 года Колбасину. — Здешние господа не подвигаются вперед. Помните священные партии в Петергофе“[438]. (Тургенев прожил в Петергофе с конца мая 1854 года почти все лето — *М. К.*) В январе 1855 года он писал сестре Л. Н. Толстого Марии Николаевне: „Жалею, что граф (В. П. Толстой, женатый на М. Н. Толстой. — *М. К.*) не может приехать, — а я бы его обыграл“[439].

Из других шахматных партнеров Тургенева можно указать еще на писателя графа А. К. Толстого, который настойчиво его приглашал приехать к нему в Пустыньку (недалеко от Петербурга) и „соблазнял“ игрой в шахматы [440].

Тургенев был активным членом петербургского шахматного клуба. Во время своего пребывания в Петербурге он часто заходил в клуб, чтобы пообедать с другими литераторами или сыграть партию с Шумовым или Кушелевым-Безбородко. Он принимал деятельное участие в торжественном обеде, который давали в шахматном клубе в честь героя севастопольской обороны Тотлебена. Я. П. Полонский 3 декабря 1855 года записывает в своем дневнике: „Я набросал адрес Тотлебену, которому в шахматном клубе, 5 декабря, в понедельник, дают обед, и отвез его вечером к Тургеневу“[441].

С 1856 года Тургенев жил попеременно то за границей, то у себя в имении. Усиленные литературные занятия не ослабляли его шахматного увлечения. В мае

1856 года Тургенев писал из Спасского Колбасину: „Деньги заплатите в шахматный клуб, а я вам в субботу вышлю 50 руб. сер. с обозначением покупок, которые я попрошу вас сделать на эту сумму“[442]. Приехав летом 1858 года в имение А. Фета „Новоселки“, — „после обеда. едва только Тургенев узнал в Борисове шахматного игрока, как они уже сцепились до самого вечернего чая“[443].

В эти годы Тургенев часто встречался за шахматной доской с братом Л. Н. Толстого, Николаем Николаевичем, автором „Охоты на Кавказе“, и с большой симпатией отзывался об этом вскоре безвременно погибшем писателе. Еще в августе 1857 года Тургенев писал М. Н. Толстой: „. . . я не без зависти думаю о вашем житье-бытье вместе, — и милый Николай Николаевич мне так и видится с своей трубкой, шахматами, неизменным хладнокровием и ласковым взглядом“[444]. Впоследствии, 24 июня 1860 года, Тургенев писал из Содена (небольшой курорт, близ Франкфурта-на-Майне) своей знакомой, графине Е. Е. Ламберт: „Сюда приехал хороший мой приятель, Толстой (брат автора), прекраснейший человек. Жаль, здоровье его очень плохо: у него злая чахотка. Он, удалившийся от мира, умный и добрый человек, он удалился от мира и в то же время всему сочувствует. Я с ним также беседую и играю в шахматы“[445].

За границей, главным образом в Париже, особенно в период 1860—1863 гг., шахматная деятельность Тургенева была весьма интенсивна. Об этом свидетельствуют не только письма самого Тургенева и его знакомых, но и шахматная пресса. Еще в 1858 году Тургенев, в свою бытность в Италии, познакомился с известным итальянским шахматистом С. Дюбуа. Они часто играли в Cafe Antonini в Риме, при чем итальянский мастер давал русскому писателю вперед пешку и ход. Через посредство Тургенева Дюбуа познакомился с Кушелевым-Безбородко, с которым играл на равных, и с другими русскими шахматистами.

В Париже Тургенев был частым посетителем знаменитого Café de la Régence, который в 60-х годах являлся центром шахматной жизни Парижа. Здесь Тургенев имел возможность познакомиться с такими крупными шахматистами, как Морфи, Колиш. С Колишем он даже решался играть на равных. „Перед обедом хожу играть в шахматы в Café de la Régence, и претерпеваю частые поражения“[446], — писал Тургенев 20 января 1860

года своей знакомой В. Я. Карташевской. В конце 1861 года Тургенев сообщал графине Е. Е. Ламберт: „Играю в шахматы, слушаю хорошую музыку...“[447] и, наконец, в феврале 1862 года Тургенев опять писал В. Я. Карташевской: „Выезжаю мало и ничего не работаю: большей частью играю в шахматы“[448].

Весьма любопытно сообщение знакомого Тургенева, Н. Н. Обручева, который в письме к Н. А. Добролюбову (декабрь 1861 года) следующим образом отзывался об игре русского писателя: „Видел опять Тургенева, являющегося в кафе [Café de la Régence. — *М. К.*] играть в шахматы. Посмотрел, как играет. Плохо. В одну партию сделал 3—4 непростительных ошибки; а тоже печатает свои игры в „Рус. Слове“[449]. Эта суровая оценка Обручева, конечно, была не вполне справедливой.

Необходимо отметить, что Тургенев в Париже не ограничивался разыгрыванием легких любительских партий; он неоднократно принимал участие в турнирах, организованных в Café de la Régence, где пользовался большой популярностью. Французская шахматная пресса с большим удовлетворением отмечала присутствие Тургенева „знаменитого писателя, славу России“[450]. Тургенев даже активно участвовал в организации турниров в Café de la Régence. В журнале „La Nouvelle Régence“ читаем: „Специальный турнир, в котором приняли участие двенадцать шахматистов, приблизительно равной силы, был организован благодаря заботам и щедрости Ивана Тургенева, любезно предложившего приз в 100 франков победителю“[451]. Победителями этого турнира оказались: Брен, Дюрантель и Мачуский[452]. Вскоре после турнира Тургенев играл с Мачуским небольшой матч, который окончился поражением русского писателя: +1—3=2[453].

Тургенев собирался также сыграть серию серьезных партий с известным немецким шахматистом Даниелем Гаррвитцем, но осуществлению этих планов помешала болезнь Тургенева: „У меня ревматизм в колене, — писал Тургенев Гаррвитцу, — и я должен сидеть, вернее лежать дома. Наш „матч“ все откладывается“[454].

Тургенев считался в Café de la Régence шахматистом второй категории и довольно часто занимал призовые места. Так, в большом гандикап-турнире в 1862 году он занял второе место после известного французского шахматиста Арну де-Ривьера[455]. В русской прессе отмечалось, что

„из русских часто бывает в Café de la Régence И. С. Тургенев, бравший не раз на турнирах, тут происходивших, первые призы“[456]. Сам Тургенев утверждал, что в Париже он считался хорошим шахматистом[457].

Тургенев был весьма популярен и в шахматных кругах Германии. Во время своего пребывания в Баден-

И. С. ТУРГЕНЕВ в Café de la Régence (4-я пара, справа)

Бадене в 1870 году он был избран вице-президентом протекавшего там шахматного конгресса. Предполагавшийся к изданию сборник партий турнира в Бадене должен был выйти с предисловием Тургенева.

Любовь к шахматам Тургенев сохранил до конца своей жизни. Во время своих наездов в Петербург в 70-х годах он продолжал посещать шахматный клуб[458], играл со своими друзьями и знакомыми. Находясь в гостях в Ясной Поляне летом 1878 года, он открыто предпочитал игру в шахматы с Толстым и его сыном спорам на философские темы.

Последние сведения о Тургеневе, как шахматисте, относятся к лету 1881 года, когда он последний раз

приехал на родину, в село Спасское. „По вечерам, — вспоминает Я. П. Полонский, — иногда мы играли в шахматы. Тургенев был искусный шахматист, теоретически и практически изучал эту игру, и хоть давно уже не играл, но мог уступить мне королеву и все-таки выигрывал“ [459].

Несмотря на то, что Тургенев был страстным шахматистом и действительно любил и ценил шахматы, тем не менее он очень редко пользовался шахматными мотивами в своих произведениях. Если не считать упомянутой выше повести „Несчастная“, в других беллетристических произведениях Тургенев говорит о шахматах, так равно и о шашках очень редко, причем вскользь („Затишье“ и др.).

Однако, из черновых набросков тургеневской „Незавершенной повести“ видно, что в ней предполагалось уделить шахматам некоторое внимание. О героях этой повести мы читаем: „Ипполит Иванович Травин... жил неслишком открыто и в карты не играл (в шахматы любил)“ ... „Деметрио Мональдеско. Познакомился с Прейссом за шахматной игрой (в Café de la Régence)“ [460].

Обаяние шахматного искусства испытывал на себе и младший современник Тургенева, великий русский писатель Лев Николаевич Толстой (1828 — 1910).

По вполне понятным причинам мемуарная литература обычно слабее всего освещает ранние годы жизни того или иного писателя. Это замечание целиком применимо и к мемуарной литературе о Толстом. Правда, в нашем распоряжении имеются биографические материалы Бирюкова и Гусева, составленные еще при жизни великого писателя, однако многие „мелочи жизни“ ускользнули от внимания биографов. К таким мелочам относились и шахматные известия о молодом Толстом. При обзоре толстовской литературы создается впечатление, что Толстой отдавал свои досуги шахматам лишь в последние десятилетия своей жизни: так многочисленны известия о шахматной игре Толстого в воспоминаниях и дневниках его позднейших современников (90-е и 900-е годы). Однако, имеются материалы, указывающие на то, что и в молодости Толстой уделял достаточное внимание шахматам.

Очевидно, Толстой познакомился с шахматной игрой уже в детские годы. Первые упоминания о шахматах мы находим в его дневнике, который он стал вести

в свои студенческие годы в Казани (1844—1847 гг.). 7 апреля 1847 года он записал в дневнике: „Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю... окончить правила внутреннего образования и отыграть потерянное Лиле в шахматы“[461].

Как можно судить из его „Журнала ежедневных занятий“, Толстой посвящал шахматам в течение марта и апреля 1847 года почти ежедневно регулярно три часа в день[462].

Весной 1847 года, бросив университет, Толстой вернулся на свою родину, в Ясную Поляну, родовое имение матери. В 1852 году он поступил на военную службу и уехал на Кавказ, а затем принял участие в Крымской войне. Как он писал своей тетке Т. А. Ергольской, обычным содержанием его жизни, нарушавшейся иногда экспедициями против чеченцев, составляли: „охота, чтение, разговоры, шахматы“[463]. Толстой с большим увлечением играл в шахматы со своими сослуживцами и с братом Николаем Николаевичем. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в его дневнике[464].

Страсть к шахматам сыграла некоторую роль и в военной карьере Толстого. „Когда по прошествии менее года опять были присланы кресты, то Лев Николаевич опять был представлен и с нетерпением ждал дня раздачи. Наконец, на другой день должна была исполниться его мечта. Но со свойственным ему неудержимым увлечением он до ночи заигрался в шахматы вместо того, чтобы итти на службу на остров, где стояли орудия. Дивизионный начальник Олифер, не найдя его на карауле, страшно рассердился, сделал ему выговор и посадил под арест“[465]. И на этот раз Толстой не был, конечно, представлен к награде.

В конце 1854 года Толстой познакомился в осажденном Севастополе с уже известным тогда русским шахматистом С. С. Урусовым (см. стр. 162), который несомненно сыграл известную роль в шахматном образовании Толстого. Энтузиаст шахматной игры, Урусов не мог не оказать влияния на впечатлительную натуру молодого писателя. Во всяком случае, лучшего шахматного педагога нельзя было и желать. Для оценки игры Толстого достаточно указать, что Урусов легко давал ему вперед коня[466].

После падения Севастополя Толстой был отправлен курьером в Петербург, и Урусов, воспользовавшись

оказией, послал через него письмо к И. В. Киреевскому. В этом письме он, между прочим, писал: „Рекомендую вам прекрасного литератора и вместе шахматного игрока, моего ученика, графа Льва Николаевича Толстого“ [467].

Урусов нарочито говорил о Толстом, как шахматисте в письме к Киреевскому, так как знал, что последний любил шахматы и посвящал им довольно много времени. Достаточно отметить, что в 1850 году Киреевский играл по переписке с Шумовым [468]. Ему не были чужды также и вопросы теории дебютов, о чем имеется у нас свидетельство Яниша [469]. Очевидно, и Толстой, побывав у Киреевского, нашел в нем достаточно сильного противника.

В конце 1855 года Толстой приехал в Петербург, где познакомился с рядом своих литературных соратников, в том числе с Тургеневым. И нет ничего удивительного, что Толстой стал появляться в шахматном клубе [470]. Правда, у нас нет определенных указаний, с кем именно в этот период Толстой играл в шахматы, но не подлежит сомнению, что пребывание среди писателей-шахматистов, — как, например, Тургенев, Полонский и другие, — нередко приводило к шахматной доске.

В период 1857—1861 г. г. Толстой жил за границей. В заграничном путешествии он не забывает и шахматы. 25 февраля 1857 года по дороге из Парижа в Дижон, Толстой играет в шахматы с Тургеневым, а в Дижоне, как он отмечает в своем дневнике „в кафе играл в шахматы“ [471]. С 1861 года он поселился в Ясной Поляне. Здесь он создал свои монументальные произведения „Война и мир“ и „Анну Каренину“, завоевав себе славу „великого писателя земли русской“. Началось настоящее паломничество в Ясную Поляну; особенно потянулись сюда деятели литературы и искусства, подолгу подчас проживавшие в Ясной Поляне.

В это время, начиная с 80-х годов, Толстому приходилось играть в шахматы с самыми разнообразными лицами. Длинной вереницей идут перед нами его шахматные партнеры. Среди них его соседи по имению и близкие знакомые, известные музыканты, художники, писатели, общественные деятели: художники Н. Н. Ге и И. Е. Репин, скульптор (в настоящий момент академик) И. Я. Гинцбург, композитор С. И. Танеев, пианист А. Б. Гольденвейзер (ныне орденоносец, народный артист республики) и многие другие.

Бытовые подробности, которые мы находим в воспоминаниях, позволяют нам сделать некоторые выводы не только о силе игры Толстого, но и о влиянии шахмат на его психику. Наиболее ценны в этом отношении воспоминания А. Б. Гольденвейзера[472], который сыграл с Толстым за 15 лет знакомства свыше 700 партий. Гольденвейзер указывает, что Толстой не был знаком с теорией и знал „и то только по названию и первым определяющим ходам не более двух-трех дебютов“[473]. Обычно Толстой играл королевские гамбиты. В воспо-

Л. Н. ТОЛСТОЙ ЗА ШАХМАТАМИ В КРУГУ СВОЕЙ СЕМЬИ

минаниях его секретаря П. А. Сергеенко мы читаем: „Играет в шахматы Лев Николаевич всегда с интересом, начиная часто королевским гамбитом. Играет он довольно быстро и творчески, боится долгодумов и предпочитает играть с более сильными игроками. Но иногда бывает рассеян в игре, или, скорее, слишком сосредоточен на иных ходах“[474]. В особенности привлекал внимание Толстого гамбит Муцио за черных. Белыми в этом гамбите играл Гольденвейзер и обычно выигрывал. „— Как мне хочется выиграть у вас этот гамбит“ [475], — как-то воскликнул Толстой. Упорно и долго искал он правильную защиту. „— Он попросил меня, —

пишет Гольденвейзер, — еще раз попробовать сыграть гамбит Муцио и, когда проиграл, сказал: — Это последний раз в жизни. — Вторую партию он выиграл и сказал: — Как я рад![476].

Следует отметить, что Толстой даже пытался анализировать проигранные позиции. У того же Гольденвейзера записано (24 июня 1910 года): „Л. Н. сидел в халате в углу в кресле, перед ним на раздвижном столике были расставлены шахматы, и он анализировал гамбит Муцио. Он не брал пешки e5, а отступал ферзем с f6 на f5. Мы сыграли. Получилась очень живая партия, которую Л. Н. выиграл“[477]. Не менее любопытна запись Гольденвейзера от 18 августа 1909 года. „Я не был накануне, и Л. Н. (он последнее время все проигрывал мне в шахматы черными гамбит Альгайера) сказал мне: — Представьте я до того осрамился, что вчера вы не приехали, а я расставил шахматы и смотрел, как защищаться, и, кажется, нашел“[478].

По мнению Гольденвейзера, игравшего тогда приблизительно в силу II категории, Толстой играл в шахматы недурно. Он любил не только защищаться против гамбитных продолжений, но и атаковать противника. Однако, пускался в атаку без достаточных ресурсов для защиты и не учитывая особенностей позиции.

Как указывали — вполне правильно — некоторые современники, Толстой „играет спокойно и после двух партий, повидимому, не чувствовал ни малейшего утомления“[479]. Сам Толстой иронически признавался, что во время шахматной партии он „по молодости лет“ все увлекается[480]. Вместе с тем результат шахматной партии был ему не безразличен. Толстой очень нервно реагировал на допускаемые им грубые промахи, громко вскрикивая в таких случаях.

На этом сходятся показания ряда наблюдателей.

„Лев Николаевич смотрел сосредоточенно на шахматы. — Вам не мешает наш разговор. — Нет, нет, пожалуйста, — говорит он весело, но делает неудачный ход и вскрикивает голосом отчаяния: — Ай, что я сделал! — Однако, предложение партнера переменить ход отклоняет, теряет фигуру за фигурой и, исчерпав все усилия, сдается“[481].

В партии с И. Е. Репиным — шахматистом очень слабым — Толстой играл небрежно. „С таким игроком не

стоило напрягать внимания, ни обдумывать ходов. Не стоило... Он равнодушно передвинул фигуру и вдруг вскрикнул так громко, что мы все вздрогнули. — Мат королю,— сказал Репин. Лев Толстой проиграл партию" [482].

Насколько глубоко волновали Толстого проигрыши, видно из его замечания Гольденвейзеру, записавшему 10 августа 1908 года: „В этот вечер Л. Н. обыграл меня в шахматы. Последнее время я все выигрывал. — Вот хорошо, — сказал Л. Н., — а то я хотел совсем перестать играть: шахматы вызывают дурное чувство к противнику" [483]. Толстой не стеснялся признаваться, что „играя в шахматы, да и во всякую игру, приятно выигрывать, и это нехорошо". Он как-то заметил писателю С. Т. Семенову, наблюдавшему за игрой: „Это смешно, но я не могу удержать улыбки от того, что выиграл" [484]. Чисто по-детски выражал Толстой свой восторг при выигрыше. Он восклицал: „Каков я. Я необыкновенно горд!" и т. п.

Толстой умел самокритически относиться к своим шахматным способностям. Несмотря на шахматное „самолюбие", он считал себя слабым шахматистом. Характерна в этом отношении запись Гольденвейзера от 8 августа 1910 года: „Мы сыграли три партии. Я проиграл две. Я показал Л. Н-чу лучшую, по-моему, защиту от этого гамбита, на которую сам еще не нашел удовлетворительного ответа. Я сказал Л. Н-чу, что все-таки еще буду пытаться продолжать борьбу и думаю, что найду средство продолжать атаку. Л. Н. сказал: — Ну, это *со слабым игроком, как я* (курсив наш. — *М. К.*) [485]

Вместе с тем, Толстой умел находить в шахматах подлинное эстетическое удовольствие и относился к ним вполне серьезно. Он прекрасно понимал позиционную сущность шахмат, хотя, быть может, не в силах был бы провести планомерную законченную партию. „Знаете что? — говорил он (летом 1896 года), — в шахматной игре очень важно помнить, что вся ее сущность не в каких-либо резких выступлениях, в неожиданных и рискованных ходах, а в том расчете, чтобы все это сочетание фигур медленно и без скачков двигалось вперед" [486].

При таком здравом взгляде на шахматы вполне естественна высказанная Толстым мысль: „У Паскаля сказано, — это я себя хочу похвалить: „чем умнее человек, тем больше различных характеров он видит". Это, как в шахматы: хороший игрок видит все разнообразия пар-

тий, а плохому кажется, что они все одинаковы"[487]. Несмотря на то, что Толстой, по отзыву современников, не любил „долгодумов", тем не менее он признавал, что „даже в маленьком деле нужно обдумать все много раз со всех сторон, прежде чем сделать. Все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумать, сразу все испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь"[488].

По вопросу об обдумывании ходов Толстой высказывался неоднократно в виде афоризмов, а иногда в довольно пространной форме. В одном черновом варианте статьи „Для чего люди одурманиваются" (1890 г.) Толстой говорит, между прочим, также и о влиянии курения на течение шахматной мысли. По его мнению, влияние курения ни на чем так не видно, как на шахматной игре. „Партия идет обычно, но вот наступает важный, решающий ход, игрок думает, соображает и не решается; наконец, если он курит, он зажигает папиросу, затягивается, одурманивается и делает ход. Собственно, происходит тут следующее: каждый игрок по свойству своей головы и вследствие большей или меньшей практики игры может обдумать вариант ходов до известных пределов. Когда наступает трудный ход, игрок делает напряжение, чтобы видеть дальше этих пределов, и, смутно представляя себе дальнейшие варианты, испытывает ощущение тяжести напряжения. Для того, чтобы поступить разумно, ему надо бы сделать еще большее напряжение, но, вместо этого, он, под предлогом того, что куренье проясняет ему мысли, закуривает, одурманивается, скрывает от себя эти дальнейшие возможности соображений и, не видя уже их, ограничивается меньшими вариантами, низшими соображениями — и делает ход. То же самое происходит при всех умственных работах"[489].

Говоря о Толстом-шахматисте, нельзя не отметить, что шахматы являлись для Толстого в полном смысле этого слова отдыхом. Его личный секретарь Н. Н. Гусев указывает, что Толстой обычно играл в шахматы по вечерам. „Это занятие давало отдохновение его вечно напряженно работавшей голове"[490]. А Толстой поясняет: „Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых: они заставляют работать головой, но как-то очень своеобразно..."[491].

Глава девятнадцатая

ШАХМАТЫ В ЖИЗНИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Шахматы — сложная игра, требующая большого напряжения. Интерес к шахматам появляется тогда, когда назревает потребность в развлечении, связанном с повышенной мозговой деятельностью. Поэтому неслучайно, что в жизни политических заключенных, у которых отсутствие или ограничение личной свободы сочеталось с вынужденным досугом, шахматы пользовались широким распространением.

Революционеры, подчас не имевшие на воле и понятия о шахматах или знавшие о них только по наслышке, научались играть в ссылке или в тюрьме, в обстановке, казалось бы, мало благоприятной для изучения игры. Знакомиться с правилами при помощи перестукивания, выделывать фигуры из хлебного мякиша — таков был обычный „начальный курс" шахматного образования политических заключенных.

Как мы уже указывали, шахматы в начале XIX века довольно широко стали культивироваться в России в литературных кругах, а также среди передовой военной молодежи (см. стр. 53).

Значительная часть декабристов, — в большинстве своем образованные офицеры, тяготевшие к литературе,— еще до заточения была знакома с шахматами, которым отдавала свои досуги. „В Семеновском полку, — пишет декабрист И. Д. Якушкин, — устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанностям службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за проис-

шествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведение“ [492].

В июне 1824 года русский фрегат, на котором плавали будущие декабристы А. П. Беляев и М. А. Бестужев, посетил Францию. Беляев в своих воспоминаниях рассказывает о посещении русскими офицерами семьи военного губернатора города Бреста Гурдона: „Познакомившись с семейством, мы часто бывали у него, по его желанию, запросто. Жена его была большая любительница шахматной игры и часто приглашала кого-нибудь из офицеров на партию. Она имела претензию быть хорошим игроком, но, несмотря на это, ей случилось проиграть одному из нас, лейтенанту Ч., не имевшему довольно любезности нарочно проиграть, как делали более вежливые“ [493].

После подавления восстания 14 декабря 1825 года декабристы, заточенные в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, значительную часть своего времени посвящали шахматам. Для них, подвергнутых суровому тюремному режиму, лишенных книг и той культурной атмосферы, к которой они привыкли, шахматы были, пожалуй, единственным развлечением.

Воспоминания самих декабристов ярко отображают времяпрепровождение узников Петропавловской крепости. Наиболее интересно свидетельство Н. В. Басаргина, упоминающего в „Записках“ [494] о своем соседе по камере и шахматном партнере М. С. Лунине. „С Луниным и Кожевниковым, — пишет Басаргин, — мы свободно разговаривали. С первым каждый день после обеда я играл в шахматы. У него и у меня были занумерованные доски, и у каждого своя игра шахмат. Сговорясь играть, расставляли их каждый у себя и потом передавали по очереди один другому сделанный ход. Иногда игра длилась два и три часа, но тем была занимательнее, что не могло случиться необдуманных ходов или так называемых промахов. Мы оба были в этой игре равносильные, и оттого еще более она занимала нас“. Очевидно, ходы передавались через стенку, так что можно было, не привлекая внимания часовых, переговариваться друг с другом.

Знаменитая стенная азбука, изобретенная М. А. Бестужевым и сыгравшая впоследствии такую колоссальную роль в жизни политических заключенных, также могла способствовать оживленной шахматной игре.

В условиях сурового крепостного режима шахматы заключенным, конечно, не выдавались, но декабристы умудрялись выделывать их своими средствами. В воспоминаниях декабриста А. С. Гангеблова мы читаем, что Лунин играл также с другим своим соседом — И. А. Анненковым, для чего каждый из них вычертил на своем столике доску, а фигуры слепил из ржаного хлеба[495]. Декабрист А. П. Беляев, который сидел в одной камере со своим братом, а также с Бодиско и Дивовым, рассказывает: „Для развлечения своего из хлеба сделали себе шахматы, на столе назначили клетки и играли в шахматы, эту умную игру, с большим удовольствием“[496].

Декабрист Д. И. Завалишин содержался под арестом, вместе с писателем А. С. Грибоедовым, в Главном штабе. В своих воспоминаниях он указывает на доброжелательное отношение к ним караульного офицера Жуковского, большого любителя музыки. Узнав, что Грибоедов играет на фортепиано, Жуковский стал водить его и Завалишина в кондитерскую Лоредо, где в задней комнате стояло фортепиано. „Об этих наших путешествиях, — говорит Завалишин, — не знал, однако же, никто даже из наших товарищей по заключению, потому что Жуковский боялся, чтобы не стали проситься в кондитерскую и другие; все думали, что он уводит нас играть в шахматы в свою комнату, которая была смежною с нашей и дверь которой он всегда запирал на ключ, даже когда входил к нам“[497].

В Сибири шахматы прочно укрепились в быту декабристов. Декабристы Оболенский и Якубович, отправленные в Сибирь с первой партией и помещенные на соляной завод (в 50 верстах от Иркутска), по вечерам играли в шахматы. Играл с Оболенским и декабрист Штейнгель[498].

Шахматы, как пишет декабрист А. Е. Розен, были почти единственным развлечением в небольшом, первоначально, кругу сосланных в Читу декабристов[499], но и впоследствии, когда их в Чите собралось много и когда они стали свыкаться с новыми условиями жизни и постепенно расширять круг своих культурных занятий, — шахматы продолжали играть в жизни декабристов видную роль. Об этом свидетельствует мемуарная литература, обычно вообще весьма скупо отмечающая те или иные шахматные известия. В Чите „обыкновенно читали,

беседовали, играли в шахматы"[500]. В построенной декабристами избе одна комната „была назначена для отдыха, где беседовали, читали, играли в шахматы". Декабрист Беляев следующим образом рассказывает о времяпрепровождении ссыльных декабристов в Чите: „Так в трудах физических и умственных в приятных живых беседах, в пении, музыке протекала наша затворническая жизнь. Шахматная игра также играла важную роль"[501].

Приходилось играть декабристам и в каторжной, в прямом смысле этого слова, обстановке. И. Д. Якушкин с некоторыми своими товарищами, находясь в Чите в малом каземате в оковах и в тесноте, ухитрялся все-таки коротать время за шахматами: „Игра в шахматы и взаимные рассказы были главным нашим занятием и развлечением... Те, которые не работали, в другой комнате курили, играли в шахматы или занимались чтением и разговорами"[502].

Чита была временным местопребыванием декабристов. Для них была выстроена недалеко от Верхнеудинска в Петровском заводе огромная тюрьма, куда и были переведены декабристы после четырехлетнего пребывания в Чите. Проводниками декабристов были буряты, которые оказались неплохими шахматистами. (Мы уже упоминали об этом, когда говорили о развитии шахматной игры у бурят, — см. стр. 69). Однажды, когда буряты по обыкновению обступили столик, за которым играли декабристы Вадковский и Трубецкой, одному из бурят было предложено сыграть. Результат оказался для декабристов весьма неожиданным: лучшие их шахматисты оказались побежденными [503].

Беляев довольно образно описывает одну из таких встреч декабриста Басаргина (который, вместе с Луниным, считался сильнейшим шахматистом среди декабристов) с бурятом. „Буряты имеют страсть к шахматной игре, и на дневках около юрт всегда составлялись шахматные партии, окруженные толпою бурятов, следивших с величайшим интересом за игрой, нетерпеливо высказывая играющим свои взгляды. Некоторые из зайсанов (местное начальство бурят) играли с нами и играли так хорошо, что один из наших лучших игроков Ник. Вас. Басаргин первую партию проиграл. Нужно было видеть общий восторг, когда буряты увидели своего победителем. Впрочем, торжество их продолжалось не-

долго. Басаргин, вероятно, первую игру играл небрежно, но когда увидел силу своего противника, то защипал свой ус, — это была его привычка, — и, конечно, сделал ему мат. Вообще говоря, буряты играли так, что могли играть с хорошими игроками"[504]. Декабристы охотно играли с бурятами и часто приглашали их для игр. Декабрист Фонвизин на переходе до зимовья Домнинского, узнав, что один из бурятов хорошо играет в шахматы, пригласил его сыграть, причем партию ему проиграл[505].

Памятником шахматной игры среди декабристов служат шахматы, которые были сделаны руками декабристов на поселении; они хранятся в Ленинградском музее Революции.

Любопытно отметить, что шахматные мотивы нашли некоторый отклик и в литературном творчестве декабристов. Так, перу декабриста П. С. Бобрищева-Пушкина принадлежит басня под названием „Шахматы"[506]:

Однажды шахматы по воле игроков
По шахматной доске, болтая вздор, слонялись
И между прочих пустяков
Друг перед дружкой величались:
Слон
Хвастался, что он
Вблизи царя и ферзи стоя,
Не знает ни на час себе покоя,
Трудясь для общего добра,—
И что одним
Лишь им
Вся держится игра.
Ладья кричит всем без умолку.
Что окромя ее, ни в ком нет толку,
А конь — старинный хват —
Кричит, как-будто на подряд,
Что он ни в чем, нигде препятствия не знает,
Что говоря, нередко „мат",
По головам и ферзей, и слонов шагает.
И словом все — и пешки, и кони,
Слоны, и ферзи, и ладьи
Без всякой совести свои
Друг перед дружкою заслуги выставляли.
И верно б так кричали
И спорили до сей поры,
А, может быть, без дела стоя
На шахматной доске, крик подняли б и втрое; —
Но, к счастию, с концом игры
Хозяин кончил их и хвастовство пустое,
А, вместе с ними, дал и добрый нам урок, —
Он положил их всех в один мешок.

„Декабристы разбудили Герцена“ — писал Ленин, отмечая историческое место Герцена в истории русского революционного движения. Естественно, что и для нашей — узкой — темы представляют особый интерес Александр Иванович Герцен (1812—1870) и его славные соратники.

К сожалению, сведения о шахматной игре Герцена и его ближайших друзей весьма скудны. Сам Герцен с шахматной игрой был знаком уже с детства[507], однако для нас осталось неизвестным его отношение к шахматам в зрелые годы. Лишь один только раз его имя встречается в истории русского шахматного искусства, а именно — в связи с его мнением об организации шахматного клуба, закрытого царским правительством в 1862 году (см. стр. 90).

О знаменитом соратнике Герцена, поэте и публицисте Н. П. Огареве, пишет Н. А. Огарева-Тучкова: „Он любил рассуждать с моим отцом, слушать его рассказы о 14 декабря, о друзьях-декабристах; иногда они играли в шахматы“[508].

Весьма колоритна фигура шумного друга Герцена, вечного спорщика, Н. Х. Кетчера. В воспоминаниях А. И. Дельвига о Кетчере можно прочесть следующее: „Н. Х. Кетчер, которого Герцен очень живо и верно описал, бывал каждый день у Левашовых (родителей жены Дельвига. — *М. К.*). Кетчер постоянно играл в шахматы с Н. В. Левашовым“[509].

Важно отметить, что Герцен и Кетчер были постоянными посетителями литературной кофейни Печкиной (см. стр. 86). Возможно, что именно с этой кофейней, гостеприимно открывшей свои двери для писателей-шахматистов, был связан шахматными нитями и герценовский кружок.

Бывал в кофейне Печкина и молодой Бакунин, о котором Огарев иронически писал Герцену: „Бакунин погружается в философию Гегеля, когда один, но коль скоро с кем-нибудь вдвоем, то погружается в шахматную игру так, что уже не слышит, что говорят“[510]. Отметим также, что Бакунин бывал иногда на „вечерах“ у страстного шахматиста И. В. Киреевского.

Весьма тесно связан с историей шахматного движения в России величайший русский публицист-революционер Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889).

С шахматами Чернышевский познакомился еще у себя на родине, в Саратове. Здесь постоянным партнером Чернышевского был его двоюродный брат А. Н. Пыпин, впоследствии известный историк русской литературы[511].

О симпатиях молодого Чернышевского к шахматной игре в ранний, саратовский период его жизни можно судить по дошедшему до нас письму его к родным (от 22 мая 1846 г.), посланному с дороги, во время переезда в Петербург для поступления на историко-филологический факультет университета. В приписке к А. Н. Пыпину мы читаем: „Что, брат, каково поживаешь без нас? Что, теперь, я думаю, не с кем уже дома поиграть в шахматы? Не знаю как тебе (едва ли впрочем), а мне уж хоть бы в шахматы поиграть с кем бы, да кусаешь локоть, да не достанешь“[512].

Несмотря на усиленные студенческие занятия, у Чернышевского не пропал интерес к шахматам. Многочисленные записи в его дневнике свидетельствуют, что он весьма часто играл в эти годы со своими родственниками, знакомыми и товарищами по университету[513]. В кофейне Излера он увидал посетителей, играющих в шахматы. У него даже возникла мысль научиться так играть, что „может быть будем через это доставать у Излера деньги“[514]. (Чернышевский в студенческие годы очень нуждался.) На последние деньги он купил руководство, — правда, довольно скверное, по которому вряд ли можно было научиться играть. Наконец, у своего однокурсника Залемана он достал известное руководство Петрова. Он разбирал партии, решал задачи,— одним словом, пытался серьезно изучить шахматную игру. Однако, несмотря на все его старания, было видно, что шахматное искусство определенно не давалось этой исключительной по богатству своей одаренности натуре. Не страдая „шахматным самолюбием“, Чернышевский записал в дневнике: „Я играл гораздо лучше Залемана, т. е. он ничего почти не может сообразить — оказывается туповат, хотя я убедился, что и я играю еще хуже, чем думал, потому что ровно ничего не вижу, что готовится мне и что я должен делать“[515].

Это, впрочем, не мешало ему горячо интересоваться шахматами и не упускать случая провести время за шахматной доской.

Один из его саратовских партнеров (Чернышевский после окончания университета временно жил в Сара-

тове) Н. И. Костомаров, впоследствии известный русский историк, указывает: „Я виделся с Чернышевским очень часто и сошелся с ним. Мы играли с ним в шахматы (он играл мастерски), толковали, читали вместе“ [516]. Разумеется, эта оценка Костомарова показывает только крайне слабое знакомство с шахматами самого мемуариста. Вполне возможно также, что знаменитый украинский историк, описывая на склоне лет историю своего знакомства с Чернышевским, отдал здесь невольную дань восхищения выдающемуся мыслителю-революцио-

ШАХМАТЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
(Музей им. Чернышевского в Саратове)

неру. Сам Чернышевский по этому поводу писал: „Я познакомился с Костомаровым вскоре после моего приезда в Саратов, как я уже говорил, вероятно, в апреле (или, быть может, в мае) 1851 года. Знакомство началось, действительно, тем, что я приехал к нему, как он упоминает в „Автобиографии“ и, действительно, мы виделись очень часто. Действительно, играли в шахматы (только напрасно он думает, что я „играл мастерски“; я играл, как тогда, так и после, до такой степени плохо, что хорошие игроки, попробовав сыграть со мною одну партию, не хотели играть больше: моя игра была так слаба, что не представляла занимательности для них.

Костомаров тоже играл плохо, потому и мог находить, что я умею играть)“ [517].

Десятилетие с 1853 по 1862 год было периодом напряженной деятельности Чернышевского, целиком ушедшего в литературную, научную, публицистическую и революционную работу. Игрою случая его имя оказалось тесно связанным с историей развития шахмат в России. Мы имеем в виду активное участие Чернышевского в организации и деятельности шахматного клуба, привлекшего к себе бдительное внимание жандармского сыска (см. стр. 89).

В шахматном клубе фигура Чернышевского была самой центральной. Он принимал участие в организационных собраниях и присутствовал на открытии клуба[518]. Следивший за Чернышевским агент III отделения сообщает в связи с этим: „Третьего дня вечером Некрасов прислал Чернышевскому семь членских билетов в Шахклуб. На билетах этих были выставлены: имя Чернышевского и шести лиц, кои имеют к нему во всякое время доступ“ [519]. В клубе Чернышевский бывал очень часто. По сообщению агента, „Чернышевский ораторствует иногда в клубе, и поклонники его обыкновенно следуют за ним, при уходе, в прихожую“ [520].

Из показаний современников видно: „Чтобы поддержать новое детище, Чернышевский в известные дни весьма усердно посещал его и всегда имел перед собой столик с шахматами; к нему подсаживались два-три человека, и обыкновенно Чернышевский рассказывал какие-нибудь невинные анекдоты“ [521]. Чернышевский умел тщательно конспирировать свою революционную деятельность; из его открытых выступлений в шахматном клубе известно только чтение им статьи Аксакова о польском вопросе [522]. Что касается шахматной деятельности Чернышевского, то о ней нам никаких конкретных фактов неизвестно. Однако, несомненно, что именно Чернышевскому мы вправе приписать честь сознательного отказа от платформы „принципиального“ аполитизма в шахматно-общественной работе.

Вскоре после закрытия клуба был арестован и Чернышевский. В Вилюйском остроге, заброшенном к самой полярной тундре, очевидно, шахматных партнеров найти было трудно. Но любовь к шахматам Чернышевский сохранил до самых последних лет своей жизни. Только в 1883 году ему было разрешено поселиться в Астра-

хани. Здесь, уже на краю могилы, Чернышевский снова встретился с шахматным партнером своей юности — А. Н. Пыпиным — и с ним же провел последний раз за шахматной доской часы своего досуга [523].

Многочисленные данные о жизни русской политической тюрьмы, каторги и ссылки говорят за то, что шахматная игра являлась характерным элементом быта ряда поколений революционеров. Несмотря на ужасные условия заключения в крепостях и каторжных тюрьмах, даже и там шахматы получали широкое распространение.

Тюремная жизнь в Шлиссельбургской крепости очень ярко и живо описана в воспоминаниях М. Ю. Ашенбреннера. Люди были обречены здесь на медленное умирание в своих камерах-склепах, отделенные от мира живых непроницаемыми ни для звука, ни для взора стенами. Не было и в помине свиданий с родными, тюремную библиотеку составляли библия, сочинения Дмитрия Ростовского, 2—3 церковных журнала, да десятка три старинных книг, написанных языком XVIII века. Вполне естественно, что в этих условиях увлечение шахматами могло принимать временами характер „шахматной горячки“.

Однако, предоставим слово самому Ашенбреннеру:

„Шахматное поветрие одолело нас в самую глухую пору, когда не было порядочных книг, мастерские и огороды только проектировались, а прогулки были коротенькие. До сих пор никто, за исключением Буцинского и Шебалина [524], не знал этой игры и нимало не интересовался ею. И вот, Буцинский и Шебалин объяснили через стенку своим соседям правила игры, а вскоре повсюду открылись шахматные турниры. Труд обучения через стенку был, конечно, нешуточный; но этому не следует удивляться, и самые маленькие задачи в тюрьме не легко поддаются разрешению. И, может быть, упорная энергия для достижения какой бы то ни было цели оживляла нас и спасала от гибели... Шахматные фигуры лепили из хлеба, доску чертили на столе или на бумаге, и по всей тюрьме раздавался стук в таком роде: е2 на е4, Кb1 на с3 и т. д. Когда открылись мастерские, у всех явились точеные фигуры и шахматные доски, а когда стали давать в переплет [525] „Литературные прибавления“ к Ниве за истекший год, то стали решать задачи и следить за партиями знаменитых

игроков и выписали „Руководство к шахматной игре“. Затем, мало-по-малу игра эта потеряла свою привлекательность для большинства. Зато два товарища сделались записными игроками и состязались, вероятно, до своего выпуска. Когда я уезжал, они сыграли уже друг с другом более десяти тысяч партий“ [526].

Однако, прибывали новые заключенные, и опять почти единственным средством разнообразить одиночное заключение являлись шахматы. В воспоминаниях других политических каторжан (1890 г.) мы читаем: „Душная атмосфера слишком невыносима; если не очищать ее, то, пожалуй, задохнешься. Очистка началась с учреждения „журналов“, с распространения шахматной игры“ [527].

Большим успехом пользовались шахматы и в каторжных тюрьмах, в частности, в Карийской каторжной тюрьме [528]. Правда, в противоположность Шлиссельбургской крепости, здесь шахматы никогда не носили характера эпидемии, хоть некоторые из политкаторжан, как мы увидим ниже, играли не только днем, но и всю ночь. Более „организованной“ шахматной игре, конечно, способствовал характер заключения. Несмотря на тяжелые, подчас невыносимые условия в каторжной тюрьме, все-таки заключенные не были здесь в одиночных камерах. Они могли видеть своего товарища, с которым можно было не только играть в шахматы, но и делиться впечатлениями. Шлиссельбуржец Ашенбреннер не раз в своих воспоминаниях отмечал, что перестукивания через стенку не удовлетворяли, а скорее раздражали, поскольку исключали возможность живого обмена мыслями.

Шахматы в Карийской каторжной тюрьме, — впрочем, как и во всех тюрьмах, — первоначально категорически запрещались тюремным начальством. Казалось бы, тюремная администрация, наоборот, должна была бы поощрять шахматную игру, — благо, во время этой игры, заключенные ведут себя тихо, не „бунтуют“. Однако, все, что могло так или иначе скрасить тюремное заключение, являлось ненавистным в глазах тюремщиков. И потому, как только замечалось, что где-либо в камере идет шахматная игра, тотчас являлись надзиратели во главе со смотрителем, и шахматы отбирались. На этом дело, разумеется, не останавливалось, шахматы появлялись снова, и на другой день повторялась та же

картина с внезапным появлением своры надзирателей и с отбиранием шахмат. Секрет быстрого изготовления шахматного „инвентаря" заключался в том, что фигуры делались из мякиша черного хлеба, а доска приготовлялась из листа бумаги при помощи карандаша. Впоследствии доски выделывались уже из кожи. Заключенные политкаторжане долго и упорно вели борьбу за „легализацию" шахмат. Победа осталась на их стороне, так как в конце концов начальство махнуло рукой на шахматистов. Игра закипела чуть ли не в каждом углу камеры, а летом играли даже на дворе во время прогулок. Можно сказать, что среди заключенных почти полностью была ликвидирована „шахматная неграмотность". Помимо отдельных встреч устраивались турниры с числом участников до 15—20 и продолжительностью по несколько недель. Назначались даже „призы" из скудного тюремного пайка (чай и сахар — на общее угощение).

Знакомство с теорией шахмат на Каре, однако, не прививалось. Лишь кое-кто заинтересуется шахматной книжкой, просмотрит на доске несколько эффектных партий, вроде „бессмертной" андерсеновской, но и только. Лучшими шахматистами считались политкаторжане Яцевич и Зубржинский, и они обычно всегда занимали первые места в турнирах. Недурно играли также Бобохов, Фрейденсон, Волошенко. Было среди заключенных и несколько фанатиков, просиживавших за шахматами с утра до поздней ночи, забывавших за игрой о чае и обеде (например, народоволец Бух).

Однако, несмотря на то, что шахматная „бацилла" прочно засела в Карийской каторжной тюрьме, шахматы никогда не были здесь самоцелью, а служили только приятным отдыхом.

Приведенные нами воспоминания народовольца Прибылева подтверждаются также свидетельством ныне здравствующего Феликса Кона: „Еще будучи гимназистом третьего класса варшавской гимназии, я научился играть в шахматы, — рассказывает Ф. Я. Кон. — Немало пришлось поиграть в течение жизни. Но особенно я оценил качества шахмат на каторге в Каре. Многие из ссыльных увлекались тогда этой игрой. Шахматы мы делали из хлебного мякиша, сами графили доски. Устраивались в Каре настоящие шахматные турниры. Игрались матчи между отдельными камерами. Сами участ-

ники собирали в складчину по несколько кусков сахару. Это был „призовой фонд“. На одном из таких общекарийских турниров я занял четвертое место. Помню, в наших турнирах принимали участие тт. Яцевич, Бобохов и другие революционеры“ [529].

Политические ссыльные находились в несколько лучших условиях, но и здесь остро давала себя знать большая разбросанность и территориальная оторванность ссыльных. Но на худой конец в условиях ссылки к услугам любителей шахмат была хотя бы игра по переписке.

В 1886—87 годах известный шахматист и этнограф И. Т. Савенков, живший на поселении в Красноярске, при содействии других ссыльных провел две партии по телеграфу с Петербургским обществом любителей шахматной игры, во главе которого стоял тогда М. И. Чигорин. Ссыльные выиграли первую партию и свели в ничью другую.

Играл по переписке в годы своей ссылки и Владимир Ильич Ленин (1870—1924). Великий вождь рабочего класса умел распределять свой досуг, находя время и для шахмат. Первое знакомство с шахматной игрой и любовь к ней Владимир Ильич приобрел еще в детские годы, от своего отца Ильи Николаевича Ульянова.

„Одним из любимых развлечений Ильи Николаевича была игра в шахматы и, по отзывам старших, он был хорошим шахматистом, приохотив к этой игре и детей“ [530]. Володе Ульянову было всего 8—9 лет, когда отец познакомил его с шахматной игрой. Он сначала играл с отцом, потом со старшим братом Александром, впоследствии погибшим от руки царских палачей. Отметим, кстати, что Александр Ильич настолько усвоил искусство шахматной игры, что мог играть даже не глядя на доску одновременно с тремя партнерами.

„Шахматы любил наш отец, — вспоминает А. И. Ульянова, — и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал их к себе в кабинет. Мы все выучились в них играть“ [531].

Иногда вся семья садилась за шахматную доску. Обычно играли в столовой, куда все члены семьи собирались по вечерам. Столовая была местом коллективной

учебы детей, чтения книг, а также игры в шахматы. Одно время увлекались четверными шахматами и просиживали за ними до позднего вечера.

Уже в детские годы Ленин серьезно относился к тому предмету, который изучал или которым интересовался. Это сказалось и на отношении к шахматам. „Сначала отец нас обыгрывал, — рассказывал Владимир Ильич, — потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз — мы

СТОЛОВАЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

наверху жили — встретил отца, идет из нашей комнаты со свечей в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел“ [532].

Ленин с большим удовольствием играл в шахматы, однако, только в том случае, если это не мешало его школьным занятиям. Даже в каникулярное время утренние часы всегда посвящались учебным занятиям, и только вечерами Владимир Ильич садился за шахматную доску со своим братом.

Естественно, что такое серьезное отношение к шахматам выработало в Ленине и определенный взгляд на них. Шахматы для него были не только игрой, — он находил в них своего рода „гимнастику ума“. Вот почему он никогда не любил так называемых легких партий. Ленин

всегда предпочитал играть с равными, или даже более сильными противниками. Поэтому, играя со слабейшими, он, чтобы уравновесить игру, давал вперед какую-либо фигуру. Если же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич заявлял: „Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться?“. В воспоминаниях его младшего брата Дмитрия Ильича Ульянова расшифровывается эта фраза, определяющая взгляд Ленина на сущность шахматного творчества. „У него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые“. Вопрос так называемого шахматного „самолюбия“ для Ленина не существовал [533].

Такое отношение к шахматам Владимир Ильич сумел в себе выработать, когда он был еще 15-летним гимназистом.

По окончании симбирской гимназии Владимир Ильич поступил в Казанский университет. В Казани зимою 1888—1889 года он нередко посещал местный шахматный клуб. В этом же году он начал игру по переписке (организованную близким другом его семьи М. Т. Елизаровым [534]) с известным в то время шахматистом, самарским присяжным поверенным А. Н. Хардиным. Весной 1889 года, по приезде в Самару, Ленин лично познакомился с Хардиным, с которым стал затем довольно часто играть в шахматы. Зима 1889—1890 года была периодом наибольшего шахматного увлечения Владимира Ильича. Оно и понятно. Хардин, современник и достойный противник Чигорина, являлся для Ленина весьма интересным партнером. Сначала Владимир Ильич получал вперед коня, но через год Хардин мог давать только пешку и ход. Ленин был также участником шахматных турниров, происходивших у Хардина на квартире. „Шахматные вечера“ нередко устраивались и у Ульяновых.

Турниры эти, в которых участвовали шахматисты разной силы, были обычно гандикапными. В первой категории числился один Хардин; Ленин и еще один шахматист причислялись ко второй категории.

Вскоре, после сдачи экстерном при Петербургском университете экзаменов по юридическому факультету,

Ленин записался у Хардина помощником присяжного поверенного, и это, очевидно, еще более способствовало укреплению их шахматных связей.

Однако, с 1893 года Владимир Ильич стал все больше и больше отходить от шахмат. Научно-литературная работа и практическая революционная деятельность поглощают все его время.

И только весной 1898 года, в бытность свою в ссылке в селе Шушенском, Ленин снова вспомнил о шахматах. 8 марта 1898 года он пишет из ссылки матери: „Не знаю уже, застанет ли это письмо Н.[адежду] К.[онстантиновну] в Москве. Если да, то присоединяю еще одно забытое поручение. Пришли мне одну из наших партий шахмат: оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старину. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться“ [535].

Владимир Ильич сумел прекрасно организовать свою жизнь в ссылке. Определенное количество часов было предназначено для научной работы; отдых заключался в ежедневном гуляньи, охоте, беге на коньках и игре в шахматы. Он играл по переписке с П. Н. Лепешинским, находившимся в ссылке в Курагине. Надежда Константиновна Крупская рассказывает, что одно время он был так увлечен этой игрой по переписке, что вскрикивал даже во сне: „Если он конем сюда, то я турой туда“ [536]. Не получив еще комплекта шахмат от родных, он принялся сам выделывать их из коры.

Вскоре Ленину представилась возможность показать свою силу и в личной встрече со ссыльными шахматистами: в начале октября 1898 года он побывал в Красноярске, и здесь ему удалось сыграть около десяти партий. Такие выезды случались не часто, но зато в эти дни шахматы, по выражению П. Н. Лепешинского, были, пожалуй, самым завлекательным для Ленина „номером из всех способов времяпрепровождения в городе“. К новогодней встрече Владимир Ильич с Надеждой Константиновной выбрались на несколько дней в Минусинск, куда съехались ссыльные почти со всей округи. „... Время провели по праздничному, — писала Надежда Константиновна матери Ленина. — Володя с утра до вечера сражался в шахматы и... всех победил, конечно“ [537]. В Минусинске, наконец, состоялась долго-

жданная Лепешинским встреча его с Владимиром Ильичем.

П. Н. Лепешинский очень образно описал свое первое знакомство с Лениным: „Когда я впервые познакомился в Минусинске с Владимиром Ильичем, то с нетерпением жаждал померяться с ним силами на шахматной доске. Старков[538] и Кржижановский, которых я систематически обыгрывал во время нашего этапного путешествия в вагоне из Петербурга в Москву и из Москвы в Сибирь, были очень высокого мнения о моем шахматном искусстве и подзадоривали и меня и Ильича поскорее засесть за шахматный столик. Мы не заставили себя долго уламывать и чуть ли не через четверть же часа после первого свидания сидели друг против друга, углубившись в игру. Не без некоторого волнения я стал передвигать пешки и фигуры. Скоро результат игры выяснился: я торжественно и чудно партию проиграл.

„— Ну, что ж! Это со мною иногда случается, в особенности, если я начинаю играть с новым партнером, к манере игры которого я не успел еще привыкнуть. Вот, посмотрим, что скажет вторая партия.—Но и другая партия кончилась для меня столь же печально.

— О-о, чорт побери, реванш, скорее реванш!

Но и третья и четвертая партии имели тот же финал, при общем ликовании моих старых шахматных противников — Старкова и Кржижановского.

Нечего делать, как это ни неприятно было для самолюбия, но пришлось согласиться на игру с компенсацией сил: Ильич снимал у себя какую-нибудь легкую фигуру, и тогда шансы на победу уравновешивались“[539].

Лепешинский, Кржижановский и Старков попытались сыграть против Ленина по консультации, но потерпели поражение Казалось, что Владимир Ильич проигрывает партию; он уже потерял фигуру, и консультанты предвкушали победу. Но, двумя-тремя „тихими“ ходами упорный противник создал совершенно неожиданную для преждевременно ликовавших союзников ситуацию, и „боевое счастье“ им изменило.

В ссылке Ленин иногда играл не глядя на доску, даже одновременнно с тремя, причем все партии выигрывал; он обучал шахматной игре своих товарищей по ссылке и кое-кого из местных жителей[540]. Владимир Ильич также с большим интересом следил за шахматными но-

востями. Он живо и довольно подробно откликнулся на письмо М. Т. Елизарова, сообщившего ему о выигрыше в сеансе одновременной игры в Москве у Ласкера[541]: „Получил Ваше письмо от 8/II. Ваша партия в шахматы пришла очень кстати. У нас как раз гостили минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию. Судя по ней, Вы стали играть гораздо лучше.

ШАХМАТНЫЙ СТОЛИК СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

Вероятно, довольно долго обдумывали каждый ход и (может-быть?) пользовались консультацией соседей? А то ведь теперь страшно, пожалуй, и сражаться было бы с человеком, который победил Ласкера!“[542]. Характерно и следующее место в письме Ленина к сестре: „Прочел в „Русских Ведомостях“, что Марк и Чигорина обыграл! Вот он как! Ну, сразимся же мы с ним когда-нибудь!“[543].

С именем Ленина связан также шахматный столик, хранящийся ныне в Ленинском музее в Москве. А. И. Елизарова-Ульянова пишет[544]: „Шахматный столик для пар-

тии вчетвером с потайным выдвигающимся плоским ящиком служил хранилищем для нелегальных рукописей, писем и печатных материалов в нашей семье. Заказанный по рисунку, сделанному моим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым в 1900 г. в Москве, он исколесил вместе с нами всю Россию, передвигаясь в Самару, Киев, в Петербург, в Саратов, в Вологду, опять в Петербург и снова в Москву. Первоначальная идея столика принадлежала Владимиру Ильичу, который со времени своего приезда в Петербург осенью 1893 года и начала нелегальной работы, развивал мысль о необходимости каждому иметь у себя какое-нибудь потайное хранилище для нелегальщины. Этот столик выдержал длительный экзамен. Ни разу, ни при одном из обысков, которым подвергалась наша семья, столик не выдал себя. Нас спрашивали иногда о содержании его ящиков, мы приносили ключи и как бы для проформы, порывшись в наполнявших их разноцветных шахматах, ящики задвигали вновь и переходили к столам, содержавшим книги и бумаги. Не раз было, что столик выручал нас от серьезных последствий. И он, можно сказать, спас меня и сестру Марью Ильиничну от каторги в Киеве. В 1904 г., когда в его потайном ящике хранился весь архив ЦК, выбранного на втором съезде партии в 1903 г., никаких данных против нас, кроме шпионских показаний, не оказалось и мы были освобождены через полгода — до окончания дела. Последней перед революцией зимой 16—17 года у меня было на Широкой улице 3 обыска. Столик не вызвал, как и раньше, ни малейшего подозрения, сохраняя и революционные листки местного происхождения, и номера заграничной газеты „Социал-демократ", и переписанные с химических чернил письма Ильича ко мне, к некоторым товарищам в ЦК и ПК партии, и черновики ответных ему писем. Переписка шла у нас с Ильичем беспрерывно до самой революции. По-истине, столик заслужил себе пенсию".

В эмиграции, после ссылки, Ленину уже реже приходилось играть в шахматы. Напряженная работа вождя революционной партии все меньше оставляла времени на любимую игру. Однако, если представлялся случай, Ильич никогда его не упускал. Товарищи Ленина иногда видели его в женевском кафе Ландольта или в так называемой „большевистской столовой" Олина (П. Н. Лепешинского), сосредоточенно углубленного за шахмат-

ной доской. В 1910 году он сам пишет матери из Парижа: „Шахматы я получил давно,— забыл только упомянуть про это. Играть мне здесь приходится совсем редко — разучился, должно быть, вовсе“ [545]. Тогда же он пишет своему брату Дмитрию Ильичу, в связи с получением из России приложения к „Ниве“, в котором была помещена шахматная двухходовая задача последнего: „Получив твою задачку, я чуточку „раззадорился“ на шахматы, — а то было совсем, совсем все перезабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько „гусарских“ и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко. Лd8—d6. А вот в Речи увидал сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился (№ от 1 февраля, № 31 (1269), этюд № 195). Положение такое: белые Крg3. Кg1. Сл. е7 и пешки h5 и d3. Черные Кре3 и пешки h7, d5 и а2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!“ [546]. Таким образом, Ленин весьма глубоко чувствовал красоту в шахматах. Он сумел по достоинству оценить изящный этюд бр. Платовых, решить который не так легко.

Пражская конференция. „Вечером, помывшись и отдохнув после дороги, делегаты сидели у себя в номере за шахматами. „Степан“ (так стал зваться Онуфриев [547]), склонившись над шахматным столиком, внимательно следил за непонятным для него передвижением фигур. Между черными и белыми шел жаркий бой, увлекший всех настолько, что в пылу сражения они не слышали ни тихого стука в дверь, ни легких шагов подошедшего к столику человека. Его присутствие они заметили спустя несколько минут и то только, когда над самым ухом у них раздался голос: „Ну, теперь белым крышка“. Все вздрогнули. Делегат, игравший белыми, вскочил с намерением выругать человека, напророчившего ему поражение, но вместо ругательства у него вырвалось радостное восклицание: „Владимир Ильич!“... Ленин стоял у шахматного столика и, глядя смеющимися глазами на товарищей, пожимал протянутые к нему руки. „Вы опоздали с рокировкой,—сказал он.—И зачем ходили слоном? Надо было пойти ферзем вот сюда“. И Ильич пустился в анализ неудачи белых“ [548].

Только иногда, урывками, Ленину удавалось теперь сразиться в шахматы. В 1913 году, во время экскурсии

на Татры (горы в Галиции близ Кракова), Владимир Ильич во время одного из привалов „засел уже тем временем с кем-то в шахматы". „С трудом отрываем Ильича от шахмат, идем к озеру. Красота природы особенно захватывала Ильича, который здесь впервые, и его недовольство страстного игрока незаконченной партией в шахматы быстро рассеивается"[549].

А. Ф. Ильин-Женевский, в бытность свою в эмиграции в Женеве в 1914 г., встретился с Владимиром Ильичем в квартире своего товарища В. А. Карпинского. Ленин остановился здесь во время своего однодневного пребывания в Женеве, куда он приехал прочесть лекцию. Однако, сыграть в шахматы им не пришлось. Время в беседе шло быстро и, вспоминает Ильин-Женевский, „когда мы с Владимиром Ильичем спохватились, что хорошо бы сыграть хоть одну партию в шахматы, выяснилось, что пора уже итти на лекцию"[550].

Последнее мимолетное упоминание об игре Ленина в шахматы относится к началу 1916 года.

После революции, по возвращении в Россию, Ленин окончательно забрасывает шахматную игру. „Шахматы чересчур захватывают его, это мешает работе, — говорил он"[551].

Старые шахматные противники — Владимир Ильич и Лепешинский — встретились только в конце ноября 1917 года в Смольном. На шутливый вопрос Лепешинского: „Не сыграть ли нам как-нибудь в шахматишки?" — Ленин только громко рассмеялся. „Нет, — сказал, наконец, серьезно Ильич, немного успокоившись от охватившего его смеха, — теперь уже не до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется".

„Ильич предвидел уже, что отныне каждый атом его времени, каждый кусочек его сил, каждая частичка его „я" должны целиком без остатка пойти на продолжение того великого дела, начало которому положено „Красным Октябрем"[552].

В другом месте Лепешинский пишет о Ленине годов революции: „Даже в шахматы он играл (а эту игру он страстно любил) сравнительно редко"[553].

Для пояснения своей мысли Ленин охотно прибегал к образным сравнениям. И шахматы подсказывали ему при случае образ, требовавшийся для большей выразительности слова.

Готовность Ленина воспользоваться шахматным сравнением сказалась в его публицистической деятельности. Мы имеем в виду случай со статьей А. В. Луначарского, в которой автор писал (в марте 1905 года): „... *Они играют в политические шахматы,* стараясь перехитрить друг друга. Но рабочий хватит кулаком *по шахматной доске* так, что вся дипломатия полетит к чорту...“ Луначарский зачеркнул было слова, набранные здесь курсивом, но Ленин-редактор снова восстановил их [554].

Поэт революции Владимир Маяковский, запечатлевая гигантский образ вождя пролетарской диктатуры, вписал в свою героическую поэму и строки о Ленине-шахматисте [555].

Знал он
слабости
знакомые у нас,
как и мы —
перемогал болезни.
Скажем,
мне — биллиард —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей —
человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „История шахматной игры в связи с историей цивилизации народов". „Шахматный Листок", 1877 г., №№ 2—3, стр. 42—44.

2. Д. И. Саргин. Древность игр в шашки и шахматы. М. 1915, стр. XIV.

3. 1892 г., № 1. См. „Шахматное Обозрение", 1892 г., стр. 93.

4. H. I. R. Murray. A history of chess. Oxford, 1913, стр. 159. Немецкий историк шахмат А. Линде, а вслед за ним русский историк М. К. Гоняев переводят иранское mat· „удивленный", „застигнутый врасплох". См. „Шахматное Обозрение", 1892 г., стр. 376.

5. Hyde [Tomas]. Mandragorias seu historia Shahiludii [etc]. Oxonii 1694, ч. I, стр. 4. О названиях фигур см. у Гайда на стр. 74—75.

6. Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. С латинского перевел Алексей Станкевич. М. 1905, стр. 75.

7. Как ни странно, слово „шахматы" встречается, как название шахматной игры, в старой еврейской поэме испанского раввина Авраама бен-Эзра (умер в 1167 г.). По всей вероятности, это совпадение термина совершенно случайно, но оно показывает, что старинный заключительный возглас победы являлся достаточно характерной особенностью шахмат, чтобы послужить названием для самой игры. См. Мэррей, стр. 385—386, а также примечание 17.

В качестве курьеза можно указать на словарь Полидора Виргиния Урбинского („О первых изобретаемех всех вещей", ч. I, М. 1782, стр. 166), где автор дает следующее объяснение шахматам: „называется она шахматною, может быть, от шагу или ходу, потому что шашки не движутся, но на противную сторону как бы шагают".

8. В „Материалах для словаря древне-русского языка по письменным памятникам", т. III, вып. 3 (СПБ, 1909) И. И. Срезневский под словом „шахматцы" указывает: узор в клетку на подобие шахматной доски: „Да на тех же ферезях 14 пуговиц серебряны золочены велики, чеканены как шахматцы".

В современной шахматной литературе слово „ферзь" мужского рода. Однако, в „Толковом словаре" Даля, в шахматных учебниках Бутримова и Петрова, как равно и во всех старинных записях, „ферзь" — женского рода. У Гайда упоминается „королева", „царица". „Мысль, что ферзь был женщиной, — пишет Мэррей, — очевидно, относится ко временам Гайда. Она могла возникнуть из соображений шахматной символики, родственных тем, которые сделали ферзя королевой в Западной Европе и придали этому слову женское окончание (alfferza по-испански, fercia по-латыни)". См. Мэррей, стр. 386. Можем отметить также, что в первой половине XVIII века в России ферзь изображался женщиной в восточном костюме („Фарфоровые шахматы XVIII века",

„Шахматное Обозрение", 1892, стр. 150). Возвращение к тому роду, который был свойствен этому слову сначала, принадлежит переводчику книги де-Лабурдонне „Nouveau traité du jeu des échecs" Н. Крюкову (Москва, 1839).

9. Любопытно, что термин, аналогичный русскому „ладья", мы встречаем также в Бенгалии, Сиаме и на о. Яве.

10. Саргин, стр. 192 и след. В недавно вышедшей работе И. Орбели и К. Тревера.—Шатранг, Книга о шахматах (Л. 1936) вскользь упоминается, что шахматы стали знакомы русским из Ирана и, может-быть, через Кавказ (стр. 15).

11. Саргин сам сознавал, что он „очень виноват в национализме и провинился, конечно, больше всего в шахматах" (стр. XIX). Именно этот национализм мешал Саргину объективно отнестись к тому богатому историческому материалу, который собран в его книге. В царской России угнетенные народы Севера и Востока находились подчас на весьма низкой ступени культуры, что, однако, не исключало широкого распространения среди них шахматной игры.

12. „Кирилло-Мефодиевское тысячелетие". „Русская Старина", 1885 г., май, стр. 375—376. В противовес мнению Иловайского, в исторической литературе мы встречаем предположение В. Ф. Миллера о возможности хазарского влияния („К вопросу о славянской азбуке", „Журнал министерства народного просвещения", 1884 г., март, стр. 33). Миллер указывает, что посредниками между иранцами и славянами служили хазары, которым славяне платили дань. „Составляя значительный элемент в хазарских городах, славяне должны были подчиниться некоторому влиянию хазарской культуры". См. также примечание 17.

13. Линде считает, что шахматы проникли в Византию лишь в конце XI или в начале XII вв. Он основывается на сообщении Анны Комнен, которая указывает в „Алексиаде", что греки получили эту игру из Ассирии, в то время находившейся во власти арабов. Линде склонен предполагать, что если Анна считала нужным в жизнеописании своего отца пояснить пути проникновения шахмат, то шахматная игра лишь недавно появилась в Византии, т. е. именно в царствование Алексея (1081—1118). См. A. Linde. Geschichte und Literatur des Schachspiels, т. I, стр. 131 и 143. Однако, мнение Саргина более правдоподобно. Меррей также считает, что шахматы проникли в Византию в первой четверти VII в. (стр. 163).

14. В русской литературе имеется указание, что в древней Руси шахматы произносили „шаматры", и лишь в XIV в. приняли настоящую форму. Это предположение, не обоснованное ссылкой на источник, является, очевидно, плодом фантазии автора (см. В. Бублик. „История шахматной игры в России". „Нива". Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1909 г., № 12, стр. 638).

15. И. Т. Савенков. К вопросу об эволюции шахматной игры. М. 1905. Саргин, с обычной для него резкостью, отрицательно относится к работе Савенкова: „Весь труд И. Т. Савенкова с серьезной точки зрения не только не выдерживает критики, но прямо-таки возмущает своим легкомыслием" (Саргин, стр. 10). Отдельные выпады по различным вопросам против Савенкова рассеяны по всей книге Саргина, который в конце концов договаривается до того, что якобы работа Савенкова является плагиатом, так как он, дескать, излагает выводы Саргина, читавшего свои изыскания в Московском шахматном кружке до выхода книги Савенкова. Это обвинение, высказанное уже после смерти Савенкова, зиждется на очень шатких основаниях

и не может поколебать нашего мнения о добросовестности работы Савенкова, не раз выступавшего в печати по различным вопросам истории шахмат.

16. Огромные клады арабских монет, найденные на территории России, нельзя приписать исключительно торговым отношениям. Они могли образоваться также путем получения дани, сбора оброков и в особенности посредством прямого насильственного захвата в качестве военной добычи (проф. И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. П. 1923, стр. 6).

17. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПБ, 1870, стр. 49. Если бы удалось доказать, что автор еврейской поэмы бен-Эзра (см. примечание 7) употребил термин „шахматы" не самостоятельно, а заимствовал его от хазар, которые первыми из народов Восточной Европы вступили в непосредственные сношения с арабами, то можно было бы не без основания склониться к гипотезе, что русские славяне заимствовали шахматы в центре хазарского царства — столице Итиле (от арабов или хазар). В пользу возможного знакомства бен-Эзры с хазарскими источниками говорят лишь некоторые косвенные обстоятельства. Так, известно, что в VIII веке часть хазарского народа приняла иудаизм, а в середине X века правитель Хазарии Иосиф находился в переписке с испанским евреем Хасдаем Ибн-Шафрута, видным представителем арабо-еврейской культуры испанского средневековья (М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз, 1937, стр. 1).

18. Савенков, стр. 113. Мэррей в цитированной нами выше капитальной работе „A history of chess" присоединяется в общем к мнению Савенкова. Он пишет: „Этому пути (каспийско-волжскому) Савенков и приписывает проникновение шахмат в России. В этом он, надо думать, прав. Но если он далее говорит, что это проникновение могло иметь место уже в V или VI веке н. э. и шло, следовательно, из Персии сасанидов, то, мне кажется, он предполагает за русскими шахматами слишком большую давность. Мы можем лишь утверждать, что к 1150 году игра была достаточно известна, чтобы носить местное имя" (стр. 380). Мэррей, очевидно, не точно толкует Савенкова, утверждавшего, что русские могли заимствовать шахматы лишь в VIII—IX вв. Известный немецкий историк шахмат фан-дер-Лаза (Zur Geschichte und Literatur des Schachspiels, Leipzig 1897, стр. 60) говорит: „Русское название дамы осталось ферзь, и оно указывает на прямое введение игры персами и арабами, минуя Европу". Вместе с тем выше (стр. 13) он цитирует слова ориенталиста Вебера, который считает, что русские получили шахматную игру из центральной Азии, через монгольских князей. Судя по этому, Лаза не склонен отрицать и мнения Вебера. Котц в своей исторической статье, включенной в Handbuch Бильгера, (8 е изд., 1932 г.), повторяет в общем Лазу: „Вполне происхождение русских шахматных наименований еще не выяснено, но то, что допускает фан-дер-Лаза, имеет за собой так много, что мы должны к нему присоединиться". Кстати отметим, что Лаза в 5-м издании бильгеровского Handbuch'a (1854 г.) утверждал, что „шахматная игра проникла в Россию прямо из Центральной Азии через посредство татар" (стр. 5—6).

19. Журнал „Palamède", 1842 г., стр. 163. А. Н. Грачевский также считает, что шахматы занесены к нам татарами („Шахматный Листок" 1879 г., стр. 323).

20. М. С. Коган. История шахматной игры в России. Л. 1927; Краткий очерк истории шахмат. Шахматы в России. Л. 1931.

21. Мэррей, стр. 204. См. также „Palamède", 1836 г., стр. 385. Партнером Тимура были известный в то время иранский шахматист и составитель задач Али Шатранджи. Тимуру даже приписывается композиция одной задачи, составленной им, вероятно, при помощи Али Шатранджи. Известен и другой партнер Тимура — Аладдин Табриж, славившийся искусством играть очень быстро, почти не задумываясь над ходом.

22. А. В. Терещенко. Быт русского народа. Спб., 1848, ч. IV, стр. 78.

23. „Шахм. Обозрение", 1894 г., №№ 13 и 14. Отметим здесь также мнение других историков, выступавших против „татаро-монгольской" теории. Саргин соглашается с Сорокиным, что враждебные отношения препятствовали заимствованию шахмат от татар, забывая, очевидно, что и его „иранская" теория в этом случае должна потерпеть крах. Впрочем, Саргин не отрицает, что русские князья, ездившие в Золотую Орду для устройства своих дел, изредка могли играть в шахматы с татарами. Саргин считает, что если в 1262 г. уже появляется письменное свидетельство о шахматах у русских, то не будет ошибкой отодвинуть первоначальное знакомство русских с шахматами на 100 лет, т. е. отнести его ко времени до нашествия монгол. С таким голословным утверждением трудно согласиться. Мэррей (стр. 379) высказывается следующим образом: „Одно время предполагали, что шахматы были занесены в Россию монголами или татарами, наводнявшими страну с 1200 до 1400 г. в ряде разрушительных и свирепых нашествий. Но с обнаружением достоверных упоминаний о шахматах в памятниках русской словесности, относящихся к периоду до первого монгольского вторжения, этот взгляд приходится оставить. Однако, вполне возможно, а по-моему и несомненно, что шахматы этих народов наложили впоследствии свой отпечаток на русскую игру". Очевидно, здесь Мэррей был введен в заблуждение. Дело в том, что именно первое свидетельство в памятниках древне-русской письменности относится ко времени после монгольского нашествия (1262 г.).

24. До Сорокина о заимствовании шахмат из Византии предположительно высказался русский историк И. Забелин. См. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. II. Посмертное издание. М. 1915, стр. 246.

25. Мэррей, стр. 379.

26. Линде в уже цитированной нами работе говорит, что русская шахматная терминология указывает на заимствование русскими шахмат не из Западной Европы, а из Азии, и „притом в эпоху, когда термин «ладья» стал кое-где вытеснять первоначальную «колесницу», следовательно не так давно" (т. II, стр. 192). Впрочем, в другом своем исследовании (Quellenstudien zur Geschichte des Schachspiels. Berlin 1881, стр. 262, примечание 2) Линде готов даже согласиться с мнением Ф. Амелунга, полагающего, что „факт знакомства русских с шахматами в XVII в. можно считать лишь вероятным, но не доказанным" (См. „Baltische Schachblätter", 1891 г., вып. 3, стр. 222). Это лишь показывает, что даже научные высказывания западных историков о России не свободны от „развесистых клюкв".

27. „Русская Историческая Библиотека", т. VI[2], изд. 2-е. СПБ, 1908, приложение, стр. 354.

28. В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая XIV титл. без толкований. СПБ, 1906. *Сигами лекъм играти.* По Савенкову, слово „сигами" указывает на сербское происхождение перевода: сигач — по-сербски прыгун.

29. Розенкампф. Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829, стр. 50.

30. Розенкампф, стр. 50. Савенков „шегами" производит от болгарского слова „шега" — шутка. У И. И. Срезневского („Материалы для словаря", т. III, вып. 3) слово „шега" также означает шутку, насмешку; в другом значении — игра в кости или в шашки. Он приводит пример из кормчей Иоанна Схоластика: „Яко не достоить епископу, ли клирику, ли людину в шегах и пиянствиих, ни в корчьмицах обретатися". Поразительнее всего то, что слово „шахавыи" и „шегавыи" имеют одно и то же значение — изменчивый, непостоянный.

31. Розенкампф, стр. 51.

32. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, т. I, стр. 195. Любопытно отметить, что эта же повесть в XVII в., в связи с распространением карточной игры, стала расходиться в списках уже под другим заглавием: „О еже не мня быти грех, кто играет картами, и шахматы и прочими катырскими [костяными] играми". См. также А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. 1. СПБ 1882, стр. 277.

33. Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия. М. 1861, стр. 390.

34. Там же, стр. 552.

35. С. Смирнов. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. М. 1912, № XXI, стр. 136. Имеется много списков этого памятника с некоторыми разночтениями (в особенности интересна вариация наказания за игру в шахматы). См. отрывки из рукописи XVI в., хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, опубликованные в „Шахм. Листке" за 1880 г., стр. 269, а также из рукописи 1754 г. (Гос. Публичная библиотека им. В. И. Ленина в Москве)— в „Шахм. Обозрении" за 1892 г., стр. 302.

36. М. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. М. 1863, т. II, стр. 313.

37. Памятники старинной русской литературы, изд. А. Пыпиным и Н. Костомаровым, т. IV, стр. 201 и 202. См. также В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М. 1881, стр. 554—555. В одном поучении говорится, что „попы играют в шахи" (Жмакин, стр. 554).

38. А. Орлов. Домострой по коншинскому списку. М. 1908, стр. 10 (вторая нумерация).

39. Бычков. Цит. соч., стр. 114.

40. „Ведомо-де государю учинилось, что в Сибири, в Тобольску и иных Сибирских городех и уездех мирские всяких чинов люди и жены их, и дети... медведи водят и с собачками пляшут, и зернию и карты и *шахмат* и лодыгами играют...

„И великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, жалея о православных христианах, велел о тех богомерзких делах заказ учинить, чтобы православные христиане от такого бесовского действия отстали... и зернию, и карты, и *шахматы* и лодыгами не играли... и, изломав, те бесовские игры велеть жечь... И ты бы тех людей велел бить батоги, а которые от такого бесчинья не отстанут и выймут у них такие богомерзкие игры в другорядь, и ты бы тех ослушников велел бить батоги". При ослушании в третий раз следует такое же наказание. Наконец, „вчетвертые ты б о том писал и тех ослушников с приставы присылал на Верхотурье" (Акты исторические. СПБ, 1842, № 35).

41. Сахаров. Сказания русского народа. 1849, стр. 5—118.

42. Описание документов и дел, хранящихся в архиве правит

синода, т. XI. СПБ, 1903, стр. 701. Дело № 467. Об имуществе бывших митрополитов Казанского Сильвестра, Коломенского Игнатия и других духовных персон. См. также И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 706.

43. В. Бублик. „История шахматной игры". „Нива". Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1909 г., № 12, стр. 635. У Бублика большей частью встречаются совершенно неправдоподобные сообщения, а факты искажаются им до неузнаваемости. На источники, как правило, автор редко ссылается. Нельзя также не отметить, что Максим Грек сам выступал против всяких „увеселений". В одной из обличительных проповедей он говорил: „аки христоненавистник татарин зернию играя..." (Сочинения Максима Грека, т. II. Казань 1860, стр. 242).

44. Очень интересное сообщение делает Бублик, если только можно ему верить на слово, так как опять указаний на источники он не делает: „Позднее, в начале XVII в., при более тесном соприкосновении с Польшею и Западом, шахматы потеряли характер старо-персидской игры, но еще долго, почти целое столетие, русские не могли привыкнуть к новым правилам, и утверждают, что благодаря смешению западной игры с московской, шахматы во времена первых Романовых были в упадке. Этому утверждению, исходящему из польских источников и гласящему о безынтересном отношении русских к шахматам и повсеместной замене их шашками, явно противоречит указание историка А. Олеария. Он говорит, что редко видел такое увлечение игрой и такое искусство играть; он же впоследствии сравнивает русских игроков с западными и называет первых искуснейшими игроками" (стр. 635). Сообщение Олеария Бублик излагает неверно (см. стр. 24). Савенков допускает, что русские в половине XVII в. могли уже играть по правилам, занесенным путем сношений с Западной Европой и Польшей (стр. 118).

45. Термин „шашечная большая игра", обозначающий шахматы, применялся весьма часто в XVIII веке. Очень интересно упоминание в народной песне, напечатанной в 1780 г., о „большой тавлейной игре" (см. стр. 50). Следует отметить, что шашки очень часто смешивались с шахматами, иногда в пользу шахмат, иногда в пользу шашек. Это смешение терминов было не только в XVIII веке (см., напр., у переводчика Франклина (стр. 54) или у Державина (стр. 304), но и в XIX веке. Отметим здесь же и другой старинный термин, установившийся, повидимому, в XVIII веке — *росшах*, т. е. шах конем королю и какой-либо фигуре одновременно.

46. В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. Возможно, что Даль заимствовал это название в „Словаре Академии". Очевидно, это правило применялось кое-где у малых народов, на что указывает следующее сообщение Гартвига (Der hohe Norden in Natur- und Menschenleben. Wisbaden 1858, стр. 224): „Тунгусы не рокируют, и ферзь у них не делает скачков коня" (см. примечание 159). Таким образом, можно предположить, что у некоторых народов ферзь имел право ходить и как конь. Остается открытым вопрос, не сказалось ли здесь влияние русских.

47. Саргин, стр 52.

48. Encyclopédie méthodique ou pas ordre de matières [etc], tome III. Paris, 1792. Article „Echecs", стр. 72.

49. Мэррей, стр. 385. Следует, однако, указать, что это правило существовало одно время и в Западной Европе (вероятно заимствовано у арабов).

50. Account of Russia (Hakluyt, 1589), стр. 412. В шахматной библиографии впервые указано Мэрреем, стр. 382.

В шахматной библиографии имеется упоминание, что Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в Московии (1517 и 1526 гг.) в качестве посла австрийских императоров Максимилиана I и Карла V, писал: „В Московии много играют в шахматы в продолжение сильных морозов, господствующих в северной столице („Шахматный Листок“, 1880 г., стр. 269; „Шахматное Обозрение“, 1892 г., стр. 305). Однако, в „Записках“ Герберштейна ни слова не говорится о шахматах. „Свидетельство“ Герберштейна, впервые приведенное Жаном Гэ, в его книжке (Bibliographie anecdotique du jeu des échecs. Paris, 1864, стр. 202), остается на совести автора.

51. В. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1866, стр. 17.

52. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. СПБ, 1909, стр. 57. Описание Горсеем последних минут царя цитировалось, как наиболее достоверное, русскими историками (Карамзин, Соловьев). К. Валишевский пишет, что царь пригласил сыграть с ним в шахматы Бориса Годунова (Иван Грозный, М. 1911, стр. 467). А. В. Терещенко (Быт русского народа, ч. IV. СПБ, 1848, стр. 79) указывает на князя Бельского. См. также „Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии“, ч. III. СПБ, 1799, стр. 83.

53. Горсей, стр. 59. Имеется указание, однако, без ссылки на источник, что в шахматы играл и другой клеврет Ивана IV, Малюта Скуратов: „Известно, например, что царь Иоанн Грозный, в минуты хорошего расположения духа, любил играть в шахматы и даже учил этой игре своего наперсника Малюту Скуратова“ („Петербургская Газета“, 1895 г., № 327, от 28/XI. Впоследствии было перепечатано „Шахматным Журналом“ в 1895 г.).

54. Мэррей, стр. 383.

55. De russorum religione, ritibus, nuptiarum, funerum [etc]. Спира 1581. Приведено также в шахматном руководстве Густава Селена „Das Schach oder Königspiel [etc] “ (1616, стр. 39). На показания Одерборна ссылается в небольшой исторической заметке о шахматах в России А. Терещенко (Быт русского народа, ч. IV, стр. 78—79). Свидетельство Одерборна Линде считает „некомпетентным и варварским“. (Geschichte, т. II, стр. 175). См. также примечание 56.

56. Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевод П. Барсова. М. 1870, стр. 726. Нами использован более точный перевод В. И. Нейштадта в его статье „Сказания иностранцев о шахматах в России“ („Шахматный Листок“, 1930 г., № 13, стр. 214). Как и показание Одерборна, свидетельство Олеария подвергается критике Линде, согласного с мнением Ф. Амелунга, что шахматы Олеарий, как и другие иностранцы, путает с шашками. См. подробнее статью Саргина „Немцы о шахматах в России“ („Шахматный Вестник“, 1916 г., № 2, стр. 23—28 и № 3, стр. 41—45) и указанную выше статью В. И. Нейштадта.

57. Otto von Mirbach. Briefe auf und nach Kurland während der Regierungsjahre des Herzogs Jacob. Mitau. 1844, ч. II, стр. 95.

58. Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. С латинского перевел Алексей Станкевич. М. 1905, стр. 149. В. И. Нейштадт в цитированной нами выше весьма интересной, но спорной статье „Сказания иност-

ранцев о шахматах в России“ не согласен с нашим толкованием отрывка Рейтенфельса, на который мы указали еще в „Истории шахматной игры в России“. Л. 1927, стр. 23—24. Однако, ознакомление с латинским оригиналом Рейтенфельса (De rebus Moschoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii 1680) только подтвердило наше первоначальное мнение. В. И. Нейштадт считает, что Рейтенфельс был большим знатоком шахматных терминов и поэтому для пояснения менее понятного выражения „ludus latrunculorum“ дал более ясное „schachiae proeliis“. Мы же полагаем, что у Рейтенфельса речь идет именно о „ludus latrunculorum“, или игре, известной под названием „разбойники“, весьма схожей с шашками, а его пояснение „schachiae proeliis“ только ввело в заблуждение В. И. Нейштадта. Для подтверждения нашего толкования укажем, что в главе 6 книги II Рейтенфельс употребляет не этот термин, а совершенно неожиданно наш русский: „schachmatti“ (schachmatti, ut vocant, hoc est, ludum illum Persicum—и т. д., ч. II, стр. 100 латинского оригинала). Таким образом, ясно, что Рейтенфельсу не было никакой необходимости в другом месте применять какие-либо описательные названия, если бы он захотел упомянуть именно о шахматах, в которые якобы играют „почти все время и старики и дети“.

59. Рейтенфельс, стр. 85.

60. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam [etc]. Нюренберг, 1689, стр. 99. Русский перевод И. Ивакина „Описание путешествия польского посольства в Москве в 1678 году. М. 1891, стр. 103. Впервые этот источник указан Мэрреем, а русский перевод—В. И. Нейштадтом.

Когда книга была уже подписана к печати, я нашел еще одно сообщение иностранца, подтверждающее высокую шахматную культуру русских в XVII в. В 1656 г. Алексеем Михайловичем было отправлено в Венецианскую республику посольство во главе с стольником И. И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым. О времяпрепровождении московских послов мы узнаем из донесений своему правительству прикомандированного к посольству А. Серристори: „Во время праздничных дней... послы не ездили к обедне, а целый день остаются дома... напевают себе в полголоса и играют в шахматы (в русском тексте „scacchi“ переведены „шашки“), что и составляет лучшую их доблесть, и действительно, они играют в эту игру, как слышно, в совершенстве“ (Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники, с русским переводом М. Д. Бутурлина. М. 1871, стр. 12—13 и 186).

61. G. Touchard-Lafosse. Chronique de l'Oeil-beuf, ч. 1, стр. 206. Русский перевод, „Летопись круглого окна“, т. II. СПБ, 1873, стр. 125.

Относительно шахматных выступлений русских за рубежом имеется еще одно интересное, но, к сожалению, не проверенное известие: „Особенно же отличался искусной своей игрой в шахматы при царе Федоре Алексеевиче думный дворянин Леонтий Тяпкин. Будучи в Варшаве в качестве представителя в Польше царя Федора Алексеевича, Тяпкин должен был ехать на коронацию Яна Собесского в Краков. Денег же у него не было ни гроша, ибо он был страшный кутила. „Хоть бы в шахматы кого-нибудь обыграть“, — говорил он одному из польских своих приятелей. Тот указал Тяпкину на одного из приближенных к Яну Собесскому, графа Людвиговского, богатого польского магната и страстного любителя шахматной игры. Тяпкин и Людвиговский сразились. Играли они целые сутки. В результате граф Людвиговский проиграл Тяпкину в шахматы около 30 000 десятин земли близ Варшавы. Землю эту Тяпкин на другой же день

продал". („Петербургская Газета", 1895 г., № 327). Однако, это несколько анекдотическое известие освещается русским историком С. М. Соловьевым иначе. Действительно, Тяпкин, будучи резидентом в Польше, жаловался одному из своих приятелей на отсутствие денег для поездки на коронацию, однако, деньги были добыты не путем игры в шахматы. „Нашел, наконец, Тяпкин двоих добрых людей, у которых занял денег под заклад последней служилой рухлядишки, и отправился в Краков" (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М. 1863, стр. 275).

Весьма подозрительно также следующее сообщение: „Король Сигизмунд, во время пребывания его в Тушинском стане, частенько сражался в шахматы с боярами: Михаилом Глебовичем Салтыковым, Федором Ивановичем Мстиславским и князем Иваном Куракиным. Между прочим, он проиграл Салтыкову в шахматы несколько тысяч золотых, но так как Сигизмунд был вообще скуп, то он вместо денег приказал боярской думе возвратить Салтыковым отобранные у них поместья и дозволил им выбрать в Москве лучшие дома" („Петербургская Газета", 1895 г., № 327).

У Бублика (стр. 636) указывается, что „боярин Федор Никитич Романов, впоследствии патриарх Филарет, был любителем игры, о чем сохранилось предание в Троице-Сергиевской лавре". Но по обыкновению этого автора, источник не приведен.

62. „Русский Архив", 1872 г., стр. 1423.

Показания Вебера об ассамблеях совершенно точны. В 1719 году последовал указ о неслыханных дотоле собраниях обоего пола, названных ассамблеями. Устройство ассамблей, на которые могли приходить все дворяне, чиновники, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с семьями, проводились по определенному регламенту. Они устраивались следующим образом. В одной комнате танцовали; в другой — размещались столы с трубками, табаком и бутылками с вином; третья комната предназначалась для игры в шахматы и шашки. Ассамблеи устраивались также и в частных домах, у вельмож, которые старались подражать царскому двору.

В одной рукописи современника „О поступках и забавах Петра" отмечается, что „все знатные особы расписаны по дням, и в которые после полудни его величество приезжает и веселится, называемая ассамблея. Забавляются в карты, и в шахматы, и в тавлеи" (Русские анекдоты военные и гражданские, изданные Сергеем Глинкою, ч. II, М. 1822, стр. 23). См. также В. В. Майков. Поступки и забавы Петра Великого. СПБ, 1895, стр. 11.

63. Дневник Ф. В Берхгольца, ч. I, М. 1902, стр. 172.

64. Там же, ч. II, стр. 12.

65. Там же, ч. II, стр. 70.

66. Там же, ч. II, стр. 109.

67. Альбен Боди. „Петр Великий на водах в Спа в 1717 году". „Древняя и Новая Россия", 1880 г., март, том XVI, стр. 589. Об игре Петра за границей говорится и в „Походном журнале 1716 г." (стр. 79, 94, 97 — 100).

68. Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark. William Coxe. London, 1802, 5 изд., ч. I, стр. 384.

69. И. Г. Георги. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПБ, 1794, стр. 656.

70. Саргин, стр. 163, примечание 189.

71. „Россия сто лет назад". 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса.

„Русская Старина“, 1877 г., май, стр. 36. Об игре в шахматы Потемкина указывает также Ф. Амелунг в журнале „Baltische Schachblätter“ (вып. I, стр. 16 и вып. VIII, стр. 441). Бублик в цитированной уже статье сообщает еще, что „Бернулли, посетивший Петербург в 1777 г., передает, что он присутствовал на шахматной игре, участие в которой, помимо многих русских вельмож, принимал и наследный хан киргизский, приглашенный для этого Потемкиным“. Речь может итти о Якове Бернулли из Базеля (1759—1789), который по окончании своего образования переехал в Петербург, где был профессором математики. Какие воспоминания Бернулли имеет в виду Бублик — нам неизвестно. Вообще, к историческим рассказам, в которых не имеется ссылок на источники, следует относиться весьма скептически. Характерным примером могут служить исторические сведения, перепечатанные „Шахматным Журналом“ за 1895 г. из „Петербургской Газеты“. Некоторые отрывки мы выше цитировали. Приведем еще один из истории XVIII века. „При дворе Екатерины II шахматы были в большом фаворе. Придворный ювелир Позье в записках своих говорит, что однажды Олсуфьев, статс-секретарь императрицы Екатерины II, проиграл бывшему в то время английским посланником в Петербурге Чарльзу Гюнбри в шахматы в одну партию 5 000 рублей“. Единственный раз анонимным автором была сделана ссылка на источник, но, увы, в „Записках“ Позье, опубликованных в журнале „Русская Старина“ (1870 г., т. I), ни слова не говорится о шахматах.

72. И. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М. 1869. Материалы, стр. 35, 53, 54.

73. Его же. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Изд. 3-е, ч. I. М. 1895, стр. 725 и 727.

74. Его же. Домашний быт русских цариц. Материалы, стр. 60.

75. Его же. Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 682.

76. Его же. Домашний быт русских царей, ч. I, стр. 269—270.

77. Его же. Домашний быт русских цариц, стр. 132.

78. Там же, стр. 150.

79. Его же. Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 88.

80. Там же, стр. 577. В „росписи казне Алексея Алексеевича“ числились „шахматы в пяти мешках“ (там же, стр. 597).

81. См. у Забелина, ч. II, стр. 579, 581, 584.

82. Его же, ч. I, стр. 238. См. также Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст. СПБ, 1887, стр. 206—207. В августе 1675 г. бранденбургский посол Иоахим Скультет подарил Алексею Михайловичу драгоценные шахматы, которые несли 4 человека (Beschreibung der zwoten Gesandschaft, welche Ioachim Scultetus, 1675 nach Russland angetreten. Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von A. F. Büsching, ч. IX. Halle 1775, стр. 26. См. также Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников в России до 1700 г. и их сочинений, ч. II. М. 1864, стр. 216.

83. Забелин, ч. I, стр. 562.

84. С. Веселовский. „Азартные игры, как источник дохода Московского государства в XVII в.“, стр. 297, 307 и 311 („Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому“. М. 1909).

85. Там же, стр. 306.

86. Государственный архив феодально - крепостной эпохи. Приказный стол, столбец 1061, лл. 113—115. В кратком извлечении было сообщено впервые В. Шереметевским в статье „Темное царство“ (Черты из жизни московского Китай-города XVII века). „Русская Ста-

рина“, 1910, ноябрь, стр. 293—294. В шахматной литературе впервые указано В. И. Нейштадтом („Шахматный Листок“, 1930 г., № 13).

87. „Киевская Старина“, 1884 г., № 11, стр. 490.

88. „Русская Старина“, 1892 г. февраль, стр. 456.

89. Полное собрание русских законов, т. IX. СПБ, 1830, стр 20.

90. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым, ч. I, СПБ, 1885, стр. 219.

91. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. I. М. 1872, стр. 26, 50, 65, 70, 136. Впоследствии шахматный инвентарь Петра пополнялся комплектами шахмат иностранной работы. В заграничном путешествии он приобрел несколько дорогих шахматных наборов. В официальных документах мы читаем: Июня 12. „Куплены шахматы костяные, даны два гульдена“. 27 мая 1717 г. „Сергееву же заплачено за шахматы, купленные для его величества, 4 ливра (Там же, т. II, стр. 13 и 61).

92. См. „Известия Академии Наук“, 1926 г., № 9, стр. 655—678.

93. Петров в своей работе „История Санкт-Петербурга“, СПБ, 1885, стр. 101, предполагает, что фамилия Битки была Подарский, а за искусство выигрывать в шахматы Петр прозвал его „поп-битка“. По М. П. Пыляеву („Старое житье“, СПБ, 1882, стр. 22) его фамилия—Хрисанфов.

94. „Собор“ состоял из председателя, носившего громкий титул „князя-папы“ или „всешутейшего патриарха“, 12 „кардиналов“ с громадным штатом „епископов“, „архимандритов“ и прочих „духовных лиц“. Каждый из них носил свое нецензурное прозвище. Вся компания эта предавалась разгулу, пьянству и обжорству.

95. „Ссылка князя Меньшикова в 1727 г.“ Приложения. „Отечественные Записки“, 1860 г., том 131, стр. 423—425.

96. В анекдотической литературе (из анекдотов Штеллина) рассказывается, что с Петром играла в шахматы его кума генеральша Наст. Вас. Бобрищева-Пушкина („Шахматное Обозрение“ 1893 г., стр. 47). К числу „непроверенных“ сведений относится следующее: „Адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, во время войны Петра I с Карлом XII, все свободное свое время проводил за шахматами. Постоянными его партнерами были граф Головкин и Шафиров. Играли они на крупные суммы, причем Шафиров проиграл Апраксину даже золотую табакерку, пожалованную ему Петром I. Император, узнав о проигрыше Шафирова, прислал ему берестяную тавлинку при письме: „коль не скоро в разуме был ты уберечь мой дар тебе из золота чеканного, то береги оную берестяную тавлинку, из коего табак будет тебе по твоему носу впору“ („Петербургская Газета“, 1895 г., № 327). См. также А. Башуцкий. Панорама Санктпетербурга, ч. II. СПБ, 1834, стр. 239.

97. Внутренний быт русского государства. М. 1880, стр. 214.

98. „Рассказы из записок Я. И. Санглена“. „Русская Старина“, 1883 г., т. XL, стр. 147. См. также Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России, ч. III. М. 1830. Примечания, стр. 77—78.

99. Записки Л. П. Энгельгардта. М. 1867, стр. 50. А. Г. Брикнер. Потемкин. 1891, стр. 269.

100. „Baltische Schachblätter“, вып. I, стр. 16 и вып. VIII, стр. 441—444.

101. „Россия сто лет назад. 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса“. „Русская Старина“, 1877 г., май, стр. 31. См. также примечание 71.

102. „Русский Архив“, 1876 г., № 9, стр. 18.

103. „Исторический Вестник“, 1899 г., т. 75, стр. 74.

104. William Coxe, ч. I, стр. 384.

105. „Шахматный Листок", 1862 г. стр. 186.

106. Рукопись хранится в Государственной Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и издана в весьма кратких извлечениях. См. еще „Русская Старина", 1874 г., апрель, стр. 688; 1885 г., т. 47, стр. 374, а также Записки княгини Дашковой. СПБ, 1907, стр. 174.

К царствованию Екатерины II относится также первое известие о „живых шахматах" в России, следующего содержания: „В 1796 году, по случаю приезда в Петербург шведского короля Густава IV, граф Александр Сергеевич Строганов устроил великолепный праздник в своем великолепном загородном дворце, в нынешнем Строгановском саду. Праздник этот удостоила своим присутствием сама императрица Екатерина II, приехавшая к Строганову вместе со шведским королем. Между прочими развлечениями граф Строганов устроил в саду живую шахматную партию. На большой лужайке, покрытой зеленым и желтым дерном, правильными квадратами в 64 клетки, расставлены были слуги графа, одетые в средневековые костюмы желтого и зеленого цветов. Живые фигуры расставлены были на соответствующие игре места. Самою игрою руководили Лев Нарышкин и гр. Остерман. Зрелище было очень оригинальное и чрезвычайно понравилось царственным гостям Строганова" („Петербургская Газета", 1895 г., № 327). Источник этого сообщения не указан.

107. И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М. 1873, стр. 473.

108. Семена Порошина записки, СПБ, 1881, стр. 212, 232, 274, 280, 289.

109. Jean Gay. Bibliographie anécdotique du jeu des échecs, стр. 155—156.

110. Oppen. „Lebensgeschichte eines Türken". „Schachzeitung", 1850 г., стр. 266.

111. М. П. Пыляев. Замечательные чудаки и оригиналы. СПБ, 1888, стр. 255—257.

112. „Baltische Schachblätter", вып. VIII, стр. 444.

113. „Записки А. М. Тургенева". „Русская Старина", 1885 г., т. 47, стр. 381 и 383.

114. „Материалы и черты к биографии имп. Николая I", под ред. Н. Дубровина. Сборник исторического русского общества, т. 98, стр. 45—46.

Имя Александра II в „истории" шахмат нам встретилось только один раз. Во время наших архивных занятий удалось обнаружить одно „дело", из которого видно, что для пополнения коллекции русского царя предлагались шахматы исключительно тонкой китайской работы, однако „государь император не соизволил на приобретение шахматов" (так в подлиннике). (Ленинградский архив народного хозяйства. Фонд министерства императорского двора, дело № 42).

115. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. Под редакцией А. Е. Грузинского. Т. II., М. 1910, стр. 110. Илья Муромец — центральная фигура былинного эпоса, обычно рисуется в былинах как „крестьянский сын". Образ „Калина царя" навеян, повидимому, народными преданиями о битве при Калке (1224 г.), в которой русские потерпели жестокое поражение от татар. Велеи, или тавлеи — шашки. Смешение терминов „шахматы" и „шашки" — довольно обычное явление в былинах.

116. Рыбников, т. I, стр. 267.

117. Рыбников, т. I, стр. 53 — 54. Слово „ступень" значит „ход", — термин, постоянно встречающийся в былинах, как равно

и „заступ“. Сборник Кирши Данилова, под редакцией П. Н. Шеффера. СПБ, 1901, стр. 55; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПБ, 1873, стр. 721; Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПБ, 1904, стр. 119.

118. Возможно, что в основе былины о Ставре лежит исторический факт заточения Владимиром Мономахом новгородских бояр, в числе которых летописи упоминают имя некоего сотского Ставра. Киевский князь Владимир Мономах (1113—1125) — тезка Владимира „Святого“ (980—1015), являющегося историческим прототипом былинного Владимира „Красного Солнышка“.

119. Рыбников, т. II, стр. 60 и 612; Гильфердинг, стр. 265; Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием В. Ф. Миллера. М. 1901, стр. 384—385, 513—514. В некоторых вариантах былин о Потыке, вместо шахмат, часто говорится: „играют в шашечки кленовые“.

120. Сборник Кирши Данилова, стр. 145; Киреевский, вып. 5, стр. 43; Ончуков, стр. 303.

121. Рыбников, т. II, стр. 533, 640 и 666. Гильфердинг, стр. 169, 1066, 1142, 1207, 1313. В былине о Чуриле очень выпукло представлены торгашеские замашки богача-героя — игра на крупную ставку. Ставка в других вариантах еще более высокая.

122. Рыбников, т. I, стр. 510; Гильфердинг, стр. 544.

123. Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, т. I. СПБ, 1895, стр. 411.

124. Ончуков, стр. 157.

125. Соболевский, стр. 413.

126. Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под редакцией В. Ф. Миллера. М. 1908, стр. 224; Сборник Кирши Данилова, стр. 45 и 135.

127. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XVIII столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Выпуск первый. СПБ, 1899, стр. 69.

128. Там же, стр. 157—158. Последняя пословица в XVIII веке несколько видоизменилась: „шахматы играют — своих берегут“ (из сборника 1749 г.; см. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М. 1848, стр. 464).

129. „Шахматное Обозрение“, 1893 г., стр. 157.

130. Из „Словаря“ Даля. См. „Шахматное Обозрение“, 1893 г., стр. 157. В начале XVII века не только слово „мат“, но и „шахматы“ вошло уже в обиход. В официальных документах указывается о настиле полов „в шахмат“, „сукна шахматные разных цветов“ и т. д. (И. Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. I. М. 1895, стр. 589, 590, 591, 594, 596, 643, 655).

131. Саргин, стр. 203.

132. Записки И. Д. Якушкина. Изд. 7-е М. 1926, стр. 13—14.

133. „С.-Петербургские ведомости“, 1822 г., стр. 17. Повторное объявление такого же содержания — в № 24, стр. 330.

В одном из №№ „С.-Петербургских Ведомостей“ за 1811 год можно прочесть следующее объявление. „Извещаются любители художеств о продаже необыкновенно редкой шахматной доски, сделанной из разноцветных янтарей с 40 янтарными шашками. В каждом четыреугольнике внизу выделаны искуснейшею рукою разные виды, а поверхность оных выполирована, о чем спросить на Невском проспекте против театра в доме Головина, взойдя в ворота, на правой руке, у живущего во флигеле в 3-м этаже“.

134. Иностранная литература не только выписывалась, но и приобреталась на месте во время неоднократных поездок русских дворян-шахматистов за границу. Многие русские шахматисты подчас подолгу проживали в западных европейских странах. Так, в Риме был посланником шахматист князь Гагарин (в польском журнале „Tygodnik Illustrowany“, 1895 г., № 4 помещена иллюстрация с картины, изображающей польского поэта Мицкевича за шахматами с Гагариным); в 50-х и 60-х годах за границу неоднократно наезжали русские шахматисты Г. А. Кушелев-Безбородко, В. М. Михайлов, Н. Д. Ахшарумов и др.; в 40-х годах в парижских шахматных кругах подвизались Лобанов и Погожев, а впоследствии И. С. Тургенев, М. С. Бескровный и др.; в 60-х годах играли в Лондоне в шахматы секретарь посольства П. А. Сабуров, А. Моод, И. Ф. Александровский и др.

135. Коху в составлении его учебника помогал русский военный комиссар в Саксонии в 1812 г. Э. Мантейфель, балтийский шахматист.

136. Бутримов, очевидно, имел в виду эту брошюру когда писал в предисловии к своему шахматному учебнику, что его „описание шахматной игры... *почти* первое на отечественном языке“. Статья „A moral of chess“ в шахматной литературе впервые упоминается Р. Твиссом в его двухтомнике „Chess“ (London, 1787—1789), а затем была переведена на немецкий язык (1794). Русский переводчик, очевидно, пользовался для своего перевода следующим изданием: „Mémoires complets, oeuvres morales et littéraires de B. Franklin“. Переводчиком была выпущена небольшая вводная историческая часть. Употребление переводчиком названия шашечной игры вместо шахматной — довольно обычное явление даже в начале XIX века (см. примечания 45 и 137; см. также „Вестник Европы“, 1803 г., № 1, стр. 42—43).

137. Во второй части перевода книги Галле (стр. 335—340) дается описание автомата Кемпелена, в пятой части (стр. 566) указан способ обхода конем по всем клеткам шахматной доски. В шестой части (стр. 568—575) приведены шесть задач Сальвио под названием: „Проигрыш в шашки чрезвычайный“.

138. Стоит упомянуть, что даже в 1880 г. был издан „учебник“ под следующим названием: „Практическое руководство, чтобы правильно, верно, со всеми тонкостями играть без проигрыша в шахматы, шашки, бильярд, кегли, лото, триктрак, домино, лапту, крокет и бирюльки“.

139. „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft“, 1852 г., стр. 395—400. В сокращенном изложении статья была напечатана под названием „Нечто о шахматной игре в Петербурге в былые времена“ в „Шахматном Листке“, 1880 г., № 7—8, стр. 209. Известный русский шахматист Шумов по поводу закрытия журнала „Шахматный Листок“ выразился следующим образом „В стране карточной это понятно“ („Всемирная Иллюстрация“, 1870 г., № 54, стр. 39).

140. „Шахматный Листок“, 1876 г., № 1.

141. Записки Д. Н. Свербеева, т. I, стр. 234. Разговор относится к началу 60-х годов. Стоит, однако, отметить, что Бахтин был членом шахматного клуба в 50-х годах.

142. В „Московском Вестнике“ (1827 г., ч. IV, стр. 228—230) появилось даже шахматное стихотворение. Весьма интересно, что слон здесь назван „дураком“,—очевидно, под влиянием французского термина fou (сумасшедший). Отдельные мелкие заметки помещены: „Московский Вестник“ (1830 г., ч. I, стр. 134—139), „Литературная Газета“ (1831 г., т. III), „Молва“ (1833 г., № 41—45), „Живописная Энциклопедия“ (1847 г., стр. 350—351) и т. д. Из более значительных вещей на шахматные темы, появившихся в 40—60-х годах, отметим: истори-

ческую повесть Н. В. Кукольника (относится к XVI ст.), изданную в 1841 г. под псевдонимом Грамотова (имеется отзыв В. Г. Белинского в „Отечественных Записках, 1841 г., № 11); статьи А. И. Кронеберга под заглавием „Шахматы“ („Современник“, 1850 г., №№ 7, 8 и 9); статью А. И. Стойковича „Шахматы“ („Отеч. Записки“, 1853 г., т. 89, отд. VII; статья была написана в связи с открытием шахматного клуба в Петербурге в 1853 г.); повесть Н. Д. Ахшарумова „Игрок“ („Отеч. Записки“, 1858 г., вышла затем в 1859 г. отдельным изданием) и т. д. Иногда шахматные энтузиасты, в связи с какими-либо шахматными событиями (матч по телеграфу между Петербургом и Дерптом, открытие шахматного клуба и т. д.) выступали с пространными статьями. См. выше статью Стойковича, статьи „любителя шахматов“ в „Литературном прибавлении к Русскому Инвалиду“ (1838 г., № 52; 1839 г., № 13) и т. д.

143. „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft“, 1856 г., стр. 243. Шахматный отдел в „Санктпетербургских Ведомостях“ был открыт следующей редакционной статьей: „Действительно, из всех игр одни шахматы, не переставая быть приятным развлечением, отдохновением ума во время досуга, имеют, однако же, свою науку, свою литературу и археологию, даже свое поэтическое творчество в так называемых шахматных проблемах. Наши соотечественники никогда не отставали от иностранцев в сочувствии к этой поучительной игре, и в самом шахматном искусстве; учрежденное с 1853 года с разрешения правительства Общество любителей шахматной игры в Санктпетербурге занимает почетнейшее место между подобными обществами в других государствах.

„Согласно желанию многих русских любителей и по примеру некоторых иностранных изданий, „Санктпетербургские Ведомости“ будут отныне помещать в особой статье замечательнейшие партии, игранные в здешнем шахматном обществе и за границей, между лучшими игроками, а также любопытнейшие проблемы с их решениями“ („Санктпетербургские Ведомости“, 1856 г., № 41).

144. „Отечественные Записки“, 1839 г., № 11; „Сын Отечества“, 1839 г., т. XII; „Литературная Газета“, 1840 г., № 21.

145. „Шахматный Листок“, 1859 г., № 1.

146. „Маяк современного просвещения и образованности“, ч. II. СПБ, 1840, стр. 14. Курсив подлинника.

147. „Московский Городской Листок“, 1847 г., март. См. также М. С. Коган. „Шахматы в Старой Москве“. „Шахматно-шашечный альманах, под редакцией Вл. Нейштадта. М. — Л. 1931, стр. 34 — 35.

148. „Искра“, 1861 г., № 22, стр. 606 и № 49, стр. 721—727.

149. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 42 СПБ ценсурного комитета по прошению гр. Кушелева-Безбородко о разрешении издавать „Шахматный Листок“, Характерно, что в журнале об этом факте рассказывалось с „невинным видом“ „Согласно желанию некоторых любителей шахматной игры, с прошлого месяца открыта подписка на „Шахматный Листок“, независимо от подписки на „Русское Слово.“ („Шахматный Листок“, 1862 г., стр. 135).

150. Григорий Александрович Кушелев-Безбородко (1832—1870) воспитывался в Александровском лицее, а затем „служил“ в канцелярии комитета министров. Благодаря своему богатству, Кушелев-Безбородко в 50—60-х годах „задавал тон“ не только в русских шахматных кругах, но и в иностранных, главным образом, во французских. Он был почетным членом различных европейских шахматных клубов, его портрет висел в Café de la Régence; французский журнал „La Régence“

писал о нем восторженные статьи (см., напр. 1860 г., стр. 93, 374—5). На средства Кушелева-Безбородко была организована в различные европейские города, в том числе и в Петербург, гастрольная поездка венгерского мастера И. Колиша, который сопровождал русского мецената в качестве „секретаря“.

Кушелев-Безбородко является автором книги „Очерки, рассказы и путевые заметки“ (2 тома, СПБ, 1867—68), в которой имеется несколько шахматных воспоминаний (см. т. II, стр. 17—20 и 154—156).

151. „Шахматный Листок“, 1859, стр. 192. См. также 1859 г., стр. 1, 1860 г., стр. 105; 1862 г., стр. 76.

152. Петр Александрович Сабуров в 60-х годах, будучи секретарем русского посольства в Лондоне, посещал местный шахматный клуб (Сен-Джорджский). В 1860 г. во время гастролей Колиша в Лондоне был организован между ними матч до 6 выигранных партий, причем Сабуров получал вперед коня. Колиш выиграл все шесть партий, не сделав даже ни одной ничьей. С 80-х годов до Октябрьской революции Сабуров в Петербурге принимал участие в организации шахматных обществ, сначала в качестве председателя, а затем „почетного“ председателя.

После революции Сабуров участвовал в подпольной контрреволюционной работе. „Одно время его квартира как будто служила убежищем для скрывавшегося А. Ф. Керенского (об этом в свое время много писалось в советских газетах). Так как П. А. Сабуров, находясь в преклонном возрасте, успел умереть, то дело о нем было прекращено“ (А. Ф. Ильин-Женевский. Международное рабочее шахматное движение. „Библиотечка шахматиста“, № 28, М. Л. 1931, стр. 9).

153. Газета „Новости“ от 11 января 1892 г. Отдел „Летучая хроника“.

154. Этот инцидент подробно изложен в „Шахматном Обозрении“ за 1903 г., стр. 58—61 и 170—171.

155. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 56 канцелярии Главного управления по делам печати по изданию г. Чигориным журнала под названием „Шахматный Листок“.

156. „Шахматное Обозрение“, 1904 г., стр. 5. Отчет о поездке Передольского был напечатан в изложении К. Купфера в газете „St. Petersburger Zeitung“, откуда был перепечатан в журнале „Deutsche Schachzeitung“, 1904 г., стр. 31—32.

157. Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 340 и 508. В „Уральском Следопыте“ (1935 г., № 9) указывается, между прочим, об изобретении одним камчадалом особой игры, переделанной из шашечной.

158. John Dundas Cochrane. Narrative of a Pedestrian journey through Russia and Siberian Tatary. London, 1824, стр. 319.

159. D-r Georg Hartwig. Der hohe Norden in Natur- und Menschenleben. Wisbaden, 1858, стр. 244. Русский перевод С. А. Усова. М., 1863, стр. 227—238 и П. А. Федорова, СПБ, 1897, стр. 195—196. Отметим, что перевод Федорова местами произвольно „исправляет“ оригинал. Например, переводчик пишет: „эта игра ведется у них несколько иначе, чем в Европе“; у Гартвига нет ничего в этом роде.

160. Craufurd's Sketches relating to the Hindoos. London, 1792, т. II, стр. 204.

161. Johann Ludwig Wagners Schicksale, während seiner unten den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763 [etc], Berlin, 1789, стр. 60. См. также Е. Петровский. „Ссылка прусского почтдиректора Вагнера в Сибирь (1759—1763)“. „Древняя и Новая Россия“, 1875 г., № 5, стр. 50.

162. Travels of the Jesuit Fathers Huc and Gabet. London, 1856, т. XX, стр. 531. Перевод сделан по Мэррею, стр. 369. Имеется русский перевод с французского: „Путешествие через Монголию в Тибет“ (М. 1866).

163. А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 162; „Воспоминания А. П. Беляева“, „Русская Старина“, 1881 г., апрель, стр. 818; Декабристы. Новые материалы и статьи. Сборник. М. 1925, стр. 137.

164. В статье М. С. Когана „Шахматы в среде декабристов“ („Шахматный Листок“, 1925 г., № 18) упоминалось о петербургском шахматисте Гантимурове, уроженце Читы, утверждавшем, что сильнейшие из бурятских шахматистов давали ему вперед коня. Сам Гантимуров считался в Петербурге шахматистом приблизительно 2-й кат.

165. О шахматах в Тибете см. у Мэррея, стр. 368—369.

166. A. Linde. Geschichte und Literatur des Schachspiels, т. II, стр. 136 и 141.

167. Craufurd, стр. 204.

168. P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. СПБ, 1776, т. I, стр. 157. См. также W. Tooke (Russia. London, 1780—1783, стр. 39 и 499): „калмыки играют в шахматы так же, как и мы.“

169. В. Небольсин. „Очерки быта калмыков хошоутовского улуса“. „Библиотека для чтения“, 1852 г., июль, отд. III, стр. 11—12.

170. А. Антонов. „Шахматная игра у калмыков“. „Шахматный Журнал“, 1892 г., № 3—4, стр. 119—120; № 5—6, стр. 197—199.

171. Указываем соответствующие источники: „К этнографическим материалам о шахматной игре у урянхайцев или сойот“, „Шахматное Обозрение“, 1904 г., № 72—76; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1. Л. 1926, стр. 103; Ф. Я. Кон „Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю“. „Известия вост.-сиб. отдела русского географического общества“, т. XXXIV, 1903 г., № 1, стр. 48. Грумм-Гржимайло утверждает, что среди кочевников Средней Азии шахматы не пользовались популярностью; исключение составляли сойоты и кобдинские дöрбёты (стр. 103 и 235).

172. Савенков, стр. 53.

173. Савенков, стр. 55—56.

174. И. Орбели и К. Тревер. Шатранг. Книга о шахматах. Л. 1936, стр. 144—151.

175. „Всемирный путешественник“, 1874 г., стр. 67. В. В. Верещагин. „От Оренбурга до Ташкента, 1867 и 1868 гг.“. Савенков высказывает предположение, не кроется ли здесь „какая-нибудь древняя эволюционная форма шахматной или шашечной игры“ (стр. 41). См. также статью П. Комарова „Туркестанские шашки“ („Шахматное Обозрение“, 1893 г., стр. 250).

176. А. Н. Черневский. „Шахматы в Туркестане“. „Шахматный Листок“, 1877 г., стр. 268.

177. „Наши соседи в Средней Азии“. (Сборник). Хива и Туркмения. СПБ, 1873, стр. 55—56.

178. H. Lansdell. Russian Central Asie, t. II. London, 1885, стр. 444 (примечание). Указано Мэрреем.

179. Орбели и Тревер, стр. 148—149. Снимок такого рода шахмат см. у Меррея, стр. 361. См. еще Г. М. Каспарян „Шахматы в Армении“ „Шахматы в СССР“, 1938 г., № 5.

180. „Linguistique de l'échiquier russe“. „Palamède“, 1842 г., стр. 163—165.

181. См. „Handbuch“ Бильгера, изд. 1874 г., стр. 503.

182. „Россия сто лет назад. 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса", „Русская Старина", 1877 г., май, стр. 31.

183. „Baltische Schachblätter", вып. I, стр. 11, 15—16.

184. И. Г. Георги. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПБ, 1794, стр. 634.

185. Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 138.

186. „Столетняя годовщина рождения барона П. Л. Шиллинга". „Истор. Вестник", 1886 г., № 6, стр. 714. Упоминание о выигрыше „в несколько ходов" лишь подчеркивает наивность этого рассказа.

187. В. И. Фантон. Воспоминания, т. II. Лейпциг, 1862, стр. 22.

188. См. Воспоминания Д. В. Григоровича. Лгр. 1928, а также Воспоминания А. Панаевой. Лгр. 1928, стр. 312 и 353.

189. В „Шахматном Листке" (1863 г., стр. 299) указывается: „В двадцать первом году в Петербурге образовалось нечто вроде шахматного клуба, и с самого основания этого общества Петров занимал в нем первое место".

190. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта Дело № 459 департамента полиции исполнительной за 1852 г.

191. „Chess society in St. Petersburg". „Chess Player's Chronicle", т. XIV, 1853 г., стр. 177—178. Заметка об открытии шахматного клуба в Петербурге 27 марта 1853 г. была помещена также в достаточно „почтительных" тонах и в немецком журнале „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft" (1853 г., стр. 177—179) под названием „Die neue Schachgesellschaft in St. Petersburg". В „Санктпетербургских Ведомостях" (1853 г., № 75) появилась хроникерская заметка следующего содержания: „27 марта сего года, в 8 часов пополудни, в доме графа Кушелева-Безбородко, происходило открытие новоучрежденного в здешней столице, с дозволения правительства, Общества любителей шахматной игры. По провозглашении действительных членов, было приступлено на основании § 3 устава Общества, к избранию трех старшин, и в эту должность по 27 марта 1854 года избраны единогласно: генерал-адъютант барон Мейендорф, генерал-лейтенант Клюпфель и тайный советник граф Кушелев-Безбородко, а в должность секретаря, на основании § 9 устава избран надворный советник Яниш". Далее следует список 42 членов Общества.

192. „С.-Петербургские Ведомости", 1856 г., 3 января, № 2. Здесь помещена большая статья под названием: „Обед, данный в честь Э. И. Тотлебена в Обществе любителей шахматной и военной игры, в С.-Петербурге 5/XII—1855 г.". В иностранной шахматной прессе также восторженно сообщалось об этом большом „шахматном" событии („Schachzeitung", 1856 г., стр. 173—174).

193. „Из дневников Я. П. Полонского". „Голос Минувшего", 1919 г., № 1—4, стр. 104.

194. Л. А. Мей. Полное собрание сочинений. М. 1887, т. I, стр. XXXIII.

195. „Rivista di Scacchi", 1857 г.

196. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 459 департамента полиции исполнительной за 1852 г.

197. О медленном угасании шахматного клуба говорилось и в шахматной прессе: „В последние два года Петербург совершенно охладел к умнейшей и благороднейшей из игор; шахматный клуб, так блестяще начавший свое существование, пустел с каждым днем и в настоящее время существует только по имени" („Шахматный Листок", 1859 г., стр. 25). Приблизительно в таких меланхолических тонах о фактическом закрытии клуба сообщал петербургский корреспондент

в немецкий журнал „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft" (1859 г., стр. 80): „Игра процветала только в частных кругах, тогда как шахматное общество в течение шести месяцев никем не посещалось. К новому русскому году оно было фактически закрыто, помещение сдано, обстановка продана. Юридически оно еще существовало, но вряд ли ему удастся вновь реорганизоваться и достичь былого блеска. Все дело в том, что в столице вообще очень трудно и связано со многими формальностями дело организации общественного кружка или клуба".

198. Известная партия Морфи против герцога Брауншвейгского и графа Изуара была играна в 1858 г. в оперном театре в Париже во время представления „Севильского цирюльника".

199. А. Ф. Писемский. Масоны. См. также А. А. Вонлярлярский, Магистр. СПБ, 1853, стр. 256.

200. „Литературная кофейня в Москве в 1834—40 гг.". „Русская Старина", 1886 г., т. 50, стр. 181—198 и 691—706.

201. А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1898, стр. 220.

202. П. Д. Боборыкин. „За полвека". „Русская Мысль", 1906 г., № 2, стр. 23.

203. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 165 департамента полиции исполнительной за 1841 г. См. также „Саратовский Край". Выпуск первый. Саратов, 1893 г., стр. 353.

204. „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft", 1855 г., стр. 320—321. См. также стр. 162.

205. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 520 департамента полиции исполнительной л. 9 об. Довольно характерно упоминание о шахматах в „Уставе Киевского дворянского клуба" (Киев, 1864, § 35): „В комнате, назначенной для чтения, не дозволяется разговаривать громко, читать вслух и играть в какие-либо игры, кроме шахматов, как в игру самую молчаливую".

206. А. Шилов. „Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения (1861—1862 гг.)". „Красный Архив", 1926 г., т. 14, стр. 107.

207. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПБ, 1905, стр. 223.

208. „Книга и Революция", 1922, № 6 (18), стр. 14.

209. М. И. Михайлов. Записки. 1922, стр. 25; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). Academia. 1934, стр. 293.

210. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под редакцией М. К. Лемке, т. XV, П. 1920, стр. 324—325.

211. М. С. Коган. Шахматы в жизни русских писателей. Л.—М. 1933, стр. 69. В комментариях к новому изданию воспоминаний Пантелеева (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Редакция и комментарии С. А. Рейсера М.—Л., 1934, стр. 705) С. А. Рейсер также присоединяется к нашему предположению.

212. „П. Л. Лавров в агентурных донесениях „секретных сотрудников" III отделения. Материалы для биографии П. Л. Лаврова, вып. I—II, Пгр., 1921 г., стр. 77. На полях агентурного донесения имеется пометка: „Вельяшев, кроме того?", свидетельствующая о раздумьи начальства,—можно ли удовлетвориться одним агентом.

213. Л. Ф. Пантелеев, стр. 224: „Чтобы поддержать новое детище, Чернышевский в известные дни весьма усердно посещал его и всегда имел перед собой столик с шахматами". О Чернышевском см. также стр. 339. О Благосветлове в донесении агента от 27 января 1862 года говорится: „В Шах-клубе, куда Чернышевский ездит постоянно, иногда в 11 часов вечера, первенствует некто Благосветлов" (Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов, стр. 109). Это восхитительное

„некто“ свидетельствует о крайнем невежестве „секретного сотрудника“ III отделения. Г. Е. Благосветлов (1824—1880), в то время редактировавший крупный ежемесячный журнал „Русское Слово“, сумел превратить этот журнал в идейный боевой орган революционно-демократического направления (в том же 1862 году журнал был приостановлен на 8 месяцев, а в 1866 году закрыт вовсе).

214. „Шахматный Листок“, 1862 г., стр. 7. Агентам удалось выкраст при помощи подобранного ключа список членов клуба, который бы препровожден в III отделение. Список этот не сохранился (Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов, стр. 111).

215. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов, стр. 116. На донесении агента о турнирах на полях имеется глубокомысленная пометка начальника III отделения кн. Долгорукова: „Любопытно узнать, в чем будут состоять первые турниры?“. Извещение о турнирах появилось в газете „С.-Петербургские Ведомости“ (1862 г., 25 марта).

216. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов, стр. 109, 114, 117, 118.

217. Полное собрание сочинений Н. Г. Помяловского, изд. 10-е. СПБ, 1903, т. I, стр. XLI.

218. Л. Ф. Пантелеев, стр. 224.

219. „Воспоминания“ П. Д. Боборыкина. „Минувшие Годы“, 1908 г., № 5—6, стр. 53.

220. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов, стр. 111. О финансовых затруднениях клуба можно судить также из следующего извещения старшин клуба, в котором они „покорнейше просят гг. членов, внесших за этот год лишь полугодовую плату, поспешить взносом второй половины его, вследствие уплат, предстоящих обществу“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1862 г., 3 апреля).

221. „С.-Петербургские Ведомости“, 1862 г., 6 июня. Через несколько дней в газетах появилось следующее объявление: „Вследствие распоряжения санктпетербургского военного генерал-губернатора от 6 июня 1862 г. старшины „Общества любителей шахм. игры“, не имея возможности пригласить гг. членов общества на общее собрание, честь имеют известить их, что имущество общества будет ликвидировано, о дне публичной продаже его будет публиковано в газетах, а по окончании распродажи старшины не замедлят напечатать для общего сведения гг. членов отчет о своих действиях“ (Там же, 1862 г., 19 июня). Распродажа имущества была назначена на 17 июля.

222. Стоит упомянуть о том, что организатор этого пасквиля в свое время сам сильно увлекался шахматной игрой. См. М. С. Коган. Шахматы в жизни русских писателей, стр. 15.

223. Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году [Секретное ведомственное издание]. Т. II. СПБ, 1862, стр. 511—515.

224. „Nouvelle Régence“, 1862 г., стр. 249.

225. Jean Gay. Bibliographie anecdotique du jeu des échecs. Paris, 1864, стр. 31. Дата приведена у автора неточно.

226. Материалы для биографии П. Л. Лаврова, стр. 85.

227. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 50 Департ, полиции исполнительной по прошению любителей шахм. игры в СПБ об утверждении устава сего общества (1869 г.).

228. Там же. Устав нового клуба представлял собою переработку устава, выработанного в 1857 году.

229. Об открытии клуба была помещена пространная корреспонденция Ф. Бранта в журнале „Schachzeitung“ (1869 г., стр. 237—238). В дальнейшем деятельность клуба довольно подробно освещалась

Брантом на страницах этого журнала (см., напр., 1870 г., стр. 72—75). См. также „Всемирная Иллюстрация", 1870 г.,№ 53, приложение.

230. По описи дел, хранящихся в ленинградском архиве внутренней политики, культуры и быта по фонду департамента полиции исполнительной (1869 г., дело № 44) мы установили, что имелись материалы об „Уставе Соединенного Немецкого собрания и собрания любителей шахматной игры", однако, очевидно, они не сохранились. См. также „Всемирная Иллюстрация", 1870 г., № 94, стр. 719.

231. Ленинградский областной исторический архив. Канцелярия СПБ градоначальника. Переписка об открытии т-ва „Доминик".

232. М. С. Коган. „Чигоринский Петербург". „Шахматы в СССР", 1937 г., № 3, стр. 89.

233. „Шахматный Листок", 1876 г., № 1, стр. 14.

234. В ресторане Мильбрета проводился турнир в 1878—79 г.

235. В Ленинградском областном историческом архиве мы натолкнулись на любопытное „дело", достаточно красочно характеризующее „доминиканские" нравы. В нем фигурирует протокол, составленный полицией на подравшихся между собою шахматистов, из которых один был студентом, а другой инженером (Канцелярия СПБ градоначальника. Переписка об открытии т-ва „Доминик", л. 17—27).

236. „Всемирная Иллюстрация", 1877 г., № 435, стр. 358.

237. „Всемирная Иллюстрация", 1879 г., № 521, стр. 14—15.

238. Подробности о жизни и распаде „О-ва любителей шахматной игры" приведены в нашей статье „Чигоринский Петербург" („Шахматы в СССР", 1937 г., № 3, стр. 90—92).

239. „Новое Время", 1892 г. 12 января. Подписана эта гнусная заметка псевдонимом „Петербуржец".

240. „Шахматный Журнал", 1891 г., № 6, стр. 120.

241. Саргин, стр. XII (примечание 379).

242. „Шахматное Обозрение", 1892 г., стр. 89.

243. См. П. А. Россиев. „Артистический кружок в Москве". „Исторический Вестник", 1912 г., № 5, стр. 482—489; № 6, стр. 878—901; № 7, стр. 111—136.

244. За год до открытия „Шахматного Журнала" в московской периодической прессе впервые появился шахматный отдел,—в иллюстрированном журнале „Зритель",—под редакцией А. Моода. Издание ежемесячного шахматного журнала предполагалось в Москве еще в 1872 году купцом Шапошниковым под редакцией С. В. Голицына и Н. П. Острогорского (отдел композиции), и даже было уже получено надлежащее официальное разрешение; однако, по каким-то неизвестным нам причинам это издание так и не было осуществлено. В Ленинградском архиве внутренней политики, культуры и быта (Дело № 156б главного управления по делам печати за 1871 г.) хранится соответствующее „дело", из которого видно, что разрешение было выдано 24 января 1872 г.

245. „Шахматный Вестник", 1885 г., стр. 12.

246. Начал выходить в 1891 году (под редакцией П. П. Боброва и Д. И. Саргина), первоначально под названием „Шашечница". Выходил с перерывами до 1904 года. В связи с петербургским международным турниром вновь издавался в 1909—10 гг. См. М. С. Коган, „Из далекого прошлого". „Шахматы в СССР", 1937 г., № 8.

247. Единственное исключение представляли шахматные кружки в Прибалтийском крае. Наиболее оживленно протекала деятельность дерптского (юрьевского) шахматного кружка, одного из старейших в Прибалтике, на родине известного шахматиста Л. Кизерицкого.

Здесь в студенческие свои годы подвизался ряд поколений шахматистов. Еще в 1776 году здесь выступал за шахматной доской друг бессмертного Гете, впоследствии генерал русской службы, Ф. Клингер; затем идут К. Кнорре (1816—21), К. Розенбергер (1825—1829), Н. Шпейер (1825—1829), Е. Шмидт (1840—44); потом Гутсейт, Ашарин, Клеменц, Нерлинг, Гельвиг и другие. Много способствовал шахматному процветанию Дерпта Кизерицкий, проживший здесь до 1840 года. О большой культуре рижских шахматистов свидетельствует, например, большой фельетон „Наши шахматные дела“ Александра Иванова („Рижский Вестник“, 1873 г., от 17 ноября, № 255), в котором автор, между прочим, указывает: „Педагогическое значение шахмат никогда еще не было оценено по достоинству, между тем как известная культура ума, склонность к точному мышлению, здоровый перевес его над фантазией и чувством,—все эти свойства разумного воспитания применяются в шахматной игре и отчасти развиваются ею. Самый склад характера, известная сдержанность, способность к напряженному применению воли—имеют влияние на игру и, в свою очередь, подвергаются ее взаимодействию“. Если это и не оригинальные мысли автора, то все-таки они необычны для того времени в России.

Подробности о шахматной жизни в Прибалтийском крае см. „Baltische Schachblätter“, вып. I—XII. В конце XIX и начале XX века бурными темпами развивается шахматная жизнь в городах русской Польши, особенно в промышленной Лодзи (вырастившей А. К. Рубинштейна).

248. М. А. Шабельский, впоследствии шахматист I категории и видный шахматный литератор. См. некролог о нем в „Шахматном Обозрении“ за 1909 г., № 83—86, стр. 271.

249. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело СПБ цензурного комитета 1885 г., № 47.

250. „Шахматное Обозрение“, № 83—86. Отметим также неудачную попытку организации в 1908 г. Всероссийского шахматного союза ревельского общества „Чигорин“.

251. Здесь подразумевается А. Д. Петров.

252. „Литерат. прибавления к Русскому Инвалиду“, 1837 г., № 18.

253. Впоследствии эта партия была напечатана в руководствах Яниша („Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs“, ч. II, стр. 42) и Шифферса („Самоучитель шахматной игры“, 5-е изд., стр. 52), а также в английском журнале „Chess Player's Chronicle“ (1843 г., стр. 319).

254. „Palamède“, 1838 г., стр. 115—116; 1839 г., стр. 23—29. Парижский клуб, отвечая согласием на первоначальный вызов Яниша, прислал свой первый ход в одной партии.

255. Подробно о нем см. „Baltische Schachblätter“, 1890 г., вып. 2, стр. 55—87. Кстати отметим, что племянник Кизерицкого, тоже шахматист (и составитель задач), жил одно время в Н.-Новгороде.

256. См. „Северная Пчела“, 1838 г., № 240 и след.; „Литературные прибавления к Русскому Инвалиду“, 1839 г., № 3 и след. В журнале „Baltische Schachblätter“, 1890 г., вып. 2. стр. 94—95, приведены обе партии. Одна партия напечатана в „Analyse“ Яниша (ч. I, стр. 70). В немецком журнале „Schachzeitung“ (1850 г., стр. 171) в отделе „Wirklich gespielte Partien“ под № 250 приведена партия Кизерицкий—Яниш, причем указывается, что она была прервана на 20-м ходу в виду внезапного отъезда Кизерицкого из Дерпта. Чтобы уяснить взаимные шансы, партия была доиграна между Шумовым и Янишем и закончилась ничьей. Матч освещался также в газетах „Petersburger Zeitung“ и „Dörptsche Zeitung“.

257. О Шумове см. подробно стр. 166—167. В. В. Пеликан был также составителем задач. Д. С. Стерну приходилось играть и с иностранцами. В 1849 году он пробыл в Париже восемь месяцев и не без успеха выступал в турнирах в Café de la Régence. Во время существования петербургского шахматного клуба он считался одним из сильнейших шахматистов. См. о нем „Шахматный Листок“ (1860 г., стр. 26) и „Schachzeitung“ (1849 г., стр. 220).

258. В. М. Михайлов (ум. в 1882 г.)—редактор первого русского шахматного журнала „Шахматный Листок“ (1859—1863), деятельный член петербургского шахматного клуба; в 1858 г. был в Риме, где играл с знаменитым итальянским шахматистом Дюбуа. К. О. Розенбергер учился в Дерптском университете (1825—1829) и подвизался в студенческом шахматном кружке; играл с Кизерицким; автор нескольких задач.

259. А. И. Максимов был деятельным членом петербургских шахматных кружков. В октябре 1879 г. им был представлен в министерство внутренних дел проект устава Общества любителей шахматной игры. Максимов играл в Париже с Гаррвицем. Фамилия Калашникова часто встречается в числе участников турниров 70—80-х годов. Н. А. Михайлов, повидимому, генерал; с ним в 60-х годах играл во время своего пребывания в Петербурге Ф. Амелунг.

260. Во всех указанных нами турнирах принимало участие большое количество шахматистов, среди которых мы находим иногда писателей и общественных деятелей. Приводим установленные нами имена, за исключением уже названных в тексте: Г. О. Моравский, А. В. Пеликан, А. С. Муханов, В. И. Беккер, Ф. И. Видеман, М. О. Збиковский, Н. И. Петровский (впоследствии известный шахматист), О. И. Корбут (впоследствии председатель шахматного клуба), Д. Б. Броневский (старшина шахматного клуба 50-х гг.), Н. Д. Ахшарумов (писатель, брат известного петрашевца), Л. Ф. Минкус, Э. У. и В. У. Быковские, С. Н. Буйницкий, А. Н. Попов, А. Н. Филиппов, Д. Н. Белевцов, Э. А. Шмитт (автор многочисленных задач, которые он печатал главным образом в немецком журнале „Schachzeitung“).

261. В. Г. Лизель, тогда еще молодой шахматист, в 80—90-х годах считался одним из сильнейших шахматистов I категории. Последнее его выступление относится к 1911 г.—в побочном турнире всероссийского съезда. Под конец жизни ослепнув, он еще продолжал играть в шахматы. Умер в годы революции. Н. Нерлинг незадолго до турнира приехал из Дерпта, где играл в студенческом шахматном кружке. Об остальных см. ниже.

262. А. Ф. Гельвиг в 1878 г. приехал из Дерпта, где играл в студенческом шахматном кружке. В 1881 году принял участие в Haupt-турнире в Висбадене и попал в группу победителей. Умер в 1885 г. (см. о нем еще стр. 106). А. Моод нередко играл в Лондоне с сильнейшими мастерами. В 1860 г. он играл с Колишем, получая от него вперед коня, но по условию должен был выиграть 6 партий из 9. Результат матча + 3—3 = 1. В том же году он проиграл Колишу + 3—5. Моод был редактором первого шахматного отдела в московской периодической печати—в юмористическом журнале „Зритель“ (с 1881 г.). Уржумцев впоследствии переехал в Петербург и считался шахматистом 2-й категории. Он принимал также деятельное участие в петербургской шахматной жизни. О Соловцове и Шмидте см. соответствующие разделы в очерке о современниках Чигорина.

263. Всего со Шмидтом Чигорин играл 4 матча, из которых им были выиграны три, а один (матч из „легких“ партий) окончился в ничью.

264. Талантливый шахматист I категории, которому только преждевременная смерть помешала выдвинуться в число сильнейших шахматистов дореволюционной России; издавал в 1890 г. журнал „Шахматы".

265. Сильный шахматист первой категории. Впоследствии участвовал под псевдонимом „Алексеев" в I, II и V всероссийских турнирах; в Haupt-турнирах Бармен 1905 г. и Гамбург 1910 г. попал в группу победителей.

266. Вот что писал, например, „Шахматный Журнал": „Предполагавшийся турнир первого призера (?), которого решено было отправить за счет Общества в Москву на Всероссийский турнир, не состоялся ввиду некоторых обстоятельств, которые, кажется, и вообще заставят петербургских игроков уклониться от поездки в Москву".

267. Шеве был специально приглашен в Варшаву для матча с Флямбергом, но так как последний был призван на военную службу, то немецкий мастер совершил гастрольную поездку в Петербург и Москву.

268. Подробности о его пребывании в Москве см. в альманахе „Черный Король" (М. 1902).

269. Редакцией журнала „Шахматное Обозрение" был выпущен турнирный сборник под редакцией М. И. Чигорина. О турнире см. также корреспонденции Лашина в „Московских Ведомостях" (№№ 246—248, 250—259, 262—265 и 269 за 1903 г.), частью перепечатанные „Шахматным Обозрением" (1903 г. № 64—65). В этих корреспонденциях, в тонах, соответствующих реакционному направлению „Московских Ведомостей", подробно освещалась бытовая сторона турнира.

270. См. „Шахматное Обозрение", 1903 г., № 46—65.

271. Петербургским шахматным собранием был выпущен турнирный сборник.

272. IV Всероссийский шахматный турнир. СПБ, 1907, стр. 37.

273. В 1907 году был выпущен в свет „Первый альманах Лодзинского общества любителей шахматной игры", в котором помещены все партии матча Чигорин—Сальве и Лодзинского четверного матч-турнира.

274. См. также „Шахматное Обозрение", 1909 г., № 79—82, стр. 4.

275. В 1910 году был издан сборник партий Петербургского конгресса.

276. Начало межстуденческих соревнований в Петербурге относится к 1891 году, когда шахматный кружок студентов Университета провел матч на 12 досках со студентами Технологического Института; матч этот был выигран Университетом со счетом $+5-2=5$. В описываемую нами пору первенство по шахматам в студенческом Петербурге прочно держал Технологический Институт, „столовка" которого являлась как бы общегородским центром шахматной самодеятельности петербургского студенчества.

277. Турнирный сборник на русском языке не выходил. Лучшее издание—на немецком языке. Dr. Tarrasch. Das Grossmeister-Turnier zu St. Petersburg im Jahre 1914. Leipzig 1916.

278. Отметим результаты турниров русских шахматистов, выехавших в Германию летом 1914 года в связи с международным турниром в Мангейме и интернированных немцами после объявления войны: I) Баден-Баден, 1914 г.: 1. Флямберг, 2. Боголюбов, 3. И. Рабинович, 4—5. П. Романовский и Селезнев, 6. Малютин, 7. Вайнштейн; II) Триберг, 1914 г.: 1. Боголюбов, 2. Рабинович, 3. Романовский, 4. Флям-

берг, 5. Селезнев, 6. Вайнштейн; III) Триберг, 1915 г.: 1. Боголюбов, 2. Рабинович, 3. Флямберг, 4. Селезнев, 5—6. Вайнштейн и Романовский; IV) Триберг, 1915 г. (т. н. „Английский турнир", организованный на средства Британской шахматной федерации): 1. Боголюбов, 2. Селезнев, 3. Рабинович, 4. Флямберг, 5. Малютин, 6. Вайнштейн; V) Триберг, 1915 г. (гамбитный): 1. Боголюбов, 2—3. Рабинович и Селезнев, 4. Флямберг, 5. Малютин, 6. Вайнштейн; VI) Триберг, 1916 г.: 1. Рабинович, 2. Боголюбов, 3. Селезнев, 4—5. Вайнштейн и Фарни (Швейцария), 6. Малютин. Из небольших случайных турниров, проводившихся в России в годы войны, заслуживают быть отмеченными четверной киевский турнир летом 1914 г. (I—Эвенсон, II—Боголюбов) и московский турнир в октябре 1915 г. (I—Алехин, II—Ненароков, III—Иорданский и т. д.).

279. Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 367 (примечание).

280. Там же, стр. 362.

281. Там же, стр. 365—366, 367. Материалами для биографии И. А. Соколова могут служить также рассказы А. Д. Петрова „Сцены из жизни шахматных игроков" („Отечественные Записки", 1844 г., октябрь, и „Иллюстрация", 1845 г., № 11), которые впоследствии неоднократно перепечатывались русскими и иностранными шахматными журналами. См. еще Записки Д. Н. Свербеева, т. I, М. 1899, стр. 215—216.

282. Нам сдается, что за этой „глупостью" скрывался вполне определенный умысел—подставить ножку своему сослуживцу. Свербеев, повидимому, и завидовал Петрову и недолюбливал его.

283. Записки Д. Н. Свербеева, т. I, стр. 232—233.

284. Подробно о чиновничьей карьере Петрова см. „Русский биографический словарь", том Павел—Петр. СПБ, 1902, стр. 656.

285. „Из записок А. Д. Петрова". „Всемирная Иллюстрация", 1873 г., № 220, стр. 195.

286. Записки Д. Н. Свербеева, т. I, стр. 233. В одном из писем Петрова, относящемся к концу 1855 года, по поводу болезни Паскевича, читаем: „Последнее время я ему проигрывал в шахматы, — и он однажды сказал мне: — Кажется, я лучше стал играть, только это не надолго" (К. А. Висковатов. „Князь Иван Федорович Паскевич". „Русская Старина", 1890 г., т. 66, стр. 703).

287. См., например, „Deutsche Schachzeitung", 1867 г., стр. 197.

288. Петров следующим образом описывает свой образ жизни в Варшаве: „утром в канцелярии, а после обеда в замке до утра. Так прошли 15 лет. Теперь только образ жизни моей изменяется". („Русская Старина", 1890 г., т. 66, стр. 703).

289 „Шахматный Листок", 1860 г., стр. 96—97.

290. „La Nouvelle Régence", 1863 г., стр. 217.

291. „Шахматный Листок", 1863 г., стр. 302—306.

292. „Записки Н. В. Берга. Польское восстание в 1863—1868 гг.". „Русская Старина", 1879 г., т. XXIV, стр. 230, примечание 1.

293. Парижский шахматист, сотрудник шахматных журналов „Palamède" и „La Nouvelle Régence".

294. „Шахматный Листок", 1928 г., № 14. См. также заметку А. С. „Судьба Морфи" (Шахматный Листок", 1930 г., № 10) и статью М. Н. Волковыского „Пауль Чарльз Морфи" („Шахматы в СССР", 1937 г., № 6).

295. „Русская Старина", 1879 г., т. XXIV, стр. 230; „Всемирная Иллюстрация", 1871 г., № 123. Впоследствии эту легенду воскресил издатель шахматного журнала А. К. Макаров.

296. „Шахматный Листок“, 1860 г., стр. 97.

297. „Записки Н. В. Берга“. „Русская Старина“, 1879 г., т. XXIV, стр. 230 и 235.

298. Там же, стр. 239.

299. „Шахматный Листок“, 1863 г., стр. 45—46. В „Шахматном Листке“ (1863 г., стр. 46—48) перепечатаны корреспонденции из „СПБ. Ведомостей“, подробно излагающие эпизод с пленением Петрова. В исторической повести А. И. Лемана „Анна Пустовойтова“ использованы записки Берга в той части, где говорится о Петрове („Исторический Вестник“, 1903 г., август—ноябрь).

300. Отметим главнейшие из работ Петрова: „Фантастический рассказ (истинный анекдот). Сцены из жизни шахматных игроков“ („Отечественные Записки“, 1844 г., октябрь), имеется перевод Яниша на французский язык: „Scènes de la vie d'un amateur d'échecs. Fragment d'une biographie autentique“ („Palamède“, 1845 г., стр. 67), на английском языке встречается впервые в сборнике шахматных рассказов „Chess for Winter Ewenings“, by H. R. Agnel (Нью-Йорк, 1846 г.); „Сцены из жизни шахматных игроков“ („Иллюстрация“, 1845 г., № 10). Оба эти рассказа, в которых много исторической истины, впоследствии неоднократно перепечатывались русскими и иностранными журналами. К области художественной переработки шахматных мотивов относится также „Сказка про греческого царя Паламеда, как он воевал с персидским царем и какой сделал ему мат“, написанная в 1847 г. („Шахматный Листок“, 1879 г., стр. 262—267). Из чисто мемуарной литературы: „Краткий очерк моей шахматной жизни“, „Воспоминания А. Д. Петрова,“ „Воспоминания об Александре Гофмане“ („Шахматный Листок“, 1860 г., № 22; 1861 г., № 29; 1863 г., № 60); „Из записок А. Д. Петрова“ (Всемирная Иллюстрация“, 1873 г., т. IX, стр. 195). Кроме того, Петровым напечатана статья „Краткое описание четверной шахматной игры с крепостями“ („Шахматный Листок“, 1862 г., № 44), первоначально появилась в переводе Яниша на немецком языке „Das Vierschache mit Festungen“ („Schachzeitung“, 1850 г., стр. 377), „Наставление молодым шахматистам“ [об игре не глядя на доску] („Иллюстрация“, 1858 г., стр. 376) и издано „Руководство к основательному познанию шашечной игры, или искусство обыгрывать всех в простые шашки“ (СПБ, 1827); вышло в свет без имени автора с эпиграфом „Honny soit qui mal y pense“ (первое шашечное руководство на русском языке).

301. В одной из петербургских газет появилось сообщение, в котором анонсируется, что „некоторое общество любителей шахматной игры“, учитывая возрастающий интерес к шахматам, предполагает перевести на русский язык один из популярных французских учебников (имеется в виду, конечно, „Analyse“ Филидора). Можно предполагать, что Петров и имел первоначально в виду перевести при содействии Яниша учебник Филидора.

302. „Этот ход не хорош“, — указывает Петров в своем учебнике (стр. 55—56).

303. К области теоретических изысканий Петрова относятся также статьи, посвященные гамбиту слона („Schachzeitung“, 1849 г., стр. 324 и 1855 г., стр. 271) и гамбиту Муцио („Шахматный Листок“, 1862 г. № 45).

304. Jaenish's Chess Preceptor: a new analysis of the openings of games. London, 1847 и „A complete translation (in two volumes) of the celebrated analysis of the openings of the game of chess, published at St. Petersburg in 1843. Vol. I. Cambridge, 1855—56 (т. II не вышел)

Отзывы на учебник появились не только в иностранной прессе, но и в русской; см. „Отечественные Записки“, т. XXV, раздел „Иностранная литература“, стр. 17.

305. Почти исчерпывающий список работ Яниша см. в „Шахматном Листке“ за 1876 г., № 3.

306. По замыслу автора предполагалось 4 тома.

307. „Записки Академии Наук“, т. V, кн. I. См. также отзывы в журналах: „Régence“, 1862 г., № 3, „Schachzeitung“, 1862 г., стр. 65—69, „Шахматный Листок“, 1863 г., № 60 и „СПБ. Ведомости“, 1862 г., № 37.

308. C. Sanson. Notice sur les ouvrages de M. de Jaenich [etc]. Paris 1869. Довольно обстоятельную биографию Яниша см. в статье Лазы „Deutsche Schachzeitung“, 1873 г., стр. 161—172 и 193—199.

309. О последних днях Яниша и краткой характеристике его личности сохранилось письмо Шумова к редактору французского журнала „Stratégie“ Прети (см. „Deutsche Schachzeitung“, 1872 г., стр. 241—243).

310. „Вестник Европы“, 1915 г., январь, стр. 5—6.

311. „Из воспоминаний князя В. И. Барятинского“. „Русский Архив“, 1904 г., № 11, стр. 460.

312. Религиозные расхождения между Толстым и Урусовым, который был православно-религиозен, вызывали иногда продолжительные размолвки, но не прерывали окончательно их многолетней дружбы.

313. „Всемирная Иллюстрация“, 1871 г., стр. 207.

314. „Из воспоминаний князя В. И. Барятинского“. „Русский Архив“, 1904 г., № 11, стр. 460—461.

315. Об этом факте сообщает также, — очевидно, на основании приведенного письма, — биограф Л. Н. Толстого А. Моод (The life of Tolstoi) и Илья Толстой в „Моих воспоминаниях“ (стр. 50).

316. „Шахматный Листок“, 1859—1861 гг., №№ 2—4, 6—10, 14—17, 27—31.

317. „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft“, 1857 г., стр. 131—135.

318. А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I. М. 1922, стр. 162.

319. „Математический Сборник“, 1857 г., т. II, вып. 3. Хотя Толстой и иронически относился к математическим анализам Урусова, однако он интересовался его работами. В одном из писем к Урусову Толстой спрашивал: „Как проблема коня?“ (Вестник Европы“, 1915 г., январь, стр. 11).

320. Производя это слово от scaho (по-новогречески — шахматы) и grapho (пишу), Шумов обозначает им искусство изображения на шахматной доске различных предметов или отвлеченных понятий (последних, разумеется, условно).

321. „Chess Player's Chronicle“, 1850 г., стр. 19.

322. Ленинградский областной исторический архив. Фонд № 131. Дело № 403.

323. Там же.

324. Саргин пишет о Чигорине: „По матери он был, как говорят, цыган. Это обстоятельство почему-то старательно обходится молчанием всеми его биографами и почитателями“ („Древность игр в шашки и шахматы“, стр. XII, прим. 379). Все эти разговоры мы относим к досужим домыслам праздной публики, порожденным атмосферой любопытства, окружавшей русского чемпиона. О происхождении Чигорина существовало много легенд.

325. М. С. Коган. „Чигоринский Петербург“. „Шахматы в СССР“, 1937 г., № 3.

326. Всеволод Малаховский. „Несколько страничек о прошлом Гатчинского Николаевского Сиротского Института“. „Исторический Вестник“, 1914 г., март, стр. 925.

327. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 38 IV отделения собственной е. и. в. канцелярии. О беспорядках по Гатчинскому институту.

328. „Исторический Вестник“, 1914 г., март, стр. 932.

329. Там же, стр. 926.

330. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 38 IV отделения собственной е. и. в. канцелярии. О беспорядках по Гатчинскому институту.

331. Там же. Малаховский в цитированных нами воспоминаниях иначе (и, надо полагать, неправдоподобно) рисует ход следствия, „Все воспитанники при приезде принца были собраны в актовом зале... Принц Ольденбургский обратился к нам с речью, увещевая указать виновников избиения Доливо-Добровольского. Молчание было ответом на это предложение. Тогда принц стал на противоположный конец залы и крикнул, как это он делал всегда, когда раздавал конфеты: — Дети, кто любит меня, сюда, ко мне! — и указал на свою грудь. Дети, конечно, побежали, торопясь и толкаясь, обгоняя друг друга, к принцу. Когда перебежало больше половины,— принц крикнул: — Довольно! Стойте! — И, указывая на оставшихся, произнес: — Вот они, зачинщики“ („Исторический Вестник“, 1914 г., март, стр. 933).

332. М. С. Коган. „Чигоринский Петербург“. Шахматы в СССР“, 1937 г., № 3. Параграф 83-й гласил: „Воспитанникам, выдержавшим экзамен для перехода из IV класса в V класс, а равно и воспитанникам трех высших классов, выбывающим из заведения по каким-либо причинам до окончания полного курса, предоставляется: 1) свидетельство об окончании IV класса; 2) казеннокоштные—60 р. экипировочных; 3) по поступлении на казенную службу, они не подвергаются испытанию для производства в первый классный чин.

333. Там же. Возможно также, что большое значение при исключении Чигорина сыграли и его неуспехи в учении. Начальство, очевидно, решило ждать до осени, чтобы выяснить результат переэкзаменовок Чигорина.

334. Август Августович Шуман родился 10 апреля 1807 года в городе Риге. Сын юриста, он получил юридическое образование в Дерптском университете, который закончил в 1834 году. Однако, он решил посвятить себя преподавательской деятельности и, сдав в июле 1834 года экзамен, получил диплом домашнего учителя с правом преподавать немецкий язык. В октябре 1841 года он поступил на должность классного надзирателя в Гатчинский институт, в котором одно время также преподавал немецкий язык.

335. „Исторический Вестник“, 1914 г., март, стр. 934.

336. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 56 канцелярии Главного управления по делам печати.

337. В одной газетной заметке, явно направленной против Чигорина, мы читаем, что Чигорин „когда-то служил штабным писарем. В качестве писаря, он, как водится, меланхолил и сентиментальничал, курил крученые папиросы „Слава“ и гулял при луне по Александровскому саду. Затем он внезапно почувствовал свое провиденциальное назначение, бросил службу и исключительно занялся публичною игрою в шахматы. При этом он счел почему-то необходимым „отпустить“ себе такую чудовищную шевелюру, за которую любой

парикмахер, не задумываясь, три рубля дал бы“ (Газета „Новости“ от 11 января 1892 г., отдел „Летучая хроника“; подписана эта пасквилянтская заметка псевдонимом „Фигаро“).

338. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Дело № 56 канцелярии Главного управления по делам печати.

339. В июле 1880 г. Чигорин взял в соиздатели известного типографа Р. Голике. Саргин, отрицательно относившийся к издательской деятельности Чигорина, писал: „Он начал издавать в 1876 г. „Шахматный Листок“ и жаловался потом на ничтожное количество подписчиков. Ему предлагали субсидию, но с условием: уплачивать ее по частям, по мере выпуска №№ „Листка“, — он не мог этого условия выполнить, и, конечно, субсидия была прекращена; так он и не создал прочного журнала. Если бы он стремился не только к славе первого игрока, но и к распространению шахмат, конечно, он вел бы дело не так“ („Древность игр в шашки и шахматы“, стр. XXI, прим. 391).

340. Со Шмидтом Чигорин сыграл еще 3 матча, из которых им было выиграно два (+4 —2; +3 =3) и один окончился в ничью (этот матч состоял из легких партий: +2 —2 =2).

341. Были также приглашены, но не смогли принять участия варшавский мастер С. А. Винавер и самарский шахматист А. Н. Хардин.

342. В международном турнире в Висбадене (1880 г.) участвовал еще Кнорре, астроном из Николаева, переселившийся на постоянное жительство в Берлин,

343. Games played in the London international chess tournament. 1883. Edited by J. I. Minchin. London, стр. XXVI. См. „Шахматный Вестник“, 1885 г., стр. 10.

344. Там же. В примечаниях Бэрда к партии Чигорин — Блэкберн, между прочим, указывалось: „Чигорин способен в случае надобности к точному и внимательному расчету, несмотря на то, что он, как известно, склонен к предприимчивой, смелой и блестящей игре“ („Шахматный Вестник“, 1885 г., стр. 131).

345. „Stratégie“, 1888 г., июнь. Между прочим, Стейниц в издававшемся им в Нью-Йорке журнале „International Chess Magazine“ заявил, что Чигорин не сумеет доказать выигрыша у Лондона. Он писал, что если кому-нибудь удастся доказать анализом выигрыш, то эту партию следовало бы признать выдающейся. А через некоторое время появился в „Stratégie“ анализ Чигорина.

346. „Всемирная Иллюстрация“, 1886 г., № 934, стр. 457.

347. „Шахматный Вестник“, 1885 г., № 6 (декабрь); см. также „Всемирная Иллюстрация“, 1886 г., № 892, стр. 162.

348. „Шахматный Вестник“, 1887 г., стр. 7.

349. „Deutsche Schachzeitung“, 1889 г., стр. 154. См. „Шахматы“, под ред. Н. Е. Митропольского, 1890 г., стр. 11.

350. „Шахматы“, 1890 г., стр. 11.

351. Ленинградский архив внутренней политики, культуры и быта. Фонд Туркестанского генерал-губернатора, дело № 1.

352. „Deutsche Schachzeitung“, 1890 г., стр. 95. См. „Шахматы“, 1890 г., стр. 28.

353. „Шахматное Обозрение“, 1892 г., стр. 6.

354. „Шахматы“, 1890 г., стр. 28. Сборники партий матча были выпущены на французском и английском языках.

355. Стейниц рекомендовал в гамбите Эванса за черных после ходов: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. b4 C : b4 5. c3 Ca5 6. 0—0 следующее усиление защиты: 6. . . . Фf6 7. d4 Kh6. В дебюте двух коней.

после ходов: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kf6 4. Kg5 d5 5. ed Ka5 6. Cb5+ c6 7. dc bc 8. Ce2 h6, по мнению Стейница, лучшее продолжение было 9. Kh3.

356. Матч по телеграфу был прерван на время матча Стейниц — Гунсберг (декабрь 1890 г. — январь 1891 г.).

357. „Новое Время", 1890 г., отдел „Шахматы" от 16 (28) июля 1890 г.

358. „Новое Время", 1891 г., отдел „Шахматы" от 11 и 14 марта.

359. „International Chess Magazine", апрель, 1891 г. Полный перевод двух статей Стейница о матче по телеграфу см. в „Шахматном Журнале", 1891 г., № 7—10, стр. 162—169. В „Шахматах" под ред. М. И. Чигорина, СПБ, 1892, печатались примечания Стейница (из его журнала) к текущим ходам по телеграфу, появлявшиеся непосредственно вслед за соответствующими ходами, и замечания к этим примечаниям Чигорина.

360. „British Chess Magazine", 1892 г., № 1. См. „Шахматный Журнал", 1892 г., стр. 48.

361. „El Pablo Morphy", 1892 г. № 7, апрель, стр. 154.

362. „International Chess Magazine", 1891 г., № 12. См. „Шахматный Журнал", 1892 г., стр. 157.

363. „Stratégie", 1892 г., № 3. См. „Шахматный Журнал" 1892 г., стр. 83. Подробные корреспонденции А де Бе (очевидно, де Беон — близкий знакомый Чигорина, в доме которого жил русский чемпион в Гаванне) о матче см. в „Шахматах" под ред. М. И. Чигорина СПБ, 1892.

364. „Rückblick auf den Wettkampf Steinitz — Tschigorin". „Deutsche Schachzeitung", 1892 г., стр. 190. См. „Шахматный Журнал", 1892 г., стр. 159.

365 „Шахматы" под редакцией М. И. Чигорина. 1891. СПБ, 1892, отдел 13 от 30 мая, 3 и 6 июня 1891 г.

366. Это письмо Чигорина Стейниц опубликовал в редактировавшемся им журнале „International Chess Magazine", 1891 г., № 4.

367. British Chess Magazine". 1892 г., № 1. См. „Шахматный Журнал", 1892 г., стр. 48.

368. Матч между Чигориным и Соловцовым впервые намечался уже задолго до того, еще в 1884 году, и даже был уже начат, но после двух партий (+1—1) был прерван, так как Соловцов в силу личных обстоятельств не мог продолжать игры.

369. C. v. B[ardeleben]. „Der Wettkampf Dr. Tarrasch — Tschigorin". „Deutsche Schachzeitung", 1893 г., стр. 349—350. См. „Шахматный Журнал" 1893 г., стр. 302—303; см. также отзыв о матче в журнале „Oesterreichische Lesehalle", 1893 г., стр. 332.

370. „Петербургский Листок", 1893 г. № 292. Это убеждение в выигрыше матча было высказано и в его книге „Dreihundert Schachpartien" (2-е изд., Leipzig, 1909, стр. 391). Ничейный исход матча Тарраш объяснял непривычным для него образом жизни, который он вынужден был вести в Петербурге.

371. Э. Шифферс. „Матч М. И. Чигорина с д-ром З. Таррашем", „Нива". 1893 г., № 47, стр. 1081.

372. Der Schachwettkampf zwischen Dr. S. Tarrasch und M. Tschigorin. Mit gründlichen Erläuterungen von A. Heyde. Berlin, 1893, стр. 3. К сожалению, комментарии к партиям составлены небрежно и обнаруживают невнимание и даже невежество их составителя, на что указывал и Чигорин. Лучшие комментарии принадлежат самому Чигорину (см. „Шахматы" за 1894 г.). Все партии также были напечатаны Таррашем в его книге „Dreihundert Schachpartien".

373. „Шахматный Журнал“, 1896 г., стр. 205.

374. „Шахматный Журнал“, 1897 г., стр. 184. Шансы Чигорина весьма высоко расценивались и иностранной шахматной прессой.

375. „Русский шахматный король“. Воспоминания о М. И. Чигорине Григория Ге. „Нива“, 1908 г., стр. 190—195.

376. М. С. Коган. „Чигоринский Петербург“. „Шахматы в СССР“, 1937 г., № 4.

377. Там же.

378. S. Tarrasch. Die moderne Schachpartie. Berlin, 1924, стр. 414.

379. О Шмидте см. некролог в „Шахматном Обозрении“, 1910 г., стр. 158.

380. О Бескровном см. некролог в „Шахматном Обозрении“, 1903 г., стр. 30.

381. О Хардине см. некролог в „Шахматном Обозрении“, 1910 г., стр. 65—66.

382. Об Ашарине см. некролог в „Шахматном Журнале“, 1897 г., стр. 17—19.

383. О Соловцове см. подробнее „Московский шахматный альманах“. М. 1894 г., стр. 5—11.

384. Об одном весьма любопытном эпизоде, связанном с именем Алапина, рассказывает Г. Ге в цитированных выше воспоминаниях о Чигорине: „Странствуя по лесам нашего запада (Алапин занимался лесными подрядами) и вычитав в газетах, что в Вене идет шахматный турнир [1882 г.], и что там играет великий Стейниц, Алапин, еще совсем молодой человек, не выдержал искушения и прямо с венского вокзала полетел в клуб. Войдя в залу и увидав за столиками игроков, Алапин спросил: кто Стейниц? Ему указали на почтенного старика. Не колеблясь ни секунды, Алапин кинулся к Стейницу и предложил ему партию в шахматы. Великий старец в ужасе попятился. Какой-то неизвестный, в высоких сапогах, кожаной куртке, запыленный, грязный, во время партии кидается на него с предложением играть! Это несомненно сумасшедший! — и Стейниц позвал на помощь. Алапина еле оттащили“ (стр. 193).

385. Многое в шахматной полемике Алапина и Чигорина объяснялось их личными взаимоотношениями. Г. Ге, вероятно, с полным основанием писал: „Алапин в России считался единственным, кроме Шифферса, серьезным соперником Чигорина и искренно уважал его, тем не менее боролся с ним настойчиво и иногда успешно. Слегка побаиваясь Алапина, Чигорин его недолюбливал и вечно спорил с ним. Особенно он не выносил авторитетных проповедей Алапина; алапинский апломб просто бесил его“ (стр. 193). О полемике Чигорина и Алапина по поводу гамбита Эванса см. еще „Шахматное Обозрение“, 1892 г., стр. 278 и 364.

386. См. „Шахматный Журнал“, 1893 г., стр. 81—86.

387. „Шахматное Обозрение“, 1893 г., стр. 93.

388. „Шахматное Обозрение“, 1892 г., стр. 217.

389. О Бугаеве см. некролог в „Шахматном Обозрении“, 1903 г., стр. 242—44.

390. О Гоняеве см. некролог в „Шахматном Обозрении“, 1892 г., стр. 111—116, 227—229, 285—286.

391. „Шахматный Листок“, 1924 г., стр. 109.

392. „Шахматный Листок“, 1925 г., стр. 82.

393. „Шахматный Листок“, 1924 г., стр. 158.

394. „Шахматный Листок“, 1927 г., стр. 119.

395. В справочных целях отметим турнир-чемпионат, проведенный группой московских шахматистов зимой 1919—20 года, в котором первое место занял Алехин (участвовавший, согласно договоренности, вне конкурса), а второе — Греков; чемпионат Петрограда, в котором победителем оказался И. Рабинович, и матч И. Рабинович — П. Романовский, состоявшийся в Петрограде в 1920 году и выигранный первым (+ 5 — 1 = 1).

396. Подробности об Олимпиаде см. в „Записках советского мастера“ А. Ф. Ильина-Женевского („Библиот. шахматиста“, № 6, Л. 1929).

397. Всероссийские „главные“ турниры московской олимпиады 1920 года и петроградского съезда 1923 года объединяли, по сути дела, лучшие шахматные силы всех советских республик. Поэтому после образования Союза ССР порядковая нумерация всесоюзных шахматных съездов и турниров была принята с учетом исторической преемственности, т. е. „сразу“ с третьего номера.

398. В 1926 году был издан турнирный сборник.

399. В 1933 году был выпущен турнирный сборник „VII Всесоюзный шахматный турнир“, под общей редакцией М. М. Ботвинника, С. О. Вайнштейна и В. И. Ненарокова. В нем помещены все партии финала и 90 избранных партий предварительных групп.

400. Ленинградскому первенству 1932 года посвящен специальный турнирный сборник.

401. VIII Всесоюзному первенству посвящен сборник под редакцией и с теоретической статьей И. Л. Рабиновича, содержащий 46 избранных партий этого турнира.

402. О матче см. книжку М. М. Ботвинника. Матч Флор—Ботвинник. Л. 1934.

403. Турнир мастеров с участием Эйве и Кмоха. Составители С. О. Вайнштейн и И. П. Голубев. 1934 г. Кроме того, под общей редакцией П. А. Романовского был выпущен турнирный сборник, с теоретической статьей Лилиенталя и Эйве.

404. См. турнирный сборник Г. Я. Левенфиш. IX Всесоюзное первенство. Сборник партий 1934 г. Л. 1937.

405. См. турнирный сборник „Второй международный шахматный турнир. Москва, 1935“. М.—Л., 1936. Кроме того, к турниру была выпущена специальная брошюра, составленная С. О. Вайнштейном и Я. Г. Рохлиным с краткими сведениями об участниках.

406. См. турнирный сборник „III международный шахматный турнир. Москва, 1936“, под редакцией Г. Я. Левенфиша, Огиз — Физкультура и Туризм, 1937.

407. В Армении выпущен сборник партий матча с комментариями Каспаряна и Чеховера.

408. К. Я. Грот в своей работе „Пушкинский лицей (бумаги 1-го курса)“ приводит написанные, по его мнению, в 1813—1815 гг. „Национальные песни“, в которых мы встречаем все названия шахматных фигур. Приводим для примера одну строфу:

Пусть кто хочет отличайся
И пажом представляйся,
А я Ферзь себе ищу.
Где Ферзь? Ах, когда ее сыщу?

409. О Литте и его „шахматных вечерах“ см. стр. 78.

410. „Пушкин и его современники“, вып. XIII, СПБ, 1910, стр. 123. Пушкин, очевидно, подписался на весь год, так как по счету им было уплачено 30 рублей.

411. „Русская Старина“, 1888 г., октябрь, стр. 91—92.

412. Дневник А. Н. Вульфа, П. 1915, стр. 36.

413. Было бы ошибкой расценивать это свободное словоупотребление, как показатель слабого знакомства с игрой. Дело в том, что в начале XIX века еще не было устоявшейся шахматной терминологии. В литературе того времени одновременное нападение на короля и какую-либо другую фигуру обозначалось, например, специальным термином росшах.

414. Дневник А. Н. Вульфа, стр. 52.

415. Из письма П. П. Перцова к А. Новикову от 25 февраля 1928 г. „64“ ,1828 г., № 12.

416. „Пушкин и его современники“, вып. XIX—XX, стр. 106.

417. Сочинения Пушкина. Переписка, т. II, СПБ, 1909, стр. 395.

418. Л. Павлищев. Кончина А. С. Пушкина. СПБ, 1890, стр. 41—42.

419. Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М. 1913, стр. 28.

420. С. Потоцкий. Инзов, Иван Никитич. Бендеры, 1904, стр. 17—18. Отметим еще одного знакомого Пушкина по Кишиневу, генерала Д. Н. Бологовского, о котором в мемуарной литературе имеются сведения, как о шахматисте (см. Летописи госуд. литературного музея. Кн. первая. Пушкин. М. 1936, стр. 552).

421. О Шиллинге см. стр. 78.

422. „Русский Архив“, 1882 г., кн. I, стр. 247.

423. Записки А. О. Смирновой, ч. II. СПБ, 1897, стр. 78—79.

424. Трудно сказать, имеется ли здесь в виду другая партия, или же в „Записках“ Смирновой не вполне точно используется приведенное выше свидетельство брата Смирновой, А. О. Россета, который говорит, что в шахматы Пушкин играл с князем Мещерским. Дело в том, что „Записки“ А. О. Смирновой являются в сущности литературной работой ее дочери, О. Н. Смирновой, и поэтому пользоваться ими нужно с большой осторожностью.

425. М. С. Коган. „А. С. Пушкин“. „Шахматы в СССР“, 1936 г., № 12.

426. „64“, 1928 г., № 20.

427. Шумовым были составлены еще 3 партии, „игранные“ между Ленским и Ольгою, а также задача под названием „Памятник Ленскому“.

428. А. С. Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. III, стр. 492, № 742. В одном стихотворении Пушкина: „Зима. Что делать нам в деревне?“ (2 ноября 1829 года) — встречается упоминание о шашках

> Но если под вечер в печальное селенье,
> Когда за шашками сижу я в уголке,
> Приедет издали в кибитке иль возке
> Нежданная семья...

О шашках говорится также в „Арапе Петра Великого“ (гл. III) Петр на ассамблее играет в шашки с английским шкипером.

429. У Е. А. Карлгоф был литературный и артистический салон. Она оставила воспоминания, напечатанные в журнале „Русский Вестник“, 1881—1884 гг.

430. „Литературное наследство“, № 19—21, 1937 г., стр. 505.

431. Е. Сушкова. Записки. Лгр. 1928, стр. 363.

432. Б. Эйхенбаум. Маршрут в бессмертие. М. 1933, стр. 44—45.

433. Л. А. Мей. Полное собрание сочинений. М. 1889, т. I, стр. VII.

434. Там же, стр. XXXIII—XXXIV.

435. Недаром в одном сатирическом стихотворении, быгописующем литературную Россию того времени, бедному Мею уделена был

строка: „Нередко у Мея пивал я коньяк“ (Эпиграмма и сатира, т. II, сост. А. Островский, Лгр., 1932, стр. 418).

436. Имеется в виду учебник Альгайера: Neue theoretisch-prakt. Anweisung zum Schachspiel и руководство Петрова, неоднократно нами упоминавшееся.

437. „Вестник Европы“, 1894 г., № 2, стр. 476.

438. Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПБ, 1884, стр. 9.

439. И. С. Тургенев. Письма к М. Н. Толстой. „Звенья“, № 1. Academia“. М.—Л. 1932, стр. 287.

440. Полное собрание сочинений графа А. К. Толстого, т. IV. СПБ, 1908, стр. 279. О Толстом как шахматисте см. еще там же, стр. 73 и 267.

441. Из дневников Я. П. Полонского. „Голос Минувшего“, 1919 г. № 1—4, стр. 104. В „Русских Пропилеях“ (Материалы по истории русской мысли и литературы, т. IV, М. 1917, стр. 141), указывается, что Тургенев в этот день давал у себя обед, на котором в числе гостей был Л. Н. Толстой.

442. Первое собрание писем И. С. Тургенева, стр. 18.

443. А. Фет. Мои воспоминания, ч. I. М. 1891, стр. 251. И. П. Борисов — впоследствии друг Тургенева — был весьма большим любителем шахмат. 1 июня 1860 г. Тургенев писал Фету: „Это хорошо, что вы поступили в благородный цех шахматистов; лучшего учителя, чем Иван Петрович (Борисов — *М. К.*) вам не найти“ (А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, стр. 329). Позже Тургенев из Парижа писал и самому Борисову: „С истинным удовольствием я мечтаю о том, как мы сразимся в шахматы с вами на вашей террасе, в присутствии Пети (сын И. П. Борисова), который уже верно знает ходы и которому прошу кланяться от моего имени“ („Щукинский сборник“, т. VIII, 1909, стр. 366; декабрь—январь 1865 г.). Через 2 года тому же Борисову Тургенев писал из Баден-Бадена: „Вот, бог даст, дотянем до весны — тогда еще пожуируем: я с собой и новое ружье (сзади заряжающееся) привезу на вальдшнепов — и покажу вам. И в шахматы сразимся, хотя я и в этом отношении слаб стал“ („Щукинский сборник, т. VIII, стр. 386). Фет, которого Тургенев приветствовал со вступлением в „благородный цех шахматистов“, рассказывал о себе: „Что касается до меня, то я никогда не мог себя принудить обдумывать весь ход этой игры, которой правила мне известны“ (А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, стр. 245). Стоит отметить, что и жена Фета умела играть в шахматы. Так, на вопрос гувернера, нанятого для сына Борисова: „Для кого собственно я здесь?“ — последовал ответ жены Фета: „Для меня, так как без вас мне не с кем играть в шахматы и домино“.

444. И. С. Тургенев. Письма к М. Н. Толстой. „Звенья“, I. „Academia“ М.—Л. 1932, стр. 293.

445. Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915, стр. 90. Н. Н. Толстой по поводу отъезда Тургенева из Содена писал 15 июля 1860 г. А. Фету: „А очень стало мне без него пусто в Содене, не говоря уже о том, что шахматный клуб расстроился“ (А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, стр. 333). К этому же времени относится и другое письмо Н. Н. Толстого к А. Фету: „Мы (это относится к милейшему Ивану Петровичу) поигрываем в шахматы, но как-то нейдет: он думает о своей немочке, а я о своем выздоровлении“ (А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, стр. 332). Тот же Фет указывает, что „Ник. Толстой и Борисов оба были шахматными игроками; и, бывало, как сцепятся, то их и водой не разольешь“ (стр. 244). Н. Н. Толстой играл также со своим знаменитым братом (см. стр. 327).

446. Из переписки И. С. Тургенева с В. Я. Карташевской. „Голос Минувшего", 1919 г., № 1—4, стр. 215. То же самое подтверждает Н. Щербань („Тридцать два письма". „Русский Вестник", 1890 г., июль, стр. 10): „Все свои дни проводил Иван Сергеевич у Виардо; перед обедом наведывался в Café de la Régence к шахматной доске, на которой считался одним из европейских бойцов".

447. Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт, стр. 144.

448. „Голос Минувшего", 1919 г., № 1—4, стр. 215.

449. „Заветы", 1913 г., № 2, стр. 99 (вторая нумерация). „Русское Слово" — журнал, в котором в качестве приложения печатался „Шахматный Листок".

450. „Nouvelle Régence", 1863 г., стр. 40.

451. Там же, 1861 г., стр. 94.

452. Мачуский редактировал (совместно с Журну) в 1864-65 г. журнал „Palamède", а в 1873 г. — „Pion".

453. Партия, выигранная Тургеневым, помещена во французском журнале „Nouvelle Régence" (1861 г., стр. 275), а также в „Шахматном Листке" (1862 г., стр. 39).

454. Центрархив. Документы по истории литературы и общественности, выпуск второй, И. С. Тургенев. М.—П. 1923, стр. 31.

455. „Шахматный Листок", 1862 г., стр. 109.

456. „Всемирная Иллюстрация", 1879 г., № 542.

457. П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II, изд. 3-е. М.—Л. 1923, стр. 128.

458. Ivan Tourgueneff. Lettres à madame Viardo, publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky. Paris, стр. 247. Письмо от 27/II 1871 г.

459. Я. П. Полонский. „И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину". „Нива", 1884 г., № 5, стр. 116.

460. А. Мазон. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.—Л., 1931, стр. 152, 167.

461. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия вторая. Дневники, т. 46. М.—Л. 1934, стр. 29. Фамилия шахматной партнерши Толстого точно установить не удается. Возможно, что это Е. М. Молоствова, с семьей которой Толстой был близко знаком в Казани.

462. Там же, стр. 251 и сл.

463. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия третья Письма, т. 59. М. 1935, стр. 177.

464. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 97, 99, 100, 101, 105.

465. Из неизданной рукописи С. А. Толстой: „Материалы к биографии Л. Н. Толстого и сведения о семействе Толстых и преимущественно гр. Льва Николаевича Толстого". Рукопись хранится в Толстовской комнате Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве.

466. Илья Толстой. Мои воспоминания. М. 1914, стр. 50.

467. „Русский Архив", 1903 г., т. III, стр. 480.

468. „Всемирная Иллюстрация", 1879 г., № 538, стр. 359. Одну партию выиграл Шумов, вторая осталась незаконченной, вследствие отъезда Шумова. Обе партии были напечатаны в английском журнале „Chess Player's Chronicle" (1852 г., т. XIII, стр. 243—247) и одна партия была напечатана в немецком журнале „Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft" (1852 г., стр. 347). (В шахматной литературе 60—70-х годов иногда встречается еще имя П. И. Киреевского, как составителя задач.) Увлечение Киреевского шахматами вызвало, между

прочим, фанатический гнев иеромонаха Макария, с которым он был знаком и находился в переписке. Приведем в связи с этим весьма забавное „покаянное“ письмо заблудшей славянофильской овцы своему суровому пастырю: „Сознаюсь, что занятия мои шахматной игрой действительно дошли до излишества и до некоторой страстности. Подле меня постоянно стояла маленькая дощечка с расставленными шашками, которая постоянно оттягивала мои мысли от других занятий к себе. Сначала я поставил ее для того, чтобы только в минуты, свободные от других занятий, разбирать на ней замысловатые ходы, а потом ее всегдашнее присутствие перед глазами мало-по-малу отвлекало меня от других важнейших занятий. Я уже и сам начинал чувствовать это излишество и признаюсь вам, что накануне получения вашего письма довольно усердно молился богу, чтобы он дал мне силу избавиться от этой страстности. Однако же до вашего письма силы в себе не находил. Получивши письмо ваше, я убрал свою дощечку с шашками в шкаф. Кроме того, я положил себе на две недели совсем не играть даже с игроками, которые будут приезжать ко мне, и по истечении этого срока играть с умеренностью и дощечки подле себя уже не ставить. Но к удивлению моему я замечаю, что это решение действует на меня почти так же решительно, как самый строгий пост“ („Русский Архив“, 1912 г., № 4, стр. 595). Письмо Киреевского к иеромонаху Макарию относится к концу 1854 г., т. е. написано незадолго до того времени, как Толстой с письмом Урусова приехал к Киреевскому.

469. „Schachzeitung“, 1849 г., стр. 385.

470. Из дневников Я. П. Полонского. „Голос Минувшего“, 1919 г., № 1—4, стр. 104; Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия вторая. Дневники, т. 47. М. 1937, стр. 65, 98, 160. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.—Л. 1936, стр. 59.

471. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 117.

472. А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. т. I—II. М. 1922—1923. Наиболее интересные сообщения Гольденвейзера (а также других современников) о Толстом, как шахматисте, см. у М. С. Когана, Шахматы в жизни русских писателей. Л.—М. 1933.

473. „64“, 1926 г., № 21.

474. П. Сергеенко. „У полюса“ (Из поездки в Ясную Поляну)' „Русское Слово“, 1909 г., № 224.

475. Гольденвейзер. т. II. стр. 71.

476. Там же, стр. 73.

477. Там же, стр. 159.

478. Его же, т. I, стр. 297.

479. Г. Градовский. Поездка в Ясную Поляну (Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского). П. 1916, стр. 179.

480. Лев Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова. М. 1929, стр. 41.

481. П. Сергеенко. „У полюса“ (Из поездки в Ясную Поляну)“. „Русское Слово“, 1909 г., № 224.

482. Н. Б. Северова. Интимные страницы. СПБ, 1910, стр. 83.

483. Гольденвейзер, т. I, стр. 233.

484. Его же, т. II, стр. 41.

485. Там же, стр. 220.

486. Илья Накашидзе. „Три письма Толстого“. „Русская Мысль“, 1913 г., № 3, стр. 140.

487. Гольденвейзер, т. II, стр. 132.

488. Его же, т. I, стр. 149.
489. М. С. Коган. Шахматы в жизни русских писателей, стр. 43.
490. „День Льва Толстого". Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М.—Л. 1928, стр. 259.
491. Гольденвейзер, т. I, стр. 254.
492. Записки И. Д. Якушкина. Изд. 7-е, М. 1926, стр. 13—14.
493. А. П. Беляев. „Воспоминания о пережитом и передуманном с 1803 г.". „Русская Старина", 1881 г., № 1, стр. 3—4.
494. Записки Н. В. Басаргина. П. 1915, стр. 82.
495. Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М. 1888, стр. 106.
496. „Русская Старина", 1881 г., № 3, стр. 503.
497. „Воспоминания о Грибоедове." „Древняя и Новая Россия," 1879 г., № 4, стр. 316. Упомянем, кстати, что в приведенной цитате мы получаем косвенные доказательства умению играть в шахматы знаменитого автора „Горя от ума". Укажем также, что в одном из писем к П. А. Катенину (январь 1825 года) Грибоедов называл Софью ферзем: „Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича" (Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под ред. Арс. И. Введенского. Изд. А. Ф. Маркса. СПБ, 1892, стр. 317).
498. Общественное движение в России при Александре I. Воспоминания Е. П. Оболенского, стр. 266.
499. А. Е. Розен. Записки декабриста. СПБ, 1907, стр. 149.
500. „Русская Старина", 1881 г., № 4, стр. 805. См. также Записки декабриста Д. И. Завалишина, 2-е изд., стр. 274.
501. „Русская Старина", 1886 г., № 4, стр. 810 и 815.
502. Записки И. Д. Якушкина, стр. 128.
503. А. Е. Розен, Записки декабриста, стр. 162.
504. „Русская Старина", 1881 г., № 4, стр. 818.
505. Декабристы. Новые материалы и статьи. М. 1925, стр. 137.
506. Басня напечатана в „Записках декабриста Н. И. Лорера". М. 1931.
507. Воспоминания Т. П. Пассек, т. I, СПБ, 1905, стр. 191.
508. Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминания. М. 1903, стр. 25.
509. А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I, стр. 173.
510. „Из переписки недавних деятелей". „Русская Мысль", 1889 г., № 1, стр. 1. Биограф Бакунина А. А. Корнилов следующим образом „комментирует" цитированное нами в тексте место: „Это было так мало похоже на прежние привычки Мишеля, что могло свидетельствовать, конечно, лишь о „разорванном настроении", в котором находился его дух. Игра в шахматы вместо бесед и проповедей — это для Мишеля все равно, что запой или кутежи с отчаяния для другого" (Молодые годы Михаила Бакунина. М. 1915, стр. 617).
511. А. Н. Пыпин, впоследствии академик, до конца своей жизни любил шахматы. Его частым партнером был крупнейший русский философ-идеалист Вл. Соловьев; фотография, изображающая их за игрой в шахматы, воспроизведена в журнале „Шахматы" (1928 г. № 10) с пояснительной заметкой П. Витязева. Подлинник фотографии хранится в ИНЛИ (б. Пушкинский дом) в Ленинграде.
512. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. М.—Л. 1929, т. II. стр. 10.
513. См. записи в дневнике Чернышевского (Литературное наследие, т. I) с декабря 1848 г. по февраль 1849 г.
514. Литературное наследие, т. I. М—Л. 1928, стр. 352.
515. Там же, стр. 381.
516. Автобиография Николая Ивановича Костомарова. „Русская

Мысль", 1885 г., кн. VI, стр. 24. Это свидетельство Костомарова подтверждается и записью в дневнике Чернышевского (см. Литературное наследие, т. I, стр. 548).

517. Н. Г. Чернышевский. По поводу „Автобиографии" Н. И. Костомарова. Литературное наследие, т. III, стр. 525.

518. „Книга и Революция", 1922 г., № 6 (181), стр. 14.

519. А. Шилов. „Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (1861—1862 гг.)". „Красный Архив", 1926 г., т. 14, стр. 107.

520. Там же, стр. 111.

521. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПБ, 1905, стр. 224.

522. Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. М.—Л. 1933, стр. 217.

523. В. А. Пыпин. Любовь в жизни Чернышевского. П. 1923, стр. 115.

524. Д. Т. Буцинский, умер в Шлиссельбургской крепости в 1891 г. М. П. Шебалин, народоволец, 12 лет просидел в Шлиссельбурге; (с 1884 г.); после революции заведывал музеем им. П. А. Крапоткина в Москве.

525. Все получаемые от тюремного начальства журналы заключенные по своему доброму желанию возвращали в переплетах или сброшюрованными (примечание М. Ю. Ашенбреннера).

526. М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация Народной Воли и другие воспоминания (1860—1905). М. 1924, стр. 129.

527. „Жизнь в Шлиссельбургской крепости". СПБ, 1906, стр. 46.

528. Здесь нами частично использовано письмо покойного народовольца А. В. Прибылева, к которому автор обратился с просьбой поделиться воспоминаниями о шахматах на Каре.

529. „Изучать классиков шахматного искусства" (беседа с тов. Ф. Я. Коном). „64" (шахматно-шашечная газета), 1936 г., № 8. О шахматах на каторге среди поляков, отправленных в Сибирь после подавления польского восстания в 1863 г., см. воспоминания В. Л. Баратынского („Русская Старина", 1886 г., т. 51, стр. 591; т. 52, стр. 186, 194, 206 и 207).

530. М. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов. 1831—1886. М.—Л., стр. 67.

531. А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М. 1930, стр. 15. Об Александре Ильиче, как шахматиста, см. Д. И. Ульянов „Как Ленин играл в шахматы". „Прожектор", 1926 г., № 3, стр. 19; В. И. Веретенников. „Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине". „Красная Новь", 1938 г., № 5, стр. 156.

532. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М.—Л. 1931, стр. 34.

533. Д. И. Ульянов. „Как Ленин играл в шахматы". „Прожектор", 1926 г., № 3, стр. 19. См. также Д. И. и М. И. Ульяновы. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М. 1934, стр. 35; В. И. Веретенников. „Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине". „Красная Новь", 1938 г., № 5, стр. 150.

534. М. Т. Елизаров, муж А. И. Ульяновой, старый большевик, впоследствии народный комиссар путей сообщения; умер в 1922 г. О Ленине в Казани см. статью В. И. Веретенникова („Красная Новь", 1938 г., № 5, стр. 158).

535. В. И. Ленин. Письма к родным. 1931, стр. 105.

536. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 34.

537. В. И. Ленин, Письма к родным, стр. 170.

538. В. В. Старков, старый большевик, инженер-технолог, после революции работал в советском торгпредстве в Германии; умер в 1925 г.

539. П. Н. Лепешинский. На повороте. П. 1920, стр. 91.

540. М. А. Сильвин. „К биографии В. И. Ленина". „Пролетарская Революция", 1924 г., № 7 (30), стр. 77—78. Не глядя на доску Ленин умел играть еще будучи студентом: „Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы не глядя на доску. Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет со мною играть, не смотря на шахматы. Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными „шпильками", авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах. Вообще же Владимир Ильич не любил играть не глядя, и в дальнейшем я уже не помню таких партий" (Дм. Ульянов. „Как Ленин играл в шахматы". „Прожектор", 1926 г., № 3, стр. 20). Действительно, Ленин очень редко играл „в слепую". См. также А. Кучина. „Ильич в Сибири". „Красная сибирячка", 1924 г., № 1, стр. 25—26 и А. Киржниц. Ленин в ссылке. Л. 1924, стр. 21.

541. В конце января и в начале февраля 1899 года Ласкер гастролировал в Москве. В течение этого времени Ласкером было сыграно в сеансах одновременной игры и против консультантов всего 133 партии, с результатом + 102—9 = 19 (три партии остались незаконченными). В одном из сеансов участвовал и М. Т. Елизаров. Между прочим, в аналитической статье С. Н. Цемша „К защите двух коней" автор ссылается на партию Елизарова против Ласкера, о которой идет речь в письме (см. „Шахматное Обозрение", 1902 г. стр. 1).

542. В. И. Ленин. Письма к родным, стр. 191.

543. В. И. Ленин. Письма к родным, стр. 201. Марк—М. Т. Елизаров; он выиграл партию в сеансе одновременной игры у Чигорина во время гастролей последнего в Москве, в марте 1899 года. Сеанс окончился с результатом +20 —8 =2.

544. „Шахматный столик семьи Ульяновых". „64" от 20 января 1937 г.

545. В. И. Ленин. Письма к родным, стр. 360.

546. Там же, стр. 361. Двухходовка Д. И. Ульянова была напечатана в литературном приложении к „Ниве" за 1909 г., № 3.

547. Онуфриев—рабочий-большевик Обуховского завода, делегированный на Пражскую конференцию.

548. М. Розанов. Обуховцы. Леноблиздат, 1938, стр 257—258.

549. А. Буцевич. „Из воспоминаний о Владимире Ильиче". „О Ленине". Сборник воспоминаний, I, стр. 91.

550. А. Ильин-Женевский. „Один день с Лениным" (из воспоминаний „витмеровца"). „Об Ильиче". Сборник, изд. 2-е, Л. 1926, стр. 101—103.

551. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 34.

552. П. Лепешинский. Вокруг Ильича. 1926, стр. 201—202.

553. Там же, стр. 30.

554. Ленинский сборник, т. XXVI, Партиздат 1934 г., стр. 336. Статья Луначарского была опубликована в большевистской газете „Вперед", издававшейся в Женеве (№ 10 от 15/2 марта 1905 г.), заглавие статьи—„Банкротство полицейского режима".

555. Вл. Маяковский. Поэма „Владимир Ильич Ленин". Строки 259—279.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 5 р. 25 к. Переплет 1 р. 25 к.

Редактор М. М. Ботвинник. Технический редактор М. С. Коган. Корректор М. Г. Митрофанов. Переплет работы художника Ю. Д. Скалдина. Сдано в набор 29/X-37 г. Подписано к печати 16/IX-38 г. Формат бумаги 84×108. Учетно-авторских листов 22,94. Печатных листов 24$^{1}/_{2}$. Тип. знаков в печ. листе 35.000 Тираж 5000 экз. ФиС № 1158—Ш. Леноблгорлит № 4004. Заказ. № 9148.

Типография „Ленинградская Правда".
Ленинград, Социалистическая, 14.

6р. 50к.